www.vestnik.keu.kz

№ 3 (82) 2026

ISSN 1998-7862

DOI: https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.55.23.001

ҚЭУ ЖАРШЫСЫ: ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ПЕДАГОГИКА, ЮРИСПРУДЕНЦИЯ ЖУРНАЛЫ

ЖУРНАЛ ВЕСТНИК КЭУ: ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ПЕДАГОГИКА, ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

JOURNAL BULLETIN OF KEU: ECONOMY, PHILOSOPHY, PEDAGOGICS, JURISPRUDENCE

Қарағанды 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аймагамбетов Е.Б. [Yerkara Aimagambetov], доктор экономических наук, профессор, [экономика], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан), председатель;

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Сихимбаев М.Р. [Sikhimbayev Muratbay], доктор экономических наук, профессор, [экономика], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан);

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мануэль Фернандез-Грела [Manuel Fernandez-Grela], доктор PhD, [экономика], Университет Сантьяго де Компостела (Испания)

Владимиров Желю [Zhelyu Vladimirov], PhD, [экономика], профессор факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского университета им. К. Охридского (Болгария)

Раб Навaз Лодхи [Rab Nawaz Lodhi], доктор PhD [менеджмент], ассоциированный профессор, Университет Пенджаба (Пакистан)

Абрамов Р.А. [Ruslan Abramov], доктор экономических наук, профессор, [экономика], заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Россия)

Алимбаев А.А. [Abilda Alimbaev], доктор экономических наук, профессор, [экономика], НИИ регионального развития (Казахстан)

Азаров В.А. [Vladimir Azarov], доктор юридических наук, профессор, [юриспруденция], Омское региональное отделение Российской академии юридических наук (Россия)

Бакишев К.А. [Kairat Bakishev], доктор юридических наук, профессор, [юриспруденция], НИИ Экономических и правовых исследований Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

Байтенова Н.Ж. [Nagima Baitenova], доктор философских наук, профессор, [философия], Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан)

Волчецкая Т.С. [Tatiana Volchetskaya], доктор юридических наук, профессор, [юриспруденция], Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Россия)

Жанакова Н.Н. [Nazigul Zhanakova], кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, [экономика], старший эксперт центра экономических исследований и прогнозирования АО «Институт экономических исследований» (Казахстан)

Жартай Ж.М. [Zhanibek Zhartay], доктор философии PhD, [экономика], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

Игнатюк А.И. [Anzhela Ignatyuk], доктор экономических наук, профессор, [экономика], профессор кафедры экономической теории, макро- и микроэкономики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина)

Минжанов Н.А. [Nurlan Minzhanov], доктор педагогических наук, профессор, [педагогика], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

Накипова Г.Н. [Nakipova Gulmira], доктор экономических наук, профессор, [экономика], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

Панзабекова А.Ж. [Aksana Panzabekova], кандидат экономических наук, доцент, [экономика], главный научный сотрудник Института экономики КН МОН РК (Казахстан)

Сихимбаева Д.Р. [Dinara Sikhimbayeva], доктор экономических наук, профессор, [экономика], главный научный сотрудник НИИ Экономических и правовых исследований, Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

Старожук Е.А. [Yevgenij Starozhuk], кандидат экономических наук, доцент, [экономика], проректор по экономике и инновациям, МГТУ им. Н. Э. Баумана (Россия)

Татарян В.Г. [Vladlen Tataryan], доктор юридических наук, профессор, [юриспруденция], Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия)

Тургель И.Д. [Irina Turgel], профессор, доктор экономических наук, [экономика], директор (начальник) подразделения, Школа экономики и менеджмента, заведующий кафедрой теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления (Россия)

Ханов Т.А. [Talgat Khanov], доктор юридических наук, доцент, [юриспруденция], Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан)

ҚЭУ Жаршысы | **Вестник КЭУ** | **Bulletin of KEU**
Ғылыми басылым | **Научное издание** | **Scientific publication**

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры и информации Республики Казахстан.
Свидетельство № 3672-Ж от 11 марта 2003 года.
Подписной индекс: 74106
Учредитель: Карагандинский университет Казпотребсоюза. Год основания журнала – 2003.
Периодичность издания – 4 номера в год.

Языки публикаций: казахский, русский, английский.

Ответственность за аутентичность и точность приводимых в статьях цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства о защите интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

© Карагандинский университет Казпотребсоюза, 2026

МАЗМҰНЫ

ЭКОНОМИКА

Светлана БАРАНОВА 7
Қазақстан мен Ресей халқының нақты табыстары: әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктің себептері мен тетіктері

Багдат БИТЕНОВА 20
Қазақстандағы экономикалық өсуге АКТ-ға инвестициялардың әсері

Зияда БОРБАСОВА, Светлана ГЛАЗУНОВА, Сайран УЛАКОВ, Айнур ТЫНГИШЕВА 30
Қазақстандағы технологиялар трансферті: «университет-бизнес-үкімет» триадасындағы институционалдық және экономикалық алшақтықтар

Нуржан КЕНЖЕБЕКОВ, Гульмира НАКИПОВА 38
Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктік сараланuын бағалау

Елена ЛИДИНФА 48
Қазақстан Республикасы мен Ресейдегі тұрақты макроэкономикалық өсудің негізі ретінде жасыл экономиканың стратегиялық басымдықтары

Евгений СТАРОЖУК, Рахымбай МЫНЖАСАРОВ 62
Нақты сектор салаларының инновациялық инфрақұрылымы: функционалдық модель және даму басымдықтары

ПЕДАГОГИКА

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА, Димитрий ГЕТМАНОВ, Вадим НАСОНОВ 73
Мектеп жасындағы балалардың дене тәрбиесіндегі ашық ойындар: негізгі ұғымдар, түрлері

Ләйлә СЫРЫМБЕТОВА, Герман КОХ, Арсен ОРДАБАЕВ 80
Мектеп оқушыларының жоғары спорттық жетістіктерге мотивациясын қалыптастырудың теориялық аспектілері

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА, Александр СЕРГУШКИН, Анастасия ОБУХОВА 86
Спорттық ұйымдардағы персоналды басқару: проблемалар, құзыреттер және тиімділік факторлары

ҚҰҚЫҚТАНУ

Жандос ЖОЛЖАҚСЫНОВ 96
Кәмелетке толмағандар қылмыстылығының алдын алудағы халықаралық тәжірибе: Қазақстан Республикасы үшін салыстырмалы-құқықтық бағдарлар

Нұртай ИМАНҒАЛИЕВ 111
Қазақстандағы қылмыстық іс жүргізудегі сотқа дейінгі тексеру мен сотқа дейінгі тергеп-тексеру: қылмыстық қудалаудың тиімділігі мен жеке тұлға құқықтарының кепілдіктері арасындағы тепе-теңдік

Жазира ИСКАКОВА 118
Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтының қазіргі жағдайы және оны жетілдіру мәселелері

Жанатбек ҚАНАТБЕКҰЛЫ 125
Есірткі қылмыстылығының тетігіндегі жасанды интеллект: Қазақстан Республикасында анықтау, дәлелдеу және қылмыстық-процестік верификация мәселелері

Адель САДВАКАСОВА, Азат ТҰРАПБАЕВ 143
Құтқару мен дәлелдеу арасында: анықталған және алып қойылған жабайы жануарлармен жұмыс істеудің құқықтық алгоритмі Қазақстан Республикасында браконьерлікке қарсы іс-қимыл элементі ретінде

***Татьяна ВОЛЧЕЦКАЯ*, Сергей КАДАЦКИЙ** 159
Дипфейктер мен синтетикалық контент қылмыстық құқық бұзушылықтарды жасау және жасыру құралы ретінде

АВТОРЛАРҒА АҚПАРАТ 172

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Светлана БАРАНОВА 7
Реальные доходы населения Казахстана и России: причины и механизмы социально-экономического неравенства

Багдат БИТЕНОВА 20
Влияние инвестиций в ИКТ на экономический рост в Казахстане

Зияда БОРБАСОВА, Светлана ГЛАЗУНОВА, Сайран УЛАКОВ, Айнур ТЫНГИШЕВА 30
Трансфер технологий в Казахстане: институциональные и экономические разрывы триады «вуз-бизнес-государство»

Нуржан КЕНЖЕБЕКОВ, Гульмира НАКИПОВА 38
Оценка пространственной дифференциации сельских территорий Казахстана

Елена ЛИДИНФА 48
Стратегические приоритеты зеленой экономики как основа устойчивого макроэкономического роста в Республике Казахстан и России

Евгений СТАРОЖУК, Рахымбай МЫНЖАСАРОВ 62
Инновационная инфраструктура отраслей реального сектора: функциональная модель и приоритеты развития

ПЕДАГОГИКА

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА, Димитрий ГЕТМАНОВ, Вадим НАСОНОВ 73
Подвижные игры в физическом воспитании детей школьного возраста: основные понятия, виды

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА, Герман КОХ, Арсен ОРДАБАЕВ 80
Теоретические аспекты формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА, Александр СЕРГУШКИН, Анастасия ОБУХОВА 86
Управление персоналом в спортивных организациях: проблемы, компетенции и факторы эффективности

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Жандос ЖОЛЖАКСЫНОВ 96
Международный опыт предупреждения преступности несовершеннолетних: сравнительно-правовые ориентиры для Республики Казахстан

Нуртай ИМАНГАЛИЕВ 111
Доследственная проверка и досудебное расследование в Казахстане: баланс между эффективностью уголовного преследования и гарантиями прав личности

Жазира ИСКАКОВА 118
Современное состояние института административной ответственности в Республике Казахстан и проблемы его совершенствования

Жанатбек ҚАНАТБЕКҰЛЫ 125
Искусственный интеллект в механизме наркопреступности: проблемы выявления, доказывания и уголовно-процессуальной верификации в Республике Казахстан

Адель САДВАКАСОВА, Азат ТҰРАПБАЕВ 143
Между спасением и доказыванием: правовой алгоритм обращения с обнаруженными и изъятыми дикими животными как элемент противодействия браконьерству в Республике Казахстан

***Татьяна ВОЛЧЕЦКАЯ*, Сергей КАДАЦКИЙ** 159
Дипфейки и синтетический контент как средство совершения и сокрытия уголовных правонарушений

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 174

CONTENTS

ECONOMY

Svetlana BARANOVA 7
Real incomes of the population of Kazakhstan and Russia: causes and mechanisms of socio-economic inequality

Bagdat BITENOVA 20
The impact of ICT investment on economic growth in Kazakhstan

Ziyada BORBASOVA, Svetlana GLAZUNOVA, Sayran ULAKOV, Ainur TYNGISHEVA 30
Technology transfer in Kazakhstan: institutional and economic gaps in the "university-business-government" triad

Nurzhan KENZHEBEKOV, Gulmira NAKIPOVA 38
Assessment of the spatial differentiation of rural areas in Kazakhstan

Yelena LIDINFA 48
Strategic priorities of the green economy as a basis for sustainable macroeconomic growth in Kazakhstan and Russia

Yevgenij STAROZHUK, Rakhymbai MYNZHASAROV 62
Innovation infrastructure of real-sector industries: a functional model and development priorities

PEDAGOGICS

Lyailya SYRYMBETOVA, Dimitri GETMANOV, Vadim NASONOV 73
Outdoor games in physical education of school-age children: basic concepts, types

Lyailya SYRYMBETOVA, German KOKH, Arsen ORDABAEV 80
Theoretical aspects of forming schoolchildren's motivation for high sports achievements

Lyailya SYRYMBETOVA, Alexander SERGUSHKIN, Anastasia OBUKHOVA 86
Personnel management in sports organizations: problems, competencies, and performance factors

JURISPRUDENCE

Zhandos ZHOLZHAKSYNOV 96
International experience in juvenile crime prevention: comparative legal benchmarks for the Republic of Kazakhstan

Nurtai IMANGALIEV 111
Pre-investigation review and pre-trial investigation in Kazakhstan: balancing the effectiveness of criminal prosecution and guarantees of individual rights

Zhazyra ISKAKOVA 118
Current state and problems of improving the institution of administrative liability in the Republic of Kazakhstan

Zhanatbek KANATBEKULY 125
Artificial intelligence in the mechanism of drug crime: problems of detection, proof and criminal-procedural verification in the Republic of Kazakhstan

Adel SADVAKASOVA, Azat TURAPBAYEV 143
Between rescue and evidence: a legal protocol for handling found and seized wild animals as an element of anti-poaching policy in the Republic of Kazakhstan

***Tatyana VOLCHETSKAYA*, Sergey KADATSKIY** 159
Deepfakes and synthetic content as means of committing and concealing criminal offenses

INFORMATION FOR AUTHORS 176

ЭКОНОМИКА

ECONOMY

УДК: 330.59:330.564.2
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.001

Светлана БАРАНОВА *- кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Управления, маркетинга и продаж ФГБОУ ВО (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования) «Российский государственный социальный университет», 129226, Российская Федерация, г. Москва, e-mail: science_future@mail.ru*

РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация. В статье исследуются динамика реальных доходов населения Казахстана и России и механизмы воспроизводства социально-экономического неравенства. Цель исследования состоит в выявлении факторов, определяющих расхождение между ростом номинальных доходов и фактической покупательной способностью домашних хозяйств, а также в обосновании направлений политики, способных одновременно поддерживать реальные доходы и снижать их чрезмерную дифференциацию. Информационную основу составили официальные данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан и Росстата, нормативные правовые акты и программные документы двух государств, а также современные исследования ученых Казахстана, России и зарубежных стран. Показано, что динамика реальных доходов не может интерпретироваться через один показатель экономического роста: решающее значение имеют отраслевые и региональные разрывы в оплате труда, структура занятости, инфляционная нагрузка на различные доходные группы, доля социальных трансфертов, налоговая архитектура и доступ домашних хозяйств к производительным рабочим местам. Обоснована авторская четырехуровневая аналитическая рамка формирования неравенства, включающая первичное распределение доходов, инфляционно-ценовой канал, фискально-социальное перераспределение и пространственное воспроизводство различий. Сделан вывод о необходимости смещения акцента с компенсации последствий неравенства к его предупреждению через рост производительности и медианной заработной платы, усиление адресности социальной поддержки, прогрессивность налогообложения высоких доходов и сокращение территориального разрыва в качестве занятости и базовых услуг.

Ключевые слова: реальные доходы, располагаемые доходы, социально-экономическое неравенство, коэффициент Джини, заработная плата, инфляция, бедность, социальные трансферты, прогрессивное налогообложение, Казахстан, Россия.

Светлана БАРАНОВА *- экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, маркетинг және сату кафедрасының доценті, Федералды Мемлекеттік Бюджеттік Жоғары Білім Беру мекемесі «Ресей Мемлекеттік әлеуметтік университеті», 129226, Ресей Федерациясы, Мәскеу қ., e-mail: science_future@mail.ru*

ҚАЗАҚСТАН МЕН РЕСЕЙ ХАЛҚЫНЫҢ НАҚТЫ ТАБЫСТАРЫ: ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТЕҢСІЗДІКТІҢ СЕБЕПТЕРІ МЕН ТЕТІКТЕРІ

Түйін. Мақалада Қазақстан мен Ресей халқының нақты табыстарының серпіні және әлеуметтік-экономикалық теңсіздіктің ұдайы өндірілу тетіктері зерттеледі. Зерттеудің мақсаты номиналды табыстардың өсуі мен үй шаруашылықтарының нақты сатып алу қабілеті арасындағы алшақтықты айқындайтын факторларды анықтау, сондай-ақ нақты табыстарды қолдап, олардың шамадан тыс сарылуын төмендетуге мүмкіндік беретін саясат бағыттарын негіздеу болып табылады. Ақпараттық база ретінде Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының және Росстаттың ресми деректері, екі мемлекеттің нормативтік құқықтық актілері мен бағдарламалық құжаттары, Қазақстан, Ресей және шетел ғалымдарының заманауи зерттеулері пайдаланылды. Нақты табыстардың серпінін тек экономикалық өсім көрсеткішімен түсіндіру жеткіліксіз екені көрсетілді: еңбек ақысының салалық және өңірлік айырмашылықтары, жұмыспен қамту құрылымы, әртүрлі табыс топтарына түсетін инфляциялық жүктеме, әлеуметтік трансферттердің үлесі, салық архитектурасы және өнімді жұмыс орындарына қолжетімділік шешуші рөл атқарады. Теңсіздіктің қалыптасуының төрт деңгейлі авторлық аналитикалық құрылымы ұсынылды: табыстарды бастапқы бөлу, инфляциялық-бағалық арна, фискалдық-әлеуметтік қайта бөлу және кеңістіктік айырмашылықтардың ұдайы өндірілуі. Теңсіздіктің салдарын өтеуден оны алдын алуға, яғни еңбек өнімділігі мен медианалық жалақыны өсіруге, әлеуметтік қолдаудың атаулылығын күшейтуге, жоғары табыстарға салық салудың прогрессивтілігін арттыруға және сапалы жұмыспен қамту мен базалық қызметтерге қолжетімділіктегі аумақтық алшақтықты қысқартуға басымдық беру қажеттігі негізделді.

Түйінді сөздер: нақты табыстар, қолда бар табыс, әлеуметтік-экономикалық теңсіздік, Джини коэффициенті, жалақы, инфляция, кедейлік, әлеуметтік трансферттер, прогрессивті салық салу, Қазақстан, Ресей.

Svetlana BARANOVA *- Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Marketing and Sales, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Social University», 129226, Russian Federation, Moscow, e-mail: science_future@mail.ru*

REAL INCOMES OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA: CAUSES AND MECHANISMS OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY

Abstract. The article examines the dynamics of real household incomes in Kazakhstan and Russia and the mechanisms through which socio-economic inequality is reproduced. The purpose is to identify the factors that explain the divergence between nominal income growth and the effective purchasing power of households and to substantiate policy measures capable of supporting real incomes while limiting excessive differentiation. The evidence base includes official statistics of the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan and Rosstat, regulatory and strategic documents of both countries, and recent scholarship from Kazakhstan, Russia and international research. The study shows that real-income dynamics cannot be inferred from aggregate economic growth alone. Sectoral and regional wage gaps, employment structure, unequal exposure to inflation, the role of social transfers, tax design and access to productive jobs are decisive. An original four-level framework of inequality formation is proposed, combining primary income distribution, the inflation-price channel, fiscal and social redistribution, and spatial reproduction of disparities. The findings support a shift from compensating the consequences of inequality toward preventing its reproduction through productivity and median-wage growth, better targeting of social protection, greater progressivity of taxation at high income levels, and reduction of territorial gaps in access to high-quality employment and basic services.

Keywords: real income, disposable income, socio-economic inequality, Gini coefficient, wages, inflation, poverty, social transfers, progressive taxation, Kazakhstan, Russia.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Баранова С. Реальные доходы населения Казахстана и России: причины и механизмы социально-экономического неравенства // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 7–20.

APA

Baranova, S. (2026). Real incomes of the population of Kazakhstan and Russia: causes and mechanisms of socio-economic inequality [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 7–20.

Введение

Проблема реальных доходов населения приобретает для Казахстана и России принципиально иное содержание, чем простой вопрос о темпах номинального роста заработной платы или среднедушевых денежных поступлений. В условиях устойчивого повышения цен номинальный прирост доходов способен сосуществовать со стагнацией либо снижением покупательной способности. По данным официальной статистики Казахстана, среднедушевые номинальные денежные доходы увеличились с 130 616 тенге в 2021 году до 238 070 тенге в 2025 году, однако индекс реальных денежных доходов последовательно замедлялся и по итогам 2025 года составил 98,9% к предыдущему году [1]. Российская статистика использует близкий, но не полностью тождественный понятийный аппарат, разграничивая реальные денежные и реальные располагаемые денежные доходы, последние определяются с учетом обязательных платежей и изменения потребительских цен [2]. Поэтому содержательное сравнение двух стран должно строиться прежде всего на динамике и механизмах формирования доходов, а не на механическом сопоставлении номинальных сумм в национальных валютах.

Современные казахстанские исследования показывают, что рост средних доходов не устраняет структурные источники их дифференциации. Н. Жанакова, А. Кабиева и А. Карипова связывают устойчивость неравенства с различиями в производительности, отраслевой структуре занятости, региональной специализации и неодинаковой способностью домохозяйств адаптироваться к инфляционным шокам [3]. Российские исследования уровня жизни развивают сходную постановку вопроса: мониторинг Института экономики РАН за 2025 год рассматривает доходы во взаимосвязи с рынком труда, социальными трансфертами, потребительской нагрузкой и изменением качества занятости, то есть выводит анализ за пределы единственного показателя среднего дохода [4]. Для сравнительного исследования такая методологическая общность особенно важна: обе экономики характеризуются значительной территориальной протяженностью, сырьевой составляющей, концентрацией высокодоходных видов деятельности в ограниченном числе регионов и сильной зависимостью благосостояния основной массы населения от оплаты труда.

Теоретическая дискуссия о неравенстве традиционно исходит из того, что связь экономического роста и распределения доходов не является автоматической. С. Кузнец показал историческую изменчивость соотношения роста и неравенства и тем самым поставил вопрос о структурных условиях, при которых развитие сопровождается сначала усилением, а затем возможным снижением дифференциации [5].

Т. Пикетти, анализируя длительную динамику капитала и доходов, продемонстрировал способность накопленного богатства и доходов от собственности воспроизводить концентрацию экономических

возможностей даже при расширении массового благосостояния [6]. Э. Аткинсон перенес акцент с констатации неравенства на институциональный дизайн, подчеркивая роль политики занятости, технологического развития, социального обеспечения и налогообложения [7]. Для Казахстана и России эти положения требуют адаптации: структура собственности, роль государства, региональная неоднородность и масштаб социальных трансфертов делают результат распределения зависимым не только от рынка, но и от качества государственных институтов.

Современная международная литература усиливает необходимость соединения анализа динамики реальных заработков, распределения доходов и институциональных условий. Глобальный доклад Международной организации труда о заработной плате за 2024–2025 годы показывает, что восстановление реальной заработной платы после инфляционных шоков само по себе не устраняет устойчивых различий в распределении заработков [8]. ОЭСР рассматривает неравенство результатов во взаимосвязи с неравенством возможностей, межпоколенческой мобильностью и территориальной доступностью экономических шансов [9]. Всемирный банк в докладе «Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024» связывает shared prosperity с более быстрым и инклюзивным ростом трудовых доходов, созданием более качественных рабочих мест и повышением производительного потенциала бедных и уязвимых групп [10]. Эти подходы задают внешний методологический ориентир для сопоставления Казахстана и России и позволяют оценивать не только среднюю динамику доходов, но и распределение выгод экономического роста.

В казахстанской литературе Жанакова и соавторы выявляют отраслевой, территориальный и поселенческий компоненты неравенства, обращая внимание на низкопроизводительную самозанятость и неодинаковую концентрацию экономической активности [11].

Эконометрическое исследование Ж. Темирбулатовой, С. Кондыбаевой и А. Сагынбаевой на данных 2001-2022 годов показывает сложную, а не линейную зависимость коэффициента Джини от макроэкономических факторов: рост ВВП и миграция в их модели связаны со снижением неравенства, тогда как рост реальных доходов и социальной помощи статистически ассоциируется с его увеличением; инфляция не дала однозначного эффекта [12]. Такой результат не следует интерпретировать как доказательство того, что социальная помощь сама порождает неравенство. Более корректно видеть в нем проявление обратной причинности и структурной неоднородности: трансферты расширяются именно там и тогда, где уязвимость уже высока, а общий рост доходов может распределяться неравномерно. Исмагулова и Масакова также подчеркивают необходимость анализировать социальное неравенство совместно с занятостью, бедностью, налоговыми и инвестиционными механизмами [13].

В российской науке аналогичный поворот от усредненных показателей к структуре благосостояния представлен в работах В.Н. Бобкова, А.А. Гулюгиной и Е.В. Одинцовой. Авторы выделяют риски уровня жизни, возникающие при несоответствии доходов нормативно необходимым потребительским бюджетам, нестабильной занятости и ограниченной способности домохозяйств создавать финансовый резерв [14]. В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова и И.Б. Колмаков предлагают сочетать нормативно-статистические и относительные медианные подходы, поскольку одно лишь сопоставление со средним доходом скрывает внутреннюю неоднородность массовых слоев [15]. С.В. Мареева, исследуя денежные и неденежные измерения российского неравенства, показывает, что положение домохозяйства в доходной иерархии не полностью совпадает с доступом к жизненным возможностям: сходный денежный доход может трансформироваться в различное качество жизни в зависимости от жилья, здоровья, образования, долговой нагрузки и рынка труда [16].

Научная проблема настоящего исследования состоит в том, что статистическая динамика реальных доходов и показатели неравенства часто анализируются раздельно. Между тем для экономической политики важен механизм их совместного формирования: какой рост доходов получают разные группы, как инфляция перераспределяет покупательную способность, насколько налоги и трансферты компенсируют первичное рыночное расслоение, и почему региональная структура экономики закрепляет различия. Цель исследования состоит в выявлении и сравнительном анализе ключевых причин социально-экономического неравенства в Казахстане и России через призму реальных доходов населения.

Для достижения цели решаются задачи по разграничению статистических категорий дохода, оценке роли трудового, инфляционного, фискального и пространственного каналов, анализу действующих нормативных и программных мер и формулированию авторской модели политики, ориентированной не только на снижение бедности, но и на устойчивое

расширение экономических возможностей нижней и средней частей распределения.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан и Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Для Казахстана использованы ряды среднедушевых номинальных и реальных денежных доходов, показатели бедности, структура доходов и расходов домашних хозяйств, статистика средней и медианной заработной платы, а также региональные данные. Для России использованы материалы Росстата по доходам, бедности и распределению доходов. Сопоставление построено с учетом методологического ограничения: казахстанский показатель «реальные денежные доходы» и российский показатель «реальные располагаемые денежные доходы» различаются по составу и порядку учета обязательных платежей. Поэтому уровневые межстрановые сравнения не выполняются; анализируются темпы, структура и институциональные механизмы.

Научная база включает современные исследования Казахстана и России по неравенству, качеству занятости, территориальной дифференциации и социальной политике. Особое значение имеет пространственный аспект. Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронов, сравнивая Россию, Казахстан и другие постсоветские страны, связывают нестабильность межрегионального неравенства в крупных государствах с концентрацией ресурсной и столичной ренты в ограниченном числе территорий [17]. Л.Н. Липатова и В.Н. Градусова показывают, что смягчение межрегиональных различий требует не только трансфертов, но и изменения экономической базы регионов, качества институтов и бюджетной обеспеченности [18]. Эти положения применены к анализу доходов как к результату пространственного распределения производительных рабочих мест, налоговой базы и доступа к инфраструктуре.

Методологически исследование сочетает сравнительный, институциональный, структурный и статистический анализ. Сравнительный метод используется для выявления общих и специфических каналов формирования реальных доходов в Казахстане и России. Институциональный подход применяется к оценке налоговых правил, социальных гарантий и программных целей. Структурный анализ позволяет разделить формирование конечного благосостояния на четыре уровня: первичное распределение рыночных доходов; инфляционно-ценовое изменение их покупательной способности; фискально-социальное перераспределение; пространственное воспроизводство различий. Статистический анализ ориентирован на динамику медианных и средних значений, реальных индексов, бедности, состава доходов и расходов. Коэффициент Джини рассматривается как важный, но не самодостаточный индикатор: одинаковое его изменение может быть вызвано ростом доходов нижних групп либо снижением доходов верхних, что имеет различное социально-экономическое содержание.

Нормативную основу составили Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года [19], Социальный кодекс Республики Казахстан [20] и Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК [21]. Российский блок представлен Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 [22], Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года [23], Федеральным законом от 12 июля 2024 года № 176-ФЗ [24] и положениями статьи 224 Налогового кодекса Российской Федерации [25]. Анализ нормативных документов проводится не как описание отдельных мер, а с точки зрения того, на какой уровень механизма неравенства они воздействуют: на заработок до перераспределения, на располагаемый доход после налогов и трансфертов, на риск бедности либо на пространственную доступность экономических возможностей.

Авторская гипотеза состоит в том, что устойчивое сокращение социально-экономического неравенства невозможно обеспечить преимущественно перераспределительными выплатами при сохранении крупных разрывов в производительности и качестве занятости. Трансферты способны эффективно снижать крайнюю бедность и смягчать временные шоки, но долговременная конвергенция доходов требует роста производительности в отстающих секторах, увеличения медианной реальной заработной платы, расширения формальной занятости, более прогрессивного распределения налоговой нагрузки и развития территорий, в которых ограничен спрос на квалифицированный труд. Состоятельность данной гипотезы оценивается посредством сопоставления статистических тенденций и содержания государственных мер двух стран; причинно-следственная эконометрическая идентификация не заявляется как задача настоящего исследования.

Ограничения исследования связаны с неодинаковым составом национальных показателей доходов, различиями методик определения бедности и коэффициента Джини, а также отсутствием единой сопоставимой микродатабазы домашних хозяйств двух стран. Поэтому межстрановые различия интерпретируются преимущественно по направлению и структуре динамики, а не как прямое ранжирование уровней благосостояния. Предлагаемая четырехуровневая конструкция имеет характер аналитической рамки: ее назначение состоит в систематизации каналов воспроизводства неравенства и формировании проверяемых направлений дальнейшего микроэконометрического анализа.

Результаты/Обсуждение

Первый результат исследования состоит в подтверждении расхождения между номинальной и реальной динамикой доходов. Казахстан в 2021-2024 годах демонстрировал рост среднедушевых номинальных доходов, однако темпы реального прироста были существенно ниже номинальных и к 2025 году сменились снижением: индекс реальных денежных доходов составил 98,9% [1]. Такая траектория означает, что инфляционный компонент практически полностью поглотил прирост денежных поступлений. Для социальной политики принципиально важно различать ситуацию, когда номинальный доход растет быстрее цен и расширяет реальное потребление, и ситуацию, когда повышение заработков лишь компенсирует удорожание базовой корзины. В последнем случае статистическое увеличение дохода не формирует эквивалентного улучшения уровня жизни.

В России к концу 2025 года наблюдалась иная краткосрочная динамика. По данным Росстата, в IV квартале реальные денежные доходы увеличились на 6,0% к соответствующему кварталу 2024 года, реальные располагаемые – на 5,8%; доля населения с доходами ниже границы бедности составила 4,8% в квартальном измерении [26]. В годовом выражении реальные располагаемые денежные доходы за 2025 год выросли на 7,4%, а уровень бедности составил 6,7% населения [2; 27]. Однако положительный агрегированный прирост не снимает вопроса о распределении результата между социальными группами. Российская статистика в 2026 году ввела дополнительный коэффициент Джини для мониторинга национальной цели, учитывающий перераспределение налоговой нагрузки и межрегиональную ценовую дифференциацию; за 2025 год его значение составило 0,375, причем Росстат подчеркивает, что новый показатель дополняет, а не заменяет традиционный ряд [28]. Методологически это важный шаг: оценка неравенства начинает учитывать не только номинальное распределение дохода, но и различия в покупательной способности и эффект налогов.

Таблица 1 – Динамика реальных доходов населения Казахстана и России в 2021–2025 годах, % к предыдущему году

Год	Казахстан: реальные денежные доходы, %	Россия: реальные располагаемые доходы, %
2021	104,1	103,3
2022	102,3	104,5
2023	100,9	106,1
2024	104,6	108,2
2025	98,9	107,4

Примечание. Показатели методологически не тождественны: для Казахстана приведен индекс реальных денежных доходов, для России – индекс реальных располагаемых денежных доходов. Сопоставляются направление и темп динамики, а не абсолютные уровни. Источники: [1; 2].

Казахстанская статистика также свидетельствует о том, что проблема неравенства не сводится к уровню бедности. По итогам 2024 года доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 5% [29]. При относительно невысокой официальной доле бедности значительная часть домохозяйств располагается близко к порогу уязвимости, поскольку существенная доля расходов приходится на товары первой необходимости. В III квартале 2025 года доходы от трудовой деятельности формировали 75% денежных доходов населения, социальные трансферты - 18%. В расходах 52,3% приходилось на продовольственные товары, еще 6,5% - на погашение кредитов и долгов [30]. Высокая доля продовольствия означает повышенную чувствительность реального благосостояния к продовольственной инфляции: одинаковый индекс потребительских цен имеет неодинаковый социальный эффект для

домохозяйств с различной структурой потребления.

Таблица 2 – Отдельные показатели бедности и доходного неравенства в Казахстане и России

Показатель	Казахстан	Россия
Уровень бедности, 2024 г., %	5,0	7,1
Уровень бедности, 2025 г., %	5,0	6,7
Коэффициент Джини, 2024 г.	0,296	0,410
Дополнительный Джини для наццели, 2025 г.	—	0,375

Примечание. Национальные критерии бедности и отдельные методики Джини различаются, поэтому значения не следует трактовать как полностью гармонизированный межстрановой рейтинг. Российский показатель 0,375 рассчитан по специальной методике мониторинга национальной цели и не заменяет традиционный ряд. Источники: [1; 27; 28; 29].

Отсюда формируется второй результат: инфляция является не только макроэкономическим, но и распределительным процессом. Домохозяйства с низкими доходами имеют ограниченную возможность заменить потребление сбережениями, отложить обязательные расходы или диверсифицировать финансовые активы. Для них рост цен на продукты питания, коммунальные услуги, лекарства и транспорт непосредственно сокращает доступный объем потребления. Высокодоходные группы имеют большую долю дискреционных расходов и накоплений, поэтому способны частично перераспределять бюджет. Следовательно, официальный общий индекс цен может недооценивать фактическую инфляционную нагрузку на нижние децильные группы. Политика поддержки реальных доходов должна учитывать не только общий темп инфляции, но и «инфляцию социального минимума» - динамику стоимости набора товаров и услуг, занимающего наибольший вес в бюджетах низкодоходных семей.

Казахстанская статистика показывает значительный разрыв между средней и медианной заработной платой. В III квартале 2025 года средняя заработная плата составила 429 368 тенге, медианная – 308 454 тенге, а индекс реальной заработной платы – 98,0% к III кварталу 2024 года [31]. Во II квартале 2026 года средняя заработная плата достигла 486 388 тенге, медианная – 348 415 тенге, тогда как индекс реальной заработной платы к соответствующему кварталу 2025 года составил 98,2% [31]. Само различие между средним и медианным значениями указывает на асимметрию распределения: средняя величина повышается под воздействием высоких заработков в отдельных сегментах, тогда как медиана лучше отражает положение типичного работника. Поэтому оценка социальной результативности роста экономики должна включать медианную реальную заработную плату как самостоятельный целевой индикатор.

Отраслевая дифференциация усиливает данный эффект. Во II квартале 2026 года среднемесячная заработная плата в горнодобывающей промышленности и разработке карьеров составила 980 334 тенге, тогда как в сельском, лесном и рыбном хозяйстве – 365 262 тенге [31]. Высокая производительность и рентная компонента добывающих отраслей создают верхний сегмент распределения, однако число занятых в нем ограничено. Экономический рост, сконцентрированный в капиталоемком сырьевом секторе, поэтому не обязательно порождает пропорциональный рост медианного дохода. Жанакова и соавторы обоснованно связывают снижение неравенства с развитием деловой активности и производительных рабочих мест в более широком круге отраслей [11].

Для России механизм аналогичен по логике, хотя структура рынка труда отличается. Бобков, Гулюгина и Одинцова связывают риски уровня жизни не только с величиной оплаты труда, но и с качеством занятости, устойчивостью рабочего места и соответствием дохода нормативным потребительским бюджетам [14]. Положительная динамика средних и реальных доходов в условиях дефицита рабочей силы способна улучшать положение занятых, но если рост заработной платы концентрируется в ограниченном круге отраслей и территорий, разрыв в доступе к высокооплачиваемой занятости сохраняется. Здесь проявляется принципиальное различие между ростом оплаты существующих высокопроизводительных рабочих мест и расширением самого множества таких рабочих мест.

Четвертый результат заключается в подтверждении пространственной природы неравенства. В IV квартале 2025 года среднедушевой номинальный доход в Казахстане составлял 254 446 тенге в месяц; максимальный региональный показатель превышал минимальный в 3,1 раза. При этом

реальные доходы по стране составили 97,7% к соответствующему кварталу предыдущего года, а территориальная динамика была крайне неоднородной: от существенного реального снижения в Атырауской области до роста в ряде других регионов [32]. В I квартале 2026 года номинальные доходы продолжили расти до 252 619 тенге в месяц, но реальный прирост по стране составил лишь 0,1%, а диапазон региональных реальных индексов оставался широким [33]. Это показывает, что территориальная дифференциация имеет не только уровневой, но и циклический характер: регионы по-разному реагируют на ценовые, отраслевые и инвестиционные шоки.

Вывод согласуется с исследованием Зубаревич и Сафронова: в крупных постсоветских странах межрегиональное неравенство поддерживается концентрацией ресурсной и столичной ренты и не демонстрирует устойчивой автоматической конвергенции [17]. Для России дополнительное значение имеет масштаб агломерационных эффектов и бюджетная неоднородность субъектов Федерации; для Казахстана - различия между нефтегазовыми территориями, крупнейшими городами и регионами с преобладанием сельского хозяйства или менее производительных услуг. Поэтому политика выравнивания, основанная только на межбюджетных трансфертах, не устраняет первопричину: различную способность территорий генерировать производительные рабочие места. Л. Липатова и В. Градусова справедливо рассматривают устойчивое смягчение региональных различий как задачу экономической базы и институтов, а не только финансового перераспределения [18].

Пятый результат связан с различием между бедностью и неравенством. Снижение доли населения ниже установленной черты бедности является важной социальной целью, но не гарантирует уменьшения дистанции между нижними, средними и верхними группами. Домохозяйство может выйти из официальной бедности и при этом оставаться экономически уязвимым, не имея накоплений, устойчивой занятости или доступа к качественным общественным услугам. Российские исследования некоторых авторов показывают продуктивность относительных медианных критериев именно потому, что они позволяют выделить группы, находящиеся выше абсолютной границы бедности, но существенно ниже типичного стандарта жизни [15].

С. Мареева дополняет данный вывод анализом неденежных возможностей и рисков [16].

Для Казахстана проблема особенно заметна при высокой доле расходов на питание и кредитной нагрузке. Формальный рост дохода выше прожиточного минимума не обязательно создает финансовую устойчивость, если большая часть бюджета расходуется на неизбежное текущее потребление и обслуживание долга. Поэтому в системе мониторинга целесообразно дополнить абсолютную бедность тремя группами показателей: долей населения ниже 60% медианного располагаемого дохода; долей домашних хозяйств без финансового резерва хотя бы на три месяца минимальных расходов; долей обязательных расходов на питание, жилье, коммунальные услуги и обслуживание долгов в бюджете нижних 40% распределения. Такой набор позволил бы различать крайнюю бедность, доходную уязвимость и устойчивое среднее благосостояние.

Шестой результат относится к роли социального перераспределения. Социальные трансферты в Казахстане формируют значимую часть денежных доходов [30]. Социальный кодекс Республики Казахстан систематизирует механизмы пенсионного и социального обеспечения, государственных пособий и адресной поддержки [20]. Их ключевая функция состоит в страховании жизненных рисков и поддержании минимального уровня потребления. Однако трансферты не должны рассматриваться как замена политике производительной занятости. Эконометрический результат казахстанских исследователей о положительной связи социальной помощи с коэффициентом Джини [12] логично интерпретировать как предупреждение против упрощенного вывода «больше выплат - меньше неравенства». Если помощь компенсирует глубокое первичное расслоение, она может снижать бедность, не изменяя структуру рыночных доходов.

Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года задает общую рамку повышения качества экономического роста и эффективности государственного управления [19]. С точки зрения распределения доходов его реализация должна оцениваться не только по валовому выпуску и инвестициям, но и по способности новых инвестиций создавать рабочие места с производительностью и оплатой выше региональной медианы. Предлагается ввести в оценку крупных государственных и квазигосударственных инвестиционных проектов «распределительный эффект»: прогноз изменения медианной реальной заработной платы в регионе, числа формальных рабочих мест, доли местных поставщиков и налоговой базы. Такой критерий позволит связать

промышленную и инвестиционную политику с задачей доходной конвергенции.

Седьмой результат – постепенный переход обеих стран к более прогрессивной архитектуре налогообложения доходов. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК, применяемый с 2026 года, закрепил прогрессивные ставки индивидуального подоходного налога для высоких доходов [21]. Согласно статье 363 Кодекса, для основной группы облагаемых доходов применяется ставка 10% при налоговой базе до 8500-кратного месячного расчетного показателя и 15% к сумме превышения этого порога; отдельные правила прогрессии установлены для ряда иных видов доходов [21]. Такой подход усиливает вертикальную справедливость, но из-за высокого порога прямой перераспределительный эффект для основной массы работников будет ограниченным.

В России Федеральным законом от 12 июля 2024 года № 176-ФЗ была изменена система налогообложения доходов физических лиц [24]. Статья 224 Налогового кодекса Российской Федерации устанавливает для основной налоговой базы прогрессивную шкалу 13, 15, 18, 20 и 22% в зависимости от величины годового дохода, причем повышенная ставка применяется к сумме превышения соответствующего порога [25]. С экономической точки зрения прогрессивность налога важна не сама по себе, а в сочетании с качеством администрирования доходов от капитала, собственности и предпринимательской деятельности. Если наиболее высокодоходные группы имеют больше возможностей преобразовывать трудовой доход в иные формы, прогрессивная шкала заработной платы может иметь меньший перераспределительный эффект, чем предполагает номинальная структура ставок.

Восьмой результат состоит в том, что налоговые реформы Казахстана и России создают институциональную основу для более справедливого распределения налоговой нагрузки, но не могут заменить предраспределительную политику. А. Аткинсон обоснованно связывает борьбу с неравенством не только с налогами после получения дохода, но и с институтами, формирующими доход до налогообложения: технологической политикой, занятостью, переговорной силой работников, минимальными стандартами оплаты и доступом к капиталу [7]. Для рассматриваемых стран это означает, что прогрессивное налогообложение должно сопровождаться расширением формальной высокопроизводительной занятости, снижением барьеров для малого и среднего бизнеса, инвестициями в человеческий капитал и устранением территориальных ограничений мобильности.

Российская государственная политика прямо закрепляет количественные цели снижения неравенства. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 предусматривает снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году, а коэффициента Джини - до 0,37 и 0,33 соответственно; одновременно установлена задача устойчивого роста доходов населения и пенсионного обеспечения не ниже уровня инфляции [22]. Единый план по достижению национальных целей до 2030 года и на перспективу до 2036 года переводит эти ориентиры в систему мероприятий [23]. Методологически значимо, что неравенство получило самостоятельный измеримый целевой показатель, а не рассматривается как побочный результат борьбы с бедностью.

Для Казахстана аналогичный подход мог бы усилить Национальный план развития: наряду с целями роста экономики и доходов целесообразно закрепить набор распределительных индикаторов - темп роста реального медианного дохода, рост реальных доходов нижних 40% населения, отношение медианной заработной платы к средней, территориальный коэффициент вариации реальных доходов и долю населения ниже относительной черты бедности. Преимущество такого набора состоит в том, что он не задает механическую цель «любой ценой снизить Джини». Снижение неравенства через падение верхних доходов при стагнации нижних групп не является социально желательным результатом; приоритетом должен выступать опережающий устойчивый рост доходов нижней и средней частей распределения.

Девятый результат - необходимость разделить компенсационную и развивающую социальную политику. Компенсационная политика защищает от шоков: индексирует пенсии и пособия, обеспечивает адресную помощь, поддерживает минимальное потребление. Развивающая политика изменяет будущую траекторию дохода: повышает квалификацию, мобильность, доступ к детскому уходу и образованию, качество здоровья, цифровую и транспортную доступность, предпринимательские возможности. Если первая политика доминирует, государство постоянно финансирует последствия неравенства. Если развивающая составляющая становится сопоставимой по масштабу, снижается вероятность воспроизводства низкого дохода между поколениями.

Особое значение имеет связь доходов с человеческим капиталом. Низкий доход

ограничивает возможность инвестировать в дополнительное образование, профилактику здоровья, качественное жилье и территориальную мобильность; дефицит таких инвестиций в свою очередь снижает будущую производительность и заработок. Формируется кумулятивный механизм, при котором первоначальное различие превращается в устойчивое социально-экономическое расслоение. В крупных странах с сильной региональной неоднородностью этот механизм усиливается пространственно: стоимость переезда в центр экономической активности, цена жилья и ограниченность инфраструктуры делают формально свободную трудовую мобильность недоступной для части домохозяйств.

Десятый результат позволяет сформулировать авторскую четырехуровневую аналитическую рамку воспроизводства неравенства. Первый уровень - первичное распределение: производительность, отрасль, профессия, форма занятости, собственность на капитал. Второй - инфляционно-ценовой канал: различная структура потребления превращает одинаковый номинальный доход в неодинаковую реальную покупательную способность. Третий - фискально-социальное перераспределение: налоги, пособия, пенсии, адресная помощь и общественные услуги изменяют располагаемый ресурс. Четвертый - пространственное воспроизводство: региональная специализация, агломерационные эффекты, стоимость жилья и доступ к инфраструктуре закрепляют различия во времени. Политика, воздействующая только на один уровень, неизбежно имеет ограниченный эффект. Взаимосвязь уровней представлена на рисунке 1.

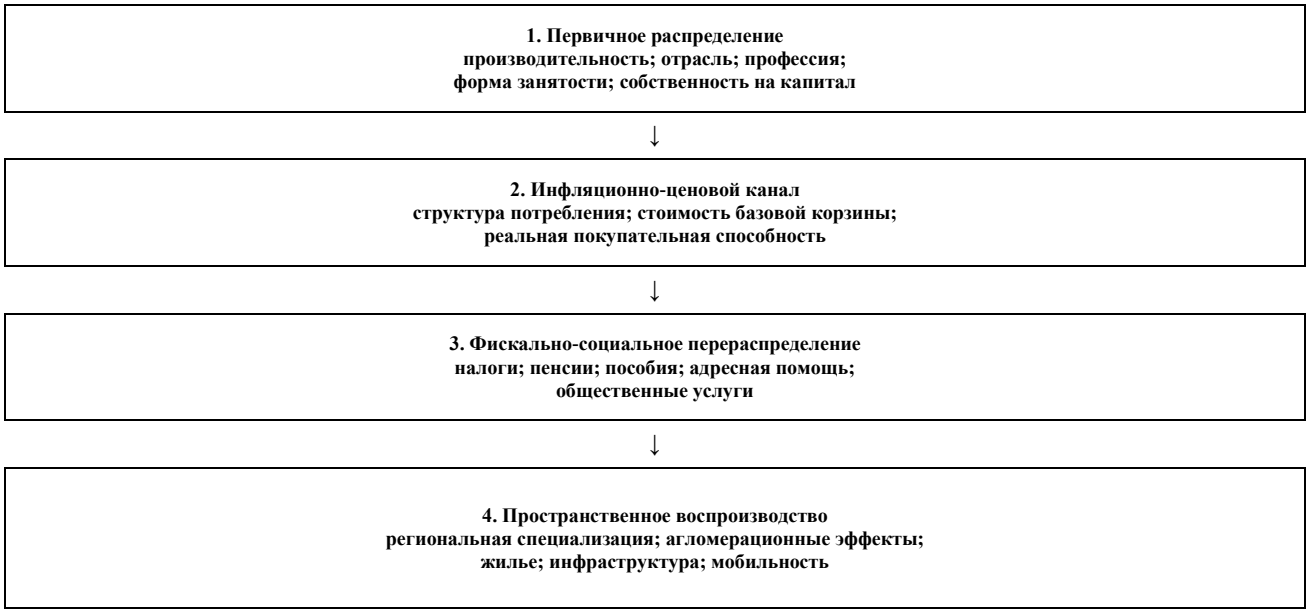

Рисунок 1 – Четырехуровневая аналитическая рамка воспроизводства социально-экономического неравенства (разработано автором)

Из модели следует практическая последовательность мер. Во-первых, необходимо обеспечить опережающий рост производительности и оплаты в секторах с массовой занятостью, а не только в капиталоемких лидирующих отраслях. Во-вторых, индексация социальных выплат должна учитывать структуру потребления уязвимых групп, а не только общий индекс инфляции. В-третьих, прогрессивность налогообложения следует оценивать по эффективной, а не номинальной ставке с учетом видов доходов и вычетов. В-четвертых, региональное развитие должно измеряться приростом медианной реальной заработной платы и числа производительных рабочих мест. В-пятых, адресность поддержки следует сочетать с механизмами выхода из уязвимости - обучением, содействием занятости, доступом к уходу за детьми и мобильности.

Сравнительный анализ показывает важное различие текущей ситуации. Казахстан входит в 2026 год после периода, когда номинальный рост 2025 года не обеспечил сохранения реальных доходов; первые данные 2026 года фиксируют лишь минимальное реальное восстановление [33]. В России 2025 год характеризовался заметным ростом реальных доходов и снижением квартальной бедности [26], однако государство одновременно признает необходимость дальнейшего снижения концентрации доходов и закрепляет целевые ориентиры по Джини [22]. Следовательно, Казахстан сталкивается прежде всего с задачей восстановить устойчивый реальный рост без усиления дифференциации, Россия - с задачей

конвертировать рост доходов в более равномерное распределение и сокращение структурных различий. В обоих случаях главным критерием должна быть динамика положения типичного домохозяйства, а не только средняя величина дохода.

Предлагаемый подход имеет и методологическое следствие. Для регулярного двустороннего мониторинга целесообразно формировать сопоставимую панель из пяти блоков: реальные медианные и располагаемые доходы; распределение доходов по квантильным группам; структура потребления и долговая нагрузка; территориальная дисперсия; эффект налогов и трансфертов. Прямое сравнение номинальных тенге и рублей научно малоинформативно. Гораздо продуктивнее анализировать, какая доля населения получает реальный прирост выше инфляции, как изменяется нижняя часть распределения и насколько различаются результаты регионов. Такой формат позволяет отделить экономический рост от инклюзивного роста и оценивать качество распределительного механизма.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что динамика реальных доходов населения Казахстана и России формируется под воздействием не одного, а совокупности взаимосвязанных механизмов. Уровень и распределение доходов зависят от структуры занятости, производительности, региональной специализации, потребительской инфляции, налоговой системы, социальных трансфертов и доступа к общественным услугам. Поэтому рост ВВП или средней заработной платы сам по себе не может использоваться как достаточный показатель повышения благосостояния.

Во-первых, для Казахстана центральным вызовом 2025-2026 годов выступает разрыв между номинальным ростом и реальной покупательной способностью. По итогам 2025 года реальные денежные доходы снизились, а в начале 2026 года восстановление оставалось минимальным [1; 33]. При такой динамике первоочередной задачей становится не ускорение номинального роста как такового, а обеспечение превышения роста медианных трудовых доходов над инфляцией. Именно медианная, а не только средняя заработная плата должна стать одним из основных индикаторов результативности политики доходов.

Во-вторых, российский опыт показывает, что положительная динамика реальных доходов может сочетаться с сохраняющейся задачей снижения концентрации доходов. Закрепление в Указе № 309 конкретных целей по бедности и коэффициенту Джини создает систему ответственности за распределительный результат, а разработка дополнительного коэффициента Джини с учетом налогов и региональных цен усиливает аналитическую основу мониторинга [28; 22]. Для Казахстана целесообразно институционализировать сопоставимый набор целей, но ориентировать его прежде всего на опережающий рост нижних и средних доходных групп.

В-третьих, выявлена ключевая роль рынка труда. Основная часть доходов населения обеих стран создается трудом, поэтому долговременное снижение неравенства начинается до стадии налогов и пособий. Для Казахстана особенно значимы большой разрыв между средней и медианной оплатой, отраслевая премия добывающего сектора и территориальная концентрация высоких доходов. Для России существенны различия в качестве занятости, отраслевой и региональной структуре спроса на труд. Политика должна смещаться от простого создания рабочих мест к созданию производительных формальных рабочих мест, способных поддерживать доход выше медианного стандарта региона.

В-четвертых, инфляция должна рассматриваться как самостоятельный канал неравенства. Домохозяйства с низкими доходами расходуют большую долю бюджета на продовольствие и другие товары первой необходимости, поэтому их фактическая потеря покупательной способности может быть выше, чем показывает общий индекс цен. Предлагается дополнить систему мониторинга расчетом индекса стоимости базового потребления нижних 40% населения и использовать его при настройке адресной помощи и отдельных видов индексации.

В-пятых, социальные трансферты остаются необходимым инструментом снижения крайней бедности, но их эффективность нельзя отождествлять с устранением причин неравенства. Если первичные доходы сильно различаются из-за низкой производительности, неформальной занятости и регионального дефицита качественных рабочих мест, трансферты компенсируют последствия, но не меняют траекторию. Поэтому социальная поддержка должна иметь два контура: защитный, гарантирующий минимальный уровень потребления, и развивающий, обеспечивающий выход из уязвимости через занятость, образование, здоровье и мобильность.

В-шестых, переход Казахстана и России к более прогрессивному налогообложению высоких доходов представляет институционально значимый сдвиг [21; 24]. Однако фактическая перераспределительная способность прогрессии зависит от порогов,

налоговой базы, учета доходов от капитала и качества администрирования. Оценивать реформы необходимо по изменению эффективной налоговой нагрузки по децильным группам и конечного располагаемого дохода, а не только по номинальным ставкам.

В-седьмых, региональное неравенство следует признать самостоятельным объектом политики доходов. Разрыв между территориями отражает не только различия в стоимости жизни, но и неодинаковую структуру экономики, производительность и доступ к инфраструктуре. Межбюджетное выравнивание необходимо, но недостаточно. Государственные инвестиции должны оцениваться по их способности расширять локальную налоговую базу, создавать производительные рабочие места и повышать медианную реальную заработную плату. Для ресурсных регионов важен механизм преобразования рентного дохода в долгосрочный человеческий и инфраструктурный капитал, для отстающих - диверсификация экономической базы и повышение связности с крупными рынками.

В-восьмых, для оценки инклюзивности роста предлагается единая система индикаторов: реальный медианный располагаемый доход; реальный доход нижних 40% населения; доля населения ниже абсолютной и относительной черты бедности; коэффициент Джини; соотношение медианной и средней заработной платы; доля обязательных расходов и обслуживания долга у нижних доходных групп; межрегиональный коэффициент вариации реальных доходов. Совместное использование показателей позволит избежать ситуации, когда улучшение одного агрегата маскирует ухудшение положения конкретных групп.

Итоговая авторская позиция состоит в том, что социально-экономическое неравенство в Казахстане и России необходимо рассматривать как процесс, воспроизводимый одновременно рынком, ценами, государственным перераспределением и пространственной структурой экономики. Наиболее эффективная политика должна соединять «предраспределение» и перераспределение: повышать производительность и качество массовой занятости, защищать покупательную способность уязвимых групп, обеспечивать справедливую налоговую нагрузку и сокращать территориальные ограничения экономических возможностей. При таком подходе целью становится не формальное выравнивание доходов, а расширение доли населения, для которой экономический рост трансформируется в устойчивый реальный прирост потребления, накоплений и человеческого капитала.

Список литературы

1. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Динамика доходов населения [Электронный ресурс] Режим доступа: https://bala.stat.gov.kz/dinamika-dohodov-naseleniya/

2. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Уровень жизни: доходы, расходы и сбережения населения [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397

3. Жанакова Н.Н., Кабиева А.Т., Карипова А.Т. Реальные доходы населения: современные тенденции и причины неравенства // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. - 2025. - Т. 413. - № 1. - С. 401-413. DOI: 10.32014/2025.2518-1467.904.

4. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России - 2025 год: ежегодник. Вып. 4 (205) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. - М.: Институт экономики РАН, 2026. - 192 с.

5. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. - 1955. - Vol. 45. - No. 1. - P. 1-28.

6. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / Trans. A. Goldhammer. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.

7. Atkinson A.B. Inequality: What Can Be Done? - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

8. International Labour Organization. Global Wage Report 2024-25: Is Wage Inequality Decreasing Globally? - Geneva: ILO, 2024. - xix, 121 p. DOI: 10.54394/CJQU6666.

9. OECD. To Have and Have Not – How to Bridge the Gap in Opportunities. - Paris: OECD Publishing, 2025. - 196 p. DOI: 10.1787/dec143ad-en.

10. World Bank. Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis. - Washington, DC: World Bank, 2024. DOI: 10.1596/978-1-4648-2123-3.

11. Жанакова Н., Тулеметова А., Шаяхметова Л., Абдешов Д., Рахимжанова Г. Неравенство доходов населения Казахстана: анализ основных факторов и причин // Государственное управление и государственная служба. - 2024. - № 1 (88). - С. 193-204. DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1174.

12. Temerbulatova Z., Kondybayeva S., Sagynbayeva A. Income differentiation in Kazakhstan: an in-depth examination of its economic and social drivers // Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU. - 2024. - № 2. - P. 91-103. DOI: 10.32523/2789-4320-2024-2-91-103.

13. Исмагулова А., Масакова С. Социальное неравенство в Казахстане: параметры и индикаторы // Вестник КазНУ. Серия экономическая. - 2024. - Т. 149. - № 3. - С. 161-173. DOI: 10.26577/be.2024-149-i3-012.

14. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. - 2024. - Т. 20. - № 1. - С. 59-75. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_6 _59_75.

15. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации

населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2025. - № 3. - С. 84-105. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105.

16. Мареева С.В. Денежные и неденежные неравенства в современном российском обществе: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. - 2024. - № 9. - С. 3-16. DOI: 10.31857/S0132162524090012.

17. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. - 2024. - № 1 (83). - С. 4-18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1.

18. Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Межрегиональное социально-экономическое неравенство в России: подходы к измерению и смягчению различий // Журнал исследований социальной политики. - 2024. - Т. 22. - № 3. - С. 409-432. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-409-432.

19. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611.

20. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224

21. Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214

22. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/docs/all/153176/

23. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 30 декабря 2024 года № ММ-П13-47086 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/docs/all/163892/

24. Федеральный закон Российской Федерации от 12 июля 2024 года № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009

25. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ. Статья 224 «Налоговые ставки» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/3e4bbd6dd9fb5dd4e9394f447653506e1d6fa3a9/

26. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2025 года в целом по Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/33_13-03-2026.html

27. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Неравенство и бедность [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13723

28. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Новый подход к расчету коэффициента Джини для мониторинга национальных целей развития [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/282523

29. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Основные показатели дифференциации доходов населения Республики Казахстан (2024 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/341345/

30. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Расходы и доходы населения Республики Казахстан (III квартал 2025 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/laborand-income/stat-life/publications/358728/

31. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Численность и заработная плата работников в Республике Казахстан (II квартал 2026 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor--income/stat-wags/publications/514625/

32. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Среднедушевые номинальные денежные доходы населения Республики Казахстан (IV квартал 2025 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/480756/

33. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Среднедушевые номинальные денежные доходы населения Республики Казахстан (I квартал 2026 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/346994/

References

1. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Dinamika dohodov naseleniya [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://bala.stat.gov.kz/dinamika-dohodov-naseleniya/

2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. Uroven' zhizni: dohody, rashody i sberezheniya naseleniya [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/folder/13397

3. Zhanakova N.N., Kabieva A.T., Karipova A.T. Real'nye dohody naseleniya: sovremennye tendencii i prichiny neravenstva // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. - 2025. - T. 413. - № 1. - S. 401-413. DOI: 10.32014/2025.2518-1467.904.

4. Monitoring dohodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii - 2025 god: ezhegodnik. Vyp. 4 (205) / V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina, E.V. Odincova [i dr.]; otv.

red. V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina. - M.: Institut ekonomiki RAN, 2026. - 192 s.

5. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. - 1955. - Vol. 45. - No. 1. - P. 1-28.

6. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century / Trans. A. Goldhammer. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.

7. Atkinson A.B. Inequality: What Can Be Done? - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

8. International Labour Organization. Global Wage Report 2024-25: Is Wage Inequality Decreasing Globally? - Geneva: ILO, 2024. - xix, 121 p. DOI: 10.54394/CJQU6666.

9. OECD. To Have and Have Not – How to Bridge the Gap in Opportunities. - Paris: OECD Publishing, 2025. - 196 p. DOI: 10.1787/dec143ad-en.

10. World Bank. Poverty, Prosperity, and Planet Report 2024: Pathways Out of the Polycrisis. - Washington, DC: World Bank, 2024. DOI: 10.1596/978-1-4648-2123-3.

11. Zhanakova N., Tulemetova A., Shayahmetova L., Abdeshov D., Rahimzhanova G. Neravenstvo dohodov naseleniya Kazahstana: analiz osnovnyh faktorov i prichin // Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba. - 2024. - № 1 (88). - S. 193-204. DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1174.

12. Temerbulatova Z., Kondybayeva S., Sagynbayeva A. Income differentiation in Kazakhstan: an in-depth examination of its economic and social drivers // Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU. - 2024. - № 2. - P. 91-103. DOI: 10.32523/2789-4320-2024-2-91-103.

13. Ismagulova A., Masakova S. Social'noe neravenstvo v Kazahstane: parametry i indikatory // Vestnik KazNU. Seriya ekonomicheskaya. - 2024. - T. 149. - № 3. - S. 161-173. DOI: 10.26577/be.2024-149-i3-012.

14. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odincova E.V. O riskah v sfere urovnya zhizni naseleniya Rossii, vozmozhnostyah i resheniyah po ih snizheniyu // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. - 2024. - T. 20. - № 1. - S. 59-75. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75.

15. Bobkov V.N., Odincova E.V., Kolmakov I.B. Normativno-statisticheskij i otnositel'nyj mediannyj podhody k izucheniyu differenciacii naseleniya po urovnyu zhizni // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. - 2025. - № 3. - S. 84-105. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105.

16. Mareeva S.V. Denezhnye i nedenezhnye neravenstva v sovremennom rossijskom obshchestve: dinamika poslednego desyatiletiya // Sociologicheskie issledovaniya. - 2024. - № 9. - S. 3-16. DOI: 10.31857/S0132162524090012.

17. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Mezhregional'noe neravenstvo v Rossii i postsovetskih stranah v XXI veke // Regional'nye issledovaniya. - 2024. - № 1 (83). - S. 4-18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1.

18. Lipatova L.N., Gradusova V.N. Mezhregional'noe social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: podhody k izmereniyu i smyagcheniyu razlichij // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. - 2024. - T. 22. - № 3. - S. 409-432. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-409-432.

19. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 iyulya 2024 goda № 611 «Ob utverzhdenii Nacional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazahstan do 2029 goda i priznanii utrativshimi silu nekotoryh ukazov Prezidenta Respubliki Kazahstan» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611

20. Social'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 20 aprelya 2023 goda № 224-VII ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224

21. Nalogovyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 18 iyulya 2025 goda № 214-VIII ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214

22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 goda № 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/docs/all/153176/

23. Edinyj plan po dostizheniyu nacional'nyh celej razvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda, utverzhden Predsedatelem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii 30 dekabrya 2024 goda № MM-P13-47086 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/docs/all/163892/

24. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 12 iyulya 2024 goda № 176-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii, otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009

25. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 5 avgusta 2000 goda № 117-FZ. Stat'ya 224 «Nalogovye stavki» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/3e4bbd6dd9fb5dd4e9394f447653506e1d6fa3a9/

26. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. O znachenii granic bednosti i chislennosti naseleniya s denezhnymi dohodami nizhe granicy bednosti v IV kvartale 2025 goda v celom po Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/33_13-03-2026.html

27. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. Neravenstvo i bednost' [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/folder/13723

28. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. Novyj podhod k raschetu koefficienta Dzhini dlya monitoringa nacional'nyh celej razvitiya [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/282523

29. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Osnovnye pokazateli differenciacii dohodov naseleniya Respubliki Kazahstan (2024 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/341345/

30. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Rashody i dohody naseleniya Respubliki Kazahstan (III kvartal 2025 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa:

https://stat.gov.kz/ru/industries/laborand-income/stat-life/publications/358728/

31. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Chislennost' i zarabotnaya plata rabotnikov v Respublike Kazahstan (II kvartal 2026 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor--income/stat-wags/publications/514625/

32. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Srednedushevye nominal'nye denezhnye dohody naseleniya Respubliki Kazahstan (IV kvartal 2025 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/480756/

33. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Srednedushevye nominal'nye denezhnye dohody naseleniya Respubliki Kazahstan (I kvartal 2026 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/346994/

УДК: 330.322:004(574)
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.002

Багдат БИТЕНОВА *- PhD, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и социально-политических дисциплин, Карагандинский медицинский университет, 100008, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Гоголя, 40, e-mail:bagdat_1987@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ИКТ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье исследуется влияние инвестиций в информационно-коммуникационные технологии на экономический рост Казахстана. Цель исследования состоит в количественной оценке взаимосвязи затрат на ИКТ и валовой добавленной стоимости с учетом инновационной активности. Теоретическую основу составляют положения эндогенного и догоняющего роста, концепции диффузии инноваций и цифровой трансформации. Информационная база включает статистические данные Республики Казахстан за 2010–2025 годы. В качестве основного метода используется корреляционно-регрессионный анализ. В исходную спецификацию включены затраты на ИКТ, численность населения, объем розничной торговли, количество организаций, использующих Интернет, и внутренние затраты на НИОКР; после оценки взаимосвязей факторов в итоговой модели сохранены затраты на ИКТ и НИОКР. Полученные результаты указывают на положительную связь технологической и инновационной активности с формированием валовой добавленной стоимости. Обоснована необходимость дальнейшего развития ИКТ-инфраструктуры, инновационного финансирования и механизмов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, инвестиции, экономический рост, валовая добавленная стоимость, цифровизация, инновации, НИОКР, регрессионный анализ, Казахстан.

Багдат БИТЕНОВА *- PhD, Қазақстан тарихы және әлеуметтік-саяси пәндер кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Қарағанды медицина университеті, 100008, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Гоголь көш., 40, e-mail: bagdat_1987@mail.ru*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСУГЕ АКТ-ҒА ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫҢ ӘСЕРІ

Түйін. Мақалада ақпараттық-коммуникациялық технологияларға салынатын инвестициялардың Қазақстанның экономикалық өсуіне ықпалы зерттеледі. Зерттеудің мақсаты инновациялық белсенділікті ескере отырып, АКТ-ға жұмсалатын шығындар мен жалпы қосылған құн арасындағы өзара байланысты сандық бағалау болып табылады. Теориялық негізді эндогендік және қуып жетуші өсу теориялары, инновациялардың таралуы және цифрлық трансформация тұжырымдамалары құрайды. Ақпараттық база 2010–2025 жылдардағы Қазақстан Республикасының статистикалық деректерін қамтиды. Негізгі әдіс ретінде корреляциялық-регрессиялық талдау қолданылды. Бастапқы спецификацияға АКТ-ға жұмсалатын шығындар, халық саны, бөлшек сауда көлемі, Интернетті пайдаланатын ұйымдар саны және ҒЗТКЖ-ға ішкі шығындар енгізілді; факторлардың өзара байланысы бағаланғаннан кейін қорытынды модельде АКТ және ҒЗТКЖ шығындары сақталды. Нәтижелер технологиялық және инновациялық белсенділіктің жалпы қосылған құнның қалыптасуымен оң байланысын көрсетеді. АКТ инфрақұрылымын, инновациялық қаржыландыруды және мемлекеттік-жекешелік әріптестік тетіктерін одан әрі дамыту қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: ақпараттық-коммуникациялық технологиялар, инвестициялар, экономикалық өсу, жалпы қосылған құн, цифрландыру, инновациялар, ҒЗТКЖ, регрессиялық талдау, Қазақстан.

Bagdat BITENOVA *- PhD, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan and Socio-Political Disciplines, Karaganda Medical University, 100008, Republic of Kazakhstan, Karaganda, 40 Gogol Street, e-mail: bagdat_1987@mail.ru*

THE IMPACT OF ICT INVESTMENT ON ECONOMIC GROWTH IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the impact of investment in information and communication technologies on economic growth in Kazakhstan. The purpose of the study is to quantitatively assess the relationship between ICT expenditure and gross value added while accounting for innovation activity. The theoretical framework draws on endogenous and catching-up growth theories, innovation diffusion and digital transformation. The empirical base comprises annual statistical data for the Republic of Kazakhstan for 2010–2025. Correlation and multiple regression analysis are used as the principal methods. The initial specification includes ICT expenditure, population, retail trade turnover, the number of organizations using the Internet and internal R&D expenditure; after assessing interrelations among the factors, ICT and R&D expenditure are retained in the final model. The results indicate a positive relationship between technological and innovation activity and the formation of gross value added. The study substantiates the need for further development of ICT infrastructure, innovation financing and public-private partnership mechanisms.

Keywords: information and communication technologies, investment, economic growth, gross value added, digitalization, innovation, R&D, regression analysis, Kazakhstan.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Битенова Б. Влияние инвестиций в ИКТ на экономический рост в Казахстане // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 20–30.

APA

Bitenova, B. (2026). The impact of ICT investment on economic growth in Kazakhstan [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 20–30.

Введение

Новейшие экономические исследования в области теории эволюционного и эндогенного роста свидетельствуют, что решающую роль в развитии экономических систем играют знания и технологии. Процесс цифровой трансформации экономики в значительной степени определяет эффективность развития экономики. Ее конкурентоспособность в условиях глобализации и международной интеграции, во многом определяется накопленным и реализованным в стране человеческим капиталом. Как известно, ведущие страны мира достигли успехов в области научно-технического прогресса за счет интенсивного развития сферы образования, науки и здравоохранения.

Данная проблема имеет особую актуальность для Казахстана, экономика которого в значительной степени зависит от добычи и продажи полезных ископаемых, а доля высоких технологий невысока. Неотложная задача перехода от сырьевой экономики к инновационному развитию состоит в повышении конкурентоспособности за счет использования передовых технологий, что требует качественного развития новых видов капитала – человеческого и социального. При этом Казахстан имеет инновационный потенциал, выраженный в высоком уровне образованного населения, в высокой доле специалистов высшей квалификации, а также ресурсов для реализации государственных программ, направленных на цифровое развитие. Однако, недостаточные масштабы внедрения ИКТ в регионах, а также отсутствие производства ИКТ-оборудования, практически во всех регионах Республики, сдерживает эффективность инновационной политики.

В основу методологии положена количественная оценка влияния затрат на ИКТ на увеличение ВДС в РК. В качестве основного метода моделирования связей между ИКТ и социальными услугами и ростом валовой добавленной стоимости использованы инструменты экономико-математического моделирования.

Большое значение при проведении данного исследования принадлежит изучению проникновения информационно-коммуникационных технологий в отрасли, которые способствует росту эффективности и конкурентоспособности экономики. В основе механизма широкого распространения ИКТ лежит процесс передачи данных, информации и знаний, обмен научными и инженерными мыслями, а также сообщениями о результатах, полученных в предпринятых исследованиях.

Экономисты начали подходить к изучению механизмов распространения инновационных процессов аналогично физическому явлению распространения в различных средах в середине прошлого века. Пространственная система обязательно развивается вместе с процессами распространения. Об этом свидетельствуют многочисленные фундаментальные исследования. Инновации распространяются по рыночным и нерыночным каналам, от места их первой реализации различным потребителем, странам, территориям, отраслям, рынкам и предприятиям [1]. Без широкого распространения и внедрения инноваций не имеет никакого экономического смысла.

Частью механизма распространения и внедрения инноваций являются каналы – пути проникновения нововведений. Их можно подразделить на межличностные (передача информации от человека к человеку непосредственно) и специальные или дистанционные (знаковые и технические средства передачи информации).

Сегодня ИКТ являются локомотивным инструментом опережающего развития во многих сферах экономики. Стало модным говорить о новых технологиях цифровой и электронной экономик. Данные понятия являются взаимозаменяемыми и означают практически одно и то же. Цифровая экономика становится новым инструментом, который откроет широкие возможности для всех сфер жизнедеятельности, поэтому очень важно понять, как цифровизировать различные структурные элементы [2].

Цифровые технологии позволяют менеджменту предприятий и физическим лицам сокращать транзакционные издержки взаимодействия во все больших масштабах и осуществлять более тесный контакт с хозяйствующими объектами и государственными структурами [3]. В результате формируется экономика, основанная на сетевых сервисах, т.е. цифровая или электронная [4, 5]. Так, Негропонте американский информатик представил электронную экономику как переход от движения атомов к движению битов. Эта концепция связана с интенсивным развитием ИКТ и началом процесса цифровизации общества, в основе которого лежит четвертая промышленная революция [6].

Формирование базовой модели настоящего исследования соответствует традиционным моделям догоняющего эндогенного роста. Эта модель в своей основе была сформулирована еще в 30-е годы прошлого века японским экономистом К. Акамацу [7]. В последующие годы основные положения теории «гусиного клина» получили дальнейшее развитие в научной концепции «ускоренного догоняющего» развития.

Один из ее идеологов Дж.Сакс определяет процесс догоняющего развития как процесс, в котором экономика с более низким уровнем технологий и дохода сокращает разрыв в уровне с экономиками, обладающими более совершенными технологиями и более высоким уровнем благосостояния, с помощью использования инноваций и перетока капитала от «лидера» к «ведомому» [8]. Основополагающим стержнем догоняющего развития экономики выступают ускоренная реиндустриализация, модернизация, предполагающая использование информационных и операционных технологий, эффективных источников энергии, углубление разделения труда, развитие товарного и денежного рынков. Указанная теория в последнее время получила строгое математическое обоснование благодаря работам Д.Л. Анселина, Д.Аудреша и М.Ф. Фелдмана [9, 10].

П. Ромер теоретически обосновал влияние эндогенных факторов на экономический рост. В его расчетах содержатся обобщения локализованных эффектов, положительно влияющих на инновационную деятельность [11].

Ряд российских ученых изучают влияние информационно-коммуникационных технологий на различные отрасли экономики, особое внимание уделяется таким секторам как здравоохранение, образование и наука [12, 13].

Новые технологии являются самым заметным признаком изменения экономических систем, и их зачастую называют драйвером развития экономики. Основная идея таких рассуждений заключается в том, что увеличившийся объем технологических инноваций в области обработки и передачи данных приводит к переустройству социально-экономических отношений, так как их воздействия достаточно значительны. Многие исследователи в своих работах отмечают важность влияния технологических новаций. Распространение цифровых технологий дает повод к рассуждению о формировании новых социально-экономических отношений, цифровой экономики [14].

Каждая страна имеет свои специфические особенности, которые определяют общую модель цифровой экономики, развитие информационной инфраструктуры, создание и применение информационно-коммуникационных технологий и механизмы их реализации. Эти особенности имеют разный характер, но постепенно формируются новые экономические отношения, и экономика становится все более интегрированной в мировое сообщество, возникает острая необходимость в структурных изменениях и более тесном взаимодействии государства и частного сектора. Появились и начинает играть все более значимую роль такая эффективная структура, как государственно-частное партнерство (ГЧП). Повышенный интерес к данному взаимодействию государства и бизнеса объясняется тем, что во многих странах объединение ресурсов государственного и частного секторов позволяет эффективно решать крупные социальные и экономические проблемы и развивать свои информационные инфраструктуры.

Большинство ГЧП сфокусировано на базовых направлениях, определяя цели и задачи

развития:

- ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических отделов);

- основных инфраструктурных элементов цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность).

В мировой практике существует много успешных примеров государственно-частного партнерства, которые можно увидеть в работах таких ученых, как Никонова И.А., Ярыгина И.З., Мочальников В.Н. [15, 16].

Особую актуальность данная тема представляет для социально значимых сфер, таких как медицина, образование, социальное обслуживание, культура, спорт и т.д. Необходимы серьезные изменения в управлении этих отраслей, преследующие цель, заключающуюся в разработке новых подходов, методов и форм работы организаций, корректировка системы взаимоотношений с постоянно изменяющейся внешней средой.

Начиная с 2009 года международный союз электросвязи (МСЭ) ежегодно публикует отчет «Измерение информационного общества», который представляет развитие ИКТ, оценивающий результаты по странам относительно инфраструктуры ИКТ и навыков, а также индекс корзины цен на ИКТ, который отслеживает и сравнивает стоимость и доступность ИКТ.

Одним из международно признанных инструментов оценки уровня цифрового развития стран является Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index, IDI), рассчитываемый Международным союзом электросвязи (МСЭ). В первоначальной методологии IDI представлял собой комплексный индекс, объединявший 11 показателей, сгруппированных в три субиндекса: доступ к ИКТ (ICT access), использование ИКТ (ICT use) и навыки в области ИКТ (ICT skills). В рамках данной методологии Казахстан демонстрировал достаточно высокий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. Так, по данным ITU, в 2016 г. значение IDI Казахстана составляло 6,72 балла, что соответствовало 51-му месту в мировом рейтинге. В 2017 г. индекс увеличился до 6,79 балла, однако позиция страны снизилась на одну строку — до 52-го места в мире. При этом среди стран СНГ Казахстан в 2017 г. занимал третью позицию, уступая Беларуси и Российской Федерации [17].

Вместе с тем непосредственное продолжение данного динамического ряда после 2017 г. МСЭ признал методологически некорректным. В 2023 г. Международный союз электросвязи возобновил публикацию ICT Development Index на основе новой методологии, утвержденной государствами — членами ITU в ноябре 2023 г. [18]. В отличие от прежнего подхода, современный IDI ориентирован на оценку достижения универсальной и значимой подключенности (Universal and Meaningful Connectivity). Динамика изменения показателей ИКТ согласно новой методике показана на рисунке 1.

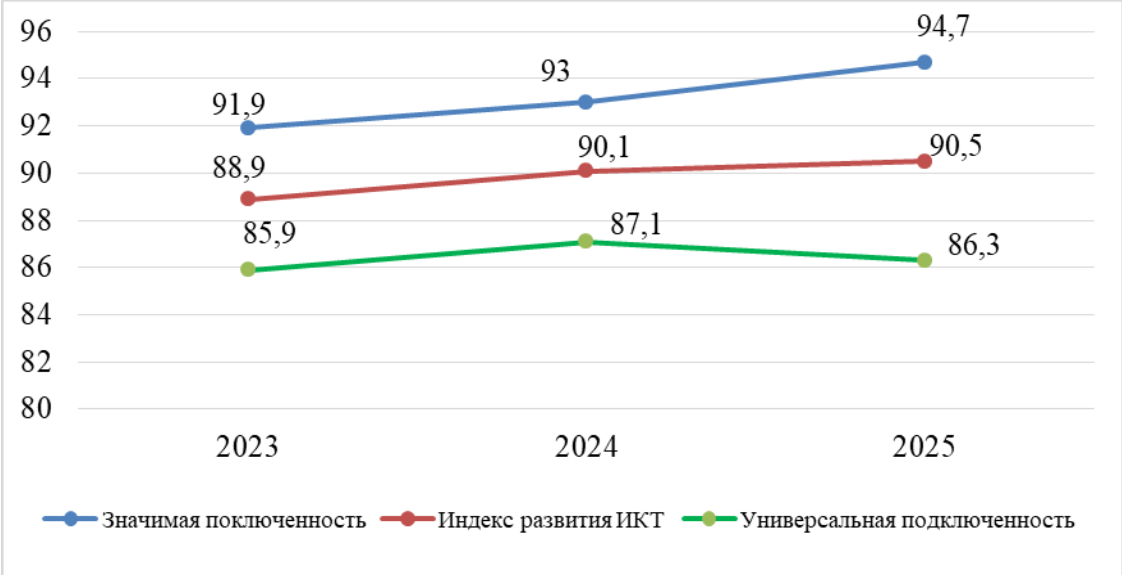

Рисунок 1 – Динамика изменения показателей Республики Казахстан по развитию ИКТ
Источник: составлено автором по данным International Telecommunication Union (ITU), ICT Development Index [18]

Анализ компонентов Индекса развития ИКТ свидетельствует, что в Казахстане более высокие значения характерны для показателя значимой подключённости (Meaningful Connectivity), отражающего качество и возможности полноценного использования

цифровой инфраструктуры. В 2025 г. его значение достигло 94,7 балла, тогда как показатель универсальной подключённости (Universal Connectivity), характеризующий степень охвата населения возможностями доступа к ИКТ, составил 86,3 балла. Сложившийся разрыв указывает на то, что дальнейшее развитие цифровой среды Казахстана связано не только с повышением качества цифровых услуг, но и с расширением равномерного и всеобщего доступа населения к ним [18].

В настоящее время инвестирование в секторе ИКТ становится приоритетным направлением для многих стран. Многочисленные исследования и успешный мировой опыт доказали, что развитый сектор информационных технологий (ИТ) способствует росту эффективности и конкурентоспособности экономики [19]. Южная Корея является классическим примером таких эффектов, так как за период с 1999 по 2003 гг. сектор информационных технологий здесь возрос на 43%. Для сравнения отметим, что за этот же период в Сингапуре рост составил 5%, в Малайзии – менее 1%. Успех Южной Кореи объясняется тем, что развитие сектора ИКТ было поставлено в национальный приоритет, что потребовало, в свою очередь, значительных субсидий со стороны государства. Эти действия привели к тому, что сектор ИКТ стал самым крупным сегментом национальной экономики, на который приходится 17% валового национального продукта страны и 43% всего южнокорейского экспорта [20].

Уникальность текущей ситуации в том, что около 5,5% мирового ВВП приходится на сектор ИКТ, это говорит о том, что ИКТ становится серьезным фактором роста ВВП мировой экономики [20].

Сегодня даже в странах, вступивших в постиндустриальный период экономического развития, информационные технологии продолжают оставаться основой экономики. Дело в том, что кроме экономического аспекта, сектор ИКТ обладает исключительной способностью выстраивать более устойчивые отношения. По итогам последних исследований потребительских рынков консалтинговой компанией McKinsey, утверждается, что ИКТ входит в четверку ведущих сфер хозяйственной деятельности по интенсивности влияния на современное общество, следуя за здравоохранением, сельским хозяйством и сфере коммунальных услуг. На рисунке 2 представлены отрасли, оказывающие наибольшее влияние на общественное развитие [20].

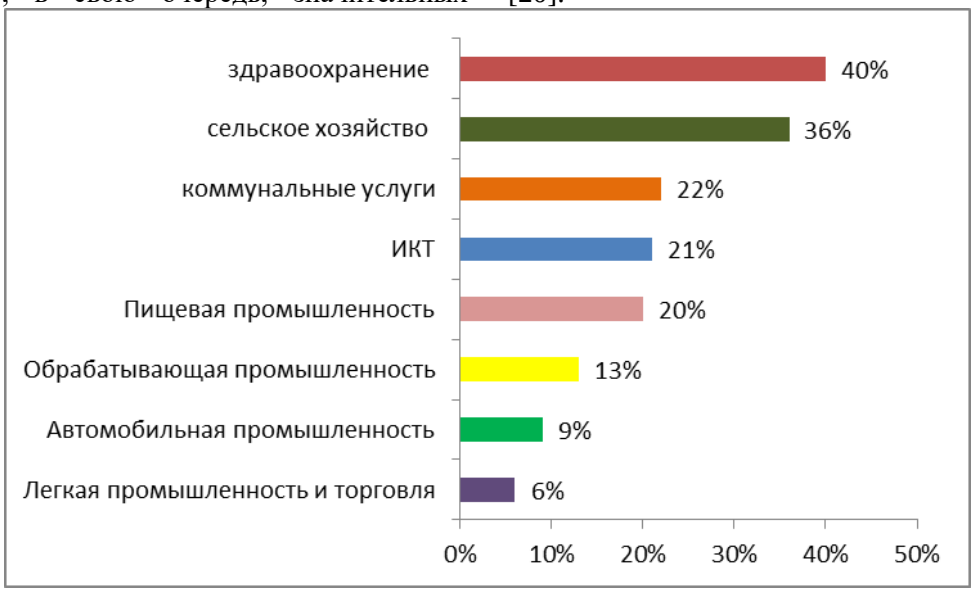

Рисунок 2 – Отрасли оказывающие наибольшее влияние на общественное развитие, % (от числа опрошенных потребителей)

Использование современных ИКТ вызвано большими объемами информации, способами ее получения, обработки и передачи. Поэтому, появление в выступлениях президента К.Токаева о том, что цифровая экономика будет определять будущее и по сути, является локомотивом развития страны. В связи с этим, внедрение и широкое использование современных ИКТ направлены на рационализацию труда, обеспечению доступности и повышению качества товаров и услуг, что определяет актуальность исследования.

Информационные технологии, на сегодняшний день, являющиеся составляющей основного капитала, позволяют, с одной стороны облегчить труд, заменяя физическую энергию человека и увеличивая производительность труда. С другой стороны, растет доля основного капитала в стоимости произведенного продукта или услуги в расчете на одного работающего

(капиталовооруженность труда). По мере роста капиталовооруженности труда растет и квалификация работающих, так как информационные технологии способствуют развитию интеллектуальных способностей специалистов. Поэтому в совокупности труд и основной капитал позволят нарастить объемы продаж товаров и услуг (в дальнейшем объем производства), при этом без особого напряжения улучшая качество произведенной продукции или услуги, в нашем случае качество медицинского обслуживания и экономия времени. В результате у человека появляется больше свободного времени. Этот результат корреспондируется всеобщим экономическим законом экономии времени, выражающим источник и способ повышения общественного воспроизводства.

Закон экономии времени был сформулирован К.Марксом в связи с выявлением исторически переходящего значения денег как стоимостной формы проявления общества, характер производства. Суть этого закона заключается в устранении противоречия между необходимостью увеличения свободного времени и занятым временем [21].

Экономия занятого времени и увеличение свободного времени являются составляющими общественного прогресса. Сегодня страны мира, которые имеют высокие результаты научно-технического прогресса, высокий уровень культуры населения, высокий уровень медицинского обслуживания главным образом

Параметры уравнения множественной регрессии оцениваются методом наименьших квадратов. При его применении строится система нормальных уравнений, решение которой позволяет получить оценки параметров регрессии [22].

Параметры при количественной объясняющей переменной интерпретируется как среднее изменение результирующей переменной при единичном изменении самой объясняющей переменной и неизменных значениях остальных независимых переменных. Свободный член определяет значение y при нулевых значениях всех факторных переменных Результаты расчетов по этой модели позволят охарактеризовать количественную взаимосвязь между валовой добавленной стоимостью и расходами на ИКТ.

В применяемой нами модели в качестве зависимой переменной выступает валовая добавленная стоимость здравоохранения и оценивается зависимость от различных факторов.

достигают этого благодаря увеличению свободного времени за счет экономии занятого времени.

Материалы и методы

Для экспериментального тестирования изучаемой проблемы авторами была выдвинута гипотеза: предполагается, что показатели ИКТ имеют статистически значимое и положительное влияние на экономический рост. В соответствии с теоретическими подходами к исследованию инноваций, они активизируют процесс создания валовой добавленной стоимости.

Для расчета модели были использованы ежегодные данные Комитета по статистике Министерства Национальной экономики РК за временной период с 2010 по 2025 годы.

Экономическим результатом является показатель валовой добавленной стоимости, который измеряется в системе национальных счетов.

На показатель валовой добавленной стоимости, безусловно, влияет много факторов, совокупное влияние которых может быть корректно учтено на основе корреляционно-регрессионной модели.

Одним из методов, который позволяет исследовать зависимость одной переменной от нескольких объясняющих факторных переменных оказывающих на нее влияние, является множественный регрессионный анализ. Для этого строится уравнение множественной линейной регрессии.

Для включения в модель были выбраны следующие показатели (Таблица 1):

Y (зависимая переменная) – валовая добавленная стоимость, млн.тг

X1 – затраты на ИКТ, млн.тг

X2 – численность населения, человек

X3 – объем розничной торговли, млрд.тг

X4 – количество организаций, использующих интернет, едц.

X5 – внутренние затраты на НИОКР, млн.тг

Выбор указанных показателей был обусловлен необходимостью учесть экономические, демографические, цифровые и инновационные факторы формирования валовой добавленной стоимости. Для отбора факторов, которые должны быть включены в множественное линейное уравнения регрессии будем использовать статистические данные указанных показателей за период с 2010 по 2025 годы (Таблица 1).

Таблица 1 – Исходные данные за 2010-2025 годы в разрезе анализируемых параметров

года	Y	x1	x2	x3	x4	x5
2010	20 649 031,60	147 538,30	16 203 173	3197,1	45 354	33 466,80
2011	25 746 635,30	214 179,70	16 440 254	3865,8	48 064	43 351,60
2012	28 528 090,10	309 821,20	16 673 643	4567,7	49 853	51 253,10
2013	32 896 601,00	220 847,70	16 909 799	5474,3	58 456	61 672,70
2014	36 651 572,20	237 079,40	17 160 220	6 332,30	52 630	66 347,60
2015	38 783 900,40	375 600,40	17 414 887	6 555,80	65 186	69 302,90
2016	44 337 585,50	269 526,70	17 668 720	7 974,40	75 779	66 600,10
2017	51 195 859,30	349 943,60	17 916 623	8 892,90	79 658	68 884,20
2018	57 706 553,30	305 217,40	18 155 825	10 045,80	100 702	72 224,60
2019	64 681 604,80	337 712,70	18 394 642	11 327,60	105 531	82 333,10
2020	66 828 235,10	388 928,50	18 630 920	11 730,00	110 246	89 028,70
2021	79 096 070,30	443 121,30	18 878 966	13 709,30	107 121	109 332,70
2022	96 367 515,50	589 852,50	19 503 159	16 748,10	124 603	121 560,10
2023	110 601 119,00	918 349,90	19 766 807	19 959,20	121 439	172 585,90
2024	128 406 828,10	678 032,60	20 033 842	23 558,80	131 012	219 669,80
2025	150 253 874,40	800 308,30	20 283 399	27 709,30	113 998	335 928,00

Примечание – составлено автором по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан

Далее, для построения модели был использован пакет прикладных программ Microsoft Office, позволивший получить матрицу корреляции. В таблице 2 представлена матрица корреляции, позволившая увидеть перечень факторов, которые непосредственно оказывают влияние на Y, и исключить те которые не могут быть использованы дальше для построения эконометрической модели анализируемой совокупности параметров.

Таблица 2 – Матрица корреляции

	Y	x1	x2	x3	x4	x5
Y	1					
x1	0,919794785	1				
x2	0,968061033	0,89729197	1			
x3	0,999449115	0,917283317	0,964516581	1		
x4	0,875927686	0,789123195	0,955598199	0,86801557	1	
x5	0,943534374	0,855385423	0,844607682	0,949626418	0,680400257	1

Таблица 3 - Качественная интерпретация теоретического корреляционного отношения осуществляется на основе шкалы Чеддока [23]:

Коэффициент корреляции по абсолютной величине	**0,1 - 0,3**	**0,3 – 0,5**	**0,5 – 0,7**	**0,7 – 0,9**	**0,9 -0,99**
Характеристика силы связи	слабая	Умеренная	заметная	высокая	Весьма высокая

Результаты/Обсуждение

Из таблиц 2 и 3 видно, что на анализируемый показатель Y-«валовая добавленная стоимость, млн.тг» оказывают весьма высокое влияние такие факторы, как X1, X2, X3, и X5, в них коэффициент корреляции превышает 90%, фактор X4 – высокую, он больше 80.

Существенным условием корректности многофакторной регрессии является отсутствие высокой мультиколлинеарности, то есть чрезмерно тесной взаимосвязи между независимыми переменными. Проведенная предварительная оценка исходного набора показателей выявила наличие высокой взаимосвязи между рядом объясняющих переменных. Особенно высокая взаимосвязь была выявлена для показателя объема розничной торговли. Его динамика практически синхронна с изменением ВДС, вследствие чего включение данного показателя в регрессионную модель в значительной степени поглощает вариацию

результирующей переменной. В такой спецификации влияние непосредственно исследуемого фактора — затрат на ИКТ — становится статистически менее выраженным. Поэтому показатель розничной торговли был исключен из окончательной спецификации модели.

Численность населения также не была включена в итоговый вариант. Данный показатель является важной общей характеристикой масштаба национальной экономики, однако его изменение происходит относительно плавно и не позволяет непосредственно охарактеризовать интенсивность технологической трансформации. Кроме того, его включение совместно с другими трендовыми макроэкономическими переменными увеличивает риск мультиколлинеарности.

Показатель количества организаций, использующих Интернет, первоначально рассматривался в качестве характеристики распространения цифровых технологий в предпринимательском секторе. Вместе с тем на современном этапе развития цифровой экономики использование Интернета организациями приобрело практически универсальный характер. Вследствие этого данный показатель в большей степени отражает степень распространения базовой цифровой инфраструктуры, чем интенсивность инвестиционных процессов в сфере цифровизации. Кроме того, его динамика тесно связана с общим развитием ИКТ, что создает риск частичного дублирования информации, содержащейся в показателе затрат на ИКТ.

В результате последовательного отбора факторов в окончательной спецификации было принято решение оставить два объясняющих показателя — затраты на ИКТ и внутренние затраты на НИОКР. Такой выбор обусловлен не только статистическими характеристиками переменных, но и экономическим содержанием исследования.

Затраты на ИКТ выступают основным фактором модели, поскольку непосредственно характеризуют объем ресурсов, направляемых на внедрение, использование и развитие информационно-коммуникационных технологий. Данный показатель позволяет количественно оценить инвестиционную составляющую цифровой трансформации и определить ее связь с созданием валовой добавленной стоимости.

Внутренние затраты на НИОКР, в свою очередь, характеризуют инновационную составляющую экономического развития. Научные исследования и разработки формируют предпосылки для создания новых технологий, продуктов и производственных процессов, повышения производительности труда и технологического обновления экономики. Включение данного показателя позволяет отделить собственно цифровую составляющую экономического роста от более широкого инновационно-технологического фактора.

1. Следовательно, в модель множественной регрессии необходимо включить два вышеуказанных фактора X1 и X5. Таким образом, два выбранных фактора имеют различное, но взаимодополняющее экономическое содержание. Затраты на ИКТ отражают цифровую составляющую технологического развития, тогда как затраты на НИОКР характеризуют его инновационную составляющую. Их совместное включение позволяет оценить связь технологического развития с формированием валовой добавленной стоимости и одновременно избежать избыточного количества взаимосвязанных объясняющих переменных.

2. Таким образом, искомое двухфакторное линейное уравнение регрессии будет иметь вид:

Затем, используя надстройку «Анализ данных», проведем вычисления по расчету показателей будущей регрессионной модели (Таблица 4).

Таблица 4 – Регрессионная статистика

Параметр	**Показатель**
Регрессионная статистика	
Множественный R	0,97
R-квадрат	0,94
Нормированный R-квадрат (приведенный коэффициент детерминации)	0,928002
Стандартная ошибка	10410862
Наблюдения	16
Коэффициенты	
Y-пересечение	4314490
Расходы на ИКТ	73,37268

Параметр	Показатель
Внутренние затраты на НИОКР, млн тг	288,8189

В результате аппроксимации исходных статистических данных с помощью инструмента «Регрессия» (Анализ данных в Microsoft Office Excel) было получено следующее двухфакторное линейной уравнение регрессии:

y=4314490+73,37x_1+288,82x_5," " R^2=0,94

После построения уравнения множественной линейной регрессии необходимо оценить качество модели по следующим направлениям:

проверка качества уравнения регрессии (коэффициент корреляции, коэффициент детерминации);

проверка значимости уравнения регрессии (критерий Фишера);

анализ статистической значимости параметров модели (критерий Стьюдента);

Коэффициент множественной корреляции равен R=0,96, что свидетельствует о тесной взаимосвязи результирующего признака с двумя факторными признаками одновременно.

Кроме того, из данных протокола выполнения регрессионного анализа имеем, что наблюдаемое значение критерия Фишера равно F_(набл.)=97,67. Критическое значения критерия Фишера при уровне значимости и числе степеней свободы k_1=m=2 , k_2=n-m-1=13 (где n – число наблюдений, m – число факторов) равно F_(крит.) (2;13)=3,81. Так как ("97,67">3,81) следовательно, полученное уравнение регрессии статистически значимо и надежно.

Значимость параметров полученного уравнения регрессии проверим с помощью t-критерия Стьюдента. В регрессионной модели в скобках указаны t-статистики для соответствующих коэффициентов. Сравнивая абсолютные значения наблюдаемых значений t-статистики с критическим значением t_(крит.)=2,16 (при уровне значимости и числе степеней свободы k=n-m-1=13) можно сделать вывод о наличии статистически значимой положительной связи между расходами на ИКТ и валовой добавленной стоимостью.

Таким образом, проведенный регрессионный анализ показывает, что оба включенных в модель фактора имеют положительные и статистически значимые коэффициенты. Это позволяет сделать вывод о наличии тесной связи технологической и инновационной активности с формированием валовой добавленной стоимости Республики Казахстан.

Особенно важным с позиции цели исследования является статистическая значимость расходов на ИКТ. Полученные результаты показывают, что увеличение финансирования информационно-коммуникационных технологий сопровождается ростом ВДС даже при одновременном учете инновационной составляющей, представленной затратами на НИОКР. Это подтверждает значимость процессов цифровизации для экономического развития страны.

Заключение

Одним из приоритетов Республики Казахстан, с точки зрения устойчивого и стабильного роста благосостояния населения, является цифровизация всех сфер экономики, которая должна стать единой, развитой, социально ориентированной системой, признанной обеспечить доступность, своевременность, качество товаров и услуг населению.

Сегодня стремительное развитие информационно-коммуникационных услуг становится ключевым фактором, который способствует включению Республики Казахстан в глобальные экономические процессы.

Исходя из мировых тенденций инновационного развития можно сделать вывод, что на сегодняшний день в Казахстане требуется обеспечение дальнейшего развития ИКТ.

Исследование подтверждает основное теоретическое положение о том, что использование ИКТ является важным фактором, способным повлиять на рост добавленной стоимости в экономике.

Акцент при внедрении ИКТ расставлен на сборе аналитической информации для принятия управленческих и финансовых решений, позволяющих специалистам оказывать безопасные, качественные, своевременные и доступные услуги.

В целях увеличения доли ВДС рекомендуется создание новых взаимоотношений на основе ГЧП. Данные шаги, в совокупности с новыми подходами в сфере информатизации, реализуемые в соответствии с концепцией развития и государственными программами, позволяют модернизировать электронное здравоохранение в ближайшие годы.

Таким образом, решение этих задач будет важным фактором повышения качества жизни граждан, экономического роста и в конечном счете долгосрочной экономической безопасности Казахстана.

Список литературы

1. OECD/Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. – Paris/Luxembourg: OECD Publishing/Eurostat, 2018. – 256 p. DOI: 10.1787/9789264304604-en.

2. Сатпаева З.Т., Калымбекова Ж.К. Инновационные подходы по оптимизации работы государственной программы с учетом цифровых преобразований // Экономика: стратегия и практика. – 2019. – № 2 (15). – С. 155–165.

3. Katz R.L. The Transformative Economic Impact of Digital Technology [Электронный ресурс] // UNCTAD, Commission on Science and Technology for Development, eighteenth session. – 2015. – [Электронный ресурс] Режим доступа: https://unctad.org/meeting/commission-science-and-technology-development-eighteenth-session

4. Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. ICT and Productivity: Conclusions from the Empirical Literature // Information Economics and Policy. – 2013. – Vol. 25. – No. 3. – P. 109–125. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2012.12.002.

5. Паньшин Б.Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. – 2016. – № 3 (157). – С. 17–20.

6. Negroponte N. Being Digital. – New York: Alfred A. Knopf, 1995.

7. Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing Economies. – 1962. – Vol. 1. – P. 3–25. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x.

8. Sachs J.D. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. – New York: Penguin Press, 2005.

9. Anselin L., Varga A., Acs Z. Local Geographic Spillovers between University Research and High Technology Innovations // Journal of Urban Economics. – 1997. – Vol. 42. – No. 3. – P. 422–448. DOI: 10.1006/juec.1997.2032.

10. Audretsch D.B., Feldman M.P. R&D Spillovers and the Geography of Innovation and Production // American Economic Review. – 1996. – Vol. 86. – No. 3. – P. 630–640.

11. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // Journal of Political Economy. – 1986. – Vol. 94. – No. 5. – P. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420.

12. Леонов С.А. Интеграция здравоохранения, образования и информационно-коммуникационных технологий в рамках цифровизации отечественной медицины // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2018. – № 3 (19). – С. 35–39.

13. Коробкова О.К. Теоретические аспекты развития организационно-экономического механизма предоставления услуг здравоохранения в условиях цифровой экономики: монография. – Хабаровск: Издательство ДВГМУ, 2018. – 244 с.

14. Семенов Ю.А. IT-экономика в 2016 году и через 10 лет // Экономические стратегии. – 2017. – № 1 (143). – С. 126–135. – [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.inesnet.ru/article/it-ekonomika-v-2016-godu-i-cherez-10-let/

15. Никонова И.А., Ярыгина И.З. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт проектного финансирования: сборник статей. – М.: КноРус, 2018. – Вып. 2. – 268 с.

16. Мочальников В.Н. Государственно-частное партнерство: отечественный опыт, мировые тенденции, вектор развития для России. – М.: Экономика, 2012. – 351 с.

17. International Telecommunication Union. Measuring the Information Society Report 2017. – Geneva: ITU, 2017. – [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2017.aspx

18. International Telecommunication Union. Measuring Digital Development: ICT Development Index 2025. – Geneva: ITU, 2025. – Режим доступа: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2025/

19. Бурков С.С. Информационные технологии и их роль в мировой инновационной экономике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2013. – № 1 (13). – С. 108–111.

20. Beardsley S.C., Enriquez L., Bonini S., Sandoval S., Brun N. Fostering the Economic and Social Benefits of ICT // The Global Information Technology Report 2009–2010: ICT for Sustainability / ed. by S. Dutta, I. Mia. – Geneva: World Economic Forum, 2010. – P. 61–70. – [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf

21. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1–167.

22. Емелина Н.К., Козлова Н.Г. Эконометрика: учебное пособие. – Караганда: КЭУК, 2015. – 167 с.

23. Дудин М.Н., Лясников Н.В., Лезина М.Л. Статистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 374 с. – ISBN 978-5-9916-8908-3. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/414117

References

1. OECD/Eurostat. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris/Luxembourg: OECD Publishing/Eurostat, 2018. 256 p. DOI: 10.1787/9789264304604-en.

2. Satpaeva Z.T., Kalymbekova Zh.K. Innovatsionnye podkhody po optimizatsii raboty gosudarstvennoi programmy s uchetom tsifrovykh preobrazovanii // Ekonomika: strategiya i praktika. 2019. No. 2 (15). P. 155–165. [in Russian].

3. Katz R.L. The Transformative Economic Impact of Digital Technology // UNCTAD, Commission on Science and Technology for Development, eighteenth session. 2015. Available at: https://unctad.org/meeting/commission-science-and-technology-development-eighteenth-session

4. Cardona M., Kretschmer T., Strobel T. ICT and Productivity: Conclusions from the Empirical Literature // Information Economics and Policy. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 109–125. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2012.12.002.

5. Panshin B.N. Tsifrovaya ekonomika: osobennosti i tendentsii razvitiya // Nauka i innovatsii. 2016. No. 3 (157). P. 17–20. [in Russian].

6. Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995.

7. Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // The Developing

Economies. 1962. Vol. 1. P. 3–25. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x.

8. Sachs J.D. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. New York: Penguin Press, 2005.

9. Anselin L., Varga A., Acs Z. Local Geographic Spillovers between University Research and High Technology Innovations // Journal of Urban Economics. 1997. Vol. 42. No. 3. P. 422–448. DOI: 10.1006/juec.1997.2032.

10. Audretsch D.B., Feldman M.P. R&D Spillovers and the Geography of Innovation and Production // American Economic Review. 1996. Vol. 86. No. 3. P. 630–640.

11. Romer P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. No. 5. P. 1002–1037. DOI: 10.1086/261420.

12. Leonov S.A. Integratsiya zdravookhraneniya, obrazovaniya i informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v ramkakh tsifrovizatsii otechestvennoi meditsiny // Aktualnye problemy ekonomiki i upravleniya. 2018. No. 3 (19). P. 35–39. [in Russian].

13. Korobkova O.K. Teoreticheskie aspekty razvitiya organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma predostavleniya uslug zdravookhraneniya v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki: monografiya. Khabarovsk: Izdatelstvo DVGMU, 2018. 244 p. [in Russian].

14. Semenov Yu.A. IT-ekonomika v 2016 godu i cherez 10 let // Ekonomicheskie strategii. 2017. No. 1 (143). P. 126–135. Available at: https://www.inesnet.ru/article/it-ekonomika-v-2016-godu-i-cherez-10-let/ [in Russian].

15. Nikonova I.A., Yarygina I.Z. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: zarubezhnyi opyt proektnogo finansirovaniya: sbornik statei. Moscow: KnoRus, 2018. Issue 2. 268 p. [in Russian].

16. Mochalnikov V.N. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: otechestvennyi opyt, mirovye tendentsii, vektor razvitiya dlya Rossii. Moscow: Ekonomika, 2012. 351 p. [in Russian].

17. International Telecommunication Union. Measuring the Information Society Report 2017. Geneva: ITU, 2017. Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2017.aspx

18. International Telecommunication Union. Measuring Digital Development: ICT Development Index 2025. Geneva: ITU, 2025. Available at: https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2025/

19. Burkov S.S. Informatsionnye tekhnologii i ikh rol v mirovoi innovatsionnoi ekonomike // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2013. No. 1 (13). P. 108–111. [in Russian].

20. Beardsley S.C., Enriquez L., Bonini S., Sandoval S., Brun N. Fostering the Economic and Social Benefits of ICT // The Global Information Technology Report 2009–2010: ICT for Sustainability / ed. by S. Dutta, I. Mia. Geneva: World Economic Forum, 2010. P. 61–70. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf

21. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii // Marks K., Engels F. Sochineniya. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1959. Vol. 13. P. 1–167. [in Russian].

22. Emelina N.K., Kozlova N.G. Ekonometrika: uchebnoe posobie. Karaganda: KEUK, 2015. 167 p. [in Russian].

23. Dudin M.N., Lyasnikov N.V., Lezina M.L. Statistika: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2018. 374 p. ISBN 978-5-9916-8908-3. Available at: https://urait.ru/bcode/414117 [in Russian].

УДК 378.4:330.341.1(574)
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.003

Зияда БОРБАСОВА, *доктор экономических наук, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая. 9, e-mail:borbasova@mail.ru*

Светлана ГЛАЗУНОВА, *докторант, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая. 9. e-mail: glazunova_sb@mail.ru*

Сайран УЛАКОВ, *доктор экономических наук, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая. 9. e-mail: sayran@mail.ru*

Айнур ТЫНГИШЕВА*, докторант, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая. 9. e-mail: ajnur-88@mail.ru*

ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗРЫВЫ ТРИАДЫ «ВУЗ-БИЗНЕС–ГОСУДАРСТВО»

Аннотация. В статье исследуются институциональные и экономические разрывы, препятствующие эффективному трансферу технологий в системе взаимодействия «вуз–бизнес–государство» в Республике Казахстан в контексте масштабной цифровой трансформации и распространения технологий искусственного интеллекта. На основе синтеза теории тройной спирали, концепции институциональных пустот, модели уровней технологической готовности (TRL) и подходов цифровой экологии предложена авторская аналитическая рамка, позволяющая идентифицировать пять ключевых типов разрывов: правовые, организационные, экономические, институциональные и цифровые. Особое внимание уделяется «долине смерти» инновационного цикла (TRL 4-6). Сформулированы практические рекомендации по разработке национальной политики преодоления разрывов в условиях активного развёртывания ИИ-технологий.

Ключевые слова: трансфер технологий; тройная спираль; институциональные пустоты; цифровая экология; искусственный интеллект; TRL; инновационная система; Казахстан.

Зияда БОРБАСОВА *- экономика ғылымдарының докторы, профессор, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ, Академическая көш,. 9, e-mail:borbasova@mail.ru*

Светлана ГЛАЗУНОВА *- PhD докторанты, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ, Академическая көш,. 9. e-mail: glazunova_sb@mail.ru*

Сайран УЛАКОВ *- экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ, Академическая көш,. 9. e-mail: sayran*@mail.ru

Айнур ТЫНГИШЕВА *- PhD докторанты, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ, Академическая көш,. 9. e-mail: ajnur-88@mail.ru*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТЕХНОЛОГИЯЛАР ТРАНСФЕРТІ: «УНИВЕРСИТЕТ-БИЗНЕС-ҮКІМЕТ» ТРИАДАСЫНДАҒЫ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ АЛШАҚТЫҚТАР

Түйін. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы ауқымды цифрлық трансформация және жасанды интеллект технологияларының таралуы жағдайында университет-бизнес-үкімет өзара әрекеттесу жүйесіндегі тиімді технологияларды трансферттеуге кедергі келтіретін институционалдық және экономикалық алшақтықтар(кеңістік) қарастырылады. Үштік спираль теориясының, институционалдық бос кеңістік тұжырымдамасының, Технологиялық дайындық деңгейлерінің (ТДД) моделінің және цифрлық экология тәсілдерінің синтезіне сүйене отырып, автор бес негізгі олқылық түрін анықтауға мүмкіндік беретін аналитикалық құрылымды ұсынады: құқықтық, ұйымдастырушылық, экономикалық, институционалдық және цифрлық. Инновациялық циклдің «өлім алқабына» ерекше назар аударылады (TRL(ТДД) 4–6). Жасанды интеллект технологияларын белсенді түрде енгізу аясында осы ашақтықтарды жою үшін ұлттық саясатты әзірлеу бойынша практикалық ұсыныстар жасалған.

Түйінді сөздер: технологиялар трансфері; үштік спираль; институционалдық бос кеңістіктер; цифрлық экология; жасанды интеллект; TRL; инновациялық жүйе; Қазақстан.

Ziyada BORBASOVA *- Doctor of Economics, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, st. Academic. 9, e-mail: borbasova@mail.ru*

Svetlana GLAZUNOVA, *PhD student, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, st. Academic. . e-mail:* glazunova_sb@mail.ru

Sayran ULAKOV, *candidate of Economic Sciences, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, st. Academic. 9. e-mail: sayran*@mail.ru

Ainur TYNGISHEVA, *PhD student, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, st. Academic. 9. e-mail: ajnur-88@mail.ru*

TECHNOLOGY TRANSFER IN KAZAKHSTAN: INSTITUTIONAL AND ECONOMIC GAPS IN THE “UNIVERSITY–BUSINESS–GOVERNMENT” TRIAD

Abstract. The article examines the institutional and economic gaps that hinder effective technology transfer within the “university–business–government” interaction system in the Republic of Kazakhstan in the context of large-scale digital transformation and the spread of artificial intelligence technologies. Based on a synthesis of the Triple Helix theory, the concept of institutional voids, the Technology Readiness Levels (TRL) model, and digital ecology approaches, the article proposes an original analytical framework that makes it possible to identify five key types of gaps: legal, organizational, economic, institutional, and digital gaps. Particular attention is paid to the “valley of death” in the innovation cycle (TRL 4–6). Practical recommendations are formulated for developing a national policy aimed at overcoming these gaps amid the active deployment of AI technologies.

Keywords: technology transfer; Triple Helix; institutional voids; digital ecology; artificial intelligence; TRL; innovation system; Kazakhstan.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Борбасова З., Глазунова С., Улаков С., Тынгишева А. Трансфер технологий в Казахстане: институциональные и экономические разрывы триады «вуз-бизнес-государство» // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 30–38.

APA

Borbasova, Z., Glazunova, S., Ulakov, S., Tyngisheva, A. (2026). Technology transfer in Kazakhstan: institutional and economic gaps in the “university-business-government” triad [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 30–38.

Введение

В 2026 году, объявленном Указом Президента Республики Казахстан «Годом цифровизации и искусственного интеллекта», проблематика трансфера технологий приобретает принципиально новое измерение. Казахстан реализует масштабный разворот от сырьевой экономики к экономике знаний,

провозглашённый в Стратегии «Казахстан–2050» и конкретизированный в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта 2024 года. Тем не менее, несмотря на значительные институциональные и финансовые усилия государства, разрывы между научными разработками вузов и их коммерческим применением в реальном секторе экономики не только сохраняются, но в ряде аспектов усугубляются под воздействием цифровой трансформации.

Парадокс состоит в следующем: цифровые технологии и ИИ одновременно выступают инструментом преодоления существующих разрывов и источником принципиально новых - регуляторных, кадровых, культурных, инфраструктурных. Казахстан занял 39-е место в Глобальном индексе цифровой конкурентоспособности IMD (2025) [15], однако данная позиция отражает прежде всего успехи в области государственной цифровой инфраструктуры, а не глубину инновационного взаимодействия между тремя ключевыми акторами: университетами, бизнесом и государством.

Цель настоящей статьи - разработать аналитическую рамку идентификации и классификации институциональных и экономических разрывов в системе «вуз-бизнес–государство» в Казахстане, раскрыть механизмы их воспроизводства в условиях цифровизации и ИИ, а также сформулировать политические рекомендации по их преодолению.

Гипотеза исследования: неэффективность трансфера технологий в Казахстане обусловлена не недостаточностью государственного финансирования, а системными институциональными и экономическими разрывами в триаде «вуз–бизнес–государство», воспроизводящимися посредством «статистической» деформации тройной спирали с гипертрофированным государственным актором, и их преодоление требует не только дополнительных бюджетных ассигнований, но прежде всего комплексных институциональных реформ - правовых, организационных и инфраструктурных.

Обзор литературы

Теоретическим основанием исследования служит концепция тройной спирали, разработанная Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом [1, 2], описывающая переплетение функций трёх институциональных акторов - университетов, государства и бизнеса. В её рамках университет трансформируется из «башни из слоновой кости» в предпринимательский университет [3], государство из регулятора превращается в венчурного инвестора, а бизнес принимает на себя образовательные функции. Эволюция от тройной к четверной (Carayannis & Campbell, 2009) [7] и пятерной (Carayannis et al., 2012) [8] спиралям отражает включение гражданского общества и экологического измерения, принципиально значимое для Казахстана, где цифровое гражданское общество ещё только формируется.

Для понимания казахстанской специфики ключевой является концепция «статистической модели» тройной спирали с доминированием государства. Исследования применительно к постсоветским экономикам (Klochikhin, 2012 [11]; Тайкулакова, 2024 [12]) убедительно демонстрируют, что именно данная конфигурация характерна для стран, где инновационная система формировалась как государственный проект, а не как результат эволюции рыночных взаимодействий. Концепция институциональных пустот Т. Кханна и К. Палепу [4] описывает ситуацию формирующихся рынков, где специализированные посредники - информационные агентства, регуляторные органы, структуры обеспечения контрактов - либо отсутствуют, либо функционируют неэффективно. Применительно к трансферу технологий институциональными пустотами выступают: слабые ОТТ, недостаточная защита ИС, дефицит посредников между академической и коммерческой средой.

Эмпирические исследования природы и барьеров трансфера технологий (Siegel et al., 2003 [10]; Rossoni et al., 2024 [9]) подчёркивают устойчивое взаимное недоверие между академической средой и бизнесом, несовместимость временных горизонтов принятия решений и систем стимулов, задаваемых публикационными KPI вуза и показателями прибыльности предприятия. Теория уровней технологической готовности (TRL) в применении к анализу инновационного финансирования позволяет локализовать зону «долины смерти» (TRL 4-6) как системный провал, характерный для государств переходного типа. Цифровая экология как аналитическая рамка рассматривает цифровую среду как сложную экосистему, в которой технологические, институциональные, экономические и культурные элементы находятся в динамическом взаимодействии [7, 8], что позволяет анализировать как новые барьеры, порождаемые ИИ-трансформацией, так и возможности для преодоления традиционных разрывов.

Методы и материалы

Исследование построено на многоуровневом методологическом фундаменте, сочетающем качественные и количественные подходы. На теоретическом уровне применяется

синтетический анализ: концепции тройной спирали, институциональных пустот и цифровой экологии рассматриваются как взаимодополняющие аналитические рамки.

Документальный анализ охватывает нормативно-правовую базу Казахстана в сфере инноваций и цифровизации: Закон «О науке и технологической политике» (2011, в ред. 2023), Государственную программу «Цифровой Казахстан» (2018–2022), Национальную стратегию развития ИИ Казахстана (2024) [13], Цифровой кодекс Республики Казахстан (2026) [18]. Статистический анализ основан на данных Бюро национальной статистики РК [16], Глобального инновационного индекса GII 2024 (ВОИС) [14], Глобального индекса цифровой конкурентоспособности IMD WCY Digital 2025 [15], Государственного реестра прав на объекты интеллектуальной собственности (ГРПОИС), а также материалов AUTM по лицензионной деятельности ОТТ [17].

Сравнительный анализ позволяет соотнести казахстанскую инновационную систему с моделями четырёх референтных стран: Израиля (модель инновационного государства - Yozma/Magnet), Финляндии (нордическая экосистема - Business Finland), Сингапура (азиатская платформенная модель - A*STAR/NRF) и США (предпринимательский университет - Bayh–Dole Act). Первичные данные собраны посредством трёхсекторного анкетного опроса представителей университетов, бизнеса и государственных органов в 2025-2026 гг. в шести регионах Казахстана, что обеспечивает репрезентативность в разрезе основных типов акторов инновационной системы.

Результаты/Обсуждение

Структурная деформация тройной спирали. Казахстанская конфигурация тройной спирали демонстрирует устойчивую деформацию — гипертрофию государственного актора при атрофии горизонтальных связей между университетами и бизнесом. Доля государственного финансирования в общем объёме затрат на НИОКР составляет свыше 65% (2023-2024 гг.) [16], тогда как в инновационно зрелых экономиках данный показатель не превышает 30–35%. Следствием является то, что взаимодействие «вуз–бизнес» реализуется преимущественно не как органическое партнёрство, а как государственно опосредованный контакт: при снятии государственного стимула взаимодействие, как правило, прекращается. По данным GII 2024 [14], Казахстан занимает лишь 72-е место по показателю сотрудничества университетов и промышленности в НИОКР - свидетельство структурного, а не конъюнктурного характера разрыва.

Дефицит инфраструктуры коммерциализации. Большинство ОТТ казахстанских вузов существуют формально: созданы по требованию государственных органов, но не располагают ни квалифицированными кадрами, ни устойчивыми операционными бюджетами, ни встроенностью в организационную культуру университета. Патентная активность вузов остаётся крайне низкой: доля патентов, полученных университетами, составляет менее 8% от общего числа охранных документов, выданных резидентам страны (ГРПОИС). Для сравнения: в ведущих американских исследовательских университетах совокупный доход от лицензионной деятельности ОТТ достигает десятков миллионов долларов ежегодно [17]. Критически важным является также отсутствие системы профессиональной подготовки менеджеров коммерциализации - специалистов, сочетающих технологическую экспертизу, правовые знания в области ИС и предпринимательские навыки.

Экономические разрывы: «долина смерти» TRL 4-6. Структура финансирования инноваций в Казахстане демонстрирует системный изъян: устойчивый разрыв на уровнях TRL 4-6, соответствующих стадиям прототипирования и пилотных испытаний (таблица 1). Государственные программы ориентированы преимущественно на фундаментальные исследования (TRL 1-4), коммерческие инвесторы готовы входить на стадии TRL 7-9. Проекты в промежутке системно лишены финансирования. Это подкрепляется данными по интенсивности НИОКР: 0,12–0,14% ВВП в 2022-2024 гг. [16] при показателях Израиля - 5,6%, Финляндии - 2,9%, среднемировом уровне - 2,7% (ЮНЕСКО). Объём венчурного рынка достиг ~73 млн долларов к 2025 году, однако это недостаточно для масштабирования наукоёмких стартапов с длительными инвестиционными циклами.

Таблица 1 - Структура разрыва финансирования по уровням TRL в Казахстане

Уровень TRL	Содержание стадии	Источник финансирования	Характер разрыва
TRL 1–3	Фундаментальные и прикладные исследования	Государственное финансирование НИОКР	Финансирование достаточное

		(МНВО РК, НАН)	
TRL 4–6	Прототипирование, пилотные испытания, доказательство концепции	Практически отсутствует (зона «долины смерти»)	Критический разрыв
TRL 7–9	Демонстрация, испытания в реальных условиях, серийное производство	Частные инвестиции, венчурный капитал, бизнес-ангелы	Финансирование ограниченное, но присутствует

Примечание: составлено авторами на основе данных AUTM [17], КомНауки МОН РК, GII 2024 [14].

Цифровые разрывы и ИИ-готовность. ИИ создаёт новый тип разрыва - разрыв ИИ-готовности: не все акторы системы располагают компетенциями, инфраструктурой и данными, необходимыми для участия в ИИ-ускоренном инновационном цикле. Казахстанские университеты в большинстве своём не располагают ни достаточными вычислительными мощностями, ни репрезентативными наборами данных, ни кадрами со специализацией в области ИИ-исследований. Крупные IT-компании имеют несопоставимо более высокий уровень ИИ-компетенций, что инвертирует традиционную логику трансфера «из университета в бизнес». В 2026 году ИИ отнесён к вопросам национальной безопасности, что формирует дополнительные барьеры для международного академического сотрудничества. Правовые разрывы усиливаются: Цифровой кодекс (2026) [18] представляет собой значительный шаг вперёд, однако темпы правовой адаптации объективно отстают от темпов технологического развития.

На основе проведённого анализа предлагается пятимерная аналитическая матрица разрывов системы трансфера технологий, структурированная по уровню актора, механизму воспроизводства и связи с цифровой трансформацией (таблица 2).

Таблица 2 - Аналитическая матрица разрывов системы трансфера технологий в Казахстане

Тип разрыва	Ключевые проявления	Механизм воспроизводства в условиях ИИ	Приоритетное решение
Правовой	Нерегулированность прав на ИС, созданную с применением ИИ; регуляторный разрыв Цифрового кодекса	Темп технологического развития ИИ превышает темп правовой адаптации; неопределённость тормозит инвестиции	Принятие казахстанского аналога Bayh–Dole Act; специальный режим ИС для ИИ-разработок
Организационный	Формальные ОТТ без профессионального персонала; отсутствие менеджеров коммерциализации	ИИ-компетенции концентрируются в IT-бизнесе, усугубляя компетентностный разрыв с вузами	Создание профессиональных ОТТ по израильской / финской модели; целевая подготовка менеджеров ТТ
Экономический	«Долина смерти» TRL 4–6; низкая R&D intensity (0,12–0,14%); дефицит венчурного капитала ранних стадий	ИИ ускоряет TRL 1–3, но не устраняет финансовый провал на стадии прикладного прототипирования	Государственно-частное совместное финансирование по модели Yozma; гранты на ОКР
Институциональный	Взаимное недоверие вузов и бизнеса; «статистическая» тройная спираль; несовместимые системы KPI	ИИ-разрыв компетенций инвертирует традиционные отношения: бизнес технологически опережает вузы	Программы совместной подготовки кадров; долгосрочные стратегические партнёрства вуз–бизнес
Цифровой	Дефицит вычислительных мощностей у вузов; цифровое неравенство акторов; отсутствие качественных датасетов	ИИ-трансформация требует совместных цифровых инфраструктур, которых пока нет	Национальный суперкомпьютерный ресурс для вузов; программы открытых данных; AI-посреднические платформы

Примечание: составлено авторами

Сравнительный анализ четырёх референтных стран выявляет модели

преодоления разрывов, наиболее релевантные для Казахстана (таблица 3). Израильская модель Yozma/Magnet особенно значима: как и Казахстан, Израиль долгое время находился в ситуации «статистической» тройной спирали с доминированием государства. Программа Yozma (1993) стала переломным моментом, поскольку государство не просто выделило средства, но создало стимулы для частного венчурного капитала, разделив с ним риски на ранних стадиях. Программа Magnet непосредственно направлена на заполнение долины смерти - финансирование сотрудничества университетов и промышленности на стадии TRL 4-6. Американский закон Байха–Доула (1980) заслуживает анализа как системная институциональная реформа: именно передача права собственности на результаты государственно финансируемых НИОКР университетам стала главным триггером создания сети ОТТ и резкого роста патентной активности вузов [17].

Таблица 3 - Сравнительный анализ моделей преодоления разрывов трансфера технологий

Страна	Модель трансфера технологий	Ключевой механизм преодоления «долины смерти»	Применимость для Казахстана
Израиль	Yozma / Magnet	Государственно-частное совместное финансирование (50/50) на стадии TRL 4–6; сеть из ~24 коммерческих ОТТ	Высокая: совместное финансирование прикладных разработок как ключевой инструмент
Финляндия	Aalto University / Business Finland	Интеграция предпринимательского образования и НИОКР; Business Finland как профессиональный посредник между вузами и бизнесом	Высокая: создание единого государственного агента-посредника с профессиональной командой
Сингапур	A*STAR / NRF	Централизованные национальные исследовательские лаборатории; привлечение МНК для финансирования прикладных НИОКР	Средняя: применимо к добывающим и энергетическим отраслям РК
США	Bayh–Dole Act	Закон, передающий права на результаты государственно финансируемых НИОКР университетам; создание коммерческих ОТТ	Высокая: принятие аналогичного закона о правах на ИС могло бы стать системным решением

Примечание: составлено авторами

По результатам анализа сформулированы рекомендации для трёх акторов системы. Государственному сектору: принять Закон о правах на объекты ИС, созданные в рамках государственно финансируемых НИОКР (по модели Bayh–Dole Act), передав права вузам при сохранении государственной лицензии; учредить государственную программу совместного финансирования прикладных НИОКР (TRL 4–6) с обязательным равным вкладом частного партнёра по модели Magnet; создать единый профессиональный посреднический агент (Казахстанский инновационный агент) по модели Business Finland; разработать специальный правовой режим ИС для результатов, созданных с применением ИИ-систем; обеспечить доступ вузов к централизованной вычислительной инфраструктуре для ИИ-исследований.

Университетскому сектору: трансформировать ОТТ в профессиональные коммерческие подразделения с KPI, привязанными к объёму лицензионных доходов и числу коммерциализированных разработок; внедрить программы подготовки менеджеров коммерциализации с обязательной практикой в промышленных компаниях; создать внутренние механизмы стимулирования исследователей к коммерциализации через участие в роялти и создание спин-офф компаний; выстраивать долгосрочные стратегические партнёрства с бизнесом на уровне исследовательских консорциумов. Бизнес-сектору: переходить от стратегии технологического импорта к стратегии совместного создания технологий (co-creation) через долгосрочные партнёрства с вузами; инвестировать в совместные цифровые инфраструктуры – дата сеты, вычислительные ресурсы, ИИ-платформы - как инструмент повышения ИИ-компетенций академических партнёров; участвовать в разработке учебных программ и создании базовых кафедр.

Предложенная матрица подчёркивает принципиальную амбивалентность цифровизации и ИИ в отношении существующих разрывов: они одновременно создают новые механизмы их воспроизводства и открывают новые инструменты их преодоления.

Данная амбивалентность требует от государственной политики не просто «цифровизации» инновационной системы, но стратегически ориентированного управления цифровыми рисками в сфере трансфера технологий.

Заключение

Система трансфера технологий в Казахстане функционирует в условиях пяти взаимообусловленных типов разрывов - правовых, организационных, экономических, институциональных и цифровых, - воспроизводящихся вследствие структурной деформации тройной спирали в форме «статистической модели» с доминирующим государственным актором. Ключевой вывод исследования состоит в том, что наращивание государственного финансирования само по себе не устраняет данных разрывов и не обеспечивает перехода к органическому взаимодействию вуза, бизнеса и государства.

Во-первых, правовой разрыв носит системный характер: отсутствие казахстанского аналога закона Байха–Доула лишает вузы стимулов к коммерциализации, поскольку права на результаты государственно финансируемых НИОКР остаются за государством, а не за создавшей их организацией. Принятие подобного закона может стать наиболее системным институциональным решением из всех рассмотренных.

Во-вторых, экономический разрыв - «долина смерти» TRL 4-6 - является фундаментальным барьером коммерциализации. Государственное финансирование покрывает фундаментальные исследования, частный капитал входит лишь при высокой технологической зрелости, и только специализированные механизмы государственно-частного совместного финансирования способны ликвидировать этот провал.

В-третьих, организационный разрыв - формальность большинства действующих ОТТ - является прямым следствием отсутствия правовых и экономических стимулов к реальной коммерциализации: при их введении ОТТ наполнятся содержанием органически.

В-четвёртых, цифровизация и ИИ не нейтральны по отношению к существующим разрывам: они создают новые типы - разрыв ИИ-готовности, инверсию компетентностных ролей (бизнес технологически опережает вузы), регуляторный разрыв в сфере ИС на ИИ-результаты - и одновременно предоставляют новые инструменты преодоления традиционных барьеров.

В-пятых, предложенная аналитическая матрица институциональных и экономических разрывов открывает возможности для эмпирической верификации посредством количественных измерений по каждому измерению и мониторинга их динамики, создавая доказательную базу для целевой государственной политики в сфере трансфера технологий.

Заключение

В проведённом исследовании разработана авторская аналитическая рамка, интегрирующая теорию тройной спирали [1,2], концепцию институциональных пустот [4] и подходы цифровой экологии [7,8] применительно к специфике инновационной системы Казахстана в условиях ИИ-трансформации. Научная новизна состоит в пятимерной типологии разрывов системы трансфера технологий и их системном анализе с учётом механизмов воспроизводства в цифровой среде. Предложенные рекомендации - принятие аналога Bayh–Dole Act, создание государственной программы совместного финансирования по модели Yozma/Magnet, учреждение профессионального инновационного агента по модели Business Finland - образуют взаимосвязанный комплекс институциональных реформ, направленных на преобразование «статистической» тройной спирали в органическую экосистему взаимодействия. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку измеримых индикаторов для каждого типа разрывов и мониторинг их динамики в процессе реализации предложенных реформ.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26102391 «Модели эффективного взаимодействия университетов, государства и бизнеса: механизмы трансфера технологий в цифровую экономику Казахстана»).

Список литературы

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix - University–Industry–Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. - 1995. - Vol. 14. - P. 14-19.

2. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: From National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. - 2000. - Vol. 29, № 2. - P. 109-123.

3. Etzkowitz H. The Evolution of the Entrepreneurial University // International Journal of Technology and Globalisation. - 2004. - Vol. 1, № 1. - P. 64-77.

4. Khanna T., Palepu K. Winning in Emerging Markets: A Road Map for Strategy and Execution. - Boston: Harvard Business Press, 2010. - 256 p.

5. Lundvall B.Å. (Ed.). National Systems of

Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. - London: Pinter, 1992. - 342 p.

6. Nelson R.R. (Ed.). National Innovation Systems: A Comparative Analysis. - New York: Oxford University Press, 1993. - 560 p.

7. Carayannis E.G., Campbell D.F. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem // International Journal of Technology Management. - 2009. -Vol. 46, № 3-4. - P. 201-234.

8. Carayannis E.G., Barth T.D., Campbell D.F. The Quintuple Helix Innovation Model: Global Warming as a Challenge and Driver for Innovation // Journal of Innovation and Entrepreneurship. - 2012. - Vol. 1, № 1. - P. 1-12.

9. Rossoni A.L., Mesquita L.F., Oliveira F., Fischer B. Barriers and Facilitating Factors for University–Industry Collaboration: A Systematic Review // Management Review Quarterly. - 2024. - Vol. 74. - P. 1841-1877. - DOI: 10.1007/s11301-023-00349-1.

10. Siegel D.S., Waldman D.A., Atwater L.E., Link A.N. Commercial Knowledge Transfers from Universities to Firms: Improving the Effectiveness of University–Industry Collaboration // Journal of High Technology Management Research. - 2003. - Vol. 14, № 1. - P. 111-133.

11. Klochikhin E.A. Russia's Innovation Policy: Stubborn Path-Dependencies and New Approaches // Research Policy. - 2012. - Vol. 41, № 9. - P. 1620-1630.

12. Тайкулакова А.С. Роль институциональных пустот в системе взаимодействия университета и бизнеса // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. - 2024.

13. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта Республики Казахстан до 2029 года. - Астана, 2024. -[Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz

14. Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index) 2024 / WIPO. -Женева: ВОИС, 2024. -URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2024/

15. IMD World Digital Competitiveness Yearbook 2025. - Lausanne: IMD, 2025. - [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/

16. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Наука и инновации: статистические данные. - Астана, 2024. - [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz

17. AUTM U.S. Licensing Activity Survey: FY2023. - Association of University Technology Managers, 2024. - URL: https://autm.net

18. Цифровой кодекс Республики Казахстан. - Астана, 2026. - [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz.

References

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix - University–Industry–Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. - 1995. - Vol. 14. - P. 14-19.

2. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: From National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. - 2000. - Vol. 29, № 2. - P. 109-123.

3. Etzkowitz H. The Evolution of the Entrepreneurial University // International Journal of Technology and Globalisation. - 2004. - Vol. 1, № 1. - P. 64-77.

4. Khanna T., Palepu K. Winning in Emerging Markets: A Road Map for Strategy and Execution. - Boston: Harvard Business Press, 2010. - 256 p.

5. Lundvall B.Å. (Ed.). National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. - London: Pinter, 1992. - 342 p.

6. Nelson R.R. (Ed.). National Innovation Systems: A Comparative Analysis. - New York: Oxford University Press, 1993. - 560 p.

7. Carayannis E.G., Campbell D.F. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem // International Journal of Technology Management. - 2009. -Vol. 46, № 3-4. - P. 201-234.

8. Carayannis E.G., Barth T.D., Campbell D.F. The Quintuple Helix Innovation Model: Global Warming as a Challenge and Driver for Innovation // Journal of Innovation and Entrepreneurship. - 2012. - Vol. 1, № 1. - P. 1-12.

9. Rossoni A.L., Mesquita L.F., Oliveira F., Fischer B. Barriers and Facilitating Factors for University–Industry Collaboration: A Systematic Review // Management Review Quarterly. - 2024. - Vol. 74. - P. 1841-1877. - DOI: 10.1007/s11301-023-00349-1.

10. Siegel D.S., Waldman D.A., Atwater L.E., Link A.N. Commercial Knowledge Transfers from Universities to Firms: Improving the Effectiveness of University–Industry Collaboration // Journal of High Technology Management Research. - 2003. - Vol. 14, № 1. - P. 111-133.

11. Klochikhin E.A. Russia\'s Innovation Policy: Stubborn Path-Dependencies and New Approaches // Research Policy. - 2012. - Vol. 41, № 9. - P. 1620-1630.

12. Tajkulakova A.S. Rol' institucional'nyh pustot v sisteme vzaimodejstviya universiteta i biznesa // Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Halela Dosmuhamedova. - 2024.

13. Nacional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta Respubliki Kazahstan do 2029 goda. - Astana, 2024. -URL: https://adilet.zan.kz

14. Global'nyj innovacionnyj indeks (Global Innovation Index) 2024 / WIPO. -Zheneva: VOIS, 2024. - [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2024/

15. IMD World Digital Competitiveness Yearbook 2025. - Lausanne: IMD, 2025. - -[Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/

16. Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan. Nauka i innovacii: statisticheskie dannye. - Astana, 2024. - -[Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz

17. AUTM U.S. Licensing Activity Survey:

FY2023. - Association of University Technology Managers, 2024. - -[Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: https://autm.net

18. Cifrovoj kodeks Respubliki Kazahstan. - Astana, 2026. - -[Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz

УДК 332.1
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.004

Нуржан КЕНЖЕБЕКОВ *– э.ғ.к., ЭҚЗ ҒЗИ доценті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая к-сі, 9, e-mail: n.kenzhebekov@keu.kz*

Гульмира НАКИПОВА *– э.ғ.д., маркетинг кафедрасының профессоры, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая к-сі, 9,*

e-mail: nakipovage@mail.ru

ҚАЗАҚСТАННЫҢ АУЫЛДЫҚ АУМАҚТАРЫНЫҢ КЕҢІСТІКТІК САРАЛАНУЫН БАҒАЛАУ

Түйін. Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктегі біртектілігі аумақтық жоспарлау мен ауылдық елді мекендердің әлеуетін бағалаудың бірыңғай тәсілдерін қолдануды қиындатады, өйткені аймақтар халықтың тығыздығымен, қоныстану құрылымымен, инфрақұрылыммен қамтамасыз етілуімен және экономикалық жағдайларымен айтарлықтай ерекшеленеді. Зерттеудің мақсаты Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктік саралануының ауқымы мен сипатын бағалау және қоныстану ерекшеліктерін ескере отырып, аймақтардың типологиялық топтарын анықтау болып табылады. Эмпирикалық базаны Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросының 2024-2025 жылдарға арналған мәліметтері құрады. 170 ауылдық округтер мен оларға теңестірілген әкімшілік-аумақтық бірліктер бойынша. Салыстырмалы және статистикалық талдау, вариация коэффициенті, стандарттау қолданылды Z-score, кластерлеу әдісі бойынша к-құралдар (K-Means) және силуэт критерийі. Талдау өңіраралық және өңірлік деңгейде жүргізілді ішкі өңірлік өлшемдерде. Ауылдық елді мекендердің тығыздығы мен конфигурациясында айтарлықтай айырмашылықтар анықталды; ауылдық елді мекендердің әлеуетін бағалаудың қолданыстағы критерийлерінің шекті сипаты аумақтардың ішкі біртектілігін және инфрақұрылымның сапалық сипаттамаларын толық көрсетпейтіні көрсетілген. Нормаланған бес көрсеткіш негізінде ауыл кеңістігінің үш түрі анықталды: адам аз қоныстанған аумақтар, қалыпты игерілген аумақтар және жоғары урбанизацияланған аграрлық белдеу. Алынған нәтижелер аумақтық жоспарлауды жетілдіруде, қолдау шараларын саралауда және әзірлеуде пайдаланылуы мүмкін кеңістікте ауылдық аумақтарды дамытудың сезімтал саясаты туралы.

Бұл зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландырады (грант № AP26102165).

Түйінді сөздер: ауылдық аумақтар, кеңістіктік дифференциация, қоныстану, халық тығыздығы, ауылдық елді мекендер, K-Means, аймақтық типология, аумақтық даму, Қазақстан.

Нуржан КЕНЖЕБЕКОВ *– к.э.н., доцент НИИ ЭПИ, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: n.kenzhebekov@keu.kz*

Гульмира НАКИПОВА *– д.э.н., профессор кафедры маркетинга, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: nakipovage@mail.ru*

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Пространственная неоднородность сельских территорий Казахстана осложняет применение унифицированных подходов к территориальному планированию и оценке потенциала сельских населенных пунктов, поскольку регионы существенно различаются по плотности населения, структуре расселения, инфраструктурной обеспеченности и экономическим условиям. Цель исследования заключается в оценке масштабов и характера пространственной дифференциации сельских территорий Казахстана и выделении типологических групп регионов с учетом особенностей расселения. Эмпирическую базу составили данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан за 2024–2025 гг. по 170 сельским районам и приравненным к ним административно-территориальным единицам. Использованы сравнительный и статистический анализ, коэффициент вариации, стандартизация Z-score, кластеризация методом k-средних (K-Means) и силуэтный критерий. Анализ проводился в межрегиональном и внутрирегиональном измерениях. Установлены значительные различия в плотности и конфигурации сельского расселения; показано, что пороговый характер действующих критериев оценки потенциала сельских населенных пунктов не в полной мере отражает внутреннюю неоднородность территорий и качественные характеристики инфраструктуры.

На основе пяти нормированных показателей выделены три типа сельского пространства: малолюдные

территории, умеренно освоенные территории и высокоурбанизированный аграрный пояс. Полученные результаты могут использоваться при совершенствовании территориального планирования, дифференциации мер поддержки и разработке пространственно чувствительной политики развития сельских территорий.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26102165).

Ключевые слова: сельские территории, пространственная дифференциация, расселение, плотность населения, сельские населенные пункты, K-Means, региональная типология, территориальное развитие, Казахстан.

Nurzhan KENZHEBEKOV *– Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Research Institute of Economics and Legal Studies, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya St. 9. e-mail: n.kenzhebekov@keu.kz*

Gulmira NAKIPOVA *– Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Marketing, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya St. 9. e-mail: nakipovage@mail.ru*

ASSESSMENT OF THE SPATIAL DIFFERENTIATION OF RURAL AREAS IN KAZAKHSTAN

Abstract. The spatial heterogeneity of Kazakhstan's rural areas complicates the application of standardized approaches to territorial planning and the assessment of the development potential of rural settlements, as regions differ substantially in population density, settlement patterns, infrastructure provision, and economic conditions. The purpose of this study is to assess the scale and nature of spatial differentiation across Kazakhstan's rural areas and to identify typological groups of regions while taking into account their specific settlement patterns. The empirical database comprises data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan for 2024–2025, covering 170 rural districts and equivalent administrative-territorial units. The study employs comparative and statistical analysis, the coefficient of variation, Z-score standardization, K-Means clustering, and the silhouette criterion. The analysis was conducted at both interregional and intraregional levels. Significant differences in the density and configuration of rural settlement were identified. The findings demonstrate that the threshold-based nature of the current criteria used to assess the development potential of rural settlements does not fully capture the internal heterogeneity of territories or the qualitative characteristics of infrastructure. Based on five standardized indicators, three types of rural space were identified: sparsely populated territories, moderately developed territories, and a highly urbanized agricultural belt. The findings can be used to improve territorial planning, differentiate support measures, and develop spatially sensitive policies for rural development.

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26102165).

Keywords: rural areas, spatial differentiation, settlement patterns, population density, rural settlements, K-Means, regional typology, territorial development, Kazakhstan.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Кенжебеков Н., Накипова Г. Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктік сарапануын бағалау // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С.38–47.

APA

Kenzhebekov, N., Nakipova, G. (2026). Assessment of the spatial differentiation of rural areas in Kazakhstan [in Kazakh]. Bulletin of KEU, 3 (82), p.38–47.

Кіріспе

Ауылдық аумақтардың кеңістіктегі біртектілігі проблематикасы өңірлік дамудың қазіргі заманғы зерттеулерінде орнықты орын алады, өйткені аумақтар арасындағы айырмашылықтар өндірістік ресурстардың көлемімен ғана емес, сондай-ақ қоныстандыру ерекшеліктерімен, демографиялық серпінімен, инфрақұрылымдық қамтамасыз етілуімен, әлеуметтік қызметтерге қол жетімділігімен және ауылдық қоныстардың өңірлік экономикалық байланыстар жүйесіне қосылу сипатымен де айқындалады. Қазақстан үшін зерттеулердің осы бағытының мәні аумақтың ауқымымен, халықтың төмен және өте біркелкі емес тығыздығымен, елді мекендер арасындағы едәуір қашықтықтармен және табиғи-шаруашылық жағдайлардың айырмашылықтарымен қосымша айқындалады. Ұсынылған зерттеуде кеңістіктік біртектілік жекелеген ауылдық аумақтардың өңірішілік айырмашылықтарында да, өңіраралық поляризацияда да көрініс табатын көпфакторлы құбылыс ретінде қарастырылады.

Қазақстандық ғылыми әдебиет ауылдық аумақтарды қоныстандыру, әлеуметтік инфрақұрылым мен шаруашылық мамандануы өзара байланысты күрделі кеңістіктік жүйелер ретінде зерттеудің орынды екенін көрсетеді.

А. Корнилова мен тең авторлар қоныстандыру жүйесі мен әлеуметтік инфрақұрылымды Қазақстанның аумақтық дамуының маңызды факторлары ретінде қарастырады. Авторлар қоныстардың кеңістіктік ұйымдастырылуын тарихи, табиғи, демографиялық және әлеуметтік-экономикалық жағдайлармен байланыстырады, бұл жекелеген экономикалық көрсеткіштерді талдау шеңберінен шығатын ауылдық кеңістікті кешенді бағалау қажеттігін растайды [1].

Қазақстанның ауылдық аумақтарын зерттеудің экономикалық-географиялық тәсілі [2] жұмыста ұсынылған. Авторлар ауылдық жерлерді экономикалық тұрғыдан бағалау қажеттілігіне назар аударады, орнықты дамудың индикативтік жүйесін және аумақтардың типологиясын әзірлеу. Ауылдық аумақтарды индикаторлар жүйесі бойынша саралауға деген көзқарастың өзі өте маңызды, өйткені ол ауылдық жерлердің сипаттамалық сипаттамасынан оларды салыстыру мен топтастыруға көшудің әдіснамалық негізін жасайды.

Ә.Мәкенова, А.Оралбаева және А.Қизымбаева Қазақстанның ауылдық аумақтарының орнықты дамуын экономикалық, табиғи, әлеуметтік және институционалдық компоненттердің үйлесімі арқылы қарастырады. Авторлар ауылдық аумақтың жай-күйі шаруашылық қызметтің бір түрімен емес, ресурстарды пайдаланумен, адами капиталмен, инвестициялармен және басқарумен байланысты факторлардың жиынтығымен айқындалатынын көрсетеді [3]. Бұл тәсіл бапта қаралатын проблема үшін тікелей мәнге ие, өйткені кеңістіктегі біртектілік халықтың тығыздығы немесе ауыл шаруашылығы мамандануы арқылы ғана барабар сипаттала алмайды.

Қазақ әдебиетінде А.Киреевaның, М.Бектұрғановaның және Ф.Әлжановaның қоныстандыру процестеріне арналған зерттеулері ерекше орын алады. Авторлар өмір сүру деңгейі мен сапасының айырмашылықтарын табиғи жағдайлармен, ресурстармен қамтамасыз етілуімен, қоныстану ерекшеліктерімен, аймақтардың экономикалық дамуымен және географиялық орналасуымен байланыстырады. Халық тығыздығының, көші-қон ағындарының және аумақтың кеңістіктік бөлшектенуінің айырмашылықтары бөлек атап өтіледі [4]. Мұндай тұжырым концептуалды түрде популяцияның тығыздығы мен қоныстану құрылымының ерекшеліктерін кеңістіктік біртектіліктің дербес өлшемдері ретінде қарастыратын осы зерттеудің логикасына жақын.

Қазақстанның ауылдық жерлерінің кеңістіктік динамикасын неғұрлым егжей-тегжейлі түсіну [5] жұмыста ұсынылған. 1989-2024 жылдардағы халық санағы деректеріне сүйене отырып. Авторлар ауыл динамикасының айқын кеңістіктік дифференциациясын анықтайды: ірі қалаларға жақын аумақтар демографиялық тұрақтылықтың жоғарылауымен сипатталады, ал шалғай аудандар халық санының азаюына және ауылдық елді мекендердің бір бөлігінің жойылуына тап болады [5]. Бұл ереже кеңістіктегі біртектілік идеясын едәуір кеңейтеді, өйткені бұл аумақтық тұрақтылық тек ауылдық елді мекеннің ішкі сипаттамаларымен ғана емес, сонымен бірге оның халықтың шоғырлану орталықтары мен экономикалық белсенділікке қатысты жағдайымен де байланысты екендігін көрсетеді.

Ресей ғылыми мектебі Қазақстанда анықталған кеңістіктік айырмашылықтарды түсіндіру үшін қосымша негіздер береді. Т. Кузнецова Ресейдің ауыл халқының динамикасындағы өңіраралық айырмашылықтарды 2010-2020 жылдардағы 85 өңірді қамтитын 14 көрсеткіш негізінде зерттейді. Автор ауыл демографиясының өзгеруі ауыл шаруашылығы өндірісінің ерекшеліктерімен және кеңістіктік дамудың жалпы жағдайларымен байланысты екенін көрсете отырып, экономикалық және экологиялық параметрлер бойынша өңірлерді типологиялауды пайдаланады [6]. Әдіснамалық тұрғыдан бұл жұмыс сандық индикаторлар жүйесін және кейіннен өңірлік типологиялауды үйлестірумен осы зерттеуге жақын.

Т. Нефедова, А. Трейвиш және А. Шелудков әлеуметтік-географиялық кеңістікті шоғырландыру, поляризациялау, фрагменттеу және қысу санаттары арқылы Ресейдің кеңістіктік әркелкі дамуын қарастырады. Авторлар аумақтық айырмашылықтар өңіраралық да, ішкі де сипатқа ие және табиғи, тарихи, экономикалық, демографиялық және институционалдық факторлардың ықпалымен қалыптасатынын баса айтады [7]. Мұндай тәсіл осы бап үшін ерекше маңызды, өйткені анықталған біртектілікті жекелеген көрсеткіштер мәндерінің қарапайым айырмашылығы ретінде емес, ауылдық аумақтардың әртүрлі типтерін қалыптастыратын орнықты кеңістіктік құрылым ретінде түсіндіруге мүмкіндік береді.

Молчанов и Н. Молчанова ауылдық аумақтарды дамытуды мемлекетті кеңістікте дамытудың жалпы жүйесімен және аумақтық басқару тетіктерімен байланыстырады. Олардың жұмысында қаржы-экономикалық құралдардың, макроөңірлік басымдықтардың және кеңістіктік процестерді басқарудың кластерлік тәсілінің маңыздылығы атап көрсетіледі [8]. Осы зерттеу үшін бұл қағидаттық мәнге ие, өйткені аумақтар

арасында типологиялық айырмашылықтарды белгілеу біріздендірілген тәсілден неғұрлым сараланған кеңістіктік басқаруға көшуге мүмкіндік береді.

Шетелдік әдебиетте аумақтық саралаудың теориялық негізі place-based development тұжырымдамасы шеңберінде неғұрлым дәйекті түрде ашылған. Барка, Макканн және Родригес-Посе кеңістіктік даму аумақтардың экономикалық, әлеуметтік, институционалдық және саяси өзіндік ерекшелігін ескеруі тиіс екенін көрсетеді, өйткені бірыңғай кеңістіктік бейтарап шаралар бастапқы шарттардың айырмашылықтарын ескеруге әрдайым қабілетті бола бермейді [9]. Бұл тәсіл Қазақстанның ауылдық аумақтарының біртекті емес типтерін бөлу міндетімен тікелей байланысты, өйткені біртектіліктің өзі өңірлердің әртүрлі топтарында қолданылатын даму тетіктері мен шектеулердің айырмашылығын көздейді.

А. Иссерман кеңістіктік талдау жүргізу кезінде ауылдық және қалалық аумақтарды дұрыс ажырату қажеттігіне назар аударады. Автор кеңістіктің пайдаланылатын жіктелуі зерттеу нәтижелеріне, аумақтардың даму деңгейін бағалауға және мемлекеттік қолдау шараларын бөлуге тікелей әсер ететінін көрсетеді [10]. Қазақстан үшін бұл жағдай ерекше маңызға ие болады, өйткені халықтың едәуір қашықтығы мен тығыздығы бірдей емес кезде деректерді ірі әкімшілік құрылымдар деңгейінде агрегаттау жекелеген ауылдық аумақтар арасындағы елеулі айырмашылықтарды жасыра алады.

Родригес-Посе А. даму мүмкіндіктері мен экономикалық мүмкіндіктерге қолжетімділігі әртүрлі аумақтар арасындағы тұрақты айырмашылықтарға назар аудара отырып, аумақтық сезімтал саясат идеясын дамытады [11]. Осы зерттеу шеңберінде осы теориялық позиция тығыздығы төмен және шеткері ауылдық аумақтарды ресурстары жеткіліксіз объектілер ретінде ғана емес, халықтың ерекше конфигурациясымен, қоныстандырумен және шаруашылық белсенділігімен сипатталатын дербес кеңістіктік жүйелер ретінде қарауға мүмкіндік береді.

Майкл Вудстың қазіргі заманғы зерттеуі Еуропаның ауылдық және қалалық аумақтары арасындағы теңсіздікке арналған және кеңістіктік әділеттілік санатын талдауға енгізеді. Автор ауылдық және қалалық аудандардың жекелеген материалдық сипаттамаларының жалпы жақындасуы кезінде де қолайсыз жағдайдың тұрақты аймақтары мен еуропалық кеңістіктің бөліктері арасындағы едәуір айырмашылықтар сақталатынын көрсетеді [12]. Бұл қорытынды орташа өңірлік мәндерді ғана емес, аумақтардың ішкі құрылымын да талдау қажеттігін растайды, өйткені біріктірілген көрсеткіштер бір әкімшілік өңірдің ішінде дамудың бірдей емес жағдайларын бүркемелеуі мүмкін.

Осылайша, ғылыми әдебиетті талдау ауылдық аумақтарды зерттеудің бірнеше тұрақты бағыттарын бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Біріншісі демографиялық және қоныстық құрылымды бағалаумен, екіншісі әлеуметтік-экономикалық және инфрақұрылымдық саралауды өлшеумен, үшіншісі аумақтарды типологиялаумен және төртіншісі аумақтық дамудың сезімтал тетіктерін негіздеумен байланысты. Сонымен қатар, Қазақстанға қатысты қоныстандыру сипаттамаларының жиынтығы бойынша облыстарды салыстыру деңгейінде ауылдық аумақтардың кеңістіктік біртектілігін кешенді бағалаудың жеткіліксіз пысықталуы сақталуда. Қолда бар зерттеулерде демографияның, шаруашылық дамудың, өмір сүру сапасының немесе инфрақұрылымның жекелеген көрсеткіштері басым түрде дербес талданады.

Қазақстан Республикасы әлемдегі ірі аумақтардың біріне ие және дамудың табиғи-географиялық, демографиялық және әлеуметтік-экономикалық жағдайларының елеулі кеңістіктік сараланумен сипатталады. Бұл проблема ел халқының едәуір бөлігі тұратын және аграрлық сектордың елеулі ресурстық әлеуеті шоғырланған ауылдық аумақтарға қатысты ерекше өзекті болып отыр. Үлкен қашықтықтар, қоныстандырудың әртүрлі тығыздығы, табиғи-климаттық аймақтардың қарама-қайшылықтары және өндірістік күштердің біркелкі орналаспауы жағдайында Қазақстанның ауылдық аудандары экономикалық даму деңгейі, әлеуметтік және инженерлік инфрақұрылыммен қамтамасыз етілуі, көлікпен қол жетімділігі және халықтың өмір сүру сапасы бойынша айтарлықтай ерекшеленеді.

Ауылдық қоныстандыруды қалыптасқан кеңістіктік ұйымдастыру ұзақ мерзімді тарихи дамудың, аумақты шаруашылық игеру ерекшеліктерінің, өңірлерді мамандандырудың және соңғы онжылдықтардың трансформациялық процестерінің нәтижесі болып табылады. Осының салдарынан елде демографиялық әлеуеттің, инвестициялық тартымдылықтың, жұмыспен қамту деңгейінің, білім беру және денсаулық сақтау объектілерімен қамтамасыз етілуінің, сондай-ақ мемлекеттік және коммерциялық қызметтерге қол жетімділіктің айырмашылықтарынан көрінетін ауыл кеңістігінің айқын біртектілігі байқалады.

Аумақтық дамудың қолданыстағы өңіраралық схемаларында ауылдық аумақтар көбінесе қоныстандырудың тірек қаңқасын

қалыптастыру, көлік инфрақұрылымын дамыту және өндірістік күштерді орналастыру призмасы арқылы ұсынылған. Негізгі назар ірі өсу орталықтарына, агломерацияларға, көлік дәліздеріне және экономикалық игерудің перспективалы аймақтарына аударылады. Нәтижесінде ауылдық аумақтар көбінесе өңірлік дамудың қызмет көрсетуші элементі ретінде қарастырылады, ал олардың ішкі әртүрлілігі жеткіліксіз ашылып отыр.

Бұл әсіресе кеңістіктік жоспарлаудың дербес объектісі болып табылмайтын шағын ауылдық елді мекендерге қатысты. Схемаларда шағын ауылдардың адами әлеуетін сақтау, әлеуметтік қызметтердің қолжетімділігін қамтамасыз ету, инфрақұрылымдық шектеулерді еңсеру және жергілікті өсу нүктелерін қалыптастыру мәселелері жеткілікті түрде көрсетілмеген. Осылайша, елдің кеңістікте дамуы үшін қаралатын құжаттардың стратегиялық маңыздылығына қарамастан, олардағы ауылдық аумақтардың әлеуеті ішінара ғана ашылады, ал Қазақстанның ауылдық кеңістігінің қазіргі кеңістіктегі біртекті еместігі негізінен ірі аумақтық құрылымдар мен тірек елді мекендер деңгейінде ескеріледі.

Зерттеудің мақсаты Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктік сараланuын кешенді бағалаудан, қоныстандыру құрылымындағы орнықты айырмашылықтарды анықтаудан және саралanған аумақтық басқару үшін негіз бола алатын өңірлер типологиясын қалыптастырудан тұрады.

Зерттеу гипотезасы ауылдық аумақтардың кеңістіктегі біртекті еместігі бір көрсеткішпен емес, халық тығыздығының, қоныстандырудың облысішілік вариациясының, әкімшілік-қоныстану құрылымының және ауылдық елді мекендер халқының үйлесімімен айқындалады деген болжамнан тұрады; сондықтан жекелеген сипаттамаларды шекті бағалау өңірлер арасындағы айырмашылықтарды толық көлемде көрсетуге мүмкіндік бермейді.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің ақпараттық негізін кеңістіктік және ауылдық аумақтарды дамыту мәселелері бойынша ғылыми жарияланымдар, ауылдық елді мекендердің әлеуетін бағалаудың қолданыстағы критерийлері, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросының 2024-2025 жылдарға арналған статистикалық мәліметтері құрады. Эмпирикалық массив республикалық және облыстық маңызы бар қалаларды қоспағанда, 170 ауылдық округті және оларға теңестірілген әкімшілік-аумақтық бірліктерді қамтиды. Талдауға демографиялық, әлеуметтік, инфрақұрылымдық, инвестициялық, өндірістік және әкімшілік-аумақтық көрсеткіштер енгізілген.

Әдістемелік құралдар салыстырмалы және кеңістіктік-статистикалық талдауды, популяцияның тығыздығы мен вариация коэффициентін есептеуді, қоныстану құрылымының көрсеткіштерін топтастыруды, деректерді Z-балл әдісімен стандарттауды және кластерлеуді қамтиды. k-құралдары (K-құралдары). Кластерлер санын таңдау силуэт критерийі арқылы бағаланды. Кеңістіктегі біртектілік екі өлшемде қарастырылды: ауылдық елді мекендер арасындағы аймақішілік айырмашылықтарды көрсететін тік және ауылдық аумақтардың аймақаралық поляризациясын сипаттайтын көлденең.

Нәтижелер және талқылау

АЕМ әлеуетінің деңгейін бағалау үшін Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрінің 2025 жылғы 10 маусымдағы № 50 бұйрығы балдық-салмақтық модель негізінде композиттік индекс болып табылатын «Ауылдық елді мекендердің әлеуетін айқындауға арналған критерийлерді» бекітеді. Жиынтық максимум төрт блок бойынша бөлінетін 100 баллды құрайды: экономикалық (40 балл), инфрақұрылымдық (30), демографиялық (25) және геокеңістік (5- ±). Тығыз қоныстанған өңірлерде «тірек» деңгейіне жатқызу шегі (жоғары/орташа әлеует) ≥ 60 балл, орташа қоныстанған ≥ 50 балл деңгейінде белгіленген; қалған АЕМ автоматты түрде «төмен әлеует» санатына түседі.

Алдыңғы тәсілдерден негізгі айырмашылық демографиялық блоктан экономикалық блоктарға назар аудару болып табылады. Демографиялық блок 50-ден 25 баллға дейін қысқартылды. Халық саны 10 балға бағаланады (бұрын 20 балға қарсы) [13]. 2025 жылғы әдістемеде экономикалық блок басым (40%), бұл әлеуметтік-демографиялық тұрақтылықтан аумақтың экономикалық тиімділігіне парадигмалдық ауысуды көрсетеді (1-кесте).

1–кесте - Өлшемшарттардың салыстырмалы сипаттамасы

Параметр	2025 жылдың әдістемесі	Алдыңғы әдістеме (ред. 2019 ж.)
Экономикалық блоктың салмағы	40 ұпай	20 ұпай
Инфрақұрылымдық блоктың салмағы	30 ұпай	30 ұпай

Демографиялық блоктың салмағы	25 ұпай	50 ұпай
Салмақ геокеңістіктік блоктың	±5 балл	±5 балл
Көрсеткіштердің саны	27 жиынтық	15 жиынтық
Жіктеу	2 санат (жоғары/орташа, төмен)	3 санат (жоғары >70, орташа 35-69, төмен 1-34)
Кластер радиусы	15 км (халық тығыз орналасқан), 25 шақырым (орташа халық саны)	10 км (халық тығыз орналасқан), 15 шақырым (орташа халық саны)

Экономикалық блок жалпы 40 балл беретін жеті фактордан құралады.

Көрсеткіштердің басым көпшілігі ауыл шаруашылығы мамандануына бағытталған: жер ресурстары (егістік, жайылым, шабындық 9 балл), мал басы мен егіннің болжамды құны (6 балл), ауыл шаруашылығы өнімдерін қайта өңдеу (3 балл), жеке қосалқы шаруашылықтардың тауарлық массасы (6 балл). Осылайша, 40 баллдың 24-і (экономикалық блоктың 60%) аграрлық салаға тікелей байланысты.

Ең жоғары балл алу үшін 10 000 га егістік немесе жайылымдық алқаптың шегі, сондай-ақ мал басының болжамды құнының 150 млн. теңгесі және егіннің 240 млн. теңгесі типтік АЕМ-ге емес, ірі аграрлық құрылымдарға немесе аудан орталықтарына тән эталондар болып табылады. Шағын ауылдар, тіпті тиімді экономикасы бар, бірақ ауданы шектеулі болса да, сызықтық шкала бойынша пропорционалды төмендетілген балл алады, бұл іс жүзінде оларды негізгі ауылдар қатарынан шығарады.

Өнеркәсіптік өндірістің, ауылшаруашылық өнімдерін өңдеудің, ұялы байланыстың және Интернетке кең жолақты қол жетімділіктің қол жетімділігі қол жетімділігімен бағаланады, бірақ сапаның градациясы ескерілмейді. Мысалы, бір қайта өңдеу цехы мен ірі агроөнеркәсіптік кешеннің болуы теңестіріледі, сол сияқты ұялы байланыс пен кең жолақты интернеттің болуы қосылу жылдамдығына немесе қамтуға қарамастан 3 балл береді.

Инфрақұрылымдық блок (30 балл) сегіз көрсеткішті қамтиды. Тек ұзындығы ескеріледікентішілік 1000 тұрғынға шаққандағы асфальтталған жолдар (табалдырық 4,5 км/мың тұрғын), бірақ жабынның сапасы, маусымдық қозғалыс мүмкіндігі емес. Орталықтандырылған сумен қамтамасыз етілген халықтың үлесі ғана бағаланады (шекті деңгей 90 %).

2025 жылғы өлшемшарттарда демографиялық блок 50 балдан 25 балға дейін қысқартылды.

Қалған жағдайда 50 орындық мектеп пен 500 орындық мектеп бірдей балл бере алады, егер екі көрсеткіш те 130 орындық/мың тұрғынның шегінен асып кетсе

Халық тығыз орналасқан (≥60) және арасындағы табалдырықтардағы айырмашылықорташа халықпен (≥50) өңірлермен 10 балды (16,7 %) құрайды. Бұл ретте халық саны бойынша ең жоғары балл алудың демографиялық шегі үш есе ерекшеленеді: 2400-ге қарсы 7200 адам. Бұл шығады орташа халық санына өңірлерге тірек АЕМ санатына кіру "оңайырақ", ал басқалары тең, бұл ресурстарды аймақаралық бөлуді бұрмалауы мүмкін.

Геокеңістіктік блок (±5 балл) туристік аймақтарды қамтиды (+3/+2), экологиялық аймақтар (-5) және шекаралық мәртебе.

Екілік классификация (≥60 / <60 және ≥50 / <50) табалдырық шекарасында күрт алшақтықты тудырады. Халық тығыз орналасқан өңірде 59 балл жинаған АЕМ объективті түрде "тірек" ауылдарға жақын орналасқанымен, формальды түрде 10 балдық ауылдарға теңестіріледі.

Алгоритм іс жүзінде "ұйқыдағы әлеуетті" анықтауға емес, қазірдің өзінде дамыған ауылдарды анықтауға бағытталған. Инфрақұрылымы дамыған, ірі бизнесі бар, халық саны көп және нарыққа жақын ауылдар бір уақытта бірнеше блок бойынша жоғары балл жинайды, ал күйзеліске ұшыраған ауылдар төмен бағаның тұйық шеңберіне түседі. Бұл аймақтық саясаттағы Матайдың әсеріне сәйкес келеді: ресурстар бұрыннан бар жерде шоғырланған.

Кеңістіктегі біртектілікті талдау екі өлшемде жүзеге асырылады: тік (аймақішілік жекелеген АЕМ арасындағы дифференциация) және көлденең (ауылдық аумақтардың аймақаралық поляризациясы).

Талдаудың эмпирикалық негізін Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросының 2024-2025 жылдарға арналған деректері құрады., 170 ауылдық аумақтарды және оларға теңестірілген әкімшілік-аумақтық бірліктерді (республикалық және облыстық маңызы бар қалаларды қоспағанда) қамтиды. Көрсеткіштерге мыналар жатады: кезең соңындағы халық саны, табиғи өсім, көші-қон сальдосы, ауруханалық мекемелер мен төсек–орын саны, мектептер мен оқушылар саны, жұмыс күші, жұмыспен қамту және жұмыссыздық, негізгі капиталға инвестициялар, өнеркәсіптік өндіріс көлемі (секторлар бойынша

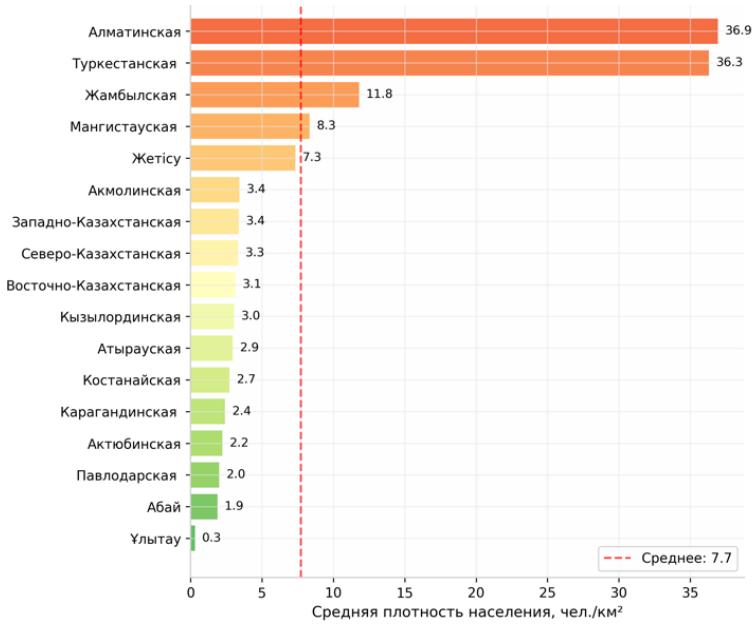
бөлінген), ауыл шаруашылығының жалпы өнімі (өсімдік және мал шаруашылығы өнімдері), құрылыс жұмыстарының көлемі, тұрғын үйді пайдалануға беру, бөлшек сауда айналымы, сондай-ақ әкімшілік-аумақтық бірлік элементтері - ауылдық округтердің саны, оның ішінде бір ауылдан тұратындар, ауылдар (ауылдық елді мекендер) саны, аудандық маңызы бар қалалар мен елді мекендердің болуы.

Қазақстан облыстары аудандарының кеңістіктік сипаттамалары туралы мәліметтер негізінде қоныстану құрылымының бес аналитикалық өлшемін сипаттайтын жиынтық көрсеткіштер кешені есептелді (2-кесте).

2–кесте - Облыстар бойынша Қазақстанның ауылдық аумақтарының кеңістіктегі біртектілігінің көрсеткіштері

Облыс	Халықтың тығыздығы, адам/км2	Тығыздықтың өзгеру коэффициенті, CV, %	Ауылдық округтердің саны, бірлік	1 ауылдан а/о үлесі, %	АЕМ-нің ауылдық округке ара қатынасы	Кластер
Абай	1,38	88,5	134	29,1	2,39	К-1
Ақмола	2,95	78,4	188	11,7	3,01	К-1
Ақтөбе	1,22	81,0	133	24,1	2,35	К-1
Алматы	13,49	154,0	130	25,4	2,76	К-3
Атырау	2,50	51,5	61	36,1	2,26	К-1
Шығыс Қазақстан облысы	2,92	71,4	103	9,7	3,19	К-1
Жамбыл	5,51	74,5	146	26,0	2,42	К-2
Жетісу	4,26	95,4	109	12,8	3,14	К-2
Батыс Қазақстан	2,75	88,6	146	16,4	2,75	К-1
Қарағанды	0,99	117,4	151	35,8	2,26	К-1
Қостанай	1,92	77,9	145	13,8	3,26	К-1
Қызылорда	2,18	59,3	135	68,9	1,55	К-2
Маңғыстау	1,97	180,6	31	67,7	1,74	К-1
Павлодар	1,68	52,4	102	12,8	2,78	К-1
Солтүстік Қазақстан	3,08	48,0	186	14,0	3,17	К-1
Түркістан	13,62	101,0	167	12,6	4,56	К-3
Ұлытау	0,22	94,3	30	30,0	2,10	К-1

Халықтың тығыздығы аумақты игерудің негізгі көрсеткіші болып табылады. Қазақстанның облыстары арасындағы мәндер диапазоны екіден астам ретті қамтиды: облыстағы 0,22 адам/км2-ден Ұлытау Түркістан облысында 13,62 адамға/км2 дейін. Жекелеген аудандар деңгейіндегі жағдай одан да қарама-қайшы: Алматы облысының Қарасай ауданындағы тығыздық 177,2 адам/км2 құрайды, ал Ұлытау ауданында тек 0,1 адам/км2, яғни алшақтық 1770 еседен асады (1-сурет). Бұл көрсеткіш инфрақұрылымға түбегейлі әртүрлі жүктемелерді және халыққа қызмет көрсету жүйелеріне қойылатын әртүрлі талаптарды көрсетеді.

Сурет 1. Облыстар бөлінісінде ауыл халқының орташа тығыздығы

Макроөңірлердің ішінде ең жоғары орташа тығыздық Оңтүстік Қазақстанға тән (7,81 адам/км2), бұл Түркістан және Алматы облыстарында халықтың көп шоғырлануына байланысты. Керісінше, Орталық Қазақстанда (0,61 адам/км2), оның ішінде шөлейт аумақтар Ұлытау және Қарағанды облыстарының.

Әрбір облыс ішіндегі аудандар бойынша халық тығыздығының вариация коэффициенті (CV) қоныстанудың облысішілік біртектілігін сипаттайды. Республика бойынша орташа мән шамамен 88% құрайды (35% -дан астам ауытқулар біртектілікті көрсететіні жалпыға белгілі), ал дисперсия өте маңызды: Солтүстік Қазақстан облысы ең аз сараланған ішкі құрылымға ие (CV=48,0%), Маңғыстау облысы ең жоғары түйіндемемен ерекшеленеді (CV=180,6%).

Ауылдық округтердің саны 30-дан (облыс) ауытқидыҰлытау) 188-ге дейін (Ақмола), бұл аумақтардың ауқымын да, тарихи қалыптасқан әкімшілік-қоныстану желісін де көрсетеді. Бір елді мекеннен тұратын а/о үлесінің көрсеткіші принципті түрде маңызды. Республика бойынша оның орташа мәні шамамен 28% құрайды, алайда жекелеген облыстарда ол сыни деңгейге жетеді, сондықтан Қызылорда облысында бір ауылдың ауылдық округтерінің үлесі 68,9% құрайды, Маңғыстау облысында – 67,7%. Бұл аталған аймақтарда ауылдық округтердің шамамен үштен екісі іс жүзінде "дегенді білдіреді.біртұтас елді мекендермен", бұл олардың әкімшілік және экономикалық әлеуетін айтарлықтай шектейді.

Бір ауылдық округтегі ауылдардың орташа санының көрсеткіші 1,55-тен (Қызылорда облысы) 4,56-ға (Түркістан облысы) дейін ауытқиды. Түркістан облысында бұл көрсеткіштің жоғары мәні Сырдария мен тау бөктері бойындағы ықшам, тарихи тығыз қоныстануды көрсетеді. Қызылорда облысында, керісінше, сирек кездесетін және шалғай елді мекендер қалыптаса алмадыкөп осьті бірлестіктер.

Бір ауылдық елді мекенге шаққандағы тұрғындардың орташа саны елді мекендердің экономикалық өміршеңдігінің ажырамас көрсеткіші болып табылады. Халық санының ең төменгі деңгейі Солтүстік Қазақстан облысында (509 адам) және Павлодар облысында (577 адам) тіркелді, олардың көпшілігі демографиялық тұрақтылығын жоғалтты. Ең жоғары мән Маңғыстау облысына тиесілі (6 624 адам), бұл бірнеше ірі вахталық және өнеркәсіптік елді мекендер бір мезгілде жоғары үлеспен жоғары орташа халықты құрайтын нақты қоныстану құрылымының салдарыбір елді мекендерден округтердің.

Нәтижедегі кеңістіктік гетерогенділік индексін алу және аналитикалық қорытындыларды жүйелеу мақсатында 17 аймақ k-құралдары (K) әдісімен кластерленді-Means) нормаланған бес көрсеткіш бойынша: популяция тығыздығы, тығыздықтың өзгеру коэффициенті, үлес бір елді мекендерден а/о, ауылдағы ауылдардың орташа саны және елді мекендердің халық саны. Алдын ала стандарттау (Z-score) өлшем бірліктеріндегі айырмашылықтардың әсерін жойды.

Кластерлердің оңтайлы саны силуэт критерийі бойынша анықталады: k = 3 кезінде силуэт коэффициенті 0,511, ал k = 2 кезінде силуэт коэффициенті 0,514, ал k = 4 кезінде силуэт коэффициенті 0,335 құрады. K = 2 және k = 3 мәндерінің жақындығына қарамастан, мағыналы интерпретация үш кластерлі шешімдер айтарлықтай жоғары, бұл "орташа дамыған" бағыттардың аралық тобын бөліп

көрсетуге мүмкіндік береді, олар кезінде екі кластерлі бөлімдер "толып жатқан" бөлімдерге іргелес, ал бірқатар сипаттамалары бойынша (ең алдымен адам көп және ауылдар саны бойынша) ол "оңтүстік" түріне қарай тартылады. Үштік типология сонымен қатар әлеуметтік-экономикалық және инфрақұрылымдық айнымалыларды одан әрі енгізу міндетіне жақсырақ сәйкес келеді.

1 кластер – "Халық аз шоғырланған аумақтар" (14 облыс: Абай, Ақмола, Ақтөбе, Атырау, Шығыс Қазақстан, Батыс Қазақстан, Қарағанды, Қостанай облыстары, Қызылорда, Павлодар, Солтүстік Қазақстан, Ұлытау және т.б.). Топ халықтың орташа тығыздығының төмендігімен (2,40 адам/км2), орташа түйіндememен (77%), округтегі ауылдардың аздығымен (2,62) және халықтың аздығымен (1114) сипатталады. Маңғыстау облысы мұнда мұнай өндірудің ерекшелігіне байланысты ерекшелік ретінде. Бұл Қазақстанның ауылдық аумақтарының ең көп тараған түрі: елді мекендер арасындағы айтарлықтай қашықтық, экономикалық тығыздығы төмен және инфрақұрылымдық қызмет көрсетудің осалдығы бар кең аумақтар.

Кластер 2 – "Орташа игерілген аумақтар" (Жамбыл, Жетісу, Қызылорда). Ол халықтың тығыздығы (шамамен 3,98 адам / км2) және халық саны (шамамен 1906 адам) бойынша аралық орынды алады. Бұл кластердің айрықша ерекшелігі - ірі өзендердің аңғарларындағы елді мекендердің шоғырлануының жоғарылауы (Шу, Талас, Іле), бұл қызметтердің қол жетімділігін едәуір арттырады, дегенмен бірқатар елді мекендердегі халық саны әлі де шекті деңгейден төмен.

Кластер 3 – "Жоғары урбанизацияланған аграрлық белдеу" (Алматы, Түркістан). Ішкі құрылымы бойынша ең қарама-қайшы топ: жоғары орташа тығыздық (9,69 адам/км2), елді мекендердің максималды халқы (шамамен 4309 адам), тығыздықтың айтарлықтай өзгергіштігі (CV = 145%). Бұл қажеттілікті көрсетеді кластерішілік жоспарлаудың егжей-тегжейлі деңгейлеріне көшу кезіндегі талдау.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу Қазақстанның ауылдық кеңістігі өңірлер арасындағы айырмашылықтарда да көрінетін айқын кеңістіктік біртектілікпен сипатталатынын растайды, сондай-ақ жекелеген облыстардың ішінде. Талдау көрсеткендей, ауыл тұрғындарының тығыздығы, оның облысішілік өзгеру дәрежесі, ауылдық округтердің құрылымы, округ құрамындағы елді мекендердің орташа саны және ауылдық елді мекендердің халық саны ауылдық елді мекендердің әртүрлі кеңістіктік конфигурацияларын қалыптастырады. Демек, ауылдық аумақтарды бағалаудың бірыңғай тәсілін қолдану олардың жұмыс істеуі мен дамуы үшін қалыптасқан жағдайлардың әртүрлілігін толық көрсете алмайды.

Ауылдық кеңістіктің нақты құрылымы мен ауылдық елді мекендердің әлеуетін бағалаудың қолданыстағы өлшемдерінің негізінен шекті сипаты арасындағы анықталған сәйкессіздіктің ерекше маңызы бар. Мақалада екілік классификация кеңістіктік сипаттамалары айтарлықтай ерекшеленетін аумақтарды біріктіре отырып, дамудың жиынтық деңгейі бойынша бір-біріне жақын аумақтар арасындағы айырмашылықтарды жоюға қабілетті екенін көрсетеді. Экономикалық құрамдас бөлікті нығайта отырып, демографиялық блоктың үлес салмағының төмендеуі де ауылдық аумақтардың әлеуетін бағалау логикасының өзгергенін көрсетеді.

Кластерлеу нәтижелері ауыл кеңістігінің сапалық жағынан ерекшеленетін үш түрінің болуын көрсетеді: адам аз қоныстанған аумақтар, қалыпты игерілген аумақтар және жоғары урбанизацияланған аграрлық белдеудің. Сонымен қатар, ең үлкен топ халықтың тығыздығының төмендігімен және елді мекендер арасындағы едәуір кеңістіктермен сипатталады, ал оңтүстік типтегі территориялар халықтың едәуір көп шоғырлануымен және сонымен бірге тығыздықтың ішкі өзгергіштігімен ерекшеленеді. Бұл аумақтық саясат ресурстармен қамтамасыз етудің орташа деңгейін ғана емес, сонымен қатар елді мекендердің кеңістіктік конфигурациясын да ескеруі тиіс дегенді білдіреді.

Әдебиеттер тізімі

1. Kornilova A.A., Mamedov S.E.O., Karabayev G.A., Khorovetskaya E.M., Lapteva I.V. Identification of Regional Factors Affecting Management of Territories: Formation of Residence and Social Infrastructure System in Urban and Rural Settlements in Kazakhstan // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2022. – Vol. 13, № 8. – P. 2248–2254. DOI: 10.14505/jemt.13.8(64).17.

2. Касен У., Каирова Ш. Экономико-географические аспекты развития сельских территорий Павлодарской области // Journal of Geography and Environmental Management. – 2021. – Т. 62, № 3. – С. 4–12. DOI: 10.26577/JGEM.2021.v62.i3.01.

3. Макенова А., Оралбаева А., Кизимбаева А. Устойчивое развитие сельских территорий Казахстана: современное состояние // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. – 2024. – Т. 411, № 5. – С. 374–388. DOI: 10.32014/2024.2518-1467.847.

4. Киреева А., Бектурганова М., Альжанова Ф. Analysis of demographic processes of population settlement in the regions of Kazakhstan // Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU. – 2023. –

№ 3. – С. 40–54. DOI: 10.32523/2789-4320-2023-3-40-54.

5. Makhanov K.B., Khitakhunov A.A., Zhanaltay Z., Mussabekov M.O. Post-Soviet Rural Dynamics on the Eastern Steppe: Geography of Population Change in Kazakhstan's Countryside // Journal of Oriental Studies. – 2025. – Vol. 114, № 3. – P. 65–75. DOI: 10.26577/JOS202511436.

6. Kuznetsova T.Yu. Inter-regional disparities in agriculture and rural population change in Russia // Baltic Region. – 2022. – Vol. 14, № 4. – P. 162–181. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-10.

7. Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. Spatially Uneven Development in Russia // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, № 1. – P. 4–19. DOI: 10.1134/S2079970522020071.

8. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Пространственное развитие России: управление сельскими территориями // Аграрный вестник Урала. – 2020. – № 2 (193). – С. 78–88. DOI: 10.32417/1997-4868-2020-193-2-78-88.

9. Barca F., McCann P., Rodríguez-Pose A. The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches // Journal of Regional Science. – 2012. – Vol. 52, № 1. – P. 134–152. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00756.x.

10. Isserman A.M. In the National Interest: Defining Rural and Urban Correctly in Research and Public Policy // International Regional Science Review. – 2005. – Vol. 28, № 4. – P. 465–499. DOI: 10.1177/0160017605279000.

11. Rodríguez-Pose A. The Revenge of the Places that Don't Matter (and What to Do About It) // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2018. – Vol. 11, № 1. – P. 189–209. DOI: 10.1093/cjres/rsx024.

12. Woods M. Rural-Urban Inequalities and Spatial Justice in Europe // Europa XXI. – 2023. – Vol. 44. – P. 37–56. DOI: 10.7163/Eu21.2023.44.8.

13. «Ауылдық елді мекендердің әлеуетін айқындау критерийлерін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Премьер-Министрінің орынбасары – Ұлттық экономика Министрінің 2025 жылғы 10 маусымдағы № 50 бұйрығы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25NT000050.

14. «Ауылдық елді мекендерді анықтау критерийлерін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрінің 2019 жылғы 13 қыркүйектегі № 81 бұйрығы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019394.

References

1. Kornilova A.A., Mamedov S.E.O., Karabayev G.A., Khorovetskaya E.M., Lapteva I.V. Identification of Regional Factors Affecting Management of Territories: Formation of Residence and Social Infrastructure System in Urban and Rural Settlements in Kazakhstan // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2022. – Vol. 13, No. 8. – P. 2248–2254. DOI: 10.14505/jemt.13.8(64).17.

2. Kasen U., Kairova Sh. Ekonomiko-geograficheskie aspekty razvitiya sel'skikh territorii Pavlodarskoi oblasti // Journal of Geography and Environmental Management. – 2021. – Vol. 62, No. 3. – P. 4–12. DOI: 10.26577/JGEM.2021.v62.i3.01.

3. Makenova A., Oralbaeva A., Kizimbaeva A. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii Kazakhstana: sovremennoe sostoyanie // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. – 2024. – Vol. 411, No. 5. – P. 374–388. DOI: 10.32014/2024.2518-1467.847.

4. Kireeva A., Bekturganova M., Alzhanova F. Analysis of demographic processes of population settlement in the regions of Kazakhstan // Economic Series of the Bulletin of L.N. Gumilyov ENU. – 2023. – No. 3. – P. 40–54. DOI: 10.32523/2789-4320-2023-3-40-54.

5. Makhanov K.B., Khitakhunov A.A., Zhanaltay Z., Mussabekov M.O. Post-Soviet Rural Dynamics on the Eastern Steppe: Geography of Population Change in Kazakhstan's Countryside // Journal of Oriental Studies. – 2025. – Vol. 114, No. 3. – P. 65–75. DOI: 10.26577/JOS202511436.

6. Kuznetsova T.Yu. Inter-regional disparities in agriculture and rural population change in Russia // Baltic Region. – 2022. – Vol. 14, No. 4. – P. 162–181. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-4-10.

7. Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. Spatially Uneven Development in Russia // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – P. 4–19. DOI: 10.1134/S2079970522020071.

8. Molchanov I.N., Molchanova N.P. Prostranstvennoe razvitie Rossii: upravlenie sel'skimi territoriyami // Agrarnyi vestnik Urala. – 2020. – No. 2 (193). – P. 78–88. DOI: 10.32417/1997-4868-2020-193-2-78-88.

9. Barca F., McCann P., Rodríguez-Pose A. The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches // Journal of Regional Science. – 2012. – Vol. 52, No. 1. – P. 134–152. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00756.x.

10. Isserman A.M. In the National Interest: Defining Rural and Urban Correctly in Research and Public Policy // International Regional Science Review. – 2005. – Vol. 28, No. 4. – P. 465–499. DOI: 10.1177/0160017605279000.

11. Rodríguez-Pose A. The Revenge of the Places that Don't Matter (and What to Do About It) // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2018. – Vol. 11, No. 1. – P. 189–209. DOI: 10.1093/cjres/rsx024.

12. Woods M. Rural-Urban Inequalities and Spatial Justice in Europe // Europa XXI. – 2023. – Vol. 44. – P. 37–56. DOI: 10.7163/Eu21.2023.44.8.

13. Prikaz Zamestitelya Prem'er-Ministra – Ministra natsional'noi ekonomiki Respubliki Kazakhstan ot 10 iyunya 2025 goda No. 50 «Ob utverzhdenii kriteriev dlya opredeleniya potentsiala sel'skikh naselennykh punktov» [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25NT000050.

14. Prikaz Ministra natsional'noi ekonomiki Respubliki Kazakhstan ot 13 sentyabrya 2019 goda No. 81 «Ob utverzhdenii kriteriev dlya opredeleniya sel'skikh naselennykh punktov» [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019394.

УДК: 330.35:502.131.1(574+470)
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.005

Елена ЛИДИНФА *- кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Профессионального обучения, бизнеса и технологии, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», 302026, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95, e-mail:science_future@mail.ru*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РОССИИ

Аннотация. В статье исследуются стратегические приоритеты зеленой экономики как факторы устойчивого макроэкономического роста Республики Казахстан и Российской Федерации. Цель исследования состоит в обосновании такой модели зеленой трансформации, при которой экологические ограничения преобразуются в стимулы повышения ресурсной производительности, технологического обновления, инвестиционной активности и устойчивости экономики к внешним и климатическим шокам. Информационную основу составили действующие нормативные правовые акты и документы стратегического планирования Казахстана и России, официальная статистика, материалы профильных государственных органов, а также современные исследования ученых Казахстана, России, государств СНГ и зарубежных стран. Показано, что рост установленной мощности низкоуглеродной генерации сам по себе не обеспечивает зеленого макроэкономического эффекта: результат зависит от энерго- и ресурсоэффективности, состояния сетевой инфраструктуры, технологической локализации, структуры инвестиций, циркулярности производства и качества климатической адаптации. Для Казахстана особое значение имеют снижение энергоемкости, модернизация углеродоемких отраслей, развитие сетей и гибких мощностей, повышение водной производительности и формирование внутренней технологической базы зеленых проектов. Для России приоритет связан с использованием существующего низкоуглеродного потенциала атомной и гидроэнергетики для структурно-технологической модернизации, повышения ресурсоэффективности, развития экономики замкнутого цикла и конкурентоспособности промышленности. Обоснован авторский принцип двойной результативности зеленой политики, согласно которому каждый значимый проект или мера должны одновременно иметь измеримый экологический и макроэкономический результат. Сделан вывод о необходимости перехода от отраслевой экологической политики к интегрированной институционально-производительной стратегии зеленого роста.

Ключевые слова: зеленая экономика, устойчивый экономический рост, макроэкономическая устойчивость, ресурсная производительность, энергетический переход, декарбонизация, зеленое финансирование, циркулярная экономика, климатическая адаптация, Казахстан, Россия.

Елена ЛИДИНФА *- экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Кәсіптік оқыту, бизнес және технология кафедрасының доценті, Федералды Мемлекеттік Бюджеттік Жоғары Білім Беру мекемесі «И.С. Тургенев атындағы Орел мемлекеттік университеті», 302026, Ресей Федерациясы Орел қ.,*
Комсомольская көш., 95, e-mail:science_future@mail.ru

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН РЕСЕЙДЕГІ ТҰРАҚТЫ МАКРОЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСУДІҢ НЕГІЗІ РЕТІНДЕ ЖАСЫЛ ЭКОНОМИКАНЫҢ СТРАТЕГИЯЛЫҚ БАСЫМДЫҚТАРЫ

Түйін. Мақалада жасыл экономиканың стратегиялық басымдықтары Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының тұрақты макроэкономикалық өсу факторлары ретінде зерттеледі. Зерттеудің мақсаты экологиялық шектеулер ресурстық өнімділікті, технологиялық жаңғыртуды, инвестициялық белсенділікті және экономиканың сыртқы әрі климаттық күйзелістерге орнықтылығын арттыру ынталарына айналатын жасыл трансформация моделін негіздеу болып табылады. Ақпараттық база ретінде Қазақстан мен Ресейдің қолданыстағы нормативтік құқықтық актілері мен стратегиялық жоспарлау құжаттары, ресми статистика, бейінді мемлекеттік органдардың материалдары, сондай-ақ Қазақстан, Ресей, ТМД елдері және шетел ғалымдарының заманауи зерттеулері пайдаланылды. Төмен көміртекті генерацияның белгіленген қуатын ұлғайту өздігінен жасыл макроэкономикалық нәтижеге кепілдік бермейтіні көрсетілді: нәтиже энергия және ресурс тиімділігіне, желілік инфрақұрылымның жай-күйіне, технологиялық оқшаулауға, инвестициялар құрылымына, өндірістің циркулярлығына және климаттық бейімделу сапасына тәуелді. Қазақстан үшін энергия сыйымдылығын төмендету, көміртекті көп қажет ететін салаларды жаңғырту, желілер мен икемді қуаттарды дамыту, су өнімділігін арттыру және жасыл жобалардың ішкі технологиялық базасын қалыптастыру маңызды. Ресей үшін атом және гидроэнергетиканың қолда бар төмен көміртекті әлеуетін құрылымдық-технологиялық жаңғыртуға, ресурс тиімділігіне, тұйық цикл экономикасына және өнеркәсіптің бәсекеге қабілеттілігіне айналдыру басымдыққа ие. Жасыл саясаттың қос нәтижелілік қағидаты ұсынылды: әрбір маңызды жоба немесе шара өлшенетін экологиялық және макроэкономикалық нәтижені бір мезгілде қамтамасыз етуге тиіс. Салалық экологиялық саясаттан жасыл өсудің интеграцияланған институционалдық-өндірістік стратегиясына көшу қажеттігі негізделді.

Түйінді сөздер: жасыл экономика, тұрақты экономикалық өсу, макроэкономикалық орнықтылық, ресурстық өнімділік, энергетикалық ауысу, декарбонизация, жасыл қаржыландыру, циркулярлық экономика, климаттық бейімделу, Қазақстан, Ресей.

Yelena LIDINFA *- Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Vocational Education, Business and Technology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education « Oryol State University named after I.S. Turgenev», 302026, Russian Federation, Oryol, Komsomolskaya St., 95, e-mail:science_future@mail.ru*

STRATEGIC PRIORITIES OF THE GREEN ECONOMY AS A BASIS FOR SUSTAINABLE MACROECONOMIC GROWTH IN KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Abstract. The article examines strategic priorities of the green economy as drivers of sustainable macroeconomic growth in Kazakhstan and Russia. The purpose is to substantiate a model of green transformation in which environmental constraints become incentives for higher resource productivity, technological modernization, investment activity and resilience to external and climate shocks. The evidence base comprises current legislation and strategic planning documents of both countries, official statistics and government materials, as well as recent research by scholars from Kazakhstan, Russia, other CIS countries and the international academic community. The study shows that expanding low-carbon generating capacity alone does not ensure a green macroeconomic effect; outcomes depend on energy and resource efficiency, grid infrastructure, technological localization, investment quality, circular production and climate adaptation. For Kazakhstan, the key priorities are reducing energy intensity, modernizing carbon-intensive industries, developing grids and flexible capacity, increasing water productivity and building a domestic technological base for green projects. For Russia, the central task is to convert the existing low-carbon potential of nuclear and hydropower into structural and technological modernization, greater resource efficiency, circular economy development and industrial competitiveness. The paper proposes a dual-performance principle for green policy: every major project or measure should produce both a measurable environmental result and a measurable macroeconomic result. The findings support a shift from sector-specific environmental policy toward an integrated institutional and productive strategy of green growth.

Keywords: green economy, sustainable economic growth, macroeconomic resilience, resource productivity, energy transition, decarbonization, green finance, circular economy, climate adaptation, Kazakhstan, Russia.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Лидинфа Е. Стратегические приоритеты зеленой экономики как основа устойчивого макроэкономического роста в Республике Казахстан и России // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 48–61.

APA

Lidinfa, Y. (2026). Strategic priorities of the green economy as a basis for sustainable macroeconomic growth in Kazakhstan and Russia [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 48–61.

Введение

Переход к зеленой экономике в Казахстане и России постепенно перестает быть узкосекторальной экологической задачей и становится вопросом качества долгосрочного экономического роста. Казахстанская Концепция по переходу к «зеленой экономике», утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577 и существенно обновленная в 2024 году, прямо связывает зеленую трансформацию с ростом благосостояния, модернизацией инфраструктуры, эффективностью использования ресурсов и формированием новых отраслей. Принципиально важно, что в обновленной Концепции производительность ресурсов определяется как центральный экономический показатель: способность создавать стоимость должна оцениваться в расчете на единицу энергетических, водных, земельных ресурсов и выбросов парниковых газов [1]. Российская Климатическая доктрина, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 года № 812, также выводит климатическую политику за пределы природоохранного регулирования, закрепляя необходимость учитывать климатические факторы в социально-экономическом развитии и обеспечивать адаптацию экономики к меняющимся условиям [2]. Тем самым нормативные системы двух стран формируют предпосылки для рассмотрения зеленой повестки как части макроэкономической стратегии.

Экономическая теория дает основания для такого подхода. Д. Асемоглу, Ф. Агьон, Л. Бурштын и Д. Хемус показали, что экологические ограничения способны изменять направление технологического прогресса: сочетание ценовых сигналов и поддержки исследований может перенаправить инновации от «грязных» к «чистым» технологиям, причем задержка институционального вмешательства повышает будущие издержки перехода [3]. Для ресурсозависимых экономик этот вывод

особенно значим. Зеленая политика не должна пониматься как внешнее ограничение роста; при правильно выстроенных стимулах она меняет структуру капитальных вложений, спрос на технологии, производительность факторов и потенциальный выпуск. С.Н. Бобылев и Т.В. Завьялова, анализируя поиск новой модели устойчивого развития, подчеркивают необходимость корректировки традиционной системы макроэкономических приоритетов с учетом экологических ограничений, состояния природного капитала и качества роста [4]. Следовательно, исследовательский вопрос заключается не в том, совместимы ли экологические цели с экономическим ростом вообще, а в том, какие именно инструменты превращают зеленую трансформацию в источник производительности и структурного обновления.

Казахстанские исследования показывают неоднозначность такого превращения. Дж. Имангали и М.С. Бектурганова рассматривают зеленую экономику, энергетический переход и декарбонизацию как взаимосвязанные элементы устойчивого развития Казахстана, одновременно отмечая зависимость страны от ископаемого топлива и необходимость учитывать экономические и институциональные ограничения трансформации [5]. Российская научная дискуссия также предостерегает от механического копирования внешних моделей. Б.Н. Порфирьев, А.А. Широв, А.Ю. Колпаков и Е.А. Единак показывают, что климатическое регулирование способно создавать как возможности технологической модернизации, так и риски для выпуска, инвестиций и конкурентоспособности, если скорость и инструменты преобразований не соответствуют структуре экономики [6]. Для сравнительного анализа Казахстана и России данный тезис имеет методологическое значение: обе страны обладают крупным топливно-энергетическим комплексом, значительной долей сырьевых производств и протяженной инфраструктурой, поэтому эффект зеленой политики зависит от ее способности модернизировать существующую производственную систему, а не только замещать отдельные технологии.

Вопрос качества институтов особенно отчетливо проявляется в энергетическом переходе Казахстана. Н. Жакиев, Д. Бурханова, А. Нурканат, Ш. Жуссипкалиева, А. Соспанова и А. Хамзина на основе экспертных оценок выделяют среди ключевых барьеров устаревшую инфраструктуру, недостаточное развитие местного производства оборудования, регуляторную неопределенность, высокие капитальные затраты и ценовые диспропорции между традиционной и возобновляемой энергетикой [7]. Данный вывод означает, что увеличение числа объектов ВИЭ не тождественно институционально полноценному переходу: без сетевого развития, локализации технологических цепочек и предсказуемого регулирования часть инвестиционного импульса может уходить в импорт оборудования, а системные издержки интеграции переменной генерации - расти. В российской литературе И.М. Попова и О.И. Колмар аналогично связывают низкоуглеродное развитие с конкурентоспособностью, углеродным регулированием, технологическими цепочками и изменением условий внешней торговли, подчеркивая необходимость адаптации стратегии к новым геоэкономическим условиям [8].

Новые эмпирические исследования Казахстана позволяют точнее определить границы эффекта ВИЭ. Э. Сыздыкова, Д. Сыздыкова, А. Коваль, Г. Кенешева, Л. Паримбекова и А. Кайырбаева на данных 1992-2024 годов выявили устойчивую долгосрочную связь между экономическим ростом, потреблением энергии и выбросами CO2; влияние возобновляемой энергии на сокращение выбросов оказалось неустойчивым в разных спецификациях, а признаки полноценного разъединения роста и экологической нагрузки пока не подтверждаются [9]. К. Тастанбекова, К. Мырзабеккызы, Г. Лухманова и соавторы, исследуя период 2000-2024 годов методом ARDL, также получили сильный положительный эффект общего энергопотребления и промышленного выпуска на ВВП и статистически слабый эффект возобновляемой энергии, что объясняется ее пока ограниченной долей в энергобалансе [10]. Эти результаты не свидетельствуют о неэффективности ВИЭ как таковых; они указывают, что макроэкономический эффект зеленой энергетики возникает только внутри более широкой системы технологического обновления и повышения эффективности.

Для России принципиально важен вопрос качества зеленого финансирования. Л.С. Кабир, Ж.А. Мингалева и И.Д. Раков предлагают оценивать устойчивое финансирование через его связь с технологической модернизацией национальной экономики и показывают, что формальная маркировка финансового инструмента еще не доказывает его вклад в обновление производственного аппарата [11]. На глобальном уровне С.А. Саркоди, П.А. Овусу и Дж. Таден, исследовав 203 экономики, показывают многомерность зеленого роста: его устойчивость связана не только с экологическими показателями, но и с ресурсной производительностью, природным капиталом, качеством жизни и институциональными

реакциями [12]. Таким образом, сравнительное исследование Казахстана и России должно выходить за пределы показателя доли ВИЭ или объема зеленых облигаций и анализировать механизм передачи зеленой политики в производительность, инвестиции, технологическую сложность, внешнюю конкурентоспособность и устойчивость к шокам.

Научная проблема настоящей статьи состоит в разрыве между экологическими целями и макроэкономической оценкой их результативности. Стратегические документы обеих стран содержат целевые ориентиры по энергоэффективности, выбросам, отходам, развитию чистой энергетики и финансированию, однако в практической дискуссии эти показатели нередко рассматриваются как самостоятельные конечные цели. Такой подход создает риск «показательной зеленизации», при которой выполнение отраслевого индикатора не сопровождается ростом совокупной производительности и устойчивости. Цель исследования состоит в выявлении и сравнительном обосновании стратегических приоритетов зеленой экономики, способных формировать устойчивый макроэкономический рост Казахстана и России. Для достижения цели решаются задачи: определить каналы влияния зеленой трансформации на потенциальный выпуск; сопоставить нормативно-стратегическую архитектуру двух государств; оценить текущие энергетические и ресурсные ограничения; выявить макроэкономические риски односторонней декарбонизации; сформулировать авторские критерии отбора и оценки зеленых мер.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили документы, формирующие долгосрочную экологическую, энергетическую и климатическую политику двух государств. В Казахстане к ним относится Стратегия достижения углеродной нейтральности до 2060 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121. Стратегия определяет низкоуглеродное развитие как необходимое условие устойчивого развития и формирует долгосрочный контур декарбонизации экономики [13]. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК закрепляет правовую основу экологического регулирования, включая принципы устойчивого развития, наилучшие доступные техники, регулирование выбросов и инструменты зеленого финансирования [14]. Закон Республики Казахстан от 4 июля 2009 года № 165-IV «О поддержке использования возобновляемых источников энергии» устанавливает специальные механизмы поддержки ВИЭ и остается базовым отраслевым актом для расширения соответствующей генерации [15].

Связь зеленой трансформации с общей экономической политикой оценивается через Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года, утвержденный Указом Президента от 30 июля 2024 года № 611 [16]. Институциональная инфраструктура финансирования анализируется на основе постановления Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996, утвердившего классификацию (таксономию) зеленых проектов, подлежащих финансированию через зеленые облигации и зеленые кредиты. Таксономия связывает зеленый статус проекта с повышением эффективности использования природных ресурсов, энергоэффективностью, снижением негативного воздействия, смягчением изменения климата и адаптацией [17]. Такой подход важен для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать финансовый инструмент не как самостоятельный результат, а как механизм трансформации реального сектора.

В России долгосрочный контур низкоуглеродного развития задан Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р. Ее целевой сценарий прямо связывает снижение выбросов с глобальной конкурентоспособностью, технологическим обновлением и устойчивым экономическим ростом, а меры технического, налогового и финансового регулирования рассматривает как дополнительные драйверы модернизации [18]. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» закрепляет принцип устойчивого и сбалансированного развития экономики при снижении выбросов и формирует инфраструктуру учета, целевых показателей и климатических проектов [19].

Энергетический блок российского анализа основан на Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 года № 908-р [20]. Общенациональные экологические ориентиры сопоставляются с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309, который ввел национальную цель «Экологическое благополучие» и, в частности, установил к 2030 году задачи сортировки 100% ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов, ограничения захоронения и вовлечения

не менее 25% отходов производства и потребления во вторичный оборот [21]. Механизм устойчивого финансирования оценивается по постановлению Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 года № 1587, устанавливающему критерии проектов устойчивого, в том числе зеленого, развития и требования к системе верификации инструментов финансирования [22].

Информационная база включает данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан о зеленой экономике, топливно-энергетическом балансе и ВВП, материалы Министерства энергетики Республики Казахстан о развитии ВИЭ, данные Росстата о динамике ВВП, а также материалы Министерства энергетики Российской Федерации об итогах работы электроэнергетики. Используются только официально опубликованные показатели, сопоставимые по экономическому смыслу. При межстрановом сравнении учитывается различие статистических определений: например, казахстанский показатель доли ВИЭ обычно приводится без крупных гидроэлектростанций, тогда как российское понятие низкоуглеродной генерации включает атомную, гидро- и другие виды генерации. Поэтому уровни этих показателей не интерпретируются как прямой рейтинг стран.

Методология исследования сочетает сравнительный, институциональный, структурный и системный анализ. Сравнительный метод используется для выявления общих и специфических приоритетов зеленой трансформации. Институциональный анализ позволяет установить, как стратегические цели переводятся в нормы, таксономии, требования к инвестициям и механизмы учета выбросов. Структурный подход применяется для оценки воздействия перехода на энергетический комплекс, промышленность, инфраструктуру, финансовый сектор и региональное развитие. Системный метод позволяет рассматривать зеленую экономику как набор взаимозависимых контуров, а не как совокупность отдельных природоохранных мероприятий.

Авторская гипотеза состоит в том, что зеленая трансформация становится источником устойчивого макроэкономического роста только при соблюдении принципа двойной результативности. Первая сторона результата является экологической и выражается в снижении энерго-, ресурсо- и углеродоемкости, сокращении отходов, улучшении состояния природного капитала и повышении климатической устойчивости. Вторая сторона является макроэкономической: рост производительности, внутренней добавленной стоимости, технологической сложности, инвестиционной отдачи, экспортной конкурентоспособности и устойчивости потенциального выпуска. Если проект улучшает экологический индикатор, но создает хроническую импортную зависимость, повышает системные издержки энергии или не формирует технологических компетенций, его вклад в зеленый макроэкономический рост является ограниченным. Аналогично проект, повышающий выпуск, но закрепляющий рост ресурсной и углеродной интенсивности, не может считаться устойчивым. Проверка гипотезы осуществляется посредством сопоставления официальной динамики, нормативных целей и результатов современных исследований.

Результаты/Обсуждение

Первый результат исследования заключается в обосновании ресурсной производительности как главного макроэкономического критерия зеленого роста. Бюро национальной статистики Республики Казахстан формирует систему показателей зеленой экономики по пяти блокам: экологическая и ресурсная производительность, природные активы, экологическое качество жизни, экономические возможности и политические меры, а также социально-экономический контекст роста. Внутри первого блока отдельно рассчитываются углеродная и энергетическая производительность ВВП, материальная и водная производительность [23]. Методологически это существенно: устойчивость должна оцениваться не величиной затрат на охрану окружающей среды и не количеством зеленых проектов, а тем, сколько экономической стоимости создается на единицу ограниченного ресурса и экологической нагрузки. Именно этот показатель связывает микроэкономическую эффективность предприятия с макроэкономическим качеством роста.

Казахстанская динамика 2025 года демонстрирует актуальность такого подхода. Реальный ВВП страны вырос на 6,5%, однако топливно-энергетический баланс показывает, что энергоемкость ВВП в ценах 2015 года составила 0,307 тонны нефтяного эквивалента на тысячу долларов США и увеличилась на 0,9% по сравнению с 2024 годом. Одновременно общее первичное потребление энергии выросло на 7,7% [24]. С макроэкономической точки зрения сочетание быстрого роста выпуска с увеличением энергоемкости означает, что в рассматриваемом году расширение экономической активности не сопровождалось улучшением энергетической эффективности. Этот факт не отменяет положительную динамику отдельных отраслей, но показывает

ограниченность оценки зеленого перехода через ввод новых мощностей. Если на единицу реального выпуска требуется больше первичной энергии, экономика остается чувствительной к стоимости топлива, износу инфраструктуры и углеродным ограничениям внешних рынков.

Второй результат связан с разграничением показателя доли ВИЭ и качества энергетического перехода. В Казахстане по итогам 2025 года объекты ВИЭ произвели 8,621 млрд кВт·ч электроэнергии, или 7% от общего объема производства; в стране действовали 162 объекта ВИЭ общей установленной мощностью около 3,5 ГВт, а за год было введено 503,5 МВт новых мощностей [25]. Динамика является значимой и соответствует стратегическому направлению, однако обновленная Концепция зеленой экономики ставит более широкую цель: к 2030 году снизить энергоемкость ВВП на 15% относительно уровня 2021 года и довести долю возобновляемых и альтернативных источников в выработке электроэнергии до 15% [1]. Следовательно, рост ВИЭ должен сопровождаться снижением системной энергоемкости, иначе часть экологического эффекта будет нейтрализоваться увеличением общего спроса на энергию.

Российская энергетическая структура создает иную исходную конфигурацию. По материалам Министерства энергетики Российской Федерации, по итогам 2025 года тепловые электростанции обеспечивали 63,2% выработки, а доля низкоуглеродной генерации составляла 36,8% [26]. Сопоставлять 36,8% с казахстанскими 7% напрямую некорректно: российский показатель включает атомную и гидрогенерацию, тогда как казахстанская официальная доля ВИЭ в топливно-энергетическом балансе рассчитывается без крупных ГЭС. Более важен качественный вывод: Россия уже располагает значительным низкоуглеродным базисом в электроэнергетике, поэтому ее задача состоит не только в расширении отдельных видов генерации, но и в использовании данного базиса для электрификации производственных процессов, технологической модернизации промышленности и снижения удельной ресурсоемкости. Для Казахстана акцент дополнительно смещается на ускоренное обновление генерирующего оборудования, развитие сетей, балансирующих и накопительных решений, поскольку быстрый рост переменной генерации при изношенной инфраструктуре способен увеличивать системные издержки.

Третий результат состоит в том, что зеленый переход не следует противопоставлять текущей задаче экономического роста. В 2025 году российский ВВП вырос на 1,0% [27], тогда как ВВП Казахстана - на 6,5% [28]. Различия темпов отражают широкий набор факторов и сами по себе не позволяют судить об эффективности зеленой политики. Напротив, важным становится вопрос о вкладе экологических и энергетических инвестиций в потенциальный выпуск на горизонте нескольких лет. Капиталоемкие проекты могут краткосрочно увеличивать инвестиционный спрос, но устойчивый эффект возникает только тогда, когда они снижают издержки жизненного цикла, повышают надежность снабжения, создают отечественные технологические компетенции и расширяют экспортные возможности. Поэтому зеленая инвестиция должна оцениваться не только по объему освоенного финансирования, но и по приросту производительности капитала и ресурсов.

Исследования управления ВИЭ в Казахстане подтверждают необходимость такого фильтра. Н. Муравьев показал, что проблемы развития возобновляемой энергетики связаны не столько с отсутствием формальной политики, сколько с пробелами и противоречиями управления, недостаточной вовлеченностью инвесторов и качеством институциональной координации [29]. Современные выводы Жакиева и соавторов [7] демонстрируют, что часть этих ограничений сохраняется, хотя масштаб рынка существенно вырос. Отсюда следует важное практическое положение: задача государства - не максимизировать число проектов, а минимизировать институциональные транзакционные издержки качественных проектов и одновременно повышать требования к их системному эффекту. Предсказуемость правил подключения, аукционов, платежей, доступа к сетям и требований локализации может влиять на стоимость капитала не меньше, чем прямые субсидии.

Четвертый результат относится к промышленной политике. Зеленая экономика становится драйвером роста только в случае, если экологическое регулирование направляет инвестиции в более производительный основной капитал. В России И.С. Белик и Н.Л. Никулина связывают низкоуглеродное развитие с циркулярной моделью производства, предполагающей энергосбережение, повторное использование ресурсов и регенеративные технологические решения [30]. Такой подход снимает ложную дихотомию «экология или промышленность»: повторное использование материалов, снижение потерь, энергоэффективное оборудование и цифровой контроль ресурсов одновременно уменьшают экологическое давление и себестоимость. Для Казахстана данный механизм особенно

перспективен в горно-металлургическом, нефтегазовом, химическом и строительном комплексах, где даже умеренное снижение удельного потребления энергии, воды и материалов в масштабах крупного производства способно дать существенный макроэкономический эффект.

Отсюда следует необходимость смещения центра зеленой политики от структуры конечной генерации к технологической структуре всей экономики. В добывающих и базовых отраслях приоритетом должны стать наилучшие доступные техники, утилизация вторичных энергоресурсов, снижение потерь тепла и электроэнергии, цифровой мониторинг, модернизация электроприводов, промышленная переработка отходов и повышение глубины переработки сырья. В транспортной системе - энергоэффективность, электрификация там, где она технологически и экономически оправданна, модернизация железнодорожной и городской инфраструктуры. В жилищном секторе - снижение теплопотерь зданий и коммунальных сетей. Эти направления имеют общий макроэкономический знаменатель: уменьшение промежуточных затрат на единицу конечной добавленной стоимости.

Пятый результат состоит в необходимости равновесия между декарбонизацией и адаптацией. Б.Н. Порфирьев показывает, что климатическая политика долгое время концентрировалась преимущественно на сокращении выбросов, тогда как адаптация к уже происходящим изменениям климата имеет самостоятельную экономическую ценность и требует оценки результативности и эффективности [31]. Для Казахстана адаптационный блок связан прежде всего с дефицитом и изменчивостью водных ресурсов, засухами, рисками для сельского хозяйства, степными и лесными пожарами, устойчивостью городов к экстремальной жаре и состоянием водохозяйственной инфраструктуры. Для России важны риски вечной мерзлоты, лесных пожаров, паводков, изменения условий эксплуатации северной инфраструктуры и транспортных систем. Игнорирование адаптации означает накопление скрытого износа капитала и потенциальных потерь выпуска, которые не отражаются в показателях текущей декарбонизации.

В отношении Казахстана Всемирный банк в Country Climate and Development Report подчеркивает, что климатические меры могут одновременно поддерживать диверсификацию, повышать качество городской среды, снижать уязвимость и формировать новые источники роста [32]. Это позволяет расширить экономическое содержание природного капитала. Вода, почвы, пастбища, леса и экосистемные услуги не являются внешним фоном производства: их деградация повышает стоимость сельскохозяйственной продукции, коммунальных услуг, страхования и инфраструктуры. Поэтому инвестиции в водосбережение, снижение потерь в сетях, восстановление экосистем и защиту инфраструктуры целесообразно оценивать как инвестиции в сохранение производственного потенциала, а не только как экологические расходы.

Шестой результат касается внешней конкурентоспособности. С 1 января 2026 года в Европейском союзе действует окончательный (definitive) режим CBAM, в рамках которого учитываются встроенные выбросы товаров, импортируемых в ЕС в 2026 году; приобретение CBAM-сертификатов, относящихся к импорту 2026 года, начинается с февраля 2027 года [33]. Для Казахстана и России внешние торговые потоки и направления экспорта различаются, однако общий экономический вывод сохраняется: углеродная и энергетическая интенсивность продукции превращается в параметр конкурентоспособности. Даже при изменении географии торговли глобальные производственные цепочки, банки и крупные заказчики все чаще требуют данных о происхождении энергии, выбросах и устойчивости цепочки поставок. Поэтому система измерения и верификации углеродного следа имеет промышленное значение: она снижает информационные барьеры для доступа к рынкам и финансированию.

Для Казахстана особый потенциал возникает на пересечении энергетического перехода и промышленной диверсификации. Исследование Я. Грабары, А. Тлеппаева, М. Дабыловой, Л. Михарджо и З. Дацко-Пикевич, посвященное Казахстану и Узбекистану, показывает значимость взаимосвязей между возобновляемой энергией, экономическим ростом и прямыми иностранными инвестициями [34]. Однако импорт готового оборудования и финансирование без развития местных компетенций дают ограниченный мультипликатор. Поэтому новая фаза политики ВИЭ должна включать реалистичную технологическую локализацию: инженерные услуги, программное обеспечение, обслуживание, производство отдельных компонентов, системы управления, накопители и сетевое оборудование. Речь не идет о принудительном производстве всего спектра технологий внутри страны; задача состоит в выборе сегментов, где внутренний спрос способен сформировать конкурентоспособную специализацию.

Для России аналогичная логика связана с масштабом внутреннего рынка и существующей научно-промышленной базой. Б.Н. Порфирьев и А.А. Широв рассматривают структурно-технологическую модернизацию как ответ на ключевые вызовы устойчивому развитию и национальной безопасности [35]. В контексте зеленой экономики это означает, что энергетическая стратегия, климатическая политика, программа технологического развития и промышленная политика должны быть синхронизированы. Низкоуглеродная генерация дает макроэкономическое преимущество только в том случае, если она поддерживает конкурентоспособную стоимость электроэнергии, надежность системы и развитие производств с высокой добавленной стоимостью. Чрезмерное удорожание инфраструктурной составляющей способно уменьшить положительный эффект, поэтому решения должны проходить оценку полной системной стоимости.

Седьмой результат связан с циркулярной экономикой как недооцененным источником производительности. В Казахстанской Концепции зеленой экономики к 2030 году предусмотрено доведение доли переработки и утилизации коммунальных отходов до 40%, а принцип циркулярности прямо включен в основу перехода [1]. В России Указ № 309 ставит задачу к 2030 году обеспечить сортировку 100% ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов, направлять на захоронение не более 50% и вовлекать не менее 25% отходов производства и потребления в хозяйственный оборот как вторичные ресурсы [21]. При макроэкономическом прочтении данные цели означают создание рынка вторичного сырья, снижение импортной и добычной потребности в отдельных материалах, развитие перерабатывающего оборудования, логистики и новых сервисных моделей.

При этом циркулярность не должна ограничиваться коммунальными отходами. Наибольший экономический эффект часто возникает в промышленном симбиозе: использовании шлаков, золы, тепла, попутных газов, отработанных масел, металлолома и других побочных потоков в качестве сырья или энергии. Государственная политика может поддерживать такие решения через стандарты качества вторичного сырья, цифровую прослеживаемость, правила расширенной ответственности производителей, зеленые закупки и устранение регуляторных барьеров для межотраслевого обмена. Показателем успеха здесь является не тоннаж переработки сам по себе, а замещение первичных ресурсов и снижение совокупных материальных затрат.

Восьмой результат относится к зеленому финансированию. Казахстанская Концепция ставит ориентир увеличения доли зеленых кредитов в портфеле банковского сектора до 7,5% к 2030 году и доли зеленых облигаций в официальном списке фондовой биржи до 4% [1]. Сама Концепция оценивает среднюю ежегодную потребность в дополнительных инвестициях для реализации зеленого перехода до 2050 года примерно в 15 млрд долларов США, или около 4,4% ВВП в среднем за период, причем основная часть должна привлекаться частным сектором [1]. Масштаб показывает, что вопрос качества отбора проектов имеет макроэкономическое значение: даже небольшой процент ошибочно направленного капитала означает значительные альтернативные издержки.

Поэтому автор предлагает применять к инструментам устойчивого финансирования принцип двойной результативности. Экологический блок оценки должен включать сокращение выбросов и загрязнения, энергосбережение, водосбережение, предотвращение образования отходов либо восстановление природного капитала. Макроэкономический блок - прирост производительности, снижение операционных затрат, долю внутренней добавленной стоимости, технологический трансферт, срок окупаемости с учетом жизненного цикла и влияние на надежность инфраструктуры. Для крупных государственных или квазигосударственных проектов целесообразно дополнительно оценивать фискальный эффект и зависимость от импорта. Такая система не подменяет существующую таксономию, а позволяет ранжировать уже соответствующие ей проекты по их вкладу в потенциальный выпуск.

Девятый результат заключается в необходимости различать скорость и последовательность зеленого перехода. Слишком медленная трансформация увеличивает риск технологического отставания, износа оборудования и потери рынков. Слишком быстрая замена работающих активов без учета срока службы и системной надежности способна создавать необоснованные капитальные потери и тарифное давление. Оптимальная траектория для ресурсных экономик должна сочетать ускоренное внедрение решений с отрицательной или низкой стоимостью сокращения ресурсопотребления - энергоэффективности, устранения потерь, цифрового управления, модернизации сетей - с поэтапным замещением капиталоемких активов по мере технологической готовности. В таком порядке зеленая политика поддерживает, а не вытесняет накопление производительного капитала.

Для Казахстана из проведенного анализа вытекает шесть взаимосвязанных стратегических приоритетов. Первый - ускоренное снижение энергоемкости ВВП и перевод энергоэффективности из вспомогательного показателя в критерий оценки отраслевой политики. Второй - развитие ВИЭ синхронно с сетями, маневренностью, накопителями и цифровым управлением энергосистемой. Третий - технологическая модернизация углеродоемких экспортных отраслей с использованием наилучших доступных техник и углублением переработки сырья. Четвертый - водная производительность и адаптация сельского хозяйства и инфраструктуры к климатическим рискам. Пятый - превращение внутреннего спроса на зеленые технологии в инструмент развития инженерных и производственных компетенций. Шестой - направление зеленого финансирования на проекты, одновременно улучшающие экологические показатели и производительность.

Для России приоритетная конфигурация имеет иную расстановку акцентов. Первое направление - использование уже значимой низкоуглеродной генерации как конкурентного ресурса для промышленной электрификации и новых производств при сохранении надежности и приемлемой стоимости энергии. Второе - повышение энерго- и материалоэффективности традиционных отраслей, поскольку именно удельные затраты определяют долгосрочную конкурентоспособность. Третье - технологическая модернизация и создание отечественного оборудования для энергетики, экологического мониторинга, очистки, переработки и цифрового управления. Четвертое - развитие экономики замкнутого цикла за пределами коммунального сектора. Пятое - институционализация климатической адаптации в инвестиционном планировании инфраструктуры и регионов. Шестое - развитие устойчивого финансирования с жесткой привязкой к измеримым технологическим и производительным эффектам.

Сопоставление показывает и общую проблему обеих стран: стратегические документы уже содержат большинство необходимых направлений, но управленческий риск заключается в фрагментации. Энергетика, промышленность, водное хозяйство, отходы, климат, финансы и региональное развитие могут реализовываться как отдельные программы с собственными KPI, не учитывающими взаимные эффекты. Авторская позиция состоит в том, что зеленая экономика требует единого макроэкономического контура оценки. Для каждого крупного направления необходимо отслеживать, во-первых, изменение энерго-, углеродо-, материало- и водоемкости добавленной стоимости; во-вторых, инвестиционную и технологическую отдачу; в-третьих, устойчивость инфраструктуры; в-четвертых, влияние на внешнюю конкурентоспособность; в-пятых, распределение выгод и издержек между регионами и социальными группами.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей. Первая - «экологизация без роста», когда экологические показатели улучшаются преимущественно за счет сжатия производства либо переноса углеродоемких стадий за рубеж. Вторая - «рост без зеленой трансформации», когда высокий темп ВВП достигается при увеличении удельного потребления энергии и материалов, накоплении инфраструктурного износа и экологических обязательств. Устойчивый макроэкономический рост находится между этими крайностями и означает абсолютное либо относительное разъединение выпуска и экологической нагрузки за счет производительности, инноваций и структурных сдвигов.

На этой основе предлагается институционально-производительная рамка зеленого макроэкономического роста. Ее первый уровень - ресурсная эффективность: энергетическая, водная, материальная и углеродная производительность. Второй - инфраструктурная надежность: сети, генерация, транспорт, коммунальные системы и климатическая устойчивость капитала. Третий - технологическая модернизация: локализация компетенций, инновации, цифровизация и наилучшие доступные техники. Четвертый - финансовая трансмиссия: способность таксономии, банков, рынков капитала и государственных инструментов направлять средства в проекты с двойной результативностью. Пятый - структурный результат: рост доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, снижение зависимости от первичного сырья и повышение экспортной устойчивости. Данная рамка не является эконометрической моделью; она представляет систему критериев для согласования стратегических решений и последующей количественной оценки.

Практическим следствием является предложение дополнить оценку государственных программ и крупных инвестиционных проектов показателем «зеленой макроэкономической отдачи». Он не должен сводиться к единому искусственному индексу. Более корректно использовать панель взаимосвязанных показателей: изменение энергоемкости и углеродоемкости выпуска; экономия первичных материалов и воды;

прирост производительности труда и капитала; доля внутренней добавленной стоимости; снижение ожидаемого ущерба от климатических рисков; изменение полной стоимости инфраструктурной услуги. Такое представление сохраняет прозрачность и позволяет видеть случаи, когда экологическая выгода достигается ценой ухудшения других макроэкономических параметров.

В результате зеленая экономика для Казахстана и России должна рассматриваться не как отдельный сектор и не как синоним возобновляемой энергетики, а как механизм обновления всей системы воспроизводства. Ее макроэкономический смысл заключается в повышении количества добавленной стоимости, создаваемой единицей энергии, материала, воды и природного капитала, при одновременном сохранении надежности и адаптивности экономической системы. Именно такая трактовка позволяет связать экологические цели с производительностью, технологическим суверенитетом, инвестициями и качеством долгосрочного роста.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что стратегические приоритеты зеленой экономики способны стать основой устойчивого макроэкономического роста Казахстана и России только при отказе от узкого понимания зеленого перехода как замены источников энергии или роста природоохранных расходов. Зеленая трансформация имеет экономический смысл тогда, когда она повышает производительность ресурсов, обновляет основной капитал, снижает инфраструктурные и климатические риски, стимулирует инновации и укрепляет конкурентоспособность. В противном случае рост отдельных экологических показателей может не трансформироваться в повышение потенциального выпуска.

Во-первых, главным интегральным ориентиром должна стать ресурсная производительность. Для Казахстана этот вывод особенно актуален в связи с сочетанием роста ВВП на 6,5% в 2025 году и увеличения энергоемкости ВВП на 0,9% [24; 28]. Данный факт показывает, что высокая текущая динамика выпуска сама по себе не гарантирует структурного разъединения экономического роста и энергопотребления. Поэтому целевой показатель снижения энергоемкости на 15% к 2030 году, предусмотренный Концепцией зеленой экономики [1], необходимо рассматривать не как отраслевую энергетическую задачу, а как показатель качества модернизации экономики.

Во-вторых, расширение низкоуглеродной генерации является необходимым, но недостаточным условием зеленого роста. В Казахстане доля ВИЭ достигла 7% в 2025 году [25], однако следующий этап требует синхронного развития сетей, маневренных мощностей, накопителей и систем управления. В России доля низкоуглеродной генерации составляет 36,8% [26], что создает иную исходную позицию: ключевой эффект должен формироваться через использование данного энергетического преимущества для промышленной модернизации и снижения удельных затрат, а не через механическое наращивание одного вида генерации.

В-третьих, промышленная политика должна стать центральным каналом зеленой трансформации. Наибольший вклад в макроэкономическую устойчивость способен дать не перенос производства из углеродоемких отраслей, а повышение их эффективности: наилучшие доступные техники, утилизация вторичных ресурсов, цифровой мониторинг, сокращение потерь, энергоэффективность и углубление переработки. Для Казахстана это одновременно означает диверсификацию сырьевой модели; для России - повышение технологичности и конкурентоспособности крупной промышленной базы.

В-четвертых, циркулярная экономика должна рассматриваться как политика производительности. Казахстанские и российские цели в сфере переработки отходов создают спрос на вторичные материалы, оборудование, логистику и сервисы [1; 21]. Однако максимальный эффект достигается при переносе принципов циркулярности в промышленный цикл: повторном использовании сырья, энергии и побочных продуктов. Показатель тоннажа переработки должен дополняться оценкой фактического замещения первичных ресурсов и снижения себестоимости.

В-пятых, зеленое финансирование требует перехода от оценки объемов к оценке качества капитала. Национальные таксономии Казахстана и России создают необходимый фильтр соответствия проектов [17; 22], но следующая задача состоит в оценке производственного эффекта. Предложенный в статье принцип двойной результативности предполагает, что зеленый проект должен одновременно иметь измеримый экологический результат и экономический эффект в форме производительности, снижения издержек, технологического обновления, внутренней добавленной стоимости или повышения устойчивости. Такая оценка особенно важна для Казахстана с учетом масштабной потребности в дополнительных инвестициях, заложенной в Концепции зеленой экономики.

В-шестых, климатическая адаптация должна быть включена в ядро макроэкономической политики. Декарбонизация уменьшает будущие климатические риски глобального характера, но не заменяет защиту уже существующего капитала и производства от засух, паводков, пожаров, деградации мерзлоты, дефицита воды и экстремальных температур. Экономический результат адаптации выражается в предотвращенном ущербе, снижении волатильности выпуска и увеличении срока службы инфраструктуры. Поэтому адаптационные мероприятия следует включать в инвестиционные модели и оценивать наряду с обычными показателями эффективности.

В-седьмых, внешняя конкурентоспособность все в большей степени зависит от подтверждаемой ресурсо- и углеродной эффективности продукции. Механизмы типа CBAM усиливают значение данных о встроенных выбросах [33], но даже вне европейского рынка требования к экологической прозрачности распространяются через финансовые институты и международные цепочки поставок. Для обеих стран развитие надежной системы измерения и верификации экологических характеристик становится элементом промышленной и экспортной инфраструктуры.

В-восьмых, стратегические различия Казахстана и России требуют дифференцированной, а не унифицированной политики. Казахстану необходимо одновременно сокращать высокую энергоемкость, наращивать ВИЭ, модернизировать углеродоемкие мощности, укреплять сетевую инфраструктуру и повышать водную производительность. России целесообразно опираться на существующую низкоуглеродную атомную и гидроэнергетическую базу, делая основной акцент на энергоэффективности, структурно-технологической модернизации, циркулярности, адаптации и развитии отечественных технологий. Общим является требование согласовать экологические цели с экономикой полного жизненного цикла и производительностью.

Итоговая авторская позиция состоит в том, что зеленая экономика должна быть институционализирована как система повышения макроэкономической эффективности, а не как параллельный природоохранный контур. Для этого предлагается оценивать крупные меры и проекты по пяти группам показателей: ресурсная и углеродная производительность; инфраструктурная надежность; технологическая и внутренняя добавленная стоимость; инвестиционная и финансовая эффективность; климатическая устойчивость и предотвращенный ущерб. Такой подход позволяет связать стратегическое планирование, промышленную и энергетическую политику, зеленое финансирование и адаптацию в единую логику.

При данной архитектуре экологическое регулирование перестает восприниматься как неизбежная цена экономического роста. Оно становится механизмом направления капитала и инноваций в более эффективные технологии. Устойчивый зеленый рост в Казахстане и России означает не сокращение производства ради улучшения экологических индикаторов, а рост добавленной стоимости при снижении удельного потребления ресурсов и экологической нагрузки. Именно переход от количественного наращивания «зеленых» объектов к повышению производительности всей экономики способен обеспечить долгосрочную совместимость экологических целей, макроэкономической устойчивости и конкурентоспособности.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577 «О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике»» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577

2. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 года № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009

3. Acemoglu D., Aghion P., Bursztyn L., Hemous D. The Environment and Directed Technical Change // American Economic Review. - 2012. - Vol. 102. - No. 1. - P. 131-166. DOI: 10.1257/aer.102.1.131.

4. Бобылев С.Н., Завьялова Т.В. Устойчивое развитие: в поисках новой экономики // Вопросы политической экономии. - 2024. - № 3 (39). - С. 43-51.

5. Имангали Дж., Бектурганова М. Устойчивое развитие Казахстана: зеленая экономика, энергетический переход, декарбонизация // Техноэкономика. - 2024. - Т. 3. - № 1 (8). - С. 14-25. DOI: 10.57809/2024.3.1.8.2.

6. Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Колпаков А.Ю., Единак Е.А. Возможности и риски политики климатического регулирования в России // Вопросы экономики. - 2022. - № 1. - С. 72-89. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-72-89.

7. Zhakiyev N., Burkhanova D., Nurkanat A., Zhussipkaliyeva S., Sospanova A., Khamzina A. Green energy in grey areas: The financial and policy challenges of Kazakhstan’s energy transition // Energy Research & Social Science. - 2025. - Vol. 124. - 104046. DOI: 10.1016/j.erss.2025.104046.

8. Попова И.М., Колмар О.И. Низкоуглеродное развитие России: вызовы и возможности в новых условиях // Вестник международных организаций. -

2023. - Т. 18. - № 4. - С. 62-95. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-03.

9. Syzdykova E., Syzdykova D., Koval A., Kenesheva G., Parimbekova L., Kaiyrbayeva A. Energy Consumption, Economic Growth, and CO2 Emissions in Kazakhstan: Revisiting the Role of Renewable Energy // Economies. - 2026. - Vol. 14. - No. 9. P.875-384. DOI: 10.3390/economies14090384.

10. Tastanbekova K., Myrzabekkyzy K., Lukhmanova G., Pirmanova Z., Izatullayeva B., Duisenbek D. Energy Consumption, Renewable Energy Transition, and Industrial Production as Determinants of Economic Growth in Kazakhstan: An ARDL Analysis // International Journal of Energy Economics and Policy. - 2026. - Vol. 16. - No. 2. - P. 268-274. DOI: 10.32479/ijeep.22550.

11. Kabir L.S., Mingaleva Z.A., Rakov I.D. Technological modernization of the national economy as an indicator of green finance: Data analysis on the example of Russia // Green Finance. - 2025. - Vol. 7. - No. 1. - P. 146-174. DOI: 10.3934/GF.2025006.

12. Sarkodie S.A., Owusu P.A., Taden J. Green growth assessment across 203 economies: Trends and insights // Sustainable Horizons. - 2024. - Vol. 10. - 100083. DOI: 10.1016/j.horiz.2023.100083.

13. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 «Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121

14. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400

15. Закон Республики Казахстан от 4 июля 2009 года № 165-IV «О поддержке использования возобновляемых источников энергии» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000165_

16. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611

17. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996 «Об утверждении классификации (таксономии) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000996

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/news/43708

19. Федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/

20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 года № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/docs/54754

21. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/docs/all/153176/

22. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 года № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://government.ru/docs/all/136742/

23. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Показатели «зеленой экономики» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/green-economy-indicators/195/

24. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Топливно-энергетический баланс Республики Казахстан (2025 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-energy/publications/509795/

25. Министерство энергетики Республики Казахстан. Развитие возобновляемых источников энергии: итоги 2025 года [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/4910

26. Министерство энергетики Российской Федерации. Стратегическое развитие: итоги электроэнергетики за 2025 год [Электронный ресурс] Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/upload/iblock/24f/w5di5x0ijq6p6wjy4haccvptagofymwr/Prezentatsia_Kollegia_Minenergo.pdf

27. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. О производстве и использовании валового внутреннего продукта в 2025 году [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/52_10-04-2026.html

28. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Валовой внутренний продукт методом производства (2025 год, уточненные данные) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/industries/eco-nomy/national-accounts/publications/509685/

29. Mouraviev N. Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance // Energy Policy. - 2021. - Vol. 149. - 112051. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.112051.

30. Белик И.С., Никулина Н.Л. Вектор низкоуглеродного развития в условиях циркулярной экономики // Вестник университета. - 2024. - № 8. - С. 128-137. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-8-128-137.

31. Порфирьев Б.Н. Оценка результативности и эффективности мер по адаптации населения и экономики к изменениям климата: методологические подходы и ограничения // Проблемы прогнозирования. - 2024. - № 3 (204). - С. 97-117. DOI: 10.47711/0868-6351-204-97-117.

32. World Bank. Kazakhstan Country Climate and Development Report. - Washington, DC: World Bank, 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/publication/country-climate-development-reports

33. European Commission. Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM): definitive regime from 2026 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en

34. Grabara J., Tleppayev A., Dabylova M., Mihardjo L.W.W., Dacko-Pikiewicz Z. Empirical Research on the Relationship amongst Renewable Energy Consumption, Economic Growth and Foreign Direct Investment in Kazakhstan and Uzbekistan // Energies. - 2021. - Vol. 14. - No. 2. - 332. DOI: 10.3390/en14020332.

35. Порфирьев Б.Н., Широв А.А. Структурно-технологические сдвиги и модернизация экономики России (средне- и долгосрочные перспективы) // Вестник Российской академии наук. - 2024. - Т. 94. - № 3. - С. 255-265. DOI: 10.31857/S0869587324030085.

References

1. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 maya 2013 goda № 577 «O Koncepcii po perehodu Respubliki Kazahstan k «zelenoj ekonomike»» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577

2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 26 oktyabrya 2023 goda № 812 «Ob utverzhdenii Klimaticheskoj doktriny Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009

3. Acemoglu D., Aghion P., Bursztyn L., Hemous D. The Environment and Directed Technical Change // American Economic Review. - 2012. - Vol. 102. - No. 1. - P. 131-166. DOI: 10.1257/aer.102.1.131.

4. Bobylev S.N., Zav'yalova T.V. Ustojchivoe razvitie: v poiskah novoj ekonomiki // Voprosy politicheskoj ekonomii. - 2024. - № 3 (39). - S. 43-51.

5. Imangali Dzh., Bekturganova M. Ustojchivoe razvitie Kazahstana: zelenaya ekonomika, energeticheskij perehod, dekarbonizaciya // Tehnoekonomika. - 2024. - T. 3. - № 1 (8). - S. 14-25. DOI: 10.57809/2024.3.1.8.2.

6. Porfir'ev B.N., Shirov A.A., Kolpakov A.Yu., Edinak E.A. Vozmozhnosti i riski politiki klimaticheskogo regulirovaniya v Rossii // Voprosy ekonomiki. - 2022. - № 1. - S. 72-89. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-72-89.

7. Zhakiyev N., Burkhanova D., Nurkanat A., Zhussipkaliyeva S., Sospanova A., Khamzina A. Green energy in grey areas: The financial and policy challenges of Kazakhstan’s energy transition // Energy Research & Social Science. - 2025. - Vol. 124. - 104046. DOI: 10.1016/j.erss.2025.104046.

8. Popova I.M., Kolmar O.I. Nizkouglerodnoe razvitie Rossii: vyzovy i vozmozhnosti v novyh usloviyah // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. - 2023. - T. 18. - № 4. - S. 62-95. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-03.

9. Syzdykova E., Syzdykova D., Koval A., Kenesheva G., Parimbekova L., Kaiyrbayeva A. Energy Consumption, Economic Growth, and CO2 Emissions in Kazakhstan: Revisiting the Role of Renewable Energy // Economies. - 2026. - Vol. 14. - No. 9. - P.875-384. DOI: 10.3390/economies14090384.

10. Tastanbekova K., Myrzabekkyzy K., Lukhmanova G., Pirmanova Z., Izatullayeva B., Duisenbek D. Energy Consumption, Renewable Energy Transition, and Industrial Production as Determinants of Economic Growth in Kazakhstan: An ARDL Analysis // International Journal of Energy Economics and Policy. - 2026. - Vol. 16. - No. 2. - P.268-274. DOI: 10.32479/ijeep.22550.

11. Kabir L.S., Mingaleva Z.A., Rakov I.D. Technological modernization of the national economy as an indicator of green finance: Data analysis on the example of Russia // Green Finance. - 2025. - Vol. 7. - No. 1. - P. 146-174. DOI: 10.3934/GF.2025006.

12. Sarkodie S.A., Owusu P.A., Taden J. Green growth assessment across 203 economies: Trends and insights // Sustainable Horizons. - 2024. - Vol. 10. - 100083. DOI: 10.1016/j.horiz.2023.100083.

13. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 2 fevralya 2023 goda № 121 «Ob utverzhdenii Strategii dostizheniya uglerodnoj nejtral'nosti Respubliki Kazahstan do 2060 goda» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121

14. Ekologicheskij kodeks Respubliki Kazahstan ot 2 yanvarya 2021 goda № 400-VI ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400

15. Zakon Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2009 goda № 165-IV «O podderzhke ispol'zovaniya vozobnovlyaemyh istochnikov energii» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000165_

16. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 iyulya 2024 goda № 611 «Ob utverzhdenii Nacional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazahstan do 2029 goda i priznanii utrativshimi silu nekotoryh ukazov Prezidenta Respubliki Kazahstan» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611

17. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 dekabrya 2021 goda № 996 «Ob utverzhdenii klassifikacii (taksonomii) «zelenyh» proektov, podlezhashchih finansirovaniyu cherez «zelenye» obligacii i «zelenye» kredity» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000996

18. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 oktyabrya 2021 goda № 3052-r «Ob utverzhdenii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyh gazov do 2050 goda» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/news/43708

19. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 goda № 296-FZ «Ob ogranichenii vybrosov parnikovyh gazov» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/

20. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 12 aprelya 2025 goda № 908-r «Ob utverzhdenii Energeticheskoj strategii Rossijskoj Federacii na period do 2050 goda» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/docs/54754

21. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 goda № 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/docs/all/153176/

22. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21 sentyabrya 2021 goda № 1587 «Ob utverzhdenii kriteriev proektov ustojchivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya v Rossijskoj Federacii i trebovanij k sisteme verifikacii instrumentov finansirovaniya ustojchivogo razvitiya v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://government.ru/docs/all/136742/

23. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Pokazateli «zelenoj ekonomiki» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/green-economy-indicators/195/

24. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Toplivno-energeticheskij balans Respubliki Kazahstan (2025 g.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-energy/publications/509795/

25. Ministerstvo energetiki Respubliki Kazahstan. Razvitie vozobnovlyaemyh istochnikov energii: itogi 2025 goda [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/4910

26. Ministerstvo energetiki Rossijskoj Federacii. Strategicheskoe razvitie: itogi elektroenergetiki za 2025 god [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://minenergo.gov.ru/upload/iblock/24f/w5di5x0ijq6p6wjy4haccvptagofymwr/Prezentatsia_Kollegia_Minenergo.pdf

27. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. O proizvodstve i ispol'zovanii valovogo vnutrennego produkta v 2025 godu [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/52_10-04-2026.html

28. Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan. Valovoj vnutrennij produkt metodom proizvodstva (2025 god, utochnennye dannye) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://stat.gov.kz/ru/industries/eco-nomy/national-accounts/publications/509685/

29. Mouraviev N. Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance // Energy Policy. - 2021. - Vol. 149. - 112051. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.112051.

30. Belik I.S., Nikulina N.L. Vektor nizkouglerodnogo razvitiya v usloviyah cirkulyarnoj ekonomiki // Vestnik universiteta. - 2024. - № 8. - S. 128-137. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-8-128-137.

31. Porfir'ev B.N. Ocenka rezul'tativnosti i effektivnosti mer po adaptacii naseleniya i ekonomiki k izmeneniyam klimata: metodologicheskie podhody i ogranicheniya // Problemy prognozirovaniya. - 2024. - № 3 (204). - S. 97-117. DOI: 10.47711/0868-6351-204-97-117.

32. World Bank. Kazakhstan Country Climate and Development Report. - Washington, DC: World Bank, 2022 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.worldbank.org/en/publication/country-climate-development-reports

33. European Commission. Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM): definitive regime from 2026 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en

34. Grabara J., Tleppayev A., Dabylova M., Mihardjo L.W.W., Dacko-Pikiewicz Z. Empirical Research on the Relationship amongst Renewable Energy Consumption, Economic Growth and Foreign Direct Investment in Kazakhstan and Uzbekistan // Energies. - 2021. - Vol. 14. - No. 2. - 332. DOI: 10.3390/en14020332.

35. Porfir'ev B.N., Shirov A.A. Strukturno-tehnologicheskie sdvigi i modernizaciya ekonomiki Rossii (sredne- i dolgosrochnye perspektivy) // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. - 2024. - T. 94. - № 3. - S. 255-265. DOI: 10.31857/S0869587324030085.

УДК 330.341.1:338.45
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.006

Yevgenij STAROZHUK *- Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the IBM4 Department of Management, Bauman Moscow State Technical University, 105005, Russian Federation, Moscow, 2nd Baumanskaya str., 7, e-mail: estar@bmstu.ru;*

Rakhymbai MYNZHASAROV *- Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, IBM4 Department of Management, Bauman Moscow State Technical University, 105005, Russian Federation, Moscow, 2nd Baumanskaya str., 7, e-mail: rahimbai@yandex.ru.*

INNOVATION INFRASTRUCTURE OF REAL-SECTOR INDUSTRIES: A FUNCTIONAL MODEL AND DEVELOPMENT PRIORITIES

Abstract. The contemporary transformation of real-sector industries is being driven simultaneously by digitalization, technological modernization, environmental constraints, increasingly complex global value chains, and the need to accelerate the transfer of research results into production. Under these conditions, innovation infrastructure should be viewed not simply as a collection of individual support institutions, but as a mechanism that enables technologies to move continuously from scientific development to industrial production and market diffusion. The purpose of this study is to develop theoretical and methodological approaches to the formation of innovation infrastructure in real-sector industries and to propose a functional model for assessing its performance. The methodological framework combines systems, institutional, structural-functional, and comparative approaches with methods of analysis, synthesis, and scientific generalization. The study draws on research by scholars from Kazakhstan, Russia, Belarus, Uzbekistan, and other countries, as well as materials from the OECD, UNIDO, and WIPO and regulatory documents of the Republic of Kazakhstan. The analysis shows that the conventional object-based approach, which focuses on the number of technology parks, funds, technology transfer centers, and other organizations, does not adequately capture the infrastructure's capacity to facilitate industrial implementation of innovations. The scientific contribution of the study is the development of a functionally integrated innovation infrastructure model comprising six interconnected domains: knowledge generation and technology search; engineering and experimental preparation; financing and risk allocation; technology transfer and commercialization; industrial implementation and scaling; and market diffusion. Building on existing approaches to identifying bottlenecks in innovation processes, the study proposes a functional readiness indicator combining the least-developed domain with an inter-institutional connectivity coefficient. The contribution of the study lies in adapting the weakest-link logic to innovation infrastructure in real-sector industries and integrating it with the six-domain model. The practical significance of the findings lies in their potential application to industrial and innovation policy, the evaluation of development institutions, and the formation of regional innovation-production ecosystems.

Keywords: innovation infrastructure, real sector of the economy, industry, innovation system, technology transfer, commercialization, technological competencies, innovation ecosystem, industrial policy, digital transformation.

Евгений СТАРОЖУК *- кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой ИБМ4 «Менеджмент», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 105005, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 7, e-mail: estar@bmstu.ru;*

Рахымбай МЫНЖАСАРОВ *- кандидат экономических наук, доцент кафедры ИБМ4 «Менеджмент», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 105005, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 7, e-mail: rahimbai@yandex.ru.*

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ОТРАСЛЕЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье исследуется инновационная инфраструктура отраслей реального сектора в условиях цифровизации, технологической модернизации, экологических ограничений и усложнения глобальных цепочек создания стоимости. Цель исследования состоит в развитии теоретико-методологических подходов к формированию инновационной инфраструктуры и разработке функциональной модели оценки ее результативности. Методологическую основу составили системный, институциональный, структурно-функциональный и сравнительный подходы, методы анализа, синтеза и научного обобщения. Предложена интегрированная модель из шести взаимосвязанных функциональных блоков: генерация знаний и поиск технологий; инженерно-экспериментальная подготовка; финансирование и распределение рисков; трансфер и коммерциализация технологий; промышленное внедрение и масштабирование; рыночная диффузия. Обоснован показатель функциональной готовности, учитывающий наиболее слабое звено и коэффициент межинституциональной связанности. Практическая значимость результатов определяется возможностью их применения в промышленной и инновационной политике, при оценке институтов развития и формировании региональных инновационно-производственных экосистем.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, реальный сектор экономики, промышленность, инновационная система, трансфер технологий, коммерциализация, технологические компетенции, инновационная экосистема, промышленная политика, цифровая трансформация.

Евгений СТАРОЖУК *- экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, ИБМ4 «Менеджмент» кафедрасының меңгерушісі, Н.Э. Бауман атындағы Мәскеу мемлекеттік техникалық университеті, 105005, Ресей Федерациясы, Мәскеу қ., 2-Бауман көш., 7-үй, e-mail: estar@bmstu.ru;*

Рахымбай МЫНЖАСАРОВ *- экономика ғылымдарының кандидаты, ИБМ4 «Менеджмент» кафедрасының доценті, Н.Э. Бауман атындағы Мәскеу мемлекеттік техникалық университеті, 105005, Ресей Федерациясы, Мәскеу қ., 2-Бауман көш., 7-үй, e-mail: rahimbai@yandex.ru.*

НАҚТЫ СЕКТОР САЛАЛАРЫНЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ИНФРАҚҰРЫЛЫМЫ: ФУНКЦИОНАЛДЫҚ МОДЕЛЬ ЖӘНЕ ДАМУ БАСЫМДЫҚТАРЫ

Түйін. Мақалада цифрландыру, технологиялық жаңғырту, экологиялық шектеулер және жаһандық құн жасау тізбектерінің күрделенуі жағдайындағы нақты сектор салаларының инновациялық инфрақұрылымы зерттеледі. Зерттеудің мақсаты инновациялық инфрақұрылымды қалыптастырудың теориялық-әдіснамалық тәсілдерін дамыту және оның нәтижелілігін бағалаудың функционалдық моделін ұсыну болып табылады. Әдіснамалық негізді жүйелік, институционалдық, құрылымдық-функционалдық және салыстырмалы тәсілдер, сондай-ақ талдау, синтез және ғылыми жинақтау әдістері құрады. Алты өзара байланысты функционалдық блоктан тұратын интеграцияланған модель ұсынылды: білім қалыптастыру және технологияларды іздеу; инженерлік-эксперименттік даярлау; қаржыландыру және тәуекелдерді бөлу; технологиялар трансфері және коммерцияландыру; өнеркәсіптік енгізу және ауқымдау; нарықтық диффузия. Ең әлсіз функционалдық буын мен институтаралық байланыстылық коэффициентін біріктіретін функционалдық дайындық көрсеткіші негізделді. Нәтижелер өнеркәсіптік және инновациялық саясатта, даму институттарын бағалауда және өңірлік инновациялық-өндірістік экожүйелерді қалыптастыруда қолданылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: инновациялық инфрақұрылым, экономиканың нақты секторы, өнеркәсіп, инновациялық жүйе, технологиялар трансфері, коммерцияландыру, технологиялық құзыреттер, инновациялық экожүйе, өнеркәсіптік саясат, цифрлық трансформация.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Старожук Е., Мынжасаров Р. Innovation infrastructure of real-sector industries: a functional model and development priorities // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 62–71.

APA

Starozhuk, Y., Mynzhasarov, R. (2026). Innovation infrastructure of real-sector industries: a functional model and development priorities. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 62–71.

Introduction

The technological competitiveness of real-sector industries is becoming progressively less dependent on accumulated fixed capital or the availability of natural resources alone. Sustainable productivity growth increasingly depends on the speed of technology adoption, enterprises' ability to cooperate with research organizations, access to engineering and testing facilities, financing, qualified personnel, digital platforms, intellectual property protection mechanisms, and markets. Innovation infrastructure therefore constitutes an important link between a country's scientific and technological potential and the actual modernization of production.

The theoretical foundations of this interpretation can be traced to the concept of national innovation systems. Nelson demonstrated that technological dynamics are shaped by institutional mechanisms and interactions among actors involved in the creation and dissemination of new technologies [1]. Edquist further developed the systems perspective by viewing innovation as the outcome of interactions among technologies, institutions, and organizations rather than as an isolated result of an individual firm's activities [2]. Cooke, Gomez Uranga, and Etxebarria extended this perspective to the regional level, linking territorial innovativeness with financial capacity, institutional learning, production culture, and the quality of regional linkages [3]. Taken together, these arguments suggest that innovation infrastructure should be assessed not only in terms of the organizations that constitute it, but also through the quality of interaction among them.

Studies conducted in the CIS countries reveal a similar problem. Satpayeva, examining Kazakhstan's innovation infrastructure, emphasizes the fragmented nature of its components and insufficiently systematic interaction among them [4]. Klimuk and Unsovich, using the Republic of Belarus as a case study, demonstrate that the number of innovation infrastructure entities is not sufficient to characterize their effectiveness and should be complemented by indicators of the performance of technology parks and technology transfer centers [5]. Sadyrova, Yusupov, and Imanbekova regard the development of innovation processes in Kazakhstan as a complex management task requiring coordination of scientific and technological

potential, innovation infrastructure, and public policy [6]. These approaches share an understanding of the systemic nature of innovation; however, the transition from an institutional description of infrastructure to the measurement of continuity across the innovation-production cycle remains insufficiently developed.

Russian academic literature also points to this issue. Yashin, Yashina, and Zakharova associate problems in the innovation infrastructure of industrial regions with imbalances in its development and the insufficient performance of individual components [7]. Galimova argues that industrial innovation infrastructure should be transformed in accordance with the needs of enterprises as the direct users of infrastructure services [8]. Nurgalieva, Arynova, Nygmanov, and Kaidarova, examining Kazakhstan's real sector, emphasize the importance of cluster interaction while noting weak inter-industry technology transfer despite the innovation potential of enterprises [9]. Veselovsky, Vershinin, and Khoroshavina, focusing on knowledge-intensive mechanical engineering, stress the importance of specialized innovation infrastructure for the development and adoption of proprietary technological solutions [10]. Karimov's study of industrial enterprises in Uzbekistan similarly links competitiveness with technology parks, financing mechanisms, and science-industry cooperation [11]. Thus, post-Soviet economies share a common research challenge: moving from the establishment of infrastructure facilities to the creation of stable technological linkages among them.

Recent international literature has further shifted attention from the organizational structure of infrastructure toward intermediary functions. Noviaristanti, Acur, and Mendibil identify knowledge transfer, interaction facilitation, coordination of participants, and value creation at the enterprise, industry, and national levels as important functions of innovation intermediaries [12]. Soares, Romero, and Nunes demonstrate the role of specialized intermediaries in technology transfer and in bridging communication gaps between developers and businesses [13]. A study by Soares, Pinheiro, and Ritter, published in 2026, associates intermediary effectiveness with reducing information asymmetry, building trust, aligning participants' time horizons, managing intellectual property, and strengthening firms' absorptive capacity [14]. This interpretation is particularly relevant to the real sector, where the commercialization of a new technology follows a considerably more complex trajectory than the creation of a startup or digital product.

The relevance of the issue for Kazakhstan is also supported by recent international assessments. The OECD notes that, despite substantial progress in the digitalization of public services, enterprise-level adoption of digital technologies remains uneven because of infrastructure, financing, and competency constraints [15]. The STIP Compass database identifies limited business participation in research and development, regional infrastructure disparities, and the need for closer alignment between innovation policy and regional industrial strategies among Kazakhstan's key innovation-policy issues in 2026 [16].

The content of modern industrial policy is changing at the same time. UNIDO regards industry as a central arena in which technological innovation, digitalization, decarbonization, and structural transformation converge [17]. According to the Global Innovation Index 2025, Kazakhstan ranked 81st among 139 economies; its infrastructure ranking was 64th, while it ranked 87th in knowledge and technology outputs and 93rd in market sophistication [18]. These rankings do not by themselves establish causal relationships, but they raise an important research question: why do infrastructure conditions not always translate into comparable innovation outcomes?

Kazakhstan's legislation also reflects an institutional understanding of industrial and innovation infrastructure. Article 17 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Industrial Policy,” in its current version, includes special economic and industrial zones, technology parks, venture and risk-investment funds, technology commercialization centers, design bureaus, international technology transfer centers, innovation and industrial clusters, sectoral centers of technological competencies, and other designated elements [19]. This regulatory framework provides an institutional foundation, but economic assessment requires the institutional inventory to be supplemented by functional performance criteria.

Accordingly, the purpose of this study is to develop theoretical and methodological approaches to the formation of innovation infrastructure in real-sector industries and to propose a functional model that assesses not the number of infrastructure elements but the system's capacity to ensure the continuous movement of an innovation from a scientific and technological idea to industrial scaling and market entry.

The research hypothesis is that the performance of innovation infrastructure in the real sector depends primarily not on the density of infrastructure organizations, but on the functional completeness of the innovation cycle and the quality of linkages among its participants. A critical gap at any important point in the cycle can substantially

reduce the overall effect generated by the development of the remaining infrastructure components.

Materials and Methods

The information base of the study consists of academic publications addressing national and regional innovation systems, innovation infrastructure, technology transfer, and industrial innovation development. To provide a comparative perspective, the study draws on research by scholars from Kazakhstan, Russia, Belarus, and Uzbekistan, as well as international studies of innovation systems and intermediary functions. Materials from the OECD, UNIDO, and WIPO, together with the legislation of the Republic of Kazakhstan were also analyzed.

Priority was given to studies directly addressing the infrastructural conditions of innovation, the characteristics of industry and the real sector, interactions between research organizations and business, the activities of innovation intermediaries, technology parks, commercialization centers, clusters, and development institutions. In addition to recent studies published between 2019 and 2026, classical works on national and regional innovation systems were included because they provide the methodological basis for distinguishing between infrastructure-based and systems-based approaches.

The principal method was structural-functional analysis. Infrastructure organizations were examined not as isolated entities but in terms of the functions they perform within the innovation-production process. The systems approach was used to analyze interdependencies among organizations; the institutional approach was applied to identify the role of rules, coordination mechanisms, and public policy; and the comparative approach was used to identify common and context-specific features of innovation infrastructure development across different economies.

Methodologically, the innovation process was represented as a system of interconnected functional domains. Unlike the classical linear sequence of "research — development — production — market," the proposed framework allows a technology to return to earlier stages in response to testing results, changes in customer requirements, design modifications, or certification outcomes. The process is therefore treated not as a rigid sequence but as an integrated infrastructure that supports recurring interactions among science, engineering, finance, production, and markets.

A methodological limitation of the study is the absence of a primary survey of enterprises and development institutions. The proposed functional model therefore represents a theoretical and methodological framework that requires subsequent sector-specific empirical validation using data from mechanical engineering, metallurgy, the chemical industry, the agro-industrial complex, and other real-sector industries.

Results and Discussion

Analysis of existing approaches demonstrates a transition in the understanding of innovation infrastructure from an object-based to a systems-based and subsequently functional logic. At the first level, infrastructure is understood primarily as a collection of organizations supporting innovation. This approach makes it possible to inventory resources, including technology parks, incubators, commercialization centers, laboratories, funds, and other institutions. Such information is important for public and regional administration, but it primarily describes the supply of infrastructure services.

The systems approach broadens the analysis by focusing on relationships among actors. In the logic of Nelson, Edquist, and Cooke, innovation emerges within a network of relationships; consequently, the same number of institutions can generate different economic outcomes depending on the quality of interaction among them [1–3]. This conclusion is especially relevant to the real sector. An industrial enterprise requires more than consulting or grant financing. To implement a development, it must adapt the technology from an engineering perspective, produce a prototype, assess manufacturability, conduct testing and certification, prepare a production site, integrate the solution into the production process, finance scaling, and establish a market.

Research in the CIS countries confirms a gap between institution building and actual performance. Kazakhstan's experience indicates that individual infrastructure components, without stable horizontal linkages, may leave the innovation system fragmented [4, 6]. The Belarusian case demonstrates the value of moving toward performance indicators for technology parks and technology transfer centers, including resident outcomes and the actual intensity of technology mediation [5]. Russian studies emphasize the need to align infrastructure with the real requirements of industrial enterprises rather than focusing only on the internal indicators of support organizations [7, 8, 10].

Based on the analysis, innovation infrastructure in real-sector industries can be defined as a system of interconnected institutions, material and technical facilities, financial mechanisms, digital platforms, professional intermediaries, and interaction rules that facilitate the search for, creation, adaptation, testing, financing, industrial adoption, scaling, and market diffusion of new technologies.

This definition differs from conventional interpretations in three respects. First, infrastructure is not limited to organizations and includes technological capacities and interaction mechanisms. Second, its ultimate outcome is not project support itself but industrial adoption and diffusion of technology. Third, the object of economic analysis is the movement of an innovation project across functional domains.

The proposed functional and integrated model comprises six interrelated domains: knowledge generation and technology search; engineering and experimental preparation; financing and risk allocation; technology transfer and commercialization; industrial implementation and scaling; and market diffusion. The structure, economic content, typical infrastructure elements, and main outcomes of these domains are presented in Table 1.

Table 1 - Functional domains of innovation infrastructure in real-sector industries

Functional domain	Economic content	Typical infrastructure elements	Main outcome
1. Knowledge generation and technology search	Creation of knowledge, identification of technological needs of enterprises, and search for solutions	Universities, research institutes, corporate R&D units, technology competence centers, digital technology databases	A validated technological idea aligned with an industry need
2. Engineering and experimental preparation	Design, prototyping, testing, metrology, and adaptation of technology to industrial conditions	Design bureaus, engineering centers, laboratories, shared-use facilities, pilot lines	A technology that has passed pilot-industrial validation
3. Financing and risk allocation	Provision of resources for R&D, demonstration, and industrial scaling	Venture funds, development institutions, banks, industrial development funds, corporate investors	A funded transition between stages of the innovation cycle
4. Technology transfer and commercialization	Intellectual property assessment, partner search, licensing, and agreement formation	Commercialization and technology transfer centers, patent organizations, innovation intermediaries	Legally and economically formalized technology transfer
5. Industrial implementation and scaling	Integration of technology into existing production, digital compatibility, standardization, and preparation for serial production	Industrial and innovation clusters, industrial zones, sectoral competence centers, production facilities	Serial or sustainable industrial application
6. Market diffusion	Diffusion of innovative products, integration into supply chains, exports, and replication of technology	Export institutions, procurement platforms, industry networks, major customers	Growth in sales, productivity, exports, and technological diffusion

The proposed domains should not be interpreted as isolated stages. Their economic significance lies in enabling transitions between them. For example, a research laboratory has limited industrial value if there is no capacity to manufacture a prototype or conduct testing. Likewise, a successful prototype cannot become innovative production without financing for industrial scaling. A technology transfer center cannot generate an economic outcome if an enterprise lacks sufficient engineering and organizational capacity to adopt the acquired technology.

Within the proposed model, an infrastructure gap is understood as the absence or insufficient capacity of an infrastructure mechanism required to move an innovation project from one functional state to the next. Such a gap may be financial, technological, human-resource-related, informational, organizational, or regulatory.

For the real sector, the engineering and experimental gap is particularly important. Economic policy traditionally devotes considerable attention either to financing research or to supporting completed production, whereas the intermediate zone—experimental design and development, prototype creation, demonstration facilities, testing, technological audits, and preparation for serial production—is characterized by high capital intensity and substantial risk. Private businesses may be unwilling to finance this stage fully, while research organizations may lack production capabilities. The resulting gap between research and industrial implementation reduces returns on both sides of the innovation cycle.

The quality of innovation intermediation is also important. Noviaristanti, Acur, and Mendibil show that intermediaries do more than transmit

information: they coordinate actors and facilitate value creation [12]. Soares, Romero, and Nunes confirm the need for specialized intermediaries connecting technological supply with potential industrial users [13]. Soares, Pinheiro, and Ritter further demonstrate that in developing innovation systems, intermediary performance depends on the competence of individuals able to translate research results into business requirements, reduce information asymmetry, and reconcile participants' interests [14]. A professional technology broker, technology-transfer engineer, or commercialization specialist should therefore be considered an independent intangible component of innovation infrastructure.

This point is particularly important for small and medium-sized enterprises in the real sector. Large companies can maintain their own R&D, patent, and engineering units, whereas the cost of developing such capabilities may be prohibitively high for SMEs. Effective infrastructure should therefore provide collective access to services that would be economically inefficient for an individual enterprise to create within its own organizational structure.

Digital transformation reinforces this dependence. The OECD notes, in relation to Kazakhstan, a gap between the development of nationwide digital infrastructure and the intensity with which enterprises themselves adopt digital tools [15]. Network and digital-service availability does not automatically mean that a company is prepared to reorganize production processes. Investment in equipment and software, data integration, personnel training, and changes in management practices are also required. Digital infrastructure in the real sector should therefore be evaluated not by the number of platforms available but by the extent of their industrial use.

A similar conclusion applies to financing. The existence of venture funds or government programs is an input parameter, whereas the economic outcome depends on how well financing corresponds to the stages of a technological project. An early-stage grant, financing for a prototype, and capital for a production line represent different financial requirements. Mechanisms for sequential transitions among these sources must exist; otherwise, successful developments may terminate once a single source of financing is exhausted.

STIP Compass data indicate that Kazakhstan continues to face limited private-sector participation in R&D financing and requires closer alignment between innovation policy and sectoral and regional strategies [16]. Within the proposed model, this implies shifting part of support instruments away from financing individual organizations and toward joint projects involving research organizations, engineering centers, and production enterprises. The outcome of support should be the movement of a technology to the next level of industrial readiness rather than the mere receipt of funding.

The proposed approach also makes it possible to refine criteria for evaluating innovation infrastructure. Traditional indicators—such as the number of technology parks, floor area, number of residents, amount of allocated funding, and number of events—describe the scale of infrastructure but not its ability to transform scientific and entrepreneurial initiatives into industrial outcomes. They should therefore be complemented by project-conversion indicators: the share of developments moving from R&D to prototypes; the share of prototypes completing pilot-industrial testing; the share of projects reaching serial production; private capital attracted per unit of public support; the duration of transitions between stages; utilization of shared-use facilities; and sales and export values of products developed with infrastructure support.

The logic of evaluating innovation through bottlenecks has a basis in earlier research. Hansen and Birkinshaw's innovation value chain model treats innovation as a sequence of interconnected phases—idea generation, conversion, and diffusion—and shows that overall performance can be constrained by the weakest link [20]. At the innovation-system level, Zofío, Aparicio, Barbero, and Zabala-Iturriagagoitia treat a bottleneck as a weakest link that constrains overall system performance and propose assessing productivity losses caused by such constraints [21]. The weakest-functional-link principle is therefore not presented as a new independent concept. The contribution of the present study is to transfer this logic to innovation infrastructure in real-sector industries and operationalize it through six functional domains and an inter-institutional connectivity coefficient. Unlike conventional aggregate assessments, where a high value of one indicator can offset a low value of another, the proposed approach identifies a critical deficiency in a particular domain. If an industry has a strong scientific base and developed financing but lacks pilot-industrial testing infrastructure, that deficiency will constrain the number of technologies reaching production.

The functional readiness indicator can be represented conceptually as follows:

$$R = C \times \min(F_1, F_2, F_3, F_4, F_5, F_6),$$

where R - denotes the functional readiness

of an industry's innovation infrastructure; F_1 –F_6 - are normalized readiness indicators for the six functional domains; C - is the infrastructure connectivity coefficient reflecting the actual intensity of project transitions between institutions.

Using the minimum rather than the average value means that development of one segment cannot conceal a critical deficiency in another. The connectivity coefficient is necessary because the existence of all six functional blocks does not guarantee their interaction. The formula is a methodological hypothesis requiring subsequent empirical calibration by industry. Its purpose is to shift infrastructure diagnostics from measuring accumulated resources toward assessing the throughput capacity of the innovation cycle.

For Kazakhstan, this shift may have direct practical relevance. The legislation provides a broad list of industrial and innovation infrastructure components [19], including commercialization centers, design bureaus, clusters, and sectoral centers of technological competencies. The next stage may involve establishing stable interaction among these components and introducing evaluation based on technological and production outcomes. Sectoral centers of technological competencies, in particular, can coordinate the chain by connecting production enterprises' technological requirements with research organizations, engineering infrastructure, financing sources, and commercialization instruments.

The international industrial policy agenda further strengthens the need for this approach. UNIDO links contemporary industrial policy with digitalization, technological development, resilient supply chains, and environmental modernization [17]. Infrastructure should therefore support not only isolated innovation projects but broad-based renewal of the technological foundations of existing production.

The relationship between infrastructure conditions and innovation outcomes in Kazakhstan deserves particular attention. In the GII 2025, Kazakhstan's infrastructure position was higher than its overall position and its knowledge and technology output indicators [18]. This cannot be interpreted as direct evidence of the inefficiency of specific infrastructure institutions because the global index combines different indicators and is not designed to establish causal relationships. Nevertheless, the discrepancy supports the need to examine how innovation resources are transformed into outcomes rather than focusing only on the volume of resources.

The strategic task of innovation policy in the real sector can therefore be formulated as addressing gaps in the innovation-production cycle. In one region, the main constraint may be a lack of laboratories and pilot facilities; in another, a shortage of qualified technology intermediaries; and in a third, insufficient financing for scaling or a lack of industrial customers. Under such conditions, uniformly establishing the same set of institutions across all regions may increase expenditure without producing a proportional increase in innovation returns.

This also suggests that innovation infrastructure in real-sector industries should be sector-specific. The infrastructure needs of metallurgy differ from those of food processing or mechanical engineering. Testing costs and duration, certification requirements, the capital intensity of pilot production, technological risks, and time to market vary substantially. Universal technology parks and entrepreneurship centers should therefore be complemented by specialized sectoral engineering and technological structures.

At the same time, sectoral specialization should not lead to institutional isolation. Nurgalieva and co-authors show that limited inter-industry technology transfer can constrain the realization of enterprises' innovation potential [9]. Modern technologies are increasingly interdisciplinary: industrial automation combines mechanical engineering, IT, and electronics; green metallurgy connects metallurgy, energy, materials science, and environmental technologies; and precision agriculture integrates agriculture, satellite systems, sensors, and data analytics. Specialized sectoral centers should therefore also provide open channels for technological exchange.

The findings support an alternative criterion for innovation infrastructure maturity. A mature system should not be defined by the maximum number of institutions it contains. Rather, it should enable an enterprise facing a technological challenge to identify an appropriate developer within a reasonable period, obtain engineering support, test the solution, secure intellectual property rights, attract financing, implement the technology, and scale the result. The speed and probability of successfully completing this trajectory constitute the economic substance of infrastructure maturity.

Conclusion

The study demonstrates that innovation infrastructure in real-sector industries should be regarded as an independent factor of technological development. At the same time, the traditional interpretation of infrastructure as a collection of

technology parks, funds, commercialization centers, clusters, and other organizations no longer fully reflects the complexity of the contemporary innovation process.

Analysis of the literature by international researchers and scholars from the CIS countries confirms a gradual transition from an institutional to a systems-based interpretation of innovation infrastructure. Increasing importance is attached not only to the resources of individual organizations but also to interactions among them, the intensity of technology transfer, the availability of professional intermediaries, enterprises' capacity to absorb new knowledge, and the ability to bring developments into industrial use.

The scientific novelty of the study lies in the development of a functionally integrated model of innovation infrastructure in real-sector industries and in specifying a mechanism for assessing its functional readiness. The model comprises six interconnected domains: knowledge generation and technology search; engineering and experimental preparation; financing and technological risk allocation; technology transfer and commercialization; industrial implementation and scaling; and market diffusion. Unlike an object-based approach, the proposed model focuses on the movement of innovation projects between different levels of technological readiness and on identifying points that constrain the throughput capacity of the innovation-production cycle.

For the purposes of the study, the concept of an “infrastructure gap” has been refined in relation to the innovation-production cycle of real-sector industries. The weakest-link principle, previously developed in research on innovation chains and innovation systems, is not presented as a concept independently introduced by the author. The contribution of the study consists in adapting this principle to the six-domain model of innovation infrastructure and proposing a functional readiness indicator that combines the level of the most constrained functional domain with an inter-institutional connectivity coefficient. This combination helps avoid situations in which a high level of development in individual components formally compensates for a critical deficiency elsewhere in the innovation-production chain.

The findings indicate that future innovation infrastructure policy should focus on eliminating specific technological and organizational gaps. The priority is not a mechanical increase in the number of infrastructure organizations but the creation of a complete chain accessible to real-sector enterprises. Accordingly, the evaluation of development institutions should include indicators reflecting the movement of projects to subsequent stages, industrial implementation, private capital mobilization, reductions in commercialization time, utilization of shared engineering facilities, and diffusion of innovations among existing enterprises.

For Kazakhstan, this approach is consistent with the existing regulatory framework governing industrial and innovation infrastructure while implying further development of mechanisms for their functional integration. Significant potential is associated with sectoral centers of technological competencies, industrial clusters, commercialization centers, design bureaus, and financing institutions. Their performance should be assessed according to their ability to jointly provide a complete pathway for industrial innovation rather than primarily according to their own organizational indicators.

Future research should focus on empirical validation of the proposed model. A separate research task is to develop a system for normalizing indicators for the six functional domains and to calculate an infrastructure connectivity coefficient using data from individual industries in Kazakhstan. Comparative analysis of mechanical engineering, metallurgy, the chemical industry, the agro-industrial complex, and other sectors would make it possible to identify sector-specific infrastructure constraints and move from universal government support measures toward targeted sectoral innovation policy.

List of literature

1. Nelson R.R. (ed.). National Innovation Systems: A Comparative Analysis. – New York: Oxford University Press, 1993. – 560 p. – DOI: 10.1093/oso/9780195076165.001.0001.

2. Edquist C. (ed.). Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. – London: Pinter, 1997. – 432 p.

3. Cooke P., Gomez Uranga M., Etxebarria G. Regional Innovation Systems: Institutional and Organisational Dimensions // Research Policy. – 1997. – Vol. 26, No. 4–5. – P. 475–491. – DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00025-5.

4. Satpayeva Z.T. State and Prospects of Development of Kazakhstan Innovative Infrastructure // European Research Studies Journal. – 2017. – Vol. XX, Issue 2B. – P. 123–148. – DOI: 10.35808/ersj/670.

5. Klimuk V.V., Unsovich A.N. Analysis of the Development of the National Innovation Infrastructure of the Republic of Belarus // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. – 2021. – Vol. 11, No. 3. – P. 929–942. – DOI: 10.18334/vinec.11.3.113505.

6. Sadyrova M., Yusupov K., Imanbekova B.

Innovation Processes in Kazakhstan: Development Factors // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 10. – Article 36. – DOI: 10.1186/s13731-021-00183-3.

7. Yashin S.N., Yashina N.I., Zakharova Yu.V. Analysis of Problems in the Formation and Development of Innovation Infrastructure in Industrial Regions of the Russian Federation // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. – 2019. – Vol. 9, No. 3. – P. 801–812. – DOI: 10.18334/vinec.9.3.40919.

8. Galimova M.P. Requirements for Innovation Infrastructure to Ensure Technological Superiority of the Russian Economy // Siberian Journal of Economics and Business Studies. – 2023. – Vol. 12, No. 4. – P. 19–32. – DOI: 10.12731/2070-7568-2023-12-4-19-32.

9. Nurgalieva S.Zh., Arynova Z.A., Nygmanov B., Kaidarova A.T. Tools of a Systematic Approach in the Implementation of the Cluster Initiative in Real Sector Industries // Buketov business review. – 2023. – Vol. 109, No. 1. – P. 220–231. – DOI: 10.31489/2023ec1/220-231.

10. Veselovsky M.Ya., Vershinin A.A., Khoroshavina N.S. Specific Features of Innovation Infrastructure of Knowledge-Intensive Mechanical Engineering Enterprises in the Moscow Region // Vestnik of Samara University. Economics and Management. – 2024. – Vol. 15, No. 1. – P. 39–51. – DOI: 10.18287/2542-0461-2024-15-1-39-51.

11. Karimov Kh. The Role of Innovation Infrastructures in Ensuring the Competitiveness of Industrial Enterprises // Green Economy and Development. – 2024. – Vol. 2, No. 8.

12. Noviaristanti S., Acur N., Mendibil K. The Different Roles of Innovation Intermediaries to Generate Value // Management Review Quarterly. – 2024. – Vol. 74, No. 4. – P. 2545–2577. – DOI: 10.1007/s11301-023-00364-2.

13. Soares J., Romero F., Nunes M.L. Understanding the Roles of Private Consultants as Innovation Intermediaries in Technology Transfer: A Case Study in the Portuguese National Innovation System // Journal of Innovation Management. – 2024. – Vol. 12, No. 3. – P. 56–71. – DOI: 10.24840/2188-0606_012.003_0003.

14. Soares M.A.R., Pinheiro H.D., Ritter E. How Innovation Intermediaries Work: Functions, Mechanisms, and Outcomes in Developing Countries // Social Sciences & Humanities Open. – 2026. – Vol. 13. – Article 102771. – DOI: 10.1016/j.ssaho.2026.102771.

15. OECD. Insights on the Business Climate in Kazakhstan. – Paris: OECD Publishing, 2023. – DOI: 10.1787/bd780306-en.

16. EC-OECD. STIP Compass: International Database on Science, Technology and Innovation Policy. Kazakhstan. – Edition 07/2026. – OECD, 2026.

17. UNIDO. Industrial Development Report 2024: Turning Challenges into Sustainable Solutions. The New Era of Industrial Policy. – Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2024. – 204 p. – ISBN 978-92-1-003235-3.

18. World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. – Geneva: WIPO, 2025. – DOI: 10.34667/tind.58864.

19. Law of the Republic of Kazakhstan No. 86-VII ZRK of December 27, 2021, “On Industrial Policy” (as amended and supplemented as of 2026). – Article 17, “Industrial and Innovation Infrastructure.”

20. Hansen M.T., Birkinshaw J. The Innovation Value Chain // Harvard Business Review. – 2007. – Vol. 85, No. 6. – P. 121–130.

21. Zofío J.L., Aparicio J., Barbero J., Zabala-Iturriagagoitia J.M. The Influence of Bottlenecks on Innovation Systems Performance: Put the Slowest Climber First // Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 193. – Article 122607. – DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122607.

References

1. Nelson R.R. (ed.). National Innovation Systems: A Comparative Analysis. – New York: Oxford University Press, 1993. – 560 p. – DOI: 10.1093/oso/9780195076165.001.0001.

2. Edquist C. (ed.). Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. – London: Pinter, 1997. – 432 p.

3. Cooke P., Gomez Uranga M., Etxebarria G. Regional Innovation Systems: Institutional and Organisational Dimensions // Research Policy. – 1997. – Vol. 26, No. 4–5. – P. 475–491. – DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00025-5.

4. Satpayeva Z.T. State and Prospects of Development of Kazakhstan Innovative Infrastructure // European Research Studies Journal. – 2017. – Vol. XX, Issue 2B. – P. 123–148. – DOI: 10.35808/ersj/670.

5. Klimuk V.V., Unsovich A.N. Analysis of the Development of the National Innovation Infrastructure of the Republic of Belarus // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. – 2021. – Vol. 11, No. 3. – P. 929–942. – DOI: 10.18334/vinec.11.3.113505.

6. Sadyrova M., Yusupov K., Imanbekova B. Innovation Processes in Kazakhstan: Development Factors // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 10. – Article 36. – DOI: 10.1186/s13731-021-00183-3.

7. Yashin S.N., Yashina N.I., Zakharova Yu.V. Analysis of Problems in the Formation and Development of Innovation Infrastructure in Industrial Regions of the Russian Federation // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. – 2019. – Vol. 9, No. 3. – P. 801–812. – DOI: 10.18334/vinec.9.3.40919.

8. Galimova M.P. Requirements for Innovation Infrastructure to Ensure Technological Superiority of the Russian Economy // Siberian Journal of Economics and Business Studies. – 2023. – Vol. 12, No. 4. – P. 19–32. – DOI: 10.12731/2070-7568-2023-12-4-19-32.

9. Nurgalieva S.Zh., Arynova Z.A., Nygmanov B., Kaidarova A.T. Tools of a Systematic Approach in the Implementation of the Cluster Initiative in Real Sector Industries // Buketov business review. – 2023. – Vol. 109, No. 1. – P. 220–231. – DOI: 10.31489/2023ec1/220-231.

10. Veselovsky M.Ya., Vershinin A.A., Khoroshavina N.S. Specific Features of Innovation Infrastructure of Knowledge-Intensive Mechanical

Engineering Enterprises in the Moscow Region // Vestnik of Samara University. Economics and Management. – 2024. – Vol. 15, No. 1. – P. 39–51. – DOI: 10.18287/2542-0461-2024-15-1-39-51.

11. Karimov Kh. The Role of Innovation Infrastructures in Ensuring the Competitiveness of Industrial Enterprises // Green Economy and Development. – 2024. – Vol. 2, No. 8.

12. Noviaristanti S., Acur N., Mendibil K. The Different Roles of Innovation Intermediaries to Generate Value // Management Review Quarterly. – 2024. – Vol. 74, No. 4. – P. 2545–2577. – DOI: 10.1007/s11301-023-00364-2.

13. Soares J., Romero F., Nunes M.L. Understanding the Roles of Private Consultants as Innovation Intermediaries in Technology Transfer: A Case Study in the Portuguese National Innovation System // Journal of Innovation Management. – 2024. – Vol. 12, No. 3. – P. 56–71. – DOI: 10.24840/2188-0606_012.003_0003.

14. Soares M.A.R., Pinheiro H.D., Ritter E. How Innovation Intermediaries Work: Functions, Mechanisms, and Outcomes in Developing Countries // Social Sciences & Humanities Open. – 2026. – Vol. 13. – Article 102771. – DOI: 10.1016/j.ssaho.2026.102771.

15. OECD. Insights on the Business Climate in Kazakhstan. – Paris: OECD Publishing, 2023. – DOI: 10.1787/bd780306-en.

16. EC-OECD. STIP Compass: International Database on Science, Technology and Innovation Policy. Kazakhstan. – Edition 07/2026. – OECD, 2026.

17. UNIDO. Industrial Development Report 2024: Turning Challenges into Sustainable Solutions. The New Era of Industrial Policy. – Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2024. – 204 p. – ISBN 978-92-1-003235-3.

18. World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. – Geneva: WIPO, 2025. – DOI: 10.34667/tind.58864.

19. Law of the Republic of Kazakhstan No. 86-VII ZRK of December 27, 2021, “On Industrial Policy” (as amended and supplemented as of 2026). – Article 17, “Industrial and Innovation Infrastructure.”

20. Hansen M.T., Birkinshaw J. The Innovation Value Chain // Harvard Business Review. – 2007. – Vol. 85, No. 6. – P. 121–130.

21. Zofío J.L., Aparicio J., Barbero J., Zabala-Iturriagagoitia J.M. The Influence of Bottlenecks on Innovation Systems Performance: Put the Slowest Climber First // Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 193. – Article 122607. – DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122607.

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGY

УДК: 37.08
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.007

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА *- к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Димитрий ГЕТМАНОВ *- студент выпускного курса ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: getmanov518@gmail.com*

Вадим НАСОНОВ *- студент выпускного курса ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: nosonov056@mail.ru*

ПОДВИЖНЫЕ ИГРЫ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, ВИДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются современные теоретические и методические подходы к использованию подвижных игр в физическом воспитании школьников в условиях цифровизации образовательной среды. Актуальность исследования обусловлена снижением уровня двигательной активности детей и необходимостью поиска эффективных средств повышения их мотивации к занятиям физической культурой.

Цель исследования заключается в обобщении современных научных подходов к использованию подвижных игр и уточнении их классификации с учетом традиционных и инновационных форм. В работе использованы методы анализа и обобщения научной литературы, а также систематизации методических подходов. В результате исследования уточнены ключевые понятия, раскрыта педагогическая роль подвижных игр и предложена их обобщенная классификация, включающая традиционные, гибридные и цифровые формы. Показано, что подвижные игры способствуют развитию физических качеств, формированию двигательных навыков, повышению мотивации обучающихся и развитию социальных компетенций.

Научная новизна исследования заключается в систематизации подвижных игр с учетом современных тенденций цифровизации. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при проектировании уроков физической культуры.

Ключевые слова:: подвижные игры; физическое воспитание; школьники; двигательная активность; геймификация; цифровизация; игровые методы.

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА *- пед.ғ.к., профессор, «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент" кафедрасының меңгерушісі, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Димитрий ГЕТМАНОВ *- «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» ББ бітіруші курс студенті,Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: getmanov518@gmail.com*

Вадим НАСОНОВ *- «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» ББ бітіруші курс студенті,Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: nosonov056@mail.ru*

МЕКТЕП ЖАСЫНДАҒЫ БАЛАЛАРДЫҢ ДЕНЕ ТӘРБИЕСІНДЕГІ АШЫҚ ОЙЫНДАР: НЕГІЗГІ ҰҒЫМДАР, ТҮРЛЕРІ

Түйін. Мақалада білім беру ортасының цифрлануы жағдайында мектеп оқушыларының дене тәрбиесінде қозғалмалы ойындарды қолданудың заманауи теориялық және әдістемелік тәсілдері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі балалардың қозғалыс белсенділігінің төмендеуімен және дене шынықтыру сабақтарына деген қызығушылығын арттырудың тиімді құралдарын іздеумен негізделеді.

Зерттеудің мақсаты – қозғалмалы ойындарды қолданудың қазіргі ғылыми тәсілдерін жалпылау және дәстүрлі әрі инновациялық формаларды ескере отырып олардың жіктемесін нақтылау. Зерттеуде ғылыми әдебиеттерді талдау және жалпылау, сондай-ақ әдістемелік тәсілдерді жүйелеу әдістері қолданылды.

Зерттеу нәтижесінде негізгі ұғымдар нақтыланып, қозғалмалы ойындардың педагогикалық рөлі ашылды және дәстүрлі, гибридті және цифрлық формаларды қамтитын жалпыланған жіктеме ұсынылды. Қозғалмалы ойындардың дене қасиеттерін дамытуға, қозғалыс дағдыларын қалыптастыруға, білім алушылардың мотивациясын арттыруға және әлеуметтік құзыреттерін дамытуға ықпал ететіні дәлелденді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы цифрландыру жағдайындағы қозғалмалы ойындарды жүйелеуде көрінеді. Практикалық маңыздылығы зерттеу нәтижелерін дене шынықтыру сабақтарын жобалауда қолдану мүмкіндігімен анықталады.

Түйінді сөздер: қозғалмалы ойындар; дене тәрбиесі; мектеп оқушылары; қозғалыс белсенділігі; геймификация; цифрландыру; ойын әдістері

Lyailya SYRYMBETOVA *- Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture and Sports Management, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Dimitri GETMANOV *- graduate student of the Physical Education and Sports Management Program, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 9 Akademicheskaya str., Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: getmanov518@gmail.com*

Vadim NASONOV *-graduate student of the Faculty of Physical Education and Sports Management, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 9 Akademicheskaya str., Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: nosonov056@mail.ru*

OUTDOOR GAMES IN PHYSICAL EDUCATION OF SCHOOL-AGE CHILDREN: BASIC CONCEPTS, TYPES

Abstract. The article examines contemporary theoretical and methodological approaches to the use of physical (active) games in school physical education within the context of digitalization. The relevance of the study is determined by the decline in children's physical activity and the need to identify effective tools for increasing their motivation to participate in physical education.

The aim of the study is to generalize current scientific approaches to the use of active games and to refine their classification, taking into account both traditional and innovative forms. The study employs methods of literature analysis, synthesis, and systematization of methodological approaches.

The results clarify key concepts, reveal the pedagogical role of active games, and propose a generalized classification that includes traditional, hybrid, and digital forms. It is demonstrated that active games contribute to the development of physical qualities, motor skills, learning motivation, and social competencies of students.

The scientific novelty of the study lies in the systematization of active games in the context of digitalization. The practical significance is determined by the possibility of applying the results in the design of physical education lessons.

Keywords: active games; physical education; school students; physical activity; gamification; digitalization; game-based learning

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Сырымбетова Л., Гетманов Д., Насонов В. Подвижные игры в физическом воспитании детей школьного возраста: основные понятия, виды // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 73–79.

APA

Syrymbetova, L., Getmanov, D., Nasonov, V. (2026). Outdoor games in physical education of school-age children: basic concepts, types [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 73–79.

Введение

В современных условиях развития системы образования и усиления внимания к здоровью подрастающего поколения особую значимость приобретает проблема повышения эффективности физического воспитания школьников. Снижение уровня двигательной активности детей, связанное с цифровизацией среды, изменением образа жизни и увеличением времени, проводимого за экранными устройствами, требует поиска педагогически обоснованных средств активизации двигательной деятельности обучающихся.

Одним из таких средств традиционно выступают подвижные игры, обладающие высоким потенциалом интеграции двигательной активности, эмоциональной вовлеченности и социального взаимодействия. Современные исследования подтверждают, что игровая форма обучения способствует повышению мотивации к занятиям физической культурой, развитию физических качеств и формированию коммуникативных навыков.

Вместе с тем развитие цифровых технологий приводит к появлению новых форм игровой активности, включая активные видеоигры и элементы геймификации, что требует переосмысления традиционных подходов к классификации и использованию подвижных игр в образовательном процессе.

Несмотря на значительное количество исследований, остаются недостаточно разработанными вопросы систематизации подвижных игр с учетом современных условий, а также методические аспекты их интеграции в практику физического воспитания школьников.

В этой связи актуальность исследования обусловлена необходимостью обобщения современных научных подходов к использованию подвижных игр и уточнения их классификации с учетом цифровизации образовательной среды.

В системе физического воспитания школьников подвижные игры традиционно рассматриваются как эффективное средство развития двигательных навыков, физических качеств и социальных компетенций. Однако в условиях современной образовательной среды наблюдается снижение уровня двигательной активности детей, связанное с ростом

цифровизации, изменением образа жизни и увеличением времени, проводимого за экранными устройствами. Это обуславливает необходимость переосмысления роли подвижных игр как педагогического инструмента, способного сочетать физическую активность и мотивационные механизмы обучения.

Дополнительной проблемой является недостаточная интеграция традиционных игровых методик с современными цифровыми технологиями, что ограничивает потенциал повышения интереса обучающихся к занятиям физической культурой.

Современные исследования (2017–2024 гг.) подтверждают значимость подвижных игр как средства повышения уровня физической активности, развития моторных навыков и формирования устойчивой мотивации к занятиям физической культурой [1]. В научной литературе активно используется понятие «active play», отражающее широкий спектр двигательной активности детей, включая как организованные, так и свободные формы игр [2].

Отдельное направление исследований связано с применением игровых методов в педагогике физического воспитания, где подчеркивается их роль в повышении вовлеченности обучающихся и эффективности усвоения двигательных действий [3]. В последние годы значительное внимание уделяется цифровизации игровых практик, включая использование активных видеоигр (AVGs) и элементов геймификации [4]. Данные подходы рассматриваются как средство повышения мотивации и вовлеченности, однако их эффективность зависит от методической организации и продолжительности программ.

Вместе с тем результаты исследований носят неоднозначный характер: при краткосрочных интервенциях эффект выражен слабо, тогда как более длительные программы демонстрируют устойчивые положительные изменения [5].

Несмотря на значительное количество исследований, остаются недостаточно изученными вопросы комплексной интеграции подвижных игр и цифровых технологий в системе школьного физического воспитания. В частности, отсутствуют единые подходы к классификации современных игровых форм с учетом цифровизации, а также недостаточно разработаны методические модели их эффективного применения в образовательном процессе.

Кроме того, наблюдается противоречие между высоким потенциалом игровых технологий и ограниченной практикой их системного использования в школе. Это требует дальнейших исследований, направленных на обоснование методических условий и разработку интегративных подходов к использованию подвижных игр в современных условиях.

Целью исследования является обобщение современных теоретических и методических подходов к использованию подвижных игр в физическом воспитании школьников, а также уточнение их классификации и педагогической роли с учетом современных тенденций цифровизации.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные и учебно-методические публикации, посвященные вопросам физического воспитания детей школьного возраста, применению подвижных игр в образовательном процессе, развитию двигательной активности обучающихся, а также использованию игровых и цифровых технологий в сфере физической культуры. Отдельное внимание уделялось современным исследованиям, в которых рассматриваются активные видеоигры (Active Video Games, AVGs), элементы геймификации и возможности их интеграции в традиционные формы физического воспитания. В качестве нормативно-методической основы учитывались положения государственных образовательных стандартов Республики Казахстан, определяющих требования к результатам обучения и формированию предметных, метапредметных и личностных компетенций школьников.

Исследование носило теоретико-аналитический характер. Основным методом выступил анализ научной и методической литературы, позволивший обобщить существующие подходы к пониманию категорий «подвижная игра», «игровой метод» и «игровая двигательная активность», а также определить их место в системе физического воспитания школьников. Метод сравнительного анализа применялся при сопоставлении традиционных, гибридных и цифровых форм игровой деятельности, их педагогических возможностей и ограничений.

Для упорядочения выявленных подходов использовался метод систематизации. На его основе подвижные игры распределялись по структуре правил, характеру преобладающих двигательных действий, педагогической направленности, форме организации и степени использования инновационных и цифровых компонентов. Метод функционального анализа применялся для определения основных

педагогических функций подвижных игр и оценки их влияния на развитие физических качеств, двигательных умений, учебной мотивации, коммуникативных способностей, саморегуляции и ценностного отношения к здоровому образу жизни.

Методы обобщения и логического анализа использовались для определения основных тенденций трансформации игрового метода в условиях цифровизации образовательной среды. При рассмотрении активных видеоигр и геймификации оценивались их потенциальные возможности как дополнительного инструмента повышения вовлеченности обучающихся, а также необходимость их методически обоснованного сочетания с традиционной двигательной активностью. Совокупность использованных методов позволила уточнить классификацию подвижных игр, систематизировать их функции и определить возможности интеграции традиционных и цифровых игровых форм в образовательный процесс.

Результаты/Обсуждение

В ходе исследования систематизированы современные подходы к определению понятий «подвижная игра», «игровой метод» и «игровая двигательная активность», что позволило уточнить их педагогическое содержание и значение в образовательном процессе. Установлено, что подвижная игра выступает как интегративное педагогическое средство, обеспечивающее реализацию требований Государственного общеобязательного стандарта образования Республики Казахстан (ГОСО РК) в части достижения предметных, метапредметных и личностных результатов обучения. В частности, использование подвижных игр способствует формированию двигательных умений и навыков, развитию физических качеств, а также воспитанию ценностного отношения к здоровому образу жизни, что соответствует ожидаемым результатам обучения по образовательной области «Физическая культура».

Игровой метод рассматривается как педагогическая технология, основанная на моделировании учебных ситуаций в условиях вариативной и эмоционально насыщенной деятельности, что обеспечивает реализацию принципов деятельностного подхода и способствует формированию ключевых компетенций обучающихся, включая коммуникативные, социальные и регулятивные навыки. В контексте требований обновленного содержания образования особое значение приобретает способность обучающихся к сотрудничеству, принятию решений и рефлексии, что эффективно формируется в игровой деятельности.

Понятие «игровая двигательная активность» уточнено как педагогически организованная и самостоятельная форма двигательной деятельности, направленная на достижение образовательных результатов через активное включение обучающихся в двигательные действия различной интенсивности и направленности. Данная категория соотносится с концепцией «active play», рассматриваемой в современных исследованиях как важный фактор физического и психосоциального развития детей.

Показано, что использование подвижных игр обеспечивает реализацию дидактических принципов доступности, вариативности, индивидуализации и системности обучения, а также способствует достижению планируемых результатов обучения, предусмотренных ГОСО РК, включая развитие функциональной грамотности, формирование навыков сотрудничества и ответственности за собственную деятельность. Кроме того, интеграция элементов геймификации и цифровых технологий расширяет педагогический потенциал игрового метода, обеспечивая повышение мотивации обучающихся и соответствие современным образовательным трендам.

Таким образом, подвижные игры и игровой метод выступают как универсальный инструмент реализации образовательных целей физического воспитания, обеспечивая комплексное развитие личности обучающегося и достижение результатов обучения, регламентированных национальными образовательными стандартами.

Разработана обобщенная классификация подвижных игр, включающая следующие основания: структура правил, доминирующее двигательное действие, педагогическая направленность, форма организации и инновационные (гибридные) формы с элементами цифровизации. Данная классификация позволяет более эффективно проектировать учебные занятия с учетом целей физического воспитания и возрастных особенностей обучающихся (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация подвижных игр

Критерий классификации	**Виды подвижных игр**	**Характеристика**	**Примеры**
По структуре правил	Свободные (импровизационные)	Отсутствие жестких правил, высокая вариативность действий	Свободные догонялки
	С простыми правилами	Четкие, но простые условия выполнения	«Салки», «Ловишки»
	Со сложными правилами	Наличие стратегии, командного взаимодействия	Эстафеты, мини-игры
По двигательным действиям	Беговые	Основное действие — бег	Догонялки
	Прыжковые	Акцент на прыжках	Игры с препятствиями
	Метательные	Использование бросков	Игры с мячом
	Смешанные	Комбинация действий	Командные игры
По педагогической цели	Развивающие выносливость	Продолжительная нагрузка	Игры на длительное движение
	Развивающие ловкость и координацию	Быстрая смена действий	Игры на реакцию
	Силовые	Развитие мышечной силы	Игры с сопротивлением
	Оздоровительные	Профилактика нарушений	Корригирующие игры
По форме организации	Урочные	Используются на уроке	Фрагменты занятий
	Внеурочные	Проводятся вне урока	Игры на переменах
	Уличные	На открытом воздухе	Народные игры
По инновационности	Традиционные	Классические формы	Народные игры
	Гибридные	С элементами спорта	Мини-футбол
	Цифровые (AVGs)	Использование технологий	Активные видеоигры
	Геймифицированные	Баллы, уровни, челленджи	Игровые задания

Установлено, что подвижные игры формированию двигательных навыков, выполняют комплексные функции (таблица 2): повышению мотивации к занятиям физической способствуют развитию физических качеств культурой и развитию коммуникативных (быстроты, ловкости, выносливости), компетенций.

Таблица 2 – Функции подвижных игр в физическом воспитании школьников

Функция	**Содержание функции**	**Педагогический результат**	**Связь с результатами обучения (ГОСО РК)**
Физическая (развивающая)	Развитие физических качеств: быстроты, ловкости, выносливости, координации	Повышение уровня физической подготовленности обучающихся	Формирование двигательных умений и навыков; развитие физической культуры личности
Образовательная (обучающая)	Освоение базовых двигательных действий (бег, прыжки, метание и др.)	Формирование двигательного опыта и техники выполнения упражнений	Достижение предметных результатов по дисциплине «Физическая культура»
Мотивационная	Создание эмоционально привлекательной среды, повышение интереса к занятиям	Устойчивая мотивация к физической активности и ЗОЖ	Формирование ценностного отношения к здоровью и активности
Социально-коммуникативная	Взаимодействие в группе, соблюдение правил, командная работа	Развитие коммуникативных навыков, сотрудничества, ответственности	Формирование метапредметных результатов (коммуникация, сотрудничество)
Воспитательная	Формирование волевых качеств, дисциплины, честности	Развитие морально-волевых качеств личности	Личностные результаты обучения (ответственность, саморегуляция)
Оздоровительная	Активизация двигательной	Улучшение общего	Сохранение и укрепление

	деятельности, профилактика гиподинамии	физического состояния и работоспособности	здоровья обучающихся
Регулятивная (развивающая самоконтроль)	Соблюдение правил, управление действиями, самоконтроль	Развитие саморегуляции и рефлексии	Формирование регулятивных универсальных учебных действий

Особое внимание в исследовании уделено современным тенденциям развития физического воспитания, связанным с внедрением цифровых технологий в образовательный процесс. Установлено, что цифровизация способствует появлению новых форм организации двигательной активности, среди которых особое место занимают активные видеоигры (Active Video Games, AVGs) и элементы геймификации. Активные видеоигры представляют собой интерактивные цифровые среды, в которых управление игровым процессом осуществляется посредством двигательной активности пользователя, что позволяет трансформировать пассивное экранное время в форму физической активности. Их использование в образовательной практике способствует повышению вовлеченности обучающихся, развитию координации движений и отдельных компонентов физической подготовленности [6; 7].

Геймификация, в свою очередь, рассматривается как внедрение игровых механик (баллы, уровни, рейтинги, челленджи, система достижений) в образовательный процесс с целью повышения мотивации и устойчивости интереса к занятиям. В условиях физического воспитания она позволяет структурировать учебную деятельность, усиливать соревновательность и формировать устойчивую учебную мотивацию [8].

Вместе с тем проведённый анализ показал, что эффективность использования цифровых технологий напрямую зависит от их педагогически обоснованной интеграции в учебный процесс. Неконтролируемое использование AVGs может снижать интенсивность двигательной нагрузки и не обеспечивать достижение образовательных результатов, что подтверждается результатами современных исследований [9]. В этой связи их применение должно осуществляться как дополнение, а не замена традиционных форм двигательной активности, с учётом принципов дозирования нагрузки и возрастной адекватности.

Методически обоснованное применение цифровых технологий предполагает их включение в структуру урока в качестве мотивационного, тренировочного или рефлексивного компонента, а также сочетание с традиционными подвижными играми и физическими упражнениями. При этом важно обеспечивать баланс между цифровыми и традиционными формами деятельности, направленный на достижение планируемых результатов обучения и развитие физической культуры личности обучающихся [10].

Таким образом, активные видеоигры и геймификация обладают значительным педагогическим потенциалом, однако их эффективность определяется качеством их методической интеграции в образовательный процесс.

Практическая значимость результатов заключается в разработке рекомендаций для педагогов по выбору и организации подвижных игр с учетом целей обучения, возрастных особенностей и уровня физической подготовки обучающихся.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость интеграции традиционных и инновационных игровых форм в системе физического воспитания как условия повышения его эффективности и соответствия современным образовательным требованиям.

Заключение

Проведённое исследование позволило обобщить современные подходы к использованию подвижных игр в системе физического воспитания школьников и уточнить их педагогическую сущность в условиях цифровизации образовательной среды. Полученные результаты подтверждают, что подвижные игры остаются эффективным средством развития физических качеств, формирования двигательных навыков, повышения мотивации обучающихся и развития их социальных компетенций.

Научная новизна исследования заключается в разработке обобщенной классификации подвижных игр, учитывающей как традиционные, так и инновационные формы, включая цифровые и геймифицированные практики. Это позволяет расширить существующие представления о возможностях игрового метода в физическом воспитании и адаптировать его к современным условиям.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложенной классификации и методических рекомендаций при проектировании уроков физической

культуры, что способствует повышению эффективности образовательного процесса.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и экспериментальной проверкой методик интеграции цифровых игровых технологий в систему физического воспитания, а также с оценкой их влияния на физическое состояние и мотивацию обучающихся [4; 5].

Таким образом, подвижные игры в сочетании с современными педагогическими и цифровыми подходами могут рассматриваться как важный ресурс модернизации физического воспитания школьников.

*Данная статья подготовлена в рамках выпускной квалификационной работы на тему «Создание комплекса подвижных игр для физического развития детей школьного возраста», утвержденной приказом ректора Карагандинского университета Казпотребсоюза

Список литературы

1. Теория и методика физической культуры: учебник / под ред. Ю. Ф. Курамшина. – 4-е изд., стер. – М.: Советский спорт, 2010. – 464 с.

2. Лешкевич С. А., Лешкевич В. А. Подвижные игры в физическом воспитании школьников и студентов: учебно-методическое пособие. – Севастополь: СевГУ, 2022. – 92 с.

3. Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Физкультура и спорт: СпортАкадемПресс, 2008. – 544 с.

4. Харламов И. Ф. Педагогика: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1990. – 576 с.

5. Волков Л. В. Теория и методика детского и юношеского спорта. – Киев: Олимпийская литература, 2002. – 294 с.

6. Comeras-Chueca C., Marín-Puyalto J., Matute-Llorente A., Vicente-Rodriguez G., Casajus J.A., Gonzalez-Aguero A. The Effects of Active Video Games on Health-Related Physical Fitness and Motor Competence in Children and Adolescents with Healthy Weight: A Systematic Review and Meta-Analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18. – No. 13. – Article 6965. DOI: 10.3390/ijerph18136965.

7. Pizzo A.D., Baker B.J., Na S. Цифровая трансформация и спортивный менеджмент: систематический обзор // European Sport Management Quarterly. – 2021. – Т. 21. – № 5. – С. 1–24.

8. Batat W. Экспериментальный маркетинг в цифровую эпоху // Journal of Business Research. – 2022. – Т. 142. – С. 987–999.

9. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – Vol. 28. – No. 2. – P. 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003.

10. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – P. 889–901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022.

References

1. Kuramshin Yu.F. (ed.). Teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury [Theory and methodology of physical culture]. 4th ed. Moscow: Sovetskii sport, 2010, 464 p. [in Russian].

2. Leshkevich S.A., Leshkevich V.A. Podvizhnye igry v fizicheskom vospitanii shkol'nikov i studentov [Active games in physical education of schoolchildren and students]. Sevastopol: SevGU, 2022, 92 p. [in Russian].

3. Matveev L.P. Teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury [Theory and methodology of physical culture]. 3rd ed. Moscow: Fizkul'tura i sport; SportAkademPress, 2008, 544 p. [in Russian].

4. Kharlamov I.F. Pedagogika [Pedagogy]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola, 1990, 576 p. [in Russian].

5. Volkov L.V. Teoriya i metodika detskogo i yunosheskogo sporta [Theory and methodology of children's and youth sports]. Kyiv: Olimpiiskaya literatura, 2002, 294 p. [in Russian].

6. Comeras-Chueca C., Marín-Puyalto J., Matute-Llorente A., Vicente-Rodriguez G., Casajus J.A., Gonzalez-Aguero A. The Effects of Active Video Games on Health-Related Physical Fitness and Motor Competence in Children and Adolescents with Healthy Weight: A Systematic Review and Meta-Analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18. – No. 13. – Article 6965. DOI: 10.3390/ijerph18136965.

7. Pizzo A.D., Baker B.J., Na S. Digital Transformation and Sport Management: A Systematic Review. European Sport Management Quarterly, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 1–24.

8. Batat W. The Experiential Marketing Mix in the Digital Age. Journal of Business Research, 2022, vol. 142, pp. 987–999.

9. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. The Journal of Strategic Information Systems, 2019, vol. 28, no. 2, pp. 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003.

10. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda. Journal of Business Research, 2021, vol. 122, pp. 889–901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022.

УДК: 796.012
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.008

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА *- к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Герман КОХ *- студент выпускного курса ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: kohgerman17@gmail.com*

Арсен ОРДАБАЕВ *- студент выпускного курса ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: arsen2187028@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ К ВЫСОКИМ СПОРТИВНЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям в условиях современного физического воспитания и дополнительного спортивного образования. Актуальность исследования обусловлена низким уровнем устойчивой мотивации учащихся к систематическим занятиям спортом, высоким процентом отсева из спортивных секций и необходимостью перехода от общей двигательной активности к ориентации на достижение значимых результатов. Целью работы является анализ и систематизация психолого-педагогических теорий мотивации достижения у школьников 10–17 лет. В исследовании использованы методы теоретического анализа научной литературы отечественных и зарубежных авторов. Выявлены ключевые механизмы формирования мотивации, включая удовлетворение базовых психологических потребностей (теория самоопределения Deci & Ryan) и ориентацию на мастерство versus превосходство (теория целей достижения Nicholls, Duda). Практическая значимость связана с возможностью использования результатов при разработке программ физического воспитания, подготовки юных спортсменов в школах и ДЮСШ, а также создании поддерживающего мотивационного климата.

Ключевые слова: мотивация достижения, спортивная мотивация, школьники, теория самоопределения, теория целей достижения, внутренняя мотивация, психолого-педагогические условия, физическое воспитание.

Ләйлә СЫРЫМБЕТОВА *- пед.ғ.к., профессор, «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» кафедрасының меңгерушісі, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Герман КОХ *- «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» ББ бітіруші курс студенті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: kohgerman17@gmail.com*

Арсен ОРДАБАЕВ *- «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» ББ бітіруші курс студенті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды, Академическая к-сі, 9, e-mail: arsen2187028@mail.ru*

МЕКТЕП ОҚУШЫЛАРЫНЫҢ ЖОҒАРЫ СПОРТТЫҚ ЖЕТІСТІКТЕРГЕ МОТИВАЦИЯСЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Түйін. Мақалада қазіргі дене шынықтыру және қосымша спорттық білім беру жағдайында мектеп оқушыларының жоғары спорттық жетістіктерге мотивациясын қалыптастырудың теориялық аспектілері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі оқушылардың спортпен жүйелі шұғылдануға тұрақты мотивациясының төмен деңгейімен, спорт секцияларынан шығу пайызының жоғарылығымен және жалпы қозғалыс белсенділігінен маңызды нәтижелерге бағдарлануға көшу қажеттілігімен негізделеді. Жұмыстың мақсаты – 10–17 жастағы мектеп оқушыларының жетістік мотивациясының психологиялық-педагогикалық теорияларын талдау және жүйелеу болып табылады. Зерттеуде отандық және шетелдік авторлардың ғылыми әдебиетін теориялық талдау әдістері қолданылды. Мотивацияны қалыптастырудың негізгі механизмдері анықталды, оның ішінде базалық психологиялық қажеттіліктерді қанағаттандыру (Deci & Ryan өзін-өзі анықтау теориясы) және шеберлікке бағдарлану мен эго-бағдарланудың айырмашылығы (Nicholls, Duda жетістік мақсаттары теориясы). Практикалық маңыздылығы мектептер мен ДЮСШ-да дене шынықтыру бағдарламаларын, жас спортшыларды дайындауды әзірлеуде және қолдаушы мотивациялық климат құруда алынған нәтижелерді пайдалану мүмкіндігімен айқындалады.

Түйінді сөздер: жетістік мотивациясы, спорттық мотивация, мектеп оқушылары, өзін-өзі анықтау теориясы, жетістік мақсаттары теориясы, ішкі мотивация, психологиялық-педагогикалық жағдайлар, дене шынықтыру

Lyailya SYRYMBETOVA *- Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture and Sports Management, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9, e-mail: profsls@mail.ru*

German KOKH *- graduate student of the Physical Education and Sports Management Program, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9, e-mail: kohgerman17@gmail.com*

Arsen ORDABAEV *- graduate student of the Physical Education and Sports Management Program, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9, e-mail: arsen2187028@mail.ru*

THEORETICAL ASPECTS OF FORMING SCHOOLCHILDREN'S MOTIVATION FOR HIGH SPORTS ACHIEVEMENTS

Abstract. The article examines the theoretical aspects of forming schoolchildren's motivation for high sports achievements in the context of modern physical education and additional sports training. The relevance of the study is determined by the low level of sustained motivation among students for systematic sports activities, high dropout rates from sports sections, and the need to transition from general motor activity to orientation toward significant results. The purpose of the work is to analyze and systematize psycho-pedagogical theories of achievement motivation in schoolchildren aged 10–17. The research employs methods of theoretical analysis of scientific literature by domestic and foreign authors. Key mechanisms of motivation formation are identified, including the satisfaction of basic psychological needs (Self-Determination Theory by Deci & Ryan) and orientation toward mastery versus superiority (Achievement Goal Theory by Nicholls, Duda). The practical significance lies in the applicability of the results for developing physical education programs, training young athletes in schools and sports schools, and creating a supportive motivational climate.

Keywords: achievement motivation, sports motivation, schoolchildren, self-determination theory, achievement goal theory, intrinsic motivation, psycho-pedagogical conditions, physical education.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Сырымбетова Л., Кох Г., Ордабаев А. Теоретические аспекты формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 80–85.

APA

Syrymbetova, L., Kokh, G., Ordabaev, A. (2026). Theoretical aspects of forming schoolchildren's motivation for high sports achievements [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 80–85.

Введение

В современных условиях система физического воспитания и спортивной подготовки школьников сталкивается с серьезной проблемой низкой устойчивой мотивации учащихся к систематическим занятиям спортом и высоким достижениям. Высокий отсев из спортивных секций, преобладание внешней мотивации и недостаточное внимание к возрастным и индивидуально-психологическим особенностям приводят к снижению эффективности учебно-тренировочного процесса и упущенным возможностям подготовки спортивного резерва [1; 7].

Актуальность исследования определяется необходимостью перехода от традиционных форм физического воспитания к целенаправленному формированию мотивации достижения.

Цель дипломного проекта заключается в теоретическом обосновании, разработке и экспериментальной проверке эффективности программы формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям в процессе учебно-тренировочной деятельности.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что уровень мотивации школьников к высоким спортивным достижениям существенно повысится, если в учебно-тренировочный процесс будет внедрена специально разработанная программа, которая учитывает возрастные и индивидуально-психологические особенности школьников, направлена на развитие внутренней мотивации и мотивации достижения успеха, реализуется на основе поэтапности, системности и практико-ориентированности, а также включает современные педагогические методы стимулирования спортивной деятельности [6; 8].

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Проанализировать психолого-педагогическую и научно-методическую литературу по проблеме формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям.
2. Определить сущность, структуру и критерии мотивации школьников к достижению высоких результатов в спортивной деятельности.
3. Подобрать и обосновать методы диагностики уровня мотивации школьников к высоким спортивным достижениям.

4. Разработать и апробировать программу формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям в учебно-тренировочном процессе.

5. Оценить эффективность разработанной программы на основе анализа результатов педагогического эксперимента и сформулировать практические рекомендации.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанной программы учителями физической культуры, тренерами детско-юношеских спортивных школ и секций дополнительного образования Карагандинской области.

Таким образом, проведенное исследование направлено на решение актуальной психолого-педагогической проблемы и способствует повышению эффективности учебно-тренировочного процесса со школьниками.

Материалы и методы

В ходе дипломного проекта применялся комплекс теоретических и эмпирических методов, который обеспечил всестороннее решение поставленных задач и объективную проверку выдвинутой гипотезы. Выбор методов был обусловлен необходимостью сочетания глубокого теоретического анализа проблемы мотивации с экспериментальной проверкой эффективности специально разработанной программы.

Теоретические методы включали анализ, синтез, сравнение и систематизацию психолого-педагогической и научно-методической литературы по вопросам формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям. Данный этап позволил изучить сущность, структуру и критерии мотивации достижения, выявить возрастные и индивидуально-психологические особенности ее развития, а также обосновать психолого-педагогические условия, способствующие переходу от внешней мотивации к внутренней и мотивации достижения успеха [2; 3].

Для диагностики уровня мотивации школьников использовался комплекс психодиагностических методик. В него вошли опросник шкалы спортивной мотивации в адаптированном варианте для школьников, тест мотивации достижения успеха, методики изучения внутренней и внешней мотивации, а также анкета для оценки эмоционального отношения учащихся к занятиям физической культурой и спортом. Эти методики позволили получить количественные и качественные данные об исходном и конечном уровне мотивации.

Эмпирическая часть исследования была представлена формирующим педагогическим экспериментом, который проводился в естественных условиях учебно-тренировочного процесса спортивных секций. Эксперимент состоял из двух основных этапов: констатирующего и формирующего.

На констатирующем этапе осуществлялась первичная диагностика исходного уровня мотивации школьников в экспериментальной и контрольной группах. На формирующем этапе в экспериментальной группе внедрялась специально разработанная программа формирования мотивации, направленная на развитие внутренней мотивации и мотивации достижения успеха с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей учащихся. В контрольной группе занятия проводились по стандартной учебно-тренировочной программе без специальной мотивационной работы.

Общая выборка исследования составила 60 школьников в возрасте 10–17 лет, занимающихся в спортивных секциях и группах дополнительного спортивного образования. Участники были разделены на две равные группы – экспериментальную и контрольную по 30 человек в каждой. Группы были уравнены по возрасту, полу и исходному уровню физической подготовленности, что обеспечило корректность сравнительного анализа результатов.

Реализация разработанной программы осуществлялась с применением современных педагогических методов и приемов: создание поддерживающего мотивационного климата, ориентированного на мастерство, автономная поддержка учащихся, поэтапное усложнение тренировочных заданий, широкое использование игровых и соревновательных форм деятельности, а также систематическая рефлексия собственных достижений и прогресса [9; 12].

Для оценки эффективности программы проводилась повторная диагностика уровня мотивации после завершения формирующего этапа. Полученные эмпирические данные обрабатывались с помощью методов математической статистики: рассчитывались средние значения показателей, проводилось сравнение результатов между экспериментальной и контрольной группами, а также анализировалась динамика изменений в каждой группе.

Материальной базой исследования послужили спортивные секции общеобразовательных школ и детско-юношеских спортивных школ Карагандинской области. Совокупность примененных теоретических и

эмпирических методов обеспечила логическую целостность исследования, научную достоверность полученных результатов и возможность объективной проверки выдвинутой гипотезы.

Результаты/Обсуждение

Анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы показал, что мотивация школьников к высоким спортивным достижениям является одним из ключевых факторов эффективности учебно-тренировочного процесса. Она представляет собой сложное, многоуровневое личностное образование, которое включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Сущность мотивации достижения заключается в устойчивом внутреннем стремлении школьника к постановке и успешному достижению сложных спортивных целей, преодолению трудностей и постоянному самосовершенствованию в избранном виде деятельности [1; 6].

Структура мотивации к высоким спортивным достижениям включает несколько взаимосвязанных элементов: внутреннюю мотивацию (интерес к самому процессу тренировок и радость от преодоления задач), внешнюю мотивацию (ориентацию на внешние поощрения или избегание негативных последствий) и мотивацию достижения успеха (стремление к высоким результатам и готовность рисковать). Особое значение имеет постепенный переход от преимущественно внешней мотивации к внутренней, поскольку именно внутренняя мотивация обеспечивает долгосрочную приверженность спорту, устойчивость к высоким нагрузкам и снижение риска эмоционального выгорания [4; 12].

Теоретический анализ позволил выявить важные возрастные особенности формирования мотивации у школьников 10–17 лет. У учащихся младшего подросткового возраста преобладают игровые и эмоциональные мотивы, тогда как у старших школьников значительно возрастает роль осознанной внутренней мотивации, мотивации достижения успеха и потребности в самоутверждении через спортивные результаты [2; 3].

На основе проведенного теоретического анализа и с учетом региональных особенностей физического воспитания в Карагандинской области была разработана авторская программа формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям. Программа строилась на принципах системности, поэтапности, практико-ориентированности и индивидуального подхода. Она учитывала специфику местных условий подготовки спортивного резерва и была направлена, прежде всего, на развитие внутренней мотивации и мотивации достижения успеха.

Программа состояла из трех основных этапов. Подготовительный этап (1–2 месяца) включал первичную диагностику уровня мотивации, формирование положительного эмоционального отношения к занятиям и создание поддерживающего мотивационного климата в группе. Основной этап (3–4 месяца) был направлен на активное развитие внутренней мотивации через автономную поддержку, задания с постепенно возрастающей сложностью, игровые и соревновательные формы деятельности, а также систематическую рефлексию собственных достижений и прогресса. Закрепляющий этап (1–2 месяца) предполагал закрепление сформированных мотивов, анализ достигнутых результатов и постепенный переход школьников к самостоятельному целеполаганию в спортивной деятельности.

Программа была апробирована в ходе формирующего педагогического эксперимента. В экспериментальной группе (30 человек) занятия проводились с использованием данной программы. В контрольной группе (30 человек) учебно-тренировочный процесс осуществлялся по стандартной программе без специальной мотивационной работы. Общая выборка исследования составила 60 школьников в возрасте 10–17 лет, занимающихся в спортивных секциях Карагандинской области.

Результаты констатирующего этапа показали, что исходный уровень мотивации в обеих группах был примерно одинаковым и характеризовался преобладанием внешней мотивации при среднем уровне внутренней мотивации и мотивации достижения успеха. После реализации программы в экспериментальной группе произошли значительные положительные изменения: уровень внутренней мотивации заметно вырос, существенно повысилась мотивация достижения успеха, улучшилось эмоциональное отношение к тренировочным и соревновательным нагрузкам, увеличилась настойчивость при выполнении сложных заданий. Школьники стали чаще проявлять инициативу, с большим желанием участвовать в дополнительных тренировках и соревнованиях. В контрольной группе изменения оказались минимальными и носили в основном ситуативный характер.

Статистическая обработка данных подтвердила достоверность различий между экспериментальной и контрольной группами по большинству показателей мотивации после

эксперимента. Наибольший прирост наблюдался именно по показателям внутренней мотивации и мотивации достижения успеха, что особенно важно для долгосрочной приверженности спорту в условиях региона [6; 8; 11].

Обсуждая результаты исследования, необходимо отметить, что эффективность разработанной программы объясняется ее комплексным характером и направленностью на удовлетворение базовых психологических потребностей учащихся. Использование методов автономной поддержки, рефлексии и постепенного усложнения задач способствовало переходу от преимущественно внешней мотивации к более устойчивой внутренней. В отличие от традиционной учебно-тренировочной программы, которая обеспечивает лишь поддержание существующего уровня мотивации, авторская программа дает выраженный и стабильный положительный эффект. Полученные данные свидетельствуют о том, что формирование мотивации к высоким спортивным достижениям требует специальной, системной и длительной педагогической работы, учитывающей как общие психологические закономерности, так и региональные особенности подготовки юных спортсменов в Карагандинской области.

Таким образом, результаты проведенного педагогического эксперимента полностью подтверждают выдвинутую гипотезу.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило актуальность проблемы формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям в современных условиях физического воспитания. В рамках дипломного проекта были решены все поставленные задачи и подтверждена выдвинутая гипотеза.

Теоретический анализ литературы позволил определить сущность, структуру и критерии мотивации достижения у школьников, а также выявить возрастные особенности ее формирования [1; 2]. Были подобраны и обоснованы методы диагностики уровня мотивации. Разработана и успешно апробирована авторская программа формирования мотивации, построенная на принципах поэтапности, системности и учета индивидуально-психологических особенностей учащихся с учетом регионального контекста Карагандинской области.

Результаты формирующего педагогического эксперимента на выборке 60 школьников показали, что внедрение разработанной программы приводит к значительному повышению уровня внутренней мотивации и мотивации достижения успеха в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Статистически значимые различия подтвердили эффективность программы [6; 8].

Гипотеза исследования подтвердилась: уровень мотивации школьников к высоким спортивным достижениям существенно повышается при внедрении специально разработанной программы, учитывающей возрастные и индивидуально-психологические особенности, направленной на развитие внутренней мотивации и реализуемой на основе поэтапности и практико-ориентированности.

Практические рекомендации:

- Внедрять элементы разработанной программы в учебные планы уроков физической культуры и занятия в ДЮСШ.
- Проводить регулярную диагностику мотивации не реже двух раз в год.
- Обучать тренеров и учителей физической культуры методам создания поддерживающего мотивационного климата и автономной поддержки учащихся.
- Активнее привлекать родителей к формированию положительного отношения детей к спортивным достижениям.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении выборки, апробации программы в различных видах спорта, а также в изучении долгосрочного влияния разработанной программы на сохранение приверженности спорту и достижение высоких результатов в юношеском и взрослом возрасте.

В целом, результаты исследования вносят практический вклад в решение актуальной психолого-педагогической проблемы формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям и могут быть использованы в практике физического воспитания и спортивной подготовки в Карагандинской области.

*Статья подготовлена в рамках выпускной квалификационной работы на тему: «Разработка программы формирования мотивации школьников к высоким спортивным достижениям», утвержденной приказом ректора Карагандинского университета Казпотребсоюза.

Список литературы

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. – 352 с.

3. Стамбулова Н. Б. Психология спортивной карьеры. – СПб.: Центр карьеры, 1999. – 368 с.

4. Деси Э. Л., Райан Р. М. Внутренняя мотивация и самоопределение в человеческом

поведении. – Нью-Йорк: Plenum Press, 1985. – XVI, 372 с.

5. Никольс Дж. Г. Конкурентный этос и демократическое образование. – Кембридж (Массачусетс). - Лондон: Harvard University Press, 1989. – 261 с.

6. Бабушкин Г. Д. Психология мотивации спортивной деятельности: монография. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2012. – 212 с.

7. Родионов А. В. Психология физического воспитания и спорта: учебник. – М.: Академический проект, 2018. – 576 с.

8. Уколов А. В., Рябинина С. К., Пономарев В. В. Формирование мотивации занятия спортом школьников: теоретические и практические аспекты: монография. – Красноярск: СибГТУ, 2013. – 160 с.

9. Горская Г. Б. Мотивационный климат как психологический регулятор спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 2. – С. 89–94.

10. Пилоян Р. А. Мотивация спортивной деятельности. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – 112 с.

11. Вайнберг Р. С., Гоулд Д. Основы психологии спорта и физических упражнений. – 7-е изд. – Шампейн, Иллинойс: Human Kinetics, 2019. – 680 с.

12. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55. – No. 1. – P. 68–78. – DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.

References

1. Ilyin E.P. Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter, 2000, 512 p. [in Russian].

2. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of personality formation]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1995, 352 p. [in Russian].

3. Stambulova N.B. Psikhologiya sportivnoi kar'ery [Psychology of sports career]. St. Petersburg: Tsentr kar'ery, 1999, 368 p. [in Russian].

4. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York: Plenum Press, 1985, XVI, 372 p.

5. Nicholls J.G. The Competitive Ethos and Democratic Education. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1989, 261 p.

6. Babushkin G.D. Psikhologiya motivatsii sportivnoi deyatel'nosti [Psychology of sports activity motivation]. Omsk: SibGUFK, 2012, 212 p. [in Russian].

7. Rodionov A.V. Psikhologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta [Psychology of physical education and sport]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, 576 p. [in Russian].

8. Ukolov A.V., Ryabinina S.K., Ponomarev V.V. Formirovanie motivatsii zanyatiya sportom shkol'nikov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Formation of schoolchildren's motivation for sports: theoretical and practical aspects]. Krasnoyarsk: SibGTU, 2013, 160 p. [in Russian].

9. Gorskaya G.B. Motivatsionnyi klimat kak psikhologicheskii regulyator sportivnoi deyatel'nosti [Motivational climate as a psychological regulator of sports activity]. Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury, 2017, no. 2, pp. 89–94. [in Russian].

10. Pilyan R.A. Motivatsiya sportivnoi deyatel'nosti [Motivation of sports activity]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1984, 112 p. [in Russian].

11. Weinberg R.S., Gould D. Foundations of Sport and Exercise Psychology. 7th ed. Champaign, IL: Human Kinetics, 2019, 680 p.

12. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. American Psychologist, 2000, vol. 55, no. 1, pp. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.

УДК: 331.108.26
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.009

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА *– к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Александр СЕРГУШКИН *– студент ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: serguhin.s@gmail.com*

Анастасия ОБУХОВА *– студентка ОП «Физическая культура и спортивный менеджмент», Карагандинский университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: aobuhova946@gmail.com*

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ, КОМПЕТЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Эффективное управление человеческими ресурсами является ключевым фактором успешного функционирования спортивных организаций, влияя на качество подготовки спортсменов, устойчивость кадрового состава и достижение спортивных результатов. В то же время в практике спортивных организаций сохраняются системные проблемы, связанные с недостаточным использованием современных HR-инструментов, ограниченностью ресурсов и несовершенством управленческих подходов. Целью исследования представителей спортивных организаций (менеджеров, тренеров, администрации) является выявление особенностей управления персоналом в спортивных организациях, определение ключевых проблем и анализ взаимосвязей между управленческими компетенциями, использованием HR-инструментов и эффективностью управления персоналом. Полученные результаты подчеркивают необходимость развития управленческих компетенций, внедрения современных HR-технологий и совершенствования организационных условий управления персоналом в спортивной сфере.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, спортивные организации, управленческие компетенции, кадровые практики, мотивация, лидерство, организационная эффективность.

Ляйля СЫРЫМБЕТОВА *– пед.ғ.к., профессор, «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» кафедрасының меңгерушісі, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая көш., 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Александр СЕРГУШКИН *– «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» білім беру бағдарламасының бітіруші курс студенті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая көш., 9, e-mail: serguhin.s@gmail.com*

Анастасия ОБУХОВА *– «Дене шынықтыру және спорттық менеджмент» білім беру бағдарламасының бітіруші курс студенті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая көш., 9, e-mail: aobuhova946@gmail.com*

СПОРТТЫҚ ҰЙЫМДАРДАҒЫ ПЕРСОНАЛДЫ БАСҚАРУ: ПРОБЛЕМАЛАР, ҚҰЗЫРЕТТЕР ЖӘНЕ ТИІМДІЛІК ФАКТОРЛАРЫ

Түйін. Адам ресурстарын тиімді басқару спортшылардың дайындық сапасына, кадрлар құрамының тұрақтылығына және спорттық нәтижелерге қол жеткізуге әсер ететін спорттық ұйымдардың табысты жұмыс істеуінің негізгі факторы болып табылады. Сонымен қатар, спорттық ұйымдардың тәжірибесінде қазіргі заманғы HR-құралдарын жеткіліксіз пайдаланумен, ресурстардың шектеулілігімен және басқарушылық тәсілдердің жетілмегендігімен байланысты жүйелік проблемалар сақталады. Спорттық ұйымдардың (менеджерлер, жаттықтырушылар, әкімшілік) өкілдерін Зерттеудің мақсаты спорттық ұйымдардағы персоналды басқару ерекшеліктерін анықтау, негізгі проблемаларды анықтау және басқару құзыреттері, HR-құралдарын пайдалану және персоналды басқару тиімділігі арасындағы қатынастарды талдау болып табылады. Алынған нәтижелер басқарушылық құзыреттерді дамыту, заманауи HR-технологияларды енгізу және спорт саласында персоналды басқарудың ұйымдастырушылық жағдайларын жетілдіру қажеттілігін көрсетеді.

Түйінді сөздер: адами ресурстарды басқару, спорттық ұйымдар, басқару құзыреттері, кадрлық практика, мотивация, көшбасшылық, ұйымдастырушылық тиімділік.

Lyailya SYRYMBETOVA *– Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture and Sports Management, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9, e-mail: profsls@mail.ru*

Alexander SERGUSHKIN *– graduate student of the Physical Education and Sports Management Program, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9,*
e-mail: serguhin.s@gmail.com

Anastasia OBUKHOVA *– graduate student of the Physical Education and Sports Management Program, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya str., 9,*
e-mail: aobuhova946@gmail.com

PERSONNEL MANAGEMENT IN SPORTS ORGANIZATIONS: PROBLEMS, COMPETENCIES, AND PERFORMANCE FACTORS

Abstract. Effective human resource management is a key factor in the successful functioning of sports organizations, affecting the quality of athletes' training, the sustainability of the workforce and the achievement of sporting results. At the same time, systemic problems remain in the practice of sports organizations related to the insufficient use of modern HR-tools, limited resources and imperfect management approaches.

The purpose of the study of representatives of sports organizations (managers, coaches, administrators) is to identify the features of personnel management in sports organizations, identify key issues and analyze the relationship between managerial competencies, the use of HR-tools and the effectiveness of personnel management.

The results obtained emphasize the need to develop managerial competencies, introduce modern HR technologies and improve the organizational conditions for personnel management in the sports field.

Keywords: human resource management, sports organizations, managerial competencies, personnel practices, motivation, leadership, organizational effectiveness.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ
Сырымбетова Л., Сергушкин А., Обухова А. Управление персоналом в спортивных организациях: проблемы, компетенции и факторы эффективности // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 86–94.

APA
Syrymbetova, L., Sergushkin, A., Obukhova, A. (2026). Personnel management in sports organizations: problems, competencies, and performance factors [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 86–94.

Введение

В современных условиях развития спортивной индустрии управление человеческими ресурсами приобретает стратегическое значение, поскольку именно персонал определяет конкурентоспособность организаций, качество тренировочного процесса и достижение высоких спортивных результатов. В условиях усиления конкуренции, цифровизации управленческих процессов и роста требований к эффективности деятельности организаций возрастает роль системного и научно обоснованного подхода к управлению персоналом [1; 2].

Особую специфику управление персоналом приобретает в спортивных организациях, где сочетаются управленческие и спортивные цели, высокая степень профессиональной автономии тренерского состава и ограниченность финансовых и организационных ресурсов. Данные особенности обусловливают необходимость адаптации классических моделей управления человеческими ресурсами к условиям спортивной среды [3].

Современные исследования в области управления подчеркивают значимость компетентностного подхода, ориентированного на развитие лидерских качеств, коммуникативных навыков и стратегического мышления руководителей [4]. При этом внедрение современных HR-инструментов, таких как системы ключевых показателей эффективности (KPI), коучинг, наставничество и индивидуальные планы развития, рассматривается как важнейшее условие повышения эффективности управления персоналом [5].

Вместе с тем в практической деятельности спортивных организаций наблюдается разрыв между теоретическими моделями управления и их реальным применением. Ограниченность ресурсов, недостаточная подготовка управленческих кадров и низкий уровень институционализации HR-практик приводят к снижению эффективности управления персоналом и росту организационных проблем [6].

Несмотря на растущий интерес к вопросам спортивного менеджмента, проблема комплексного анализа факторов эффективности управления персоналом в спортивных организациях остается недостаточно разработанной, особенно в контексте стран с переходной экономикой. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей управления персоналом в спортивных организациях, определении ключевых проблем и факторов эффективности, а также установлении взаимосвязей между управленческими компетенциями,

использованием HR-инструментов и эффективностью управления персоналом.

Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках количественного подхода с использованием метода анкетного опроса. Данный дизайн позволил получить эмпирические данные о восприятии управленческих компетенций, используемых практиках управления персоналом и проблемах, с которыми сталкиваются руководители спортивных организаций.

В исследовании приняли участие представители спортивных организаций, включая руководителей, тренеров и административный персонал. Выборка носила целевой характер и охватывала различные типы организаций (детско -юношеские спортивные школы, спортивные клубы и др.), что обеспечило разнообразие управленческих контекстов.

Для сбора данных была разработана авторская анкета, включающая закрытые и открытые вопросы. Структура анкеты включала следующие блоки: 1) социально-профессиональные характеристики респондентов; 2) самооценка управленческих компетенций; 3) использование современных методов управления персоналом; 4) оценка эффективности системы мотивации; 5) проблемы управления персоналом; 6) открытые вопросы, направленные на выявление трудностей, необходимых компетенций и мер повышения эффективности.

Сбор данных осуществлялся с использованием онлайн-платформы (Google Forms), что обеспечило доступность участия респондентов и стандартизацию процедуры опроса. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

Обработка данных проводилась с использованием статистических методов: описательная статистика (средние значения); контент-анализ открытых ответов для выделения ключевых категорий.

Результаты/Обсуждение

Анализ распределения респондентов по должностям и типам спортивных организаций показал, что в исследовании приняли участие представители различных уровней управления, включая руководителей, тренеров и административный персонал: а) по должностям: руководитель организации - 66,7%, заместитель руководителя - 28,2%, руководитель структурного подразделения - 5,1%; б) по типам организаций: спортивная школа - 92,3%, центр подготовки спортсменов - 2,6%, клуб/федерация - 5,1%. Такое распределение обеспечивает многомерный взгляд на проблемы управления персоналом и повышает репрезентативность полученных данных. Разнообразие организационных контекстов (детско-юношеские спортивные школы, клубы, федерации и др.) позволяет рассматривать выявленные тенденции как характерные для системы спортивного менеджмента в целом.

Результаты показали, что большинство респондентов оценивают уровень своих управленческих навыков и навыков управления персоналом как средний или выше среднего. Низкие оценки встречаются эпизодически. Это свидетельствует о сформированности профессиональной идентичности управленцев и их уверенности в собственной компетентности **(**рисунок 1**).**

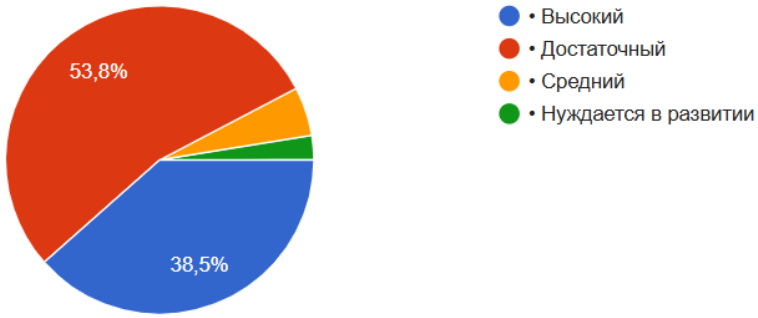

Рисунок 1 – Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете уровень своих управленческих навыков?

В то же время сопоставление этих данных с последующими результатами выявило определенное противоречие: при высокой самооценке компетенций респонденты одновременно фиксируют значительное количество управленческих проблем рисунок 2).

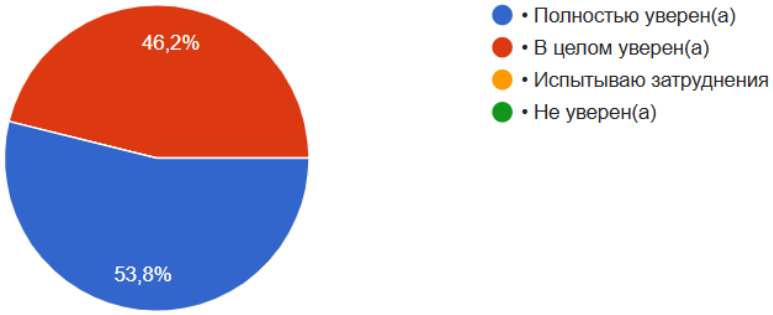

Рисунок 2 – Ответы на вопрос «Насколько Вы уверены в своих навыках управления персоналом?»

Данный разрыв может указывать на наличие эффекта субъективной переоценки либо на структурный характер выявленных трудностей, не зависящих напрямую от индивидуального уровня компетентности.

Анализ ответов показал, что в качестве наиболее значимых управленческих навыков респонденты выделяют лидерство, управление персоналом, коммуникативные навыки и стратегическое мышление. Данные результаты свидетельствуют о доминировании компетентностной модели управления, ориентированной на развитие soft skills и эффективного взаимодействия внутри команды (рисунок 3).

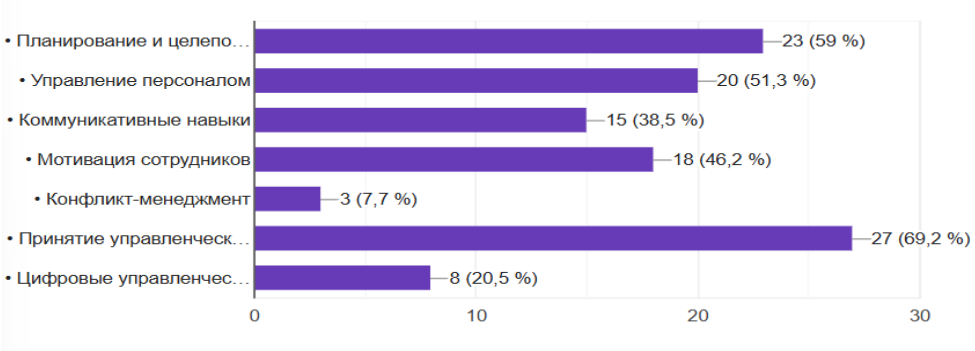

Рисунок 3 – Ответы на вопрос «Какие управленческие навыки Вы считаете наиболее важными для руководителя спортивной организации?»

Таким образом, управленческая деятельность в спортивных организациях рассматривается не только как административно-функциональная, но и как социально-психологическая практика, требующая развитых навыков межличностного взаимодействия и лидерского влияния.

Результаты показали неоднородность в использовании современных HR-инструментов (коучинг, наставничество, KPI, индивидуальные планы развития). Часть респондентов активно применяет данные методы, тогда как значительная доля либо использует их частично, либо не применяет вовсе (рисунок 4).

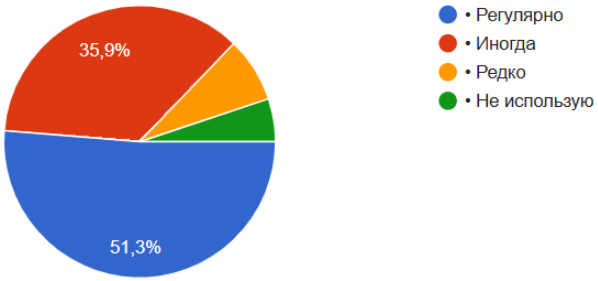

Рисунок 4 – Ответы на вопрос «Используете ли Вы современные методы управления персоналом?»

Это указывает на наличие разрыва между традиционными и современными подходами к управлению персоналом. Ограниченное внедрение современных инструментов может быть связано с недостатком профессиональной подготовки, дефицитом ресурсов, а также организационной инерцией. Среди наиболее часто отмечаемых проблем респонденты

выделяют нехватку квалифицированных кадров, низкую мотивацию сотрудников и высокую текучесть персонала. Указанные факторы формируют устойчивую проблемную триаду, характерную для систем управления человеческими ресурсами: дефицит кадров → снижение мотивации → текучесть персонала (рисунок 5).

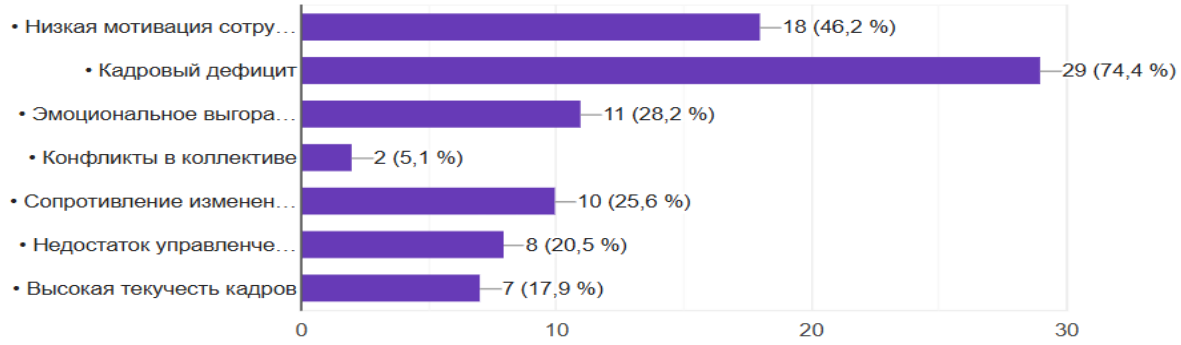

Рисунок 5 – Ответы на вопрос «С какими проблемами управления персоналом Вы сталкиваетесь чаще всего?»

Данные результаты свидетельствуют о системном характере проблем, обусловленных не столько индивидуальными управленческими ошибками, сколько структурными ограничениями функционирования спортивных организаций. Большинство респондентов оценивают существующую систему мотивации как среднюю или недостаточно эффективную. Это указывает на наличие потенциала для ее совершенствования (рисунок 6).

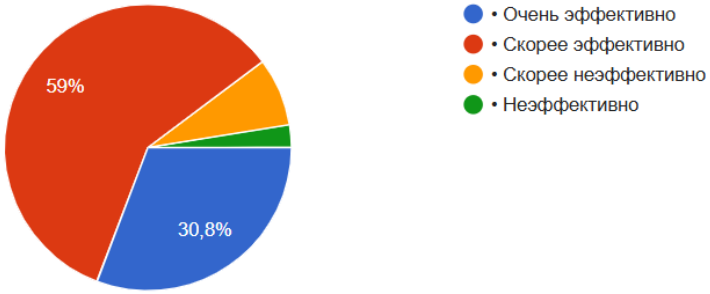

Рисунок 6 – Ответы на вопрос «Насколько эффективно, на Ваш взгляд, выстроена система мотивации персонала в Вашей организации?»

Значительная часть респондентов отмечает наличие трудностей в управлении тренерским составом. Это может быть обусловлено спецификой профессиональной деятельности тренеров, характеризующейся высокой степенью автономии, а также необходимостью балансирования между спортивными результатами и организационными требованиями (рисунок 7).

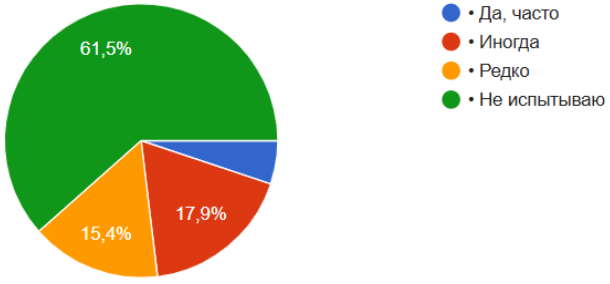

Рисунок 7 – Ответы на вопрос «Испытываете ли Вы трудности в управлении тренерским составом?»

В качестве ключевых факторов снижения эффективности персонала респонденты выделяют низкую заработную плату, недостаточную мотивацию и ограниченность ресурсов. Преобладание экономических и организационных факторов свидетельствует о

том, что проблемы эффективности обусловлены в большей степени системными условиями, а не индивидуальными характеристиками сотрудников (рисунок 8).

Рисунок 8 – Ответы на вопрос «Какие факторы, по Вашему мнению, больше всего снижают эффективность работы персонала?»

Результаты показали, что не все респонденты проходили обучение по управлению персоналом в последние три года. Это свидетельствует о недостаточной развитости системы профессионального обучения управленцев в спортивной сфере (рисунок 9).

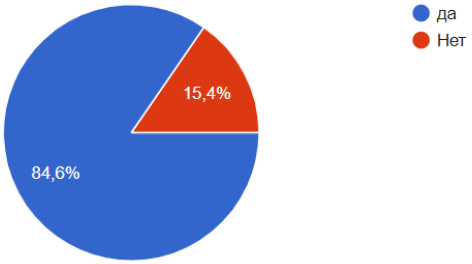

Рисунок 9 – Ответы на вопрос «Проходили ли Вы обучение (курсы, тренинги) по управлению персоналом за последние 3 года?»

В то же время наиболее эффективными формами повышения квалификации респонденты считают практико-ориентированные форматы обучения, такие как тренинги, семинары и курсы, направленные на решение реальных управленческих задач (рисунок 10).

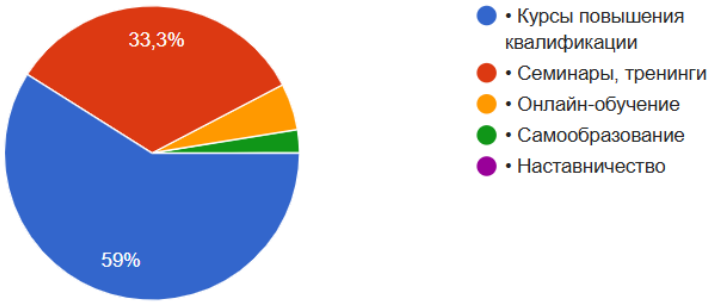

Рисунок 10 – Ответы на вопрос «В какой форме повышение управленческих компетенций для Вас наиболее эффективно?»

Анализ открытых ответов позволил установить, что ключевыми ограничивающими факторами являются низкий уровень заработной платы, недостаточное использование нематериальных стимулов и отсутствие четко структурированных систем оценки эффективности (KPI). Контент-анализ открытых вопросов позволил выделить ключевые категории проблем и направлений развития. Во-первых, среди основных трудностей доминируют экономические и кадровые факторы: низкая заработная плата, дефицит квалифицированных специалистов, высокая текучесть и профессиональное выгорание. Во-вторых, в качестве приоритетных управленческих компетенций респонденты выделяют лидерство, стратегическое мышление, управление персоналом, коммуникацию и эмоциональный интеллект. В-третьих, предлагаемые меры повышения эффективности управления включают повышение уровня оплаты труда, внедрение систем мотивации и KPI, развитие

корпоративного обучения, улучшение коммуникации и оптимизацию организационных процессов. Таким образом, результаты исследования демонстрируют наличие противоречия между относительно высокой самооценкой управленческих компетенций и выраженными системными проблемами управления персоналом. Выявленные трудности носят комплексный характер и обусловлены сочетанием экономических, организационных и кадровых факторов. При этом респонденты демонстрируют готовность к развитию управленческих компетенций и осознают необходимость внедрения современных HR-практик, что создает предпосылки для повышения эффективности управления персоналом в спортивных организациях.

На первом этапе анализа была рассчитана описательная статистика по ключевым переменным исследования, отражающим различные аспекты управления персоналом в спортивной организации (таблица 2). Данный этап позволяет получить общее представление об уровне выраженности исследуемых характеристик в выборке и служит основой для последующего анализа взаимосвязей между переменными.

Таблица 2 – Описательная статистика ключевых переменных

Переменная	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)
Управленческие навыки	3.85	0.62
Уверенность в управлении персоналом	3.91	0.58
Использование HR-инструментов	3.47	0.71
Эффективность управления персоналом	3.68	0.65
Проблемы управления персоналом	3.12	0.74

Примечание. Значения получены на основе шкалы Лайкерта (1–5).

В целом результаты описательной статистики позволяют заключить, что респонденты характеризуются достаточно высоким уровнем субъективной оценки управленческих компетенций и уверенности в управлении персоналом при умеренной выраженности практик использования HR-инструментов и наличии отдельных организационных трудностей.

Таким образом, результаты описательной статистики демонстрируют согласованность эмпирической модели и подтверждают целесообразность дальнейшего анализа причинно-следственных связей между переменными.

Полученные результаты позволяют углубленно интерпретировать особенности управления персоналом в спортивных организациях через призму современных теоретических подходов в области организационного поведения и управления человеческими ресурсами.

Одним из ключевых результатов исследования является выявленное противоречие между высокой самооценкой управленческих компетенций и наличием выраженных проблем управления персоналом. Данный результат согласуется с эффектом когнитивного искажения, описанным в работах Dunning и Kruger [7], согласно которому индивиды склонны переоценивать собственные способности в условиях ограниченной рефлексии.

Однако в контексте данного исследования более значимым представляется объяснение, связанное с системной природой организационных проблем. Согласно теории системного мышления [8], эффективность деятельности организации определяется не только индивидуальными характеристиками сотрудников, но и структурными условиями, включая ресурсы, организационную культуру и управленческие процессы.

Таким образом, выявленное противоречие может свидетельствовать о том, что управленцы адекватно оценивают собственные компетенции, однако действуют в условиях ограничений, снижающих эффективность их реализации.

Выявленные трудности управления тренерским составом могут быть интерпретированы через концепцию профессиональной автономии [9], согласно которой представители профессиональных сообществ обладают высокой степенью независимости в принятии решений.

Это требует перехода от директивных моделей управления к более гибким, основанным на сотрудничестве и доверии. В данном контексте актуальны подходы, предполагающие вовлечение сотрудников в процесс принятия решений [10].

Недостаточный уровень участия в программах повышения квалификации при высокой потребности в практико-ориентированном обучении подтверждает значимость теории experiential learning [11],

согласно которой обучение наиболее эффективно в процессе практической деятельности.

Это подчеркивает необходимость разработки специализированных программ обучения для руководителей спортивных организаций, ориентированных на решение реальных управленческих задач.

Одновременно влияние управленческих компетенций и уверенности в управлении указывает на важность индивидуального уровня управления, тогда как отрицательное влияние организационных проблем подтверждает системный характер барьеров.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость перехода к интегративной модели управления персоналом в спортивных организациях, сочетающей развитие индивидуальных компетенций руководителей и системные организационные изменения.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности управления персоналом в спортивных организациях и определить факторы, влияющие на его эффективность.

Результаты показали, что большинство руководителей демонстрируют достаточно высокий уровень самооценки управленческих компетенций, однако при этом сталкиваются с выраженными системными проблемами, включая дефицит квалифицированных кадров, низкий уровень мотивации сотрудников и высокую текучесть персонала. Это свидетельствует о наличии противоречия между субъективной оценкой компетентности и объективными условиями функционирования организаций.

Таким образом, управление персоналом в спортивных организациях следует рассматривать как комплексную систему, в которой индивидуальные компетенции руководителей взаимодействуют с институциональными условиями и ресурсными возможностями организаций.

Результаты исследования имеют важное практическое значение для развития системы управления персоналом в спортивных организациях. Во-первых, полученные данные указывают на необходимость внедрения современных HR-инструментов, включая системы KPI, наставничество, коучинг и индивидуальные планы развития сотрудников. Их использование способствует повышению эффективности управления и снижению организационных проблем. Во-вторых, выявленная потребность в развитии управленческих компетенций обуславливает необходимость разработки программ повышения квалификации руководителей спортивных организаций, ориентированных на развитие лидерства, коммуникации, стратегического мышления и эмоционального интеллекта. В-третьих, результаты исследования подчеркивают необходимость совершенствования систем мотивации персонала. Это включает не только повышение уровня заработной платы, но и внедрение нематериальных стимулов, таких как признание достижений, карьерное развитие и улучшение организационного климата. В-четвертых, особое внимание следует уделить управлению тренерским составом, что требует использования гибких управленческих подходов, основанных на партнерском взаимодействии и учете профессиональной автономии специалистов. Наконец, для повышения эффективности управления персоналом необходимо рассматривать организацию как систему, требующую комплексных изменений, включая улучшение ресурсного обеспечения, оптимизацию процессов и развитие корпоративной культуры.

*Данная статья подготовлена в рамках выпускной квалификационной работы на тему «Разработка модели управления персоналом спортивной организации», утвержденной приказом ректора Карагандинского университета Казпотребсоюза.

Список литературы

1. Алеева Г.И. Управление персоналом спортивных организаций в условиях санкционного давления // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 3. – С. 115–121.

2. Летягина Е.Н., Трифонов Ю.В. Современный подход к управлению физкультурно-спортивными организациями // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 1457–1470.

3. Ащеулов А.В. Особенности мотивации персонала физкультурно-спортивных организаций // Лидерство и менеджмент. – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 563–578.

4. Абдрахманова Г.К., Смагулова А.Т. Развитие управленческих компетенций руководителей спортивных организаций Казахстана // Вестник Казахской академии спорта и туризма. – 2022. – № 2. – С. 44–51.

5. Нургалиев Б.М., Тулеубаева А.С. Цифровизация HR-процессов в системе спортивного менеджмента Республики Казахстан // Наука и спорт: современные тенденции. – 2023. – № 1. – С. 88–95.

6. Жаксылыков М.К., Ермекова Д.С. Проблемы кадрового обеспечения спортивных организаций Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика». – 2021. – № 4 (104). – С. 132–139.

7. Dunning D., Kruger J. Unskilled and unaware of

it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 77. – No. 6. – P. 1121–1134.

8. Senge P.M. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. – New York: Doubleday, 2006. – 445 p.

9. Freidson E. Professionalism: The Third Logic. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 256 p.

10. Yukl G. Leadership in Organizations. – 8th ed. – Boston: Pearson, 2013. – 528 p.

11. Kolb D.A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. – New Jersey: Prentice Hall, 1984. – 256 p.

References

1. Aleeva G.I. Upravlenie personalom sportivnyh organizacij v usloviyah sankcionnogo davleniya [Personnel management in sports organizations under sanctions pressure]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, 2024, no. 3, pp. 115–121. [in Russian].

2. Letyagina E.N., Trifonov Yu.V. Sovremennyj podhod k upravleniyu fizkul'turno-sportivnymi organizaciyami [A modern approach to the management of physical culture and sports organizations]. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 1457–1470. [in Russian].

3. Ashcheulov A.V. Osobennosti motivacii personala fizkul'turno-sportivnyh organizacij [Features of personnel motivation in physical culture and sports organizations]. Liderstvo i menedzhment, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 563–578. [in Russian].

4. Abdrakhmanova G.K., Smagulova A.T. Razvitie upravlencheskih kompetencij rukovoditelej sportivnyh organizacij Kazahstana [Development of managerial competencies of heads of sports organizations in Kazakhstan]. Vestnik Kazahskoj akademii sporta i turizma, 2022, no. 2, pp. 44–51. [in Russian].

5. Nurgaliev B.M., Tuleubaeva A.S. Cifrovizaciya HR-processov v sisteme sportivnogo menedzhmenta Respubliki Kazahstan [Digitalization of HR processes in the sports management system of the Republic of Kazakhstan]. Nauka i sport: sovremennye tendencii, 2023, no. 1, pp. 88–95. [in Russian].

6. Zhaksylykov M.K., Ermekova D.S. Problemy kadrovogo obespecheniya sportivnyh organizacij Kazahstana [Problems of staffing sports organizations in Kazakhstan]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Ekonomika», 2021, no. 4 (104), pp. 132–139. [in Russian].

7. Dunning D., Kruger J. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. Journal of Personality and Social Psychology, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1121–1134.

8. Senge P.M. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. New York: Doubleday, 2006, 445 p.

9. Freidson E. Professionalism: The Third Logic. Chicago: University of Chicago Press, 2001, 256 p.

10. Yukl G. Leadership in Organizations. 8th ed. Boston: Pearson, 2013, 528 p.

11. Kolb D.A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. New Jersey: Prentice Hall, 1984, 256 p.

ҚҰҚЫҚТАНУ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

JURISPRUDENCE

УДК: 343.85:343.915
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.010

Жандос ЖОЛЖАКСЫНОВ *- доктор философии (phD), ассоциированный профессор, Заместитель начальника факультета подготовки руководящего состава-начальник Высших академических курсов Академии управления МВД Республики Казахстан, 010000, Астана, просп. Мангилик Ел, 55/4, e-mail: jandoss@inbox.ru.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье проведен сравнительно-правовой и криминологический анализ современных моделей предупреждения преступности несовершеннолетних в Республике Казахстан, государствах СНГ и странах дальнего зарубежья. Актуальность исследования обусловлена одновременно двумя обстоятельствами: реформированием казахстанской системы профилактики после принятия Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII «О профилактике правонарушений» и ухудшением отдельных показателей подростковой преступности в 2025 году. Цель исследования состоит в выявлении таких зарубежных правовых и организационных решений, которые способны повысить результативность казахстанской профилактики без механического заимствования чужих институтов. Нормативную основу составили действующие акты Казахстана, России, Беларуси, Узбекистана, Германии, Канады, Новой Зеландии, Англии и Уэльса, Соединенных Штатов Америки, а также международные стандарты ООН в сфере прав ребенка и правосудия в отношении несовершеннолетних. Научная база включает казахстанские, российские и зарубежные исследования, в том числе метааналитические обзоры эффективности программ профилактики, диверсии и коррекционного воздействия. Установлено, что системы стран СНГ отличаются развитой институциональной регламентацией субъектов профилактики, однако нуждаются в усилении межведомственного сопровождения конкретного ребенка и оценке фактических результатов применяемых программ. Зарубежный опыт показывает ценность минимально необходимого вмешательства, раннего отвлечения от формального уголовного процесса, семейно-восстановительных процедур, непрерывного социального сопровождения, ориентации на защитные факторы и законодательного закрепления требований к доказательной обоснованности профилактических программ. Обоснована авторская четырехконтурная модель предупреждения: универсальная профилактика; селективная ранняя помощь; индивидуальная профилактика и диверсия; ресоциализация и предупреждение рецидива. Для Казахстана предложены единый межведомственный план сопровождения несовершеннолетнего, институт координатора случая, обязательная оценка возможности диверсии до формализации уголовного преследования, национальный реестр доказательных профилактических программ, показатели результативности, ориентированные на устойчивое изменение поведения, образование, восстановление вреда и социальную интеграцию, а также нормативное закрепление принципа минимально достаточного и нестигматизирующего вмешательства.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, профилактика правонарушений, ювенальная юстиция, диверсия, восстановительное правосудие, межведомственное взаимодействие, доказательная профилактика, ресоциализация, Республика Казахстан.

Жандос ЖОЛЖАҚСЫНОВ *- философия докторы (phD), қауымдастырылған профессор, басшы құрамды даярлау факультеті бастығының орынбасары-Жоғары академиялық курстардың бастығы, Қазақстан Республикасы ІІМ басқару академиясы, 010000, Астана, Мангильный жел даңғылы, 55/4, e-mail: jandoss@inbox.ru.*

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАР ҚЫЛМЫСТЫЛЫҒЫНЫҢ АЛДЫН АЛУДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҮШІН САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ БАҒДАРЛАР

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасындағы, ТМД мемлекеттеріндегі және алыс шетелдердегі кәмелетке толмағандар қылмыстылығының алдын алудың қазіргі модельдеріне салыстырмалы-құқықтық және криминологиялық талдау жүргізілді. Зерттеудің өзектілігі екі жағдаймен айқындалады: Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 30 желтоқсандағы № 245-VIII «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» Заңы қабылданғаннан кейін профилактика жүйесінің жаңартылуы және 2025 жылы жасөспірімдер қылмыстылығының жекелеген көрсеткіштерінің нашарлауы. Зерттеудің мақсаты – шетелдік институттарды механикалық түрде көшірмей, Қазақстандағы профилактиканың нәтижелілігін арттыруға қабілетті құқықтық және ұйымдастырушылық шешімдерді анықтау. Нормативтік негізге Қазақстанның, Ресейдің, Беларусьтің, Өзбекстанның, Германияның, Канаданың, Жаңа Зеландияның, Англия мен Уэльстің, Америка Құрама Штаттарының қолданыстағы актілері, сондай-ақ бала құқықтары және кәмелетке толмағандарға қатысты сот төрелігі саласындағы БҰҰ халықаралық стандарттары енгізілді. Ғылыми базаға қазақстандық, ресейлік және шетелдік зерттеулер, соның ішінде профилактикалық бағдарламалардың, диверсияның және түзету ықпалының тиімділігі жөніндегі метаталдаулар кірді. ТМД елдерінде профилактика субъектілерін құқықтық регламенттеу жақсы дамығаны, алайда нақты баланы ведомствоаралық сүйемелдеу мен қолданылатын бағдарламалардың

нақты нәтижесін бағалау тетіктерін күшейту қажеттігі анықталды. Шетелдік тәжірибе барынша аз қажетті араласудың, формальды қылмыстық процестен ерте бұрудың, отбасылық-қалпына келтіру рәсімдерінің, үздіксіз әлеуметтік сүйемелдеудің, қорғаныш факторларына бағдарланудың және профилактикалық бағдарламалардың дәлелділігіне қойылатын талаптарды нормативтік бекітудің маңызын көрсетеді. Автор профилактиканың төрт контурлы моделін ұсынады: әмбебап профилактика; іріктемелі ерте көмек; жеке профилактика және диверсия; қайта әлеуметтендіру мен рецидивтің алдын алу. Қазақстан үшін кәмелетке толмағанды сүйемелдеудің бірыңғай ведомствоаралық жоспары, жағдай координаторы, қылмыстық құдалауды формализациялауға дейін диверсия мүмкіндігін міндетті бағалау, дәлелді профилактикалық бағдарламалардың ұлттық тізілімі, мінез-құлықтың тұрақты өзгеруіне, білім алуды жалғастыруға, келтірілген зиянды қалпына келтіруге және әлеуметтік интеграцияға бағытталған нәтижелілік көрсеткіштері, сондай-ақ барынша аз және стигматизацияламайтын араласу қағидатын нормативтік бекіту ұсынылды.

Түйінді сөздер: кәмелетке толмағандар қылмыстылығы, қылмыстың алдын алу, құқық бұзушылық профилактикасы, ювеналдық әділет, диверсия, қалпына келтіру әділеті, ведомствоаралық өзара іс-қимыл, дәлелді профилактика, қайта әлеуметтендіру, Қазақстан Республикасы.

Zhandos ZHOLZHAKSYNOV *- PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Faculty of Management Training-Head of the Higher Academic Courses, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, ave. Mangilik El, 55/4, e-mail: jandoss@inbox.ru*

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN JUVENILE CRIME PREVENTION: COMPARATIVE LEGAL BENCHMARKS FOR THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. This article offers a comparative legal and criminological analysis of contemporary juvenile crime prevention models in the Republic of Kazakhstan, other CIS states and selected jurisdictions outside the region. The study is particularly timely because Kazakhstan has recently restructured its prevention framework through Law No. 245-VIII of 30 December 2025 “On the Prevention of Offences”, while several juvenile crime indicators worsened in 2025. The purpose is to identify foreign legal and organisational solutions capable of improving the effectiveness of Kazakhstan’s system without mechanically transplanting institutions developed in different social and legal environments. The normative materials include current legislation of Kazakhstan, Russia, Belarus, Uzbekistan, Germany, Canada, New Zealand, England and Wales and the United States, together with United Nations standards on children’s rights and child justice. The scholarly basis combines Kazakhstani, Russian and international research, including meta-analyses of diversion, prevention and correctional interventions. The study finds that CIS systems are characterised by extensive statutory regulation of prevention agencies, but require stronger child-centred interagency case management and outcome evaluation. Comparative experience demonstrates the value of minimum necessary intervention, early diversion from formal criminal proceedings, restorative and family-group mechanisms, continuity of social support, a focus on protective factors and statutory requirements for evidence-based programmes. The author develops a four-contour prevention model consisting of universal developmental prevention, selective early support, indicated individual prevention and diversion, and tertiary resocialisation and recidivism prevention. For Kazakhstan, the article proposes a single interagency case plan, a designated case coordinator, mandatory assessment of diversion before formal escalation of criminal proceedings, a national register of evaluated prevention programmes, outcome indicators based on sustained behavioural change, educational continuity, reparation and social integration, and legal recognition of the principle of minimum sufficient and non-stigmatising intervention.

Keywords: juvenile crime, crime prevention, prevention of offences, juvenile justice, diversion, restorative justice, interagency cooperation, evidence-based prevention, resocialisation, Republic of Kazakhstan.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Жолжаксынов Ж. Международный опыт предупреждения преступности несовершеннолетних: сравнительно-правовые ориентиры для Республики Казахстан // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 96–111.

APA

Zholzhaksynov Z. (2026). International experience in juvenile crime prevention: comparative legal benchmarks for the Republic of Kazakhstan [in Russian]. Bulletin of KEU. 3 (82). p. 96–111.

Введение

Предупреждение преступности несовершеннолетних относится к тем направлениям уголовной политики, где количественное увеличение профилактических мероприятий само по себе не свидетельствует о результате. Казахстанская статистика особенно наглядно подтверждает необходимость такой оговорки. По данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, в 2024 году было зарегистрировано 1 890 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, а в 2025 году — уже 2 461, то есть рост составил около 30,2 %. Одновременно

количество тяжких преступлений увеличилось с 664 до 1 045, мошенничеств — со 108 до 252, вымогательств — с 52 до 72. Данные показатели не отменяют более длительной тенденции сокращения подростковой преступности по сравнению с началом 2000-х годов, но показывают, что достигнутый ранее эффект не является необратимым и не позволяет оценивать профилактическую систему исключительно по числу проведенных рейдов, лекций, встреч или поставленных на учет лиц [1].

Нормативная ситуация в Казахстане также существенно изменилась. С 2026 года действует Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII «О профилактике правонарушений», который консолидировал регулирование общей и специальной профилактики и заменил, в частности, специальный Закон 2004 года о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Новый закон определяет профилактику среди несовершеннолетних как комплекс правовых, педагогических и иных мер, соединяя предупреждение правонарушений с устранением причин и условий, индивидуальной профилактикой, социальной адаптацией и реабилитацией. Для современной казахстанской модели принципиально важно, что правонарушающее поведение ребенка рассматривается не только как предмет полицейского контроля, но и как социально-педагогическая проблема, требующая коррекции поведения, психологической поддержки и восстановления социальных связей [2].

Такая направленность соответствует действующему Закону Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан», закрепляющему государственную обязанность обеспечивать охрану прав и законных интересов ребенка. Для профилактики преступности эта общая правозащитная рамка имеет самостоятельное значение. Ребенок, совершивший правонарушение или находящийся в зоне высокого риска, не перестает быть носителем полного комплекса детских прав; следовательно, профилактическое вмешательство должно оцениваться одновременно по двум параметрам — способности предотвращать новое причинение вреда и способности сохранять условия для образования, семейных отношений, развития и социальной интеграции [3].

Институциональным элементом реформы стали обновленные правила образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, утвержденные приказом Министра просвещения Республики Казахстан от 30 марта 2026 года № 67-НҚ. Комиссии сохраняют статус постоянно действующих коллегиальных органов межведомственной координации. Однако само наличие координационного органа не гарантирует согласованности работы по конкретному ребенку: ведомства могут участвовать в заседании, но продолжать реализовывать собственные планы, пользоваться различными критериями риска и измерять результат разными показателями. Поэтому центральный вопрос современной профилактики состоит уже не столько в перечне субъектов, сколько в устройстве их совместной работы и в критериях, по которым государство признает вмешательство эффективным [4].

В казахстанской доктрине указанная проблема имеет устойчивую постановку. Р.Е. Джансараева, С.Б. Дузбаева и М.Е. Акболатова рассматривают профилактику преступности несовершеннолетних как самостоятельное направление государственной политики и подчеркивают системность участия различных государственных и общественных структур [5, с. 59–70]. Значение этой позиции сохраняется и после реформы 2026 года: предупреждение подростковой преступности действительно не может быть сведено к компетенции органов внутренних дел. Вместе с тем современный этап требует дополнить институциональный подход вопросом о качестве самой профилактической технологии: не всякая мера, формально относимая к профилактике, одинаково влияет на повторное правонарушение, школьную дезадаптацию, семейные конфликты или социальную изоляцию.

Другие ученые связывают совершенствование казахстанской системы с выявлением причин и условий подростковой преступности, координацией профилактической деятельности и использованием результатов исследования при разработке государственных программ [6, p. 209–231]. Такой подход представляется продуктивным, однако его дальнейшее развитие, на наш взгляд, должно идти от общей идеи «комплексности» к проверяемой модели результата. Комплексная профилактика эффективна не потому, что в ней участвует много субъектов и применяется много мер, а потому, что выбранные меры соответствуют потребностям конкретной группы несовершеннолетних, согласованы во времени, не создают избыточной стигмы и по итогам позволяют зафиксировать снижение криминогенных факторов при укреплении защитных.

Проблема имеет универсальный характер. Международная практика демонстрирует широкий спектр моделей: от детально регламентированных систем ведомственной профилактики, характерных для ряда государств СНГ, до прокурорской диверсии, семейных конференций, специализированных межведомственных команд и стандартов доказательной эффективности программ. При этом успешность конкретного института определяется не его национальным происхождением, а тем, какую функцию он выполняет в общей цепочке: предупреждает ли раннее формирование криминальной траектории, позволяет ли избежать ненужного входа ребенка в уголовную юстицию, восстанавливает ли причиненный вред, обеспечивает ли непрерывную помощь или уменьшает риск повторного преступления.

Цель настоящего исследования — определить на основе сравнительного анализа международного и национального опыта правовые и организационные решения, способные повысить результативность предупреждения преступности несовершеннолетних в Республике Казахстан. Для ее достижения решаются взаимосвязанные задачи: устанавливаются базовые международные стандарты обращения с несовершеннолетними; сопоставляются профилактические системы Казахстана, России, Беларуси и Узбекистана; анализируются германская, канадская, новозеландская и англо-валлийская модели раннего вмешательства и диверсии; оцениваются результаты зарубежных эмпирических исследований; формулируется авторская модель многоуровневой профилактики и предложения по ее нормативному и организационному внедрению в Казахстане.

Материалы и методы

Международно-правовую основу исследования составили Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, прежде всего статья 40, ориентирующая систему правосудия на достоинство ребенка, реинтеграцию и выполнение им конструктивной роли в обществе [7]; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), включая правило 11 о возможности разрешения дела без формального судебного разбирательства [8]; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), закрепляющие социально ориентированную и детоцентричную модель профилактики [9]; а также Замечание общего порядка № 24 Комитета ООН по правам ребенка 2019 года, в котором профилактика, раннее вмешательство, диверсия и не связанные с лишением свободы меры рассматриваются как взаимосвязанные элементы системы правосудия в отношении детей [10].

Национальную нормативную базу образуют действующие на 8 сентября 2026 года нормы уголовного и профилактического законодательства. Для Казахстана наряду с Законом № 245-VIII использован Уголовный кодекс Республики Казахстан, предусматривающий освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия и возможность примирения, в том числе с использованием медиации [11], а также Правила организации деятельности участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних, содержащие механизм индивидуальной профилактической работы и планирования соответствующих мероприятий [12]. Для государств СНГ исследованы Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в действующей редакции [13], Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 года № 200-З с изменениями по состоянию на 20 июля 2026 года [14] и Закон Республики Узбекистан от 29 сентября 2010 года № ЗРУ-263 [15].

Для оценки доктринальной интерпретации зарубежного опыта использована работа Е.О. Филипповой и Н.Ю. Волосовой, связывающих развитие ювенальной юстиции с общей тенденцией к гуманизации и необходимостью одновременно учитывать интересы ребенка, потерпевшего и общества [16, с. 49–52]. Эмпирическая часть исследования опирается на труды Л. МакАры и С. МакВи [17, p. 179–209], а также Ф. Лёзеля и Д.П. Фаррингтона о защитных и буферных факторах подросткового насилия [18, p. 8–23]. Их включение позволяет оценивать зарубежное законодательство не только по формальной конструкции институтов, но и по тому, насколько эти институты согласуются с установленными закономерностями подросткового поведения.

В группу дальнего зарубежья включены юрисдикции, демонстрирующие различные профилактические технологии. Германский Jugendgerichtsgesetz анализировался в части приоритета воспитательной идеи и полномочий прокуратуры по отказу от преследования при наличии достаточного воспитательного воздействия или усилий по примирению с

потерпевшим [19]. Дополнительно исследован § 52 Восьмой книги Социального кодекса Германии, обязывающий службу по делам молодежи на ранней стадии выявлять потребность в социальной помощи, информировать прокурора или судью о мерах, способных создать основание для прекращения преследования, и сопровождать несовершеннолетнего в течение всего производства [20]. Канадский Youth Criminal Justice Act рассмотрен в части законодательной презумпции адекватности внесудебных мер для впервые совершившего ненасильственное правонарушение и обязанности полиции до возбуждения формального преследования рассмотреть предупреждение, предостережение или направление в программу [21].

Новозеландский Oranga Tamariki Act 1989 исследован как пример институционализации семейно-групповой конференции до начала большинства формальных производств в отношении молодого человека; закон включает в конференцию самого ребенка, его семью или whānau, координатора, прокурора и иных участников и позволяет выработать согласованный план реагирования [22]. В Англии и Уэльсе исходной нормой является Crime and Disorder Act 1998, провозгласивший предупреждение правонарушений основной целью системы ювенальной юстиции и обязавший местные власти создавать youth offending teams с участием полиции, пробации, социальных, медицинских и образовательных специалистов [23]. Современная политика Youth Justice Board уточняет эту конструкцию через подход Child First: приоритет интересов ребенка, развитие просоциальной идентичности, участие самого несовершеннолетнего и минимизация криминогенной стигмы посредством профилактики, диверсии и минимального вмешательства [24].

Для проверки результативности отдельных профилактических подходов использованы метааналитические и экспериментальные исследования. Х.А. Уилсон и Р.Д. Хоуг обобщили данные программ диверсии и установили в целом более благоприятные показатели повторной преступности по сравнению с традиционным судебным реагированием [25, p. 497–518]. М.У. Липси в метааналитическом обзоре показал, что результативность вмешательств определяется не жесткостью санкции как таковой, а качеством и типом программы, особенностями ее реализации и соответствием характеристикам подростков [26, p. 124–147]. Эксперимент Communities That Care, исследованный Дж.Д. Хокинсом и соавторами, использован как пример профилактики на уровне сообщества, основанной на локальной диагностике факторов риска и подборе апробированных программ [27, p. 789–798].

Отдельно сопоставлены практики устрашительного воздействия и нормативная идея доказательности. Казахстанский пример профилактического посещения учреждения уголовно-исполнительной системы подростками группы риска отражен в официальном сообщении прокуратуры области Абай [28]. Для научной оценки подобного инструмента использован систематический обзор А. Петросино, К. Турпин-Петросино, М.Э. Холлис-Пил и Дж.Г. Лавенберг, включивший девять экспериментальных исследований программ Scared Straight и аналогичных посещений тюрем [29, p. 1–55]. Наконец, американский Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act рассматривается в качестве примера нормативного определения «evidence-based» и «promising» программы через доказанную эффективность, теоретическую обоснованность, измеримые результаты, научное тестирование, воспроизводимость и последующую строгую оценку [30].

Методологически исследование сочетает формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и функциональный методы. Единицей сравнения выступает не государство как таковое, а профилактическая функция: момент входа несовершеннолетнего в систему; субъект, принимающий ключевое решение; допустимый уровень вмешательства; механизм межведомственного сопровождения; участие семьи и потерпевшего; критерий завершения профилактической работы; способ оценки результата. Такой подход позволяет избежать распространенной ошибки сравнительного правоведения, когда институт переносится из одной правовой системы в другую только потому, что его название или общая цель выглядит привлекательной. Заимствованию подлежит не форма, а функционально доказанная правовая технология, совместимая с действующими институтами Казахстана.

Результаты/Обсуждение

Исходной точкой сравнительного анализа является новая казахстанская архитектура профилактики. Закон № 245-VIII создал единый нормативный контур, объединив общую профилактику, специальную работу с несовершеннолетними и индивидуальные меры. Такой шаг следует оценить положительно: прежняя раздельность нормативных актов могла

усиливать ведомственное восприятие профилактики как набора самостоятельных компетенций, тогда как современная модель позволяет рассматривать ее как единую государственную функцию. Особого внимания заслуживает закрепление социальной адаптации, реабилитации, психологической поддержки и коррекции поведения несовершеннолетнего. Тем самым правовая конструкция ушла от узкого понимания профилактики как надзора за «трудным подростком».

Вместе с тем объединение законодательства не тождественно интеграции практики. Индивидуальная профилактическая работа по линии полиции по-прежнему оформляется специальным планом и зависит от оценки индивидуальных особенностей, характера и степени антиобщественного поведения. Такая детализация необходима, однако при сложной ситуации ребенка она должна быть частью более широкого межведомственного плана. Один и тот же подросток может одновременно иметь школьные пропуски, семейный конфликт, признаки зависимости, долговую или цифровую вовлеченность, опыт насилия и уголовно-правовой риск. Ни одно ведомство не обладает компетенцией устранить всю причинную совокупность. Поэтому качественный индивидуальный план должен отвечать не на вопрос «какие мероприятия проведет полиция», а на вопрос «какие изменения в положении ребенка должны быть достигнуты, кем и к какому сроку».

С этой точки зрения полезен опыт государств СНГ, поскольку он показывает общность не только проблем, но и институционального устройства. Российский Закон № 120-ФЗ формирует широкую систему субъектов профилактики, включающую комиссии по делам несовершеннолетних, социальную защиту, образование, опеку, органы по делам молодежи, здравоохранение, занятость, внутренние дела и учреждения уголовно-исполнительной системы [13]. Белорусский Закон № 200-З также строится на межведомственном перечне субъектов и, что существенно, нормативно раскрывает комплексную реабилитацию несовершеннолетнего через социально-педагогическую, психологическую и медицинскую помощь, восстановление социальных функций и интеграцию в общество [14]. Узбекский Закон № ЗРУ-263 соединяет деятельность специализированных государственных органов с участием органов самоуправления граждан и негосударственных некоммерческих организаций [15].

Общее достоинство названных моделей — высокая определенность полномочий. Для сотрудника практического органа понятно, кто вправе выявлять, ставить на профилактический учет, направлять в учреждение, информировать комиссию или проводить индивидуальную работу. Общий риск — превращение правовой определенности в ведомственную фрагментацию. Чем подробнее закон распределяет компетенцию, тем легче возникает ситуация, когда каждый субъект формально выполнил собственное действие, но никто не несет ответственности за итоговую траекторию ребенка. Именно поэтому для Казахстана недостаточно расширять перечень субъектов или мероприятий: необходим единый механизм управления случаем, который связывает полицейский, образовательный, социальный, медицинский и семейный компоненты в одну последовательность.

Российские исследователи Е.О. Филиппова и Н.Ю. Волосова справедливо связывают зарубежный опыт с гуманизацией ювенальной юстиции и необходимостью сочетать ресоциализацию несовершеннолетнего с защитой потерпевшего и общества [16, с. 49–52]. Однако гуманизацию нельзя понимать как простое снижение интенсивности ответственности. Умеренное, но бессодержательное вмешательство не становится эффективным только потому, что оно мягче наказания. Содержательная гуманизация предполагает применение именно той меры, которая способна изменить криминогенную ситуацию без избыточного вреда от контакта с системой: восстановить учебную включенность, прекратить влияние делинквентной группы, компенсировать вред, наладить семейное сопровождение, обеспечить лечение зависимости либо сформировать устойчивые социальные навыки.

Международные стандарты позволяют уточнить данную мысль. Статья 40 Конвенции о правах ребенка связывает обращение с несовершеннолетним с укреплением уважения к правам других лиц, учетом возраста, содействием реинтеграции и конструктивной роли ребенка [7]. Пекинские правила исходят из возможности отвлечения от формального процесса уже на ранней стадии и специально предусматривают использование общественных программ, надзора, руководства, реституции и компенсации [8]. Эр-Риядские руководящие принципы смещают центр тяжести еще раньше — к благополучию, образованию, семье и

социальной среде, предупреждая против ненужной криминализации поведения, не причиняющего серьезного вреда [9]. Комитет ООН по правам ребенка в Замечании общего порядка № 24 подчеркивает необходимость комплексной системы, в которой профилактика, ранняя помощь, диверсия и не связанные с лишением свободы меры не конкурируют, а образуют последовательные уровни [10].

Из совокупности международных стандартов следует принцип, который в национальном профилактическом законодательстве целесообразно выражать более отчетливо: интенсивность вмешательства должна быть минимально достаточной для защиты ребенка, потерпевшего и общества. Чем ниже риск повторного преступления и чем меньше тяжесть деяния, тем осторожнее государство должно использовать формализованный учет, длительный контроль и вовлечение нескольких силовых субъектов. Для подростка низкого риска избыточное вмешательство может разрушать нормальные связи, закреплять роль «правонарушителя» и сводить его социальное окружение к другим лицам, уже находящимся в контакте с системой.

Именно такой вывод подтверждают Л. МакАра и С. МакВи. Исследование Edinburgh Study показало тесную связь серьезного подросткового правонарушающего поведения с уязвимостью и социальным неблагополучием, а также проблемность раннего административного маркирования «группы риска»: прогнозирование неизбежно дает ошибки, тогда как усиленный контакт с системой способен способствовать криминализации идентичности. Авторы связывают диверсию и снижение стигматизации с более благоприятной траекторией десистанса [17, p. 179–209]. Для Казахстана этот вывод имеет прямое значение: профилактический учет должен оставаться инструментом организации помощи и контроля, но не превращаться в самостоятельный показатель успеха. Увеличение числа выявленных «подучетных» подростков не означает улучшения профилактики, если не показано, сколько из них восстановили учебную занятость, прекратили повторные правонарушения и вышли из системы на устойчивой положительной траектории.

Другой важный сдвиг состоит в переходе от преимущественно риск-ориентированного подхода к балансу рисков и защитных факторов. Ф. Лёзель и Д.П. Фаррингтон показывают, что вероятность насилия снижается по мере накопления защитных факторов; к ним относятся позитивная связь хотя бы с одним родителем, достаточный родительский надзор, успехи и привязанность к школе, благоприятный школьный климат, неделинквентное окружение и иные ресурсы [18, p. S8–S23]. Следовательно, индивидуальная профилактика должна не только фиксировать «дефекты» подростка и семьи, но и задавать конкретные действия по укреплению уже существующих ресурсов. Такая логика уменьшает стигму и делает план практическим: вместо формулы «склонен к правонарушениям» появляется задача «возобновить регулярное обучение», «восстановить контакт с безопасным взрослым», «включить в устойчивую занятость», «прекратить связь с группой, вовлекающей в преступление».

Германская модель интересна прежде всего тем, что связывает уголовно-правовое решение с реальным воспитательным и социальным воздействием. § 2 Jugendgerichtsgesetz прямо ориентирует правовые последствия и процедуру на предупреждение повторных преступлений через воспитательную идею [19]. § 45 позволяет прокурору отказаться от преследования, когда воспитательная мера уже проведена или начата и дальнейшее судебное вмешательство не требуется; усилия несовершеннолетнего по примирению с потерпевшим приравниваются к воспитательной мере. Юридический смысл этой конструкции состоит не в «прощении», а в проверке достаточности уже состоявшегося позитивного воздействия. Государство не продолжает формальный процесс ради самого процесса, если его превентивная цель достигнута и дополнительное вмешательство не дает общественно полезного эффекта.

Не менее значим § 52 SGB VIII. Служба по делам молодежи обязана участвовать в производстве, сотрудничать с другими учреждениями, на ранней стадии проверять потребность в социальных услугах и немедленно информировать прокурора или судью, если такая услуга может создать основание для отказа от преследования или прекращения дела; сотрудник, как правило, сопровождает молодого человека в течение всего производства [20]. Для Казахстана ценность этой нормы заключается в институциональной непрерывности. У нас профилактическая работа, досудебное расследование, медиация, пробация и последующая ресоциализация организационно могут восприниматься как разные этапы разных ведомств. Германская конструкция показывает, что для ребенка они должны образовывать одну траекторию, где информация о потребностях и уже начатой помощи не обнуляется при переходе от одной процессуальной стадии к другой.

Канадский Youth Criminal Justice Act еще яснее превращает диверсию в исходную правовую установку. Внесудебные меры признаются зачастую наиболее уместным и эффективным способом реагирования, а для впервые совершившего ненасильственное деяние действует презумпция их достаточности; полиция до начала формального производства должна рассмотреть возможность не предпринимать дальнейших действий, вынести предупреждение или предостережение либо направить подростка в общественную программу [21]. Такая модель важна не столько объемом дискреции, сколько обязанностью обосновать выбор более формального пути. Именно «процессуальная точка проверки» отличает диверсию как системный институт от ситуации, когда медиация или воспитательная мера существует в законе, но применяется эпизодически.

В Казахстане уже имеются материально-правовые предпосылки для подобного подхода. Статьи 83–85 УК РК позволяют освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности при возможности исправления без привлечения к уголовной ответственности и применить предупреждение, передачу под надзор, обязанность загладить вред, ограничения досуга и иные воспитательные меры; статья 68 допускает прекращение в связи с примирением, в том числе через медиацию, при соблюдении предусмотренных условий [11]. Следовательно, задача заключается не в создании «с нуля» альтернатив уголовному преследованию, а в формировании обязательного алгоритма их ранней оценки. Для каждого подходящего дела до перехода к более репрессивной стадии должен появляться документированный ответ: почему предупреждение, медиация, социальная программа, воспитательная мера или иная форма диверсии достаточна либо недостаточна.

Новозеландская семейно-групповая конференция демонстрирует другой способ принятия решения. Oranga Tamariki Act требует до начала производства по большинству дел консультации с координатором ювенальной юстиции и проведения family group conference; участниками выступают сам молодой человек, родители, семья или whānau, координатор, прокурор и другие лица, а результатом может стать план дальнейших действий [22]. Ключевым является не этнокультурное название процедуры, которое не может быть механически перенесено, а ее функциональная логика: решение о реакции на правонарушение формируется не только «над ребенком», но и с участием тех, кто способен обеспечить выполнение плана, а потерпевший и сообщество могут получить реальный механизм восстановления вреда.

Для Казахстана перспективна не буквальная рецепция family group conference, а стандартизированная восстановительно-семейная конференция как расширенная форма медиации и межведомственного планирования. Она могла бы применяться в делах о ненасильственных и отдельных преступлениях средней тяжести, когда несовершеннолетний признает фактическую основу события, потерпевший добровольно согласен участвовать, а семья либо иной значимый взрослый способны поддержать выполнение плана. В отличие от обычного примирения, результатом должен быть не только факт компенсации, но и краткий план: обучение, занятость, психологическая помощь, ограничения контактов, общественно полезная деятельность, восстановление вреда и контроль исполнения. Такой механизм лучше соединяет уголовно-правовой и профилактический контуры.

Англия и Уэльс представляют полезный пример межведомственной команды, созданной законом, а не только межведомственного совещания. Section 39 Crime and Disorder Act 1998 требует создания youth offending teams, в состав которых входят как минимум представители пробации, социальных служб, полиции, здравоохранения и образования; команда координирует предоставление ювенальных услуг [23]. Организационная разница принципиальна: комиссия координирует самостоятельные ведомства, а межпрофессиональная команда ведет конкретные случаи как единая служба. В казахстанских условиях полное копирование такой структуры потребовало бы значительной институциональной перестройки, но функциональный элемент может быть перенесен — постоянная межведомственная case-team по наиболее сложным несовершеннолетним с единым планом, единым координатором и общей ответственностью за результат.

Современный подход Child First дополняет структурное решение содержательным. Национальные стандарты и актуальные руководства Youth Justice Board требуют рассматривать лиц в системе прежде всего как детей, опираться на их сильные стороны, поддерживать просоциальную идентичность, обеспечивать реальное участие и по возможности удерживать детство вне формальной системы через профилактику, диверсию и минимальное вмешательство [24]. Научная ценность данной концепции в том, что она связывает права ребенка и общественную

безопасность, а не противопоставляет их. Развитие просоциальной идентичности и снижение стигмы имеют криминологический смысл именно потому, что создают условия для устойчивого отказа от преступного поведения.

Диверсия, однако, не должна превращаться в лозунг. Метаанализ Х.А. Уилсон и Р.Д. Хоуга охватил 45 исследований и 73 программы; в среднем программы отвлечения демонстрировали более низкую повторную преступность, чем традиционное судебное вмешательство [25, p. 497–518]. Значение результата состоит не в универсальном запрете уголовного процесса для несовершеннолетних, а в опровержении интуитивного предположения, будто формальная строгость всегда лучше предупреждает рецидив. Для малозначительных и ненасильственных случаев сама процедура, публичное маркирование и включение в систему могут иметь побочные эффекты, которые следует учитывать при выборе меры.

М.У. Липси пришел к более общему выводу: программы для несовершеннолетних различаются по эффективности в зависимости от характера вмешательства и качества реализации, причем результативность связана с правильной организацией программы и соответствием ее характеристикам правонарушителя, а не с увеличением карательной жесткости [26, p. 124–147]. Это особенно важно для профилактического законодательства Казахстана. Нормативный акт обычно перечисляет допустимые меры — беседа, контроль, направление, психологическая помощь, реабилитация. Но право почти не отвечает на вопрос, какая конкретная программа внутри этих общих видов может финансироваться и применяться как доказательно эффективная. Следовательно, следующий этап реформы должен касаться не расширения списка мер, а стандартизации требований к их содержанию и оценке.

Опыт Communities That Care показывает, как это может работать на уровне территории. В исследовании Дж.Д. Хокинса и соавторов сообщества сначала определяли наиболее выраженные локальные факторы риска и недостаток защитных факторов, после чего выбирали апробированные профилактические программы, соответствующие этому профилю [27, p. 789–798]. Для Казахстана аналогичная логика применима на уровне района и города: один регион может иметь проблему группового насилия и школьной исключенности, другой — вовлечения подростков в цифровое мошенничество и дропперские схемы, третий — наркотического сбыта или семейной дисфункции. Единый национальный перечень мероприятий без локальной диагностики неизбежно будет менее точным, чем система «локальный профиль — доказательная программа — измеримый результат».

Особенно показательна проблема профилактики устрашением. В казахстанской практике встречаются посещения учреждений уголовно-исполнительной системы подростками группы риска, где им демонстрируются условия содержания и организуются встречи с осужденными; такая практика описана, например, прокуратурой области Абай в 2025 году [28]. Подобное мероприятие интуитивно кажется убедительным: подросток должен увидеть последствия преступления и отказаться от рискованного поведения. Однако близкие по механизму программы Scared Straight изучались экспериментально. Систематический обзор А. Петросино и соавторов, включивший девять исследований и 946 участников, не подтвердил профилактического эффекта и показал вероятность вредного результата — последующее правонарушающее поведение в экспериментальных группах в целом было выше, чем при отсутствии такой программы [29, p. 1–55].

Из этого сопоставления нельзя автоматически заключить, что любое ознакомительное посещение казахстанского учреждения УИС тождественно Scared Straight и поэтому обязательно вредно. Различаются содержание, интенсивность, возраст участников, способы коммуникации и последующее сопровождение. Научно корректный вывод иной: профилактическое мероприятие не должно признаваться полезным только потому, что оно производит сильное эмоциональное впечатление на организаторов и участников сразу после проведения. Если государство систематически использует метод, он должен иметь теорию изменения, критерии отбора целевой группы, показатели результата и оценку отдаленных последствий. Именно здесь международный опыт доказательной профилактики приобретает нормативное значение.

Американский Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act после реформы 2018 года содержит развернутое определение evidence-based программы: она должна демонстрировать эффективность при надлежащем соблюдении модели, основываться на четко сформулированной и эмпирически подтвержденной теории, иметь измеримые результаты и быть научно проверена посредством рандомизированных или сравнительных исследований с возможностью

воспроизведения и масштабирования; «promising» программа допускается при наличии положительной независимой оценки и обязательства пройти дальнейшее строгое исследование [30]. Включение подобных критериев непосредственно в законодательную политику важно тем, что меняет логику финансирования: государство оплачивает не факт проведения профилактики, а метод, для которого существует проверяемое основание ожидать положительный результат.

Для Казахстана предлагается создать Национальный реестр программ предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Реестр не должен быть административным каталогом всех возможных мероприятий. Каждая программа включается с указанием целевой группы, возрастного диапазона, проблемы, на которую она направлена, обязательных компонентов, квалификации исполнителей, продолжительности, противопоказаний, минимального набора измеряемых результатов и уровня доказательности. На первом уровне могут находиться программы с подтвержденным эффектом в нескольких качественных исследованиях; на втором — перспективные программы с независимой положительной оценкой; на третьем — пилотные программы, допустимые только при заранее утвержденном дизайне оценки. Мероприятия без описанной теории и измеримых исходов не должны получать статус самостоятельной профилактической программы.

Нормативным дополнением к реестру должен стать стандарт оценки. Наиболее привычный показатель — повторное преступление — необходим, но недостаточен. Он проявляется с временным лагом и зависит от выявляемости. Для ребенка следует измерять также сохранение или восстановление обучения, сокращение пропусков, устойчивую занятость, прекращение употребления психоактивных веществ при наличии соответствующей проблемы, качество семейного контакта, выполнение восстановительного соглашения, отсутствие новых эпизодов насилия, снижение контактов с криминогенной группой, стабильность проживания и завершение программы. Для потерпевшего — объем и своевременность восстановления вреда, безопасность и удовлетворенность процедурой. Для системы — долю успешно завершенной диверсии, повторный вход в юстицию, стоимость результата и число случаев необоснованного усиления вмешательства.

Особого внимания требует момент принятия решения о формализации уголовного преследования. Действующий УК РК уже допускает освобождение несовершеннолетнего и применение воспитательных мер, но такая возможность часто оценивается после того, как ребенок фактически вошел в уголовный процесс. Канадский и германский опыт показывает ценность более раннего фильтра [19; 21]. Представляется целесообразным предусмотреть в совместном нормативном акте Генеральной прокуратуры, МВД, органов просвещения и иных уполномоченных субъектов обязательную «оценку возможности отвлечения» по делам, где закон допускает прекращение, примирение или применение воспитательных мер. Эта оценка должна проводиться до направления дела к более репрессивной траектории и включать мнение потерпевшего, характер вреда, предшествующее поведение, риск повторения, образовательную ситуацию, семейные ресурсы и наличие доступной программы.

При положительном решении несовершеннолетнему может предлагаться программа диверсии с четкими условиями и сроком, которая реализуется на основе действующих правовых оснований — медиации, примирения, воспитательных мер, социальной и психологической помощи. На первоначальном этапе разумно применять такой механизм как пилот в нескольких регионах с последующей независимой оценкой, не создавая сразу нового основания освобождения от уголовной ответственности. Если практика подтвердит снижение повторной преступности и отсутствие ухудшения положения потерпевших, возможно дальнейшее процессуальное закрепление отдельного института ювенальной диверсии. Такой путь предпочтительнее законодательного заимствования, эффективность которого в казахстанских условиях еще не проверена.

Второе системное предложение касается единого межведомственного плана. При наличии нескольких значимых проблем комиссия по делам несовершеннолетних должна утверждать не совокупность ведомственных мероприятий, а «план сопровождения ребенка», содержащий общую оценку потребностей и защитных факторов, не более нескольких приоритетных целей, конкретного исполнителя по каждой цели, сроки, критерии достижения и основания прекращения либо уменьшения интенсивности вмешательства. Полицейский план индивидуальной профилактики при этом сохраняется как отраслевой компонент, но не дублирует психологический, медицинский или образовательный блок. Для каждого сложного случая назначается координатор, который

отвечает не за все мероприятия лично, а за связность и своевременность действий системы.

Выбор координатора не следует автоматически закреплять за полицией. Если ведущая проблема — продолжающееся правонарушающее поведение и высокий риск причинения вреда, координирующая роль полиции оправданна. При ведущей школьной дезадаптации, семейном кризисе, психологической травме или социальной уязвимости координатором рациональнее сделать специалиста образования, социальной защиты либо иной профильной службы. Критерий должен быть функциональным: координацию осуществляет субъект, способный воздействовать на основную причину текущего риска. Комиссия обеспечивает межведомственное решение спорных вопросов и контроль достижения результата.

Третье предложение — нормативно закрепить принцип минимально достаточного вмешательства в индивидуальной профилактике несовершеннолетних. Его содержание может быть сформулировано следующим образом: при выборе профилактической меры уполномоченный субъект применяет наименее ограничительный и наименее стигматизирующий комплекс, достаточный с учетом характера поведения, риска повторного правонарушения, потребностей ребенка, безопасности потерпевшего и общества; усиление вмешательства требует мотивированного обоснования, а при достижении целей меры подлежат сокращению или прекращению. Такой принцип конкретизирует детоцентричность и создает юридический противовес инерции учета, когда подросток продолжает находиться под интенсивным контролем только потому, что первоначально был отнесен к определенной категории.

Четвертое предложение связано с образованием. МакАра и МакВи выделяют школьное исключение как важный элемент криминальной траектории [17, p. 179–209]. Поэтому перевод, исключение или фактическое вытеснение ребенка из образовательной среды не должно рассматриваться как нейтральная административная мера. В отношении несовершеннолетнего, находящегося в индивидуальной профилактике, любое решение, способное прервать обучение, должно сопровождаться обязательным планом образовательной непрерывности и оценкой комиссии либо межведомственной команды. Основной вопрос — не может ли школа «избавиться от проблемного ученика», а где и каким образом он продолжит получать образование на следующий день после решения.

Пятое предложение касается семьи и восстановительного компонента. Казахстанская медиация создает правовую основу для примирения, но профилактическая функция будет выше, если соглашение ориентировано не только на компенсацию вреда. В подходящих случаях медиатор совместно с профильными специалистами может инициировать расширенную семейно-восстановительную встречу, по итогам которой вырабатывается реалистичный план поведения. Участие потерпевшего всегда должно быть добровольным, а отказ не может ухудшать его процессуальное положение. Участие ребенка также не должно сводиться к формальному подписанию чужого решения: программа обязана фиксировать его мнение и доступно объяснять последствия невыполнения условий.

Шестое предложение — обеспечить непрерывность сопровождения при переходе между профилактикой, расследованием, судом, пробацией и постпенитенциарной ресоциализацией. Германский § 52 SGB VIII показывает ценность одного профессионального сопровождения на протяжении производства [20]. В казахстанской модели это может быть реализовано через электронную межведомственную карту случая с разграниченным доступом и строгими гарантиями защиты персональных данных. В ней отражаются не все сведения о ребенке, а только необходимая для профилактики информация: цели плана, уже проведенные вмешательства, их результат, актуальные риски и защитные факторы. При переходе к другой службе не должна заново проводиться вся диагностика, если сведения актуальны и получены законно.

При этом цифровая интеграция не должна создавать пожизненный «профилактический профиль». Информация о несовершеннолетнем имеет высокий стигматизирующий потенциал. После достижения целей и истечения предусмотренных сроков доступ к данным должен прекращаться, а использование ранее снятого профилактического статуса при последующих образовательных, трудовых или социальных решениях — ограничиваться законом. Международный принцип реинтеграции предполагает право ребенка выйти из системы, а не только право системы постоянно помнить о прежнем риске.

Седьмое предложение касается подготовки кадров. Межведомственная профилактика не возникает от одной нормы о сотрудничестве. Инспектор полиции, педагог, психолог,

социальный работник, прокурор, медиатор и сотрудник пробации должны пользоваться совместимым понятийным аппаратом: отличать фактор риска от доказательства совершения преступления; различать потребность и опасность; понимать защитные факторы, десистанс, вторичную стигматизацию и восстановительный процесс. Поэтому требуется единый межведомственный учебный модуль, основанный на кейсах и оценке решений, а не только на лекционном информировании о полномочиях каждого органа.

Восьмое предложение — изменить отчетность. Пока основными индикаторами выступают количество мероприятий, проверок, бесед, рейдов, выявленных подростков или заседаний, система рационально стремится производить именно эти действия. Результативная профилактика требует иной управленческой логики. На уровне региона ежегодно должны публиковаться не персональные данные, а агрегированные показатели: доля повторных преступлений через 6, 12 и 24 месяца; доля успешно завершенной диверсии; возвращение к устойчивому обучению; завершение реабилитационных программ; восстановление вреда; число случаев повторной постановки на профилактический учет; средняя длительность интенсивного сопровождения; результаты независимой оценки программ. Такой набор позволяет сравнивать не активность ведомств, а последствия их работы.

Предлагаемая система не означает отказа от принудительных и защитных мер. Тяжкие насильственные преступления, устойчивое групповое поведение, эксплуатация несовершеннолетних взрослыми, высокий риск повторного причинения вреда требуют интенсивного контроля и в предусмотренных законом случаях уголовно-правового реагирования. Принцип минимального вмешательства не равен принципу слабого вмешательства. Он означает соразмерность: для высокого риска — достаточная интенсивность, для низкого — отказ от ненужной формализации, а для каждого уровня — использование метода, эффективность которого можно объяснить и проверить.

Сравнение позволяет сформулировать более общий вывод о двух типах профилактической государственности. Первый тип, характерный для постсоветских систем, подробно отвечает на вопрос «кто обязан предупреждать»; второй, проявляющийся в ряде западных моделей, сильнее отвечает на вопрос «каким образом принимать решение о вмешательстве и когда формальный процесс не нужен». Противопоставлять их не следует. Казахстану полезно сохранить сильную сторону собственной и близких СНГ моделей — широкую институциональную сеть и юридически определенные полномочия — и дополнить ее процедурными фильтрами диверсии, межведомственным case-management, восстановительными механизмами и доказательной оценкой программ.

В результате международный опыт перестает быть каталогом «интересных зарубежных институтов» и превращается в критерий проверки национальной системы. Если профилактическая мера не отвечает на вопрос о целевой группе, механизме изменения поведения и измеримом результате, она методологически слаба независимо от страны происхождения. Если вмешательство можно заменить менее стигматизирующим без ухудшения общественной безопасности, более жесткая мера нуждается в дополнительном обосновании. Если несколько ведомств работают с одним ребенком, но не имеют единой цели и координатора, их взаимодействие остается административным, а не функциональным. Если программа применяется годами без оценки повторного поведения и социальных исходов, ее дальнейшее финансирование нельзя считать научно обоснованным.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что международный опыт предупреждения преступности несовершеннолетних не сводится к выбору между «карательной» и «гуманной» моделью. Современные эффективные системы строятся на более сложном балансе: раннее социальное предупреждение должно уменьшать вероятность входа ребенка в уголовную юстицию; диверсия — применяться там, где формальная процедура не добавляет превентивной ценности; восстановительные механизмы — учитывать интересы потерпевшего; интенсивный контроль — сохраняться для действительно высокого риска; ресоциализация — обеспечивать реальный выход несовершеннолетнего из криминальной траектории. Общим критерием является не мягкость или строгость, а доказуемая соразмерность меры проблеме.

Казахстанская реформа 2026 года создала благоприятную правовую основу для следующего этапа. Новый Закон «О профилактике правонарушений» усилил комплексный характер профилактики, сохранил межведомственные комиссии и включил социальную адаптацию, реабилитацию, коррекцию поведения и психологическую

поддержку в нормативный контур. Одновременно статистический рост зарегистрированных преступлений несовершеннолетних с 1 890 в 2024 году до 2 461 в 2025 году [1] показывает, что совершенствование нормативной архитектуры должно сопровождаться изменением технологии практической работы и системы оценки результата.

Научно обоснованной представляется четырехконтурная модель предупреждения. Первый контур — универсальная профилактика, ориентированная на безопасную школьную и семейную среду, правовую грамотность, занятость, психическое благополучие и укрепление защитных факторов. Второй — селективная ранняя помощь детям, у которых выявлена совокупность социальных и поведенческих рисков, но формальный уголовно-правовой статус еще не возник. Третий — индивидуальная профилактика и диверсия после правонарушения, где ключевыми становятся минимально достаточное вмешательство, восстановление вреда и четкий план изменения ситуации. Четвертый — ресоциализация и предупреждение рецидива для несовершеннолетних, уже прошедших уголовный процесс, пробацию или исполнение наказания. Между контурами должна существовать управляемая преемственность, а не ведомственные разрывы.

Для практической реализации модели целесообразно, во-первых, внедрить единый межведомственный план сопровождения для сложных случаев и назначать координатора исходя из ведущей потребности ребенка; во-вторых, закрепить обязательную раннюю оценку возможности диверсии по делам, где закон допускает примирение, медиацию, освобождение с воспитательными мерами либо иное прекращение; в-третьих, апробировать расширенные семейно-восстановительные конференции как инструмент разработки плана после правонарушения; в-четвертых, нормативно закрепить принцип минимально достаточного и наименее стигматизирующего вмешательства; в-пятых, обеспечить образовательную непрерывность несовершеннолетних, находящихся в профилактической работе.

Отдельным направлением должна стать доказательная профилактика. Предлагается создать Национальный реестр профилактических программ для несовершеннолетних с указанием уровня доказательности, целевой группы, обязательных компонентов, квалификации специалистов, показателей результата и условий применения. Новые методы могут запускаться как пилотные, но только при заранее установленной процедуре независимой оценки. Практики, основанные преимущественно на устрашении, эмоциональном воздействии либо интуитивном представлении о пользе, не должны тиражироваться без проверки отдаленных последствий; международные исследования программ Scared Straight демонстрируют, что субъективно убедительная профилактика способна давать противоположный результат [29, p. 1–55].

Наконец, требуется пересмотреть ведомственную отчетность. Базовыми показателями должны стать повторные преступления через установленные интервалы, устойчивость обучения и занятости, завершение программ, восстановление вреда, социальная интеграция, повторный вход в систему и длительность интенсивного контроля. Количество проведенных мероприятий сохраняет значение как показатель нагрузки, но не должно использоваться в качестве доказательства эффективности. Только переход от учета активности к оценке результата позволит сопоставлять программы и регионы, прекращать неработающие практики и направлять ресурсы на меры, реально уменьшающие подростковую преступность.

Таким образом, наиболее ценное для Казахстана содержание международного опыта заключается не в создании новых учреждений ради сходства с зарубежными системами, а в изменении логики принятия решений. Ребенок должен входить в формальную систему только тогда и настолько, насколько это необходимо; помощь разных ведомств должна складываться в единую траекторию; потерпевший — получать реальную возможность восстановления вреда; профилактическая программа — иметь проверяемое основание эффективности; государство — измерять не число воздействий, а устойчивый общественно безопасный результат. Такая модель одновременно соответствует международным стандартам прав ребенка, интересам потерпевших и задаче предупреждения повторной преступности.

Список литературы

1. Преступность несовершеннолетних по отдельным видам преступлений // Бюро национальной статистики Республики Казахстан [Электронный ресурс] Режим доступа: https://bala.stat.gov.kz/prestupnost-nesovershennoletnih-po-otdelnym-vidam-prestuplenij/

2. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII ЗРК «О профилактике

правонарушений» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245

3. Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 года № 345-II «О правах ребенка в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_

4. Приказ Министра просвещения Республики Казахстан от 30 марта 2026 года № 67-НҚ «Об утверждении Правил образования и осуществления деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2600038289

5. Джансараева Р.Е., Дузбаева С.Б., Акболатова М.Е. Государственная политика Республики Казахстан в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2020. - Т. 95. - № 3. - С. 59–70. DOI: 10.26577/JAPJ.2020.V95.I3.06.

6. Rakhimova G., Khamzina Zh., Aldabergenova N., Buribayeva M., Buribayev Y. Developing A System of Prevention of Offenses Committed by Juveniles: A View from Kazakhstan // International Journal of Criminal Justice Sciences. - 2023. - Vol. 18. - No. 2. - P. 209–231. DOI: 10.5281/zenodo.4756315.

7. Convention on the Rights of the Child. Adopted by United Nations General Assembly Resolution 44/25 of 20 November 1989 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child

8. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (The Beijing Rules). General Assembly Resolution 40/33 of 29 November 1985 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-standard-minimum-rules-administration-juvenile

9. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (The Riyadh Guidelines). General Assembly Resolution 45/112 of 14 December 1990 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-guidelines-prevention-juvenile-delinquency-riyadh

10. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 24 (2019) on children's rights in the child justice system. CRC/C/GC/24. 18 September 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-24-2019-childrens-rights-child

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

12. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 1098 «Об утверждении Правил организации деятельности участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012953

13. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

14. Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 года № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://base3.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3686

15. Закон Республики Узбекистан от 29 сентября 2010 года № ЗРУ-263 «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30829954

16. Филиппова Е.О., Волосова Н.Ю. Особенности предупреждения преступности несовершеннолетних за рубежом // Российский следователь. - 2024. - № 12. - С. 49–52. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-12-49-52.

17. McAra L., McVie S. Youth Crime and Justice: Key Messages from the Edinburgh Study of Youth Transitions and Crime // Criminology & Criminal Justice. - 2010. - Vol. 10. - No. 2. - P. 179–209. DOI: 10.1177/1748895809360971.

18. Lösel F., Farrington D.P. Direct Protective and Buffering Protective Factors in the Development of Youth Violence // American Journal of Preventive Medicine. - 2012. - Vol. 43. - No. 2 Suppl. 1. - P. 8–23. DOI: 10.1016/j.amepre.2012.04.029.

19. Jugendgerichtsgesetz (JGG), insbesondere § 2, 45 (aktuelle Fassung) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/jgg/

20. Sozialgesetzbuch (SGB) Achtes Buch (VIII) – Kinder- und Jugendhilfe, § 52 Mitwirkung in Verfahren nach dem Jugendgerichtsgesetz (aktuelle Fassung) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_8/__52.html

21. Youth Criminal Justice Act, S.C. 2002, c. 1, ss. 4–6 (current to 21 June 2026; last amended 8 April 2025) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/y-1.5/

22. Oranga Tamariki Act 1989, Part 4 – Youth justice (latest version as at 10 July 2026) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1989/24/en/latest/

23. Crime and Disorder Act 1998, - pp. 37, 39 [[Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents

24. Youth Justice Board for England and Wales. Standards for children in the youth justice system. Child First principles. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gov.uk/government/publications/national-standards-for-youth-justice-services/standards-for-children-in-the-youth-justice-system-accessible-version

25. Wilson H.A., Hoge R.D. The Effect of Youth Diversion Programs on Recidivism: A Meta-Analytic Review // Criminal Justice and Behavior. - 2013. - Vol.

40. - No. 5. - P. 497–518. DOI: 10.1177/0093854812451089.

26. Lipsey M.W. The Primary Factors that Characterize Effective Interventions with Juvenile Offenders: A Meta-Analytic Overview // Victims & Offenders. - 2009. - Vol. 4. - No. 2. - P. 124–147. DOI: 10.1080/15564880802612573.

27. Hawkins J.D., Oesterle S., Brown E.C., Arthur M.W., Abbott R.D., Fagan A.A., Catalano R.F. Results of a Type 2 Translational Research Trial to Prevent Adolescent Drug Use and Delinquency: A Test of Communities That Care // Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine. - 2009. - Vol. 163. - No. 9. - P. 789–798. DOI: 10.1001/archpediatrics.2009.141.

28. Путь без ошибок. Как в области Абай работают с подростками группы риска // Прокуратура области Абай. - 2025. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-abay/press/news/details/1008235?lang=ru

29. Petrosino A., Turpin-Petrosino C., Hollis-Peel M.E., Lavenberg J.G. Scared Straight and Other Juvenile Awareness Programs for Preventing Juvenile Delinquency: A Systematic Review // Campbell Systematic Reviews. - 2013. - Vol. 9. - P. 1–55. DOI: 10.4073/csr.2013.5.

30. Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act of 1974, as amended, 34 U.S.C. §§ 11101 et seq.; definition of evidence-based and promising programs [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ojjdp.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh176/files/media/document/jjdpa-as-amended_0.pdf

References

1. Prestupnost' nesovershennoletnih po otdel'nym vidam prestuplenij // Byuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://bala.stat.gov.kz/prestupnost-nesovershennoletnih-po-otdelnym-vidam-prestuplenij/

2. Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrya 2025 goda № 245-VIII ZRK «O profilaktike pravonarushenij» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa:: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245

3. Zakon Respubliki Kazahstan ot 8 avgusta 2002 goda № 345-II «O pravah rebenka v Respublike Kazahstan» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345_

4. Prikaz Ministra prosveshcheniya Respubliki Kazahstan ot 30 marta 2026 goda № 67-NҚ «Ob utverzhdenii Pravil obrazovaniya i osushchestvleniya deyatel'nosti komissij po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2600038289

5. Dzhansaraeva R.E., Duzbaeva S.B., Akbolatova M.E. Gosudarstvennaya politika Respubliki Kazahstan v sfere preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2020. - T. 95. - № 3. - S. 59–70. DOI: 10.26577/JAPJ.2020.V95.I3.06.

6. Rakhimova G., Khamzina Zh., Aldabergenova N., Buribayeva M., Buribayev Y. Developing A System of Prevention of Offenses Committed by Juveniles: A View from Kazakhstan // International Journal of Criminal Justice Sciences. - 2023. - Vol. 18. - No. 2. - P. 209–231. DOI: 10.5281/zenodo.4756315.

7. Convention on the Rights of the Child. Adopted by United Nations General Assembly Resolution 44/25 of 20 November 1989 [Electronic resource] Access mode: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child

8. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (The Beijing Rules). General Assembly Resolution 40/33 of 29 November 1985 [Electronic resource] Access mode: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-standard-minimum-rules-administration-juvenile

9. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (The Riyadh Guidelines). General Assembly Resolution 45/112 of 14 December 1990 [Electronic resource] Access mode: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-guidelines-prevention-juvenile-delinquency-riyadh

10. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 24 (2019) on children's rights in the child justice system. CRC/C/GC/24. 18 September 2019. [Electronic resource] Access mode: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-24-2019-childrens-rights-child

11. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

12. Prikaz Ministra vnutrennih del Respubliki Kazahstan ot 29 dekabrya 2015 goda № 1098 «Ob utverzhdenii Pravil organizacii deyatel'nosti uchastkovyh inspektorov policii po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012953

13. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 24 iyunya 1999 goda № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

14. Zakon Respubliki Belarus' ot 31 maya 2003 goda № 200-Z «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://base3.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3686

15. Zakon Respubliki Uzbekistan ot 29 sentyabrya 2010 goda № ZRU-263 «O profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij sredi nesovershennoletnih» (s izm. i dop.) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=30829954

16. Filippova E.O., Volosova N.Yu. Osobennosti preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih za rubezhom // Rossijskij sledovatel'. - 2024. - № 12. - S. 49–52. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-12-49-52.

17. McAra L., McVie S. Youth Crime and Justice: Key Messages from the Edinburgh Study of Youth Transitions and Crime // Criminology & Criminal Justice. - 2010. - Vol. 10. - No. 2. - P. 179–209. DOI: 10.1177/1748895809360971.

18. Lösel F., Farrington D.P. Direct Protective and Buffering Protective Factors in the Development of Youth

Violence // American Journal of Preventive Medicine. - 2012. - Vol. 43. - No. 2 Suppl. 1. - P. 8–23. DOI: 10.1016/j.amepre.2012.04.029.

19. Jugendgerichtsgesetz (JGG), insbesondere § 2, 45 (aktuelle Fassung) [Electronic resource] Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/jgg/

20. Sozialgesetzbuch (SGB) Achtes Buch (VIII) – Kinder- und Jugendhilfe, § 52 Mitwirkung in Verfahren nach dem Jugendgerichtsgesetz (aktuelle Fassung) [Electronic resource] Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_8/__52.html

21. Youth Criminal Justice Act, S.C. 2002, c. 1, ss. 4–6 (current to 21 June 2026; last amended 8 April 2025) [Electronic resource] Access mode: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/y-1.5/

22. Oranga Tamariki Act 1989, Part 4 – Youth justice (latest version as at 10 July 2026) [Electronic resource] Access mode: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1989/24/en/latest/

23. Crime and Disorder Act 1998, - pp. 37, 39 [Electronic resource] Access mode: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents

24. Youth Justice Board for England and Wales. Standards for children in the youth justice system. Child First principles. [Electronic resource] Access mode: https://www.gov.uk/government/publications/national-standards-for-youth-justice-services/standards-for-children-in-the-youth-justice-system-accessible-version

25. Wilson H.A., Hoge R.D. The Effect of Youth Diversion Programs on Recidivism: A Meta-Analytic Review // Criminal Justice and Behavior. - 2013. - Vol. 40. - No. 5. - P. 497–518. DOI: 10.1177/0093854812451089.

26. Lipsey M.W. The Primary Factors that Characterize Effective Interventions with Juvenile Offenders: A Meta-Analytic Overview // Victims & Offenders. - 2009. - Vol. 4. - No. 2. - P. 124–147. DOI: 10.1080/15564880802612573.

27. Hawkins J.D., Oesterle S., Brown E.C., Arthur M.W., Abbott R.D., Fagan A.A., Catalano R.F. Results of a Type 2 Translational Research Trial to Prevent Adolescent Drug Use and Delinquency: A Test of Communities That Care // Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine. - 2009. - Vol. 163. - No. 9. - P. 789–798. DOI: 10.1001/archpediatrics.2009.141.

28. Put' bez oshibok. Kak v oblasti Abaj rabotayut s podrostkami gruppy riska // Prokuratura oblasti Abaj. - 2025. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-abay/press/news/details/1008235?lang=ru

29. Petrosino A., Turpin-Petrosino C., Hollis-Peel M.E., Lavenberg J.G. Scared Straight and Other Juvenile Awareness Programs for Preventing Juvenile Delinquency: A Systematic Review // Campbell Systematic Reviews. - 2013. - Vol. 9. - P. 1–55. DOI: 10.4073/csr.2013.5.

30. Juvenile Justice and Delinquency Prevention Act of 1974, as amended, 34 U.S.C. §§ 11101 et seq.; definition of evidence-based and promising programs [Electronic resource] Access mode: https://ojjdp.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh176/files/media/document/jjdpa-as-amended_0.pdf

УДК: 343.1; 343.123
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.011

Nurtai IMANGALIEV *- Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Associate Professor), Institute of Parliamentarism, 100001, Republic of Kazakhstan, Astana, Mangilik El Avenue, 8, e-mail: nurtai_0101@mail.ru.*

PRE-INVESTIGATION REVIEW AND PRE-TRIAL INVESTIGATION IN KAZAKHSTAN: BALANCING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROSECUTION AND GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS

Abstract. The article examines the institution of pre-investigation review in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan in the context of its reform and transformation after 2014, when this stage was excluded from the criminal procedural model and replaced by the system of immediate initiation of pre-trial investigation based on registration of a report in the Unified Register of Pre-Trial Investigations. The study aims to examine the nature of the pre-investigation check as a screening mechanism that ensures procedural economy and the preliminary filtering out of unfounded reports of offenses. Methods employed include comparative legal analysis, statistical analysis, systems-legal analysis, and formal legal analysis, among others. These methods enabled an analysis of the problems arising from the abolition of the pre-investigation check, including increased procedural workloads, a rise in the number of criminal cases initiated without sufficient grounds, an increase in the proportion of proceedings terminated on exonerating grounds, and higher budgetary costs associated with criminal proceedings. Particular attention is paid to a comparative legal analysis of legislation in post-Soviet states where the institution of the pre-investigation check has been retained or partially reinstated, as well as to an assessment of foreign experience in reforming similar procedures. The study substantiates the need to rethink the current model and potentially introduce a modernized form of the pre-investigation check characterized by clear procedural regulation, strict time limits, and guaranteed protection of the rights of participants in criminal proceedings. The conclusion is made regarding the expediency of forming a balanced mechanism of preliminary legal assessment of crime reports, ensuring both the effectiveness of criminal prosecution and the protection of individual rights and freedoms.

Keywords: pre-investigation review, pre-trial investigation, criminal procedure, criminal prosecution, guarantees of individual rights, registration of criminal offenses, reform of criminal procedural legislation, procedural economy.

Нұртай ИМАНҒАЛИЕВ *- заң ғылымдарының кандидаты, доцент (доцент), Парламентаризм институты, 100001, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Мәңгілік Ел даңғылы, 8, e-mail: nurtai_0101@mail.ru.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДЕГІ СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕКСЕРУ МЕН СОТҚА ДЕЙІНГІ ТЕРГЕП-ТЕКСЕРУ: ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚУДАЛАУДЫҢ ТИІМДІЛІГІ МЕН ЖЕКЕ ТҰЛҒА ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ КЕПІЛДІКТЕРІ АРАСЫНДАҒЫ ТЕПЕ-ТЕҢДІК

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізуіндегі сотқа дейінгі тексеру институты оның 2014 жылдан кейінгі реформалануы мен трансформациясы контекстінде қарастырылады. Бұл кезеңде аталған саты қылмыстық іс жүргізу моделінен алынып тасталып, Қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы бірыңғай тізілімге хабарламаны тіркеу негізінде сотқа дейінгі тергеп-тексеруді дереу бастау жүйесімен алмастырылған. Бұл зерттеудің мақсаты - тергеуге дейінгі тергеулердің процедуралық тиімділікті және құқық бұзушылықтар туралы негізсіз айыптауларды алдын ала іріктеуді қамтамасыз ететін сүзгілеу механизмі ретіндегі сипатын зерттеу. Салыстырмалы құқықтық талдау, статистикалық талдау, жүйелік құқықтық талдау, формальды құқықтық талдау және басқа да әдістер қолданылды. Бұл әдістер бізге тергеуге дейінгі тергеулердің жойылуы нәтижесінде туындаған мәселелерді, соның ішінде процедуралық ауыртпалықтың артуын, негізсіз қозғалған қылмыстық істер санының артуын, ақтау негіздерімен тоқтатылған істер үлесінің артуын және қылмыстық іс жүргізудің бюджеттік шығындарының артуын талдауға мүмкіндік берді. Тергеуге дейінгі тергеу институты сақталған немесе ішінара қалпына келтірілген посткеңестік елдердің заңнамасын салыстырмалы құқықтық талдауға, сондай-ақ ұқсас процедураларды реформалаудағы халықаралық тәжірибені бағалауға ерекше назар аударылады. Зерттеу қазіргі модельді қайта қарастыру және нақты процедуралық ережелермен, шектеулі мерзімдермен және қылмыстық іс жүргізуге қатысушылардың құқықтарын кепілдендірілген құрметтеумен тергеуге дейінгі шолудың жаңартылған түрін енгізу қажеттілігін негіздейді. Қорытындыда қылмыстық қудалаудың тиімділігі мен жеке тұлға құқықтарын қорғауды қатар қамтамасыз ететін қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы хабарламаларды алдын ала құқықтық бағалаудың теңгерімді тетігін қалыптастырудың орындылығы көрсетіледі.

Түйінді сөздер: сотқа дейінгі тексеру, сотқа дейінгі тергеп-тексеру, қылмыстық процесс, қылмыстық қудалау, жеке тұлға құқықтарының кепілдіктері, қылмыстық құқық бұзушылықтарды тіркеу, қылмыстық іс жүргізу заңнамасын реформалау, процессуалдық үнемділік.

Нуртай ИМАНГАЛИЕВ *- кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент), Институт парламентаризма, 100001, Республика Казахстан, г. Астана, проспект Мангилик Ел, 8, e-mail: nurtai_0101@mail.ru.*

ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА И ДОСУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: БАЛАНС МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ГАРАНТИЯМИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется институт доследственной проверки в уголовном процессе Республики Казахстан в контексте его реформирования и трансформации после 2014 года, когда данный этап был исключён из уголовно-процессуальной модели и заменён системой начала досудебного расследования путем регистрации повода в Едином реестре досудебных расследований. Цель исследования изучить сущность доследственной проверки как фильтрационного механизма, обеспечивающего процессуальную экономию и предварительное отсеивание необоснованных поводов о правонарушениях. Применены методы сравнительно-правового анализа, исторический, статистический, системно-правовой, формально-юридический и другие. Данные методы позволили проанализировать проблемы, возникшие в результате упразднения доследственной проверки, включая рост процессуальной нагрузки, увеличение количества необоснованно начатых производством уголовных дел, рост доли прекращённых производств по реабилитирующим основаниям, а также усиление бюджетных издержек уголовного процесса. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу законодательства стран постсоветского пространства, в которых институт доследственной проверки сохраняется либо был частично восстановлен, а также оценке зарубежного опыта реформирования аналогичных процедур. Обосновывается необходимость переосмысления действующей модели и возможного внедрения модернизированной формы доследственной проверки с чёткой процессуальной регламентацией, ограниченными сроками и гарантированным соблюдением прав участников уголовного процесса. Делается вывод о целесообразности формирования сбалансированного механизма предварительной правовой оценки сообщений о преступлениях, обеспечивающего одновременно эффективность уголовного преследования и защиту прав и свобод личности.

Ключевые слова: доследственная проверка, досудебное расследование, уголовный процесс, уголовное преследование, гарантии прав личности, регистрация уголовных правонарушений, реформирование уголовно-процессуального законодательства, процессуальная экономия.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Imangaliev N. Pre-investigation review and pre-trial investigation in Kazakhstan: balancing the effectiveness of criminal prosecution and guarantees of individual rights // Bulletin of KEU. – 2026. – № 3 (82). – С. 111–117.

APA

Imangaliev, N. (2026). Pre-investigation review and pre-trial investigation in Kazakhstan: balancing the effectiveness of criminal prosecution and guarantees of individual rights [in English]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 111–117.

Introduction

The scholarly debate surrounding pre-investigation review in Kazakhstan has been both long-standing and conceptual, reflecting competing approaches to the organisation of criminal proceedings and to balancing the effectiveness of criminal prosecution against safeguards for individual rights. In legal doctrine, pre-investigation review has been regarded as a screening mechanism capable of filtering out unfounded reports of offences at the initial stage, thereby reducing the burden on pre-trial investigation bodies and promoting procedural economy [1, p. 34]. At the same time, conducting verification measures outside formally instituted criminal proceedings inherently entails limited procedural safeguards, uncertainty as to the legal status of the persons involved, and a risk of abuse by law enforcement authorities. These problems conflict with contemporary standards of criminal justice, which prioritise human rights and freedoms [1, p. 131].

The 2014 reform of criminal procedure legislation abolished pre-investigation review and established a model whereby pre-trial investigation commences immediately upon registration of a report in the Unified Register of Pre-Trial Investigations (URPTI). This reform largely reflected a move towards the continental European legal tradition. Nevertheless, the scholarly debate remains relevant despite the formal abolition of the institution, since law enforcement practice continues to involve preliminary assessment activities functionally resembling pre-investigation review. This raises questions concerning the permissible scope of such activities, the need for clear procedural regulation, and the provision of adequate safeguards for the rights of participants in criminal proceedings.

Materials and Methods

The purpose of the study is to examine the nature of pre-investigation review as a screening mechanism that promotes procedural economy and enables the preliminary exclusion of unfounded grounds for reporting offences. It considers doctrinal interpretations of pre-investigation review and its role and significance in reducing the workload of pre-trial investigation bodies.

Through comparative legal analysis of the legislation of post-Soviet states, together with statistical, systemic legal, formal legal and other specialised methods, the authors examine the problems arising from the abolition of pre-investigation review. Particular attention is paid to increased procedural workloads, the growing number of criminal cases commenced without sufficient justification, the rising proportion of proceedings terminated on rehabilitating grounds, and the increased costs of criminal proceedings borne by the public budget.

Results and Discussion

According to E. A. Azimova, when an individual encounters the most coercive form of state power, namely criminal prosecution, that person must know that their constitutional rights are protected. Trust is essential because it is an indicator of the effectiveness of public policy [3].

A. E. Adamov previously argued that eliminating the pre-investigation review stage would adversely affect the allocation of procedural resources. Criminal cases would have to be terminated on a large scale because the absence of a procedure for verifying crime reports would substantially increase the number of criminal cases initiated without sufficient grounds [4, p. 103].

Other scholars, however, considered the institution of formally initiating criminal proceedings as a separate stage of the criminal process to be unjustified. They therefore proposed incorporating all measures carried out during pre-investigation review into the pre-trial investigation stage [5, p. 52]. In particular, L. M. Volodina observed that eliminating pre-investigation review would create conditions for more effective and expeditious action [6, p. 18]. Some Kazakhstani scholars also support this position [7, p. 34].

Under the 1959 Criminal Procedure Code of the Kazakh SSR, the review period was three days and, exceptionally, up to ten days. The 1997 Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan retained this procedure and allowed the head of the inquiry or investigative authority to extend the period, primarily in economic crime cases, to two months, subject to notification of the prosecutor.

This procedure enabled authorities to obtain additional information, conduct inspections and audits, and request documents and other materials before formally initiating a criminal case. It thus provided for preliminary screening of applications and reports and contributed to better-founded procedural decisions.

A comparative examination of the legislation of post-Soviet countries indicates that pre-investigation review continues to operate in most independent states. In particular:

– in Estonia [8] and Tajikistan [9], the review period ranges from three to ten days;

– in Russia [10] and Uzbekistan [11], it ranges from three to thirty days, with the possibility of extension to thirty days;

– in Belarus [12], it ranges from three to ninety days;

– in Lithuania [13], it ranges from thirty to sixty days and may extend to six months in particularly complex cases.

The experience of the Kyrgyz Republic is instructive in this respect. Its criminal procedure reform and introduction of the Unified Register of Crimes established a requirement for an immediate decision on every application.

Practice, however, demonstrated the ineffectiveness of this approach. Pre-investigation review was subsequently reintroduced into the Criminal Procedure Code of Kyrgyzstan for a period of up to ten days, extendable to twenty days [14].

Accordingly, the analysis of selected countries with comparable systems of pre-trial proceedings demonstrates a continuing need for an intermediate screening mechanism between the registration of a report and the commencement of criminal prosecution.

It should be emphasised that the principal aim of the Kazakhstani model was to safeguard citizens' rights through an immediate response to every application or report of a criminal offence. In practice, however, the consequences have been mixed. Whereas the internal affairs bodies received 2,168,525 applications in 2014, the number rose to 2,484,548 in 2024 (+14.6%). Pre-trial investigations were initiated immediately in most cases, many of which were subsequently terminated because the constituent elements of a criminal offence were absent.

Before 2015, a substantial proportion of materials was examined by the various divisions of the internal affairs bodies through pre-investigation review. In 2014, decisions refusing to institute criminal proceedings were issued in respect of 725,424 materials. These decisions were made by district police inspectors (55%), investigators (20%), inquiry officers (11%), operational officers (6.3%), juvenile affairs inspectors (4.2%), traffic police officers (1.7%) and other services (2.6%). Investigators and inquiry officers were therefore primarily engaged in investigating offences, while other divisions carried out verification of applications received by law enforcement agencies.

Under the current Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, pre-trial proceedings begin following registration in the Unified Register of Pre-Trial Investigations and are conducted mainly by investigators and inquiry officers. The workload of the internal affairs bodies in 2024 provides an illustration. A total of 208,000 criminal cases were pending: 121,000 were handled by investigators and 86,000 by inquiry officers. The average caseload was 75.1 cases per investigator, compared with a standard of 42, and 139.3 cases per inquiry officer, compared with a standard of 59. Thus, prescribed workload levels were substantially exceeded. Moreover, 41% of the criminal cases commenced in 2024 (86,000 cases) were terminated because the constituent elements of a criminal offence were absent. This suggests that a considerable proportion of criminal proceedings were, in fact, initiated without sufficient grounds.

By comparison, only 9.6% of cases (33,000) were terminated in 2014, while criminal proceedings were refused in respect of 725,000 materials and 608,000 applications were placed in administrative records [15].

Certain adverse aspects of the system for commencing pre-trial investigations must therefore be considered. Every criminal case requires a full range of procedural actions. Investigative measures, fees paid to defence lawyers, interpreters and specialists, and other expenses are included in procedural costs and are generally covered by public funds. Consequently, state expenditure incurred in establishing circumstances of limited significance has increased markedly.

Official legal statistics provide a further comparison. In 2025, of all registered crimes (146,758), 61,890 criminal cases were terminated on rehabilitating grounds, including the absence of a criminal event or the constituent elements of an offence, which the authors report as 31.6%. In 2014, when law enforcement bodies conducted pre-investigation reviews, only 32,798 cases were terminated on rehabilitating grounds, reported as 8% of all registered criminal offences (377,330).

According to calculations performed with the assistance of artificial intelligence, the minimum procedural costs incurred in investigating a relatively minor criminal case amount to 200,000 tenge. It may therefore be concluded that billions of tenge in public funds spent on pre-trial investigations concerning incidents in which neither

the constituent elements nor even the event of a crime exists are being used inefficiently [16].

Another adverse consequence is the increase in complaints. The registration of virtually every application in the URPTI resulted in a 550% increase in the number of complaints over a ten-year period. Specifically, 3,584 complaints were received in 2014, compared with 23,315 in 2024.

There are also instances of individuals being drawn into criminal proceedings without adequate justification. For example, many applicants, once recognised as victims, insist that the persons they consider responsible be prosecuted even where the criminal case has been terminated because the conduct in question does not constitute a criminal offence. Furthermore, persons who have been recognised as suspects exercise their right to rehabilitation and reimbursement of expenses incurred through participation in criminal proceedings. These circumstances create unfavourable conditions for the entire law enforcement system and place additional psychological pressure on investigating officers.

Ultimately, these problems substantially affect the effectiveness of pre-trial investigations. A considerable share of resources is directed towards establishing the circumstances of cases opened on purely formal grounds, while crimes whose perpetrators are not readily identifiable effectively become a secondary priority. As a result, the internal affairs bodies have more than 1,141,000 suspended cases outstanding, including over 1,136,000 suspended because the person who committed the criminally punishable act has not been identified. These figures indicate structural overload across the criminal prosecution system.

It must nevertheless be acknowledged that pre-investigation review in its former form was far from ideal and suffered from serious shortcomings. These included numerous cases of concealment of crimes, manipulation of statistics, the absence of a clearly defined procedural status for persons involved in the criminal process, judicial findings that certain evidence obtained at that stage was inadmissible, and inadequate regulation of the rights of persons subject to review and their access to legal counsel. Many procedural and investigative actions were also duplicated after the formal initiation of criminal proceedings [17, p. 65].

These difficulties, however, arose from the lack of clear regulatory rules and proper differentiation between categories of materials, rather than from the very concept of preliminary review.

Conclusion

In view of the foregoing, it appears appropriate to consider reinstating pre-investigation review in a modernised form, subject to clear procedural regulation.

In particular, the general time limit for considering an application should remain three days. An extension of up to thirty days should be allowed exclusively for materials requiring inspections, audits or forensic examinations, including cases involving economic offences, misappropriation of public funds, medical matters, workplace accidents, and the discovery of bodies showing no signs of violent death, among others.

An exhaustive list of decisions that may be taken following the review should also be established. The powers of the relevant authorities and the rights of persons subject to review must be clearly defined, including access to defence counsel and the immediate commencement of a pre-trial investigation where a criminal offence is evident. The need to improve this institution, enhance legal certainty for participants in pre-investigation review and protect citizens' constitutional rights has already been emphasised by several scholars [18, p. 400; 19; 20].

Reinstating pre-investigation review while clearly distinguishing it from pre-trial investigation would help eliminate a legal vacuum and create an early screening mechanism for reports and applications containing no indication of criminally punishable conduct. Digitalisation of the procedure and the establishment of a separate register of pre-investigation reviews, with prosecutorial supervision over the time limits and grounds for conducting them, could provide additional transparency.

Introducing such a model would allow workloads to be redistributed and enable investigators to focus again on investigating crimes, reduce the number of criminal proceedings commenced without sufficient grounds, improve the quality of procedural decisions, optimise public expenditure and strengthen public confidence in law enforcement agencies.

The proposal, therefore, is not to restore the previous practice unchanged, but to establish a balanced mechanism for the preliminary legal assessment of applications that would simultaneously protect citizens' rights and sustain the functioning of the criminal prosecution system.

List of literature

1. Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. Том 2. Особенная часть. - Алматы: Жеті Жарғы, 2015. - 944 с.

2. Толеубекова Б.Х. Алогизмы нового Уголовно-процессуального кодекса РК // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Юриспруденция». - 2017. - № 3 (49). - С. 130-135.

3. «Это было лобби олигархов» - почему

казахстанские юристы требуют новый Уголовный кодекс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ulysmedia.kz/analitika/52220-eto-bylo-lobbi-oligarkhov-pochemu-kazakhstanskie-iuristy-trebuiut-novyi-ugolovnyi-kodeks/

4. Адамов А.Е. К вопросу о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. - 2018. - № 49 (235). - С. 103-104.

5. Сереброва С.П. Проблемы реализации досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 1995. - 291 с.

6. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. - Тюмень, 1999. - С. 17-18.

7. Жакупов Б.А., Жамиева Р.М. Доследственная проверка и оперативно-розыскная деятельность: трансформации в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Баримбека Бейсенова. - 2014. - № 3. - С. 34-37.

8. Article 198 of the Criminal Procedure Code of Estonia of 12 February 2003, RT I 2003, 27, 166 [Electronic resource]. Available at: https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked

9. Article 145 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of 3 December 2009 [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/Document/?doc_id=30594304

10. Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 29 December 2025; amendments and additions effective from 20 January 2026) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a3d0f7

11. Article 329 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by Law of the Republic of Uzbekistan of 22 September 1994 No. 2013-XII) [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=30421101&pos=9;448

12. Article 173 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of 16 July 1999 No. 295-Z [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=30414958&pos=12;268

13. Article 197 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Lithuania, approved by Law No. IX-785 of 14 March 2002 [Electronic resource]. Available at: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8195

14. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of 28 October 2021 No. 129 (as amended and supplemented as of 28 July 2026) [Electronic resource]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004

15. Выступление Абенова Б.Н. О доследственной проверке и досудебном расследовании в РК. Материалы Следственного комитета МВД РК. - 02.10.2025 г.

16. Материалы заседания Совета по защите прав предпринимателей и противодействию коррупции Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». - 01.04.2026 г.

17. Картавский П.А. Институт доследственной проверки и возможности своевременного обнаружения и фиксации доказательств // Научный компонент. - 2023. - № 4 (20). - С. 64-76.

18. Замуруева Е.Ю. Процессуальный статус участников доследственной проверки // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 4 (203). - С. 400-401.

19. Лекомцева Е.А. Права и интересы (законные интересы) участников доследственной проверки на стадии возбуждения уголовного дела // Право и правосудие в современном мире: сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции. - Санкт-Петербург, 2025. - С. 1570-1576.

20. Калыкова Д.Е. Отказ от доследственной проверки: анализ части 5 статьи 181 УПК Республики Казахстан как альтернативного механизма // Трансформация юридической науки: взгляд молодых ученых: материалы VIII международной научно-практической конференции. - Астана, 2025. - С. 382-390.

References

1. Kogamov M.CH. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Respubliki Kazahstan 2014 goda. Tom 2. Osobennaya chast'. - Almaty: Zheti Zhargy, 2015. - 944 s.

2. Toleubekova B.H. Alogizmy novogo Ugolovno-processual'nogo kodeksa RK // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya «Yurisprudenciya». - 2017. - № 3 (49). - S. 130-135.

3. «Eto bylo lobbi oligarhov» - pochemu kazahstanskie yuristy trebuyut novyj Ugolovnyj kodeks [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://ulysmedia.kz/analitika/52220-eto-bylo-lobbi-oligarkhov-pochemu-kazakhstanskie-iuristy-trebuiut-novyi-ugolovnyi-kodeks/

4. Adamov A.E. K voprosu o celesoobraznosti stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Molodoj uchenyj. - 2018. - № 49 (235). - S. 103-104.

5. Serebrova S.P. Problemy realizacii dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. - Nizhnij Novgorod, 1995. - 291 s.

6. Volodina L.M. Mehanizm zashchity prav lichnosti v ugolovnom processe. - Tyumen', 1999. - S. 17-18.

7. Zhakupov B.A., Zhamieva R.M. Dosledstvennaya proverka i operativno-rozysknaya deyatel'nost': transformacii v ugolovnom processe Respubliki Kazahstan // Vestnik Karagandinskoj akademii MVD RK im. Barimbeka Bejsenova. - 2014. - № 3. - S. 34-37.

Article 198 of the Criminal Procedure Code of Estonia of 12 February 2003, RT I 2003, 27, 166 [Electronic resource]. Available at: https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked

9. Article 145 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of 3 December 2009 [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/Document/?doc_id=30594304

10. Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 29 December 2025; amendments and

additions effective from 20 January 2026) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a3d0f7

11. Article 329 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by Law of the Republic of Uzbekistan of 22 September 1994 No. 2013-XII) [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=30421101&pos=9;448

12. Article 173 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of 16 July 1999 No. 295-Z [Electronic resource]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=30414958&pos=12;268

13. Article 197 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Lithuania, approved by Law No. IX-785 of 14 March 2002 [Electronic resource]. Available at: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8195

14. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of 28 October 2021 No. 129 (as amended and supplemented as of 28 July 2026) [Electronic resource]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004

15. Vystuplenie Abenova B.N. O dosledstvennoj proverke i dosudebnom rassledovanii v RK. Materialy Sledstvennogo komiteta MVD RK. - 02.10.2025 g.

16. Materialy zasedaniya Soveta po zashchite prav predprinimatelej i protivodejstviyu korrupcii Nacional'noj palaty predprinimatelej Respubliki Kazahstan «Atameken». - 01.04.2026 g.

17. Kartavskij P.A. Institut dosledstvennoj proverki i vozmozhnosti svoevremennogo obnaruzheniya i fiksacii dokazatel'stv // Nauchnyj komponent. - 2023. - № 4 (20). - S. 64-76.

18. Zamurueva E.YU. Processual'nyj status uchastnikov dosledstvennoj proverki // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. - 2025. - № 4 (203). - S. 400-401.

19. Lekomceva E.A. Prava i interesy (zakonnye interesy) uchastnikov dosledstvennoj proverki na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Pravo i pravosudie v sovremennom mire: sbornik nauchnyh statej molodyh issledovatelej Ezhegodnoj vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - Sankt-Peterburg, 2025. - S. 1570-1576.

20. Kalykova D.E. Otkaz ot dosledstvennoj proverki: analiz chasti 5 stat'i 181 UPK Respubliki Kazahstan kak al'ternativnogo mehanizma // Transformaciya yuridicheskoj nauki: vzglyad molodyh uchenyh: materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - Astana, 2025. - S. 382-390.

УДК 342.9
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.012

Жазира ИСКАКОВА *- заң ғылымдарының магистрі, жалпыққұқықтық және арнайы пәндер каферасының аға оқытушысы, Қазтұтынуодағы Қарағанды Университеті, 100009 Қазақстан Республикасы, Қарағанды қаласы, Академическая көшесі, 9-үй, email: jazira_14@mail.ru*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ӘКІМШІЛІК ЖАУАПТЫЛЫҚ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ ЖӘНЕ ОНЫ ЖЕТІЛДІРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Түйін. Мақалада Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтының қазіргі құқықтық жағдайы, оның әкімшілік құқық жүйесіндегі орны және құқық қолдану практикасындағы өзекті мәселелері қарастырылады. Әкімшілік жауаптылық қоғамдық тәртіпті, азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын, жеке және заңды тұлғалардың заңды мүдделерін қорғауды қамтамасыз ететін мемлекеттік мәжбүрлеудің маңызды нысандарының бірі болып табылады. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының Конституциясы, Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі, Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі және сот практикасын реттейтін нормативтік құқықтық актілер талданды. Әкімшілік жауаптылық институтын жетілдіру үшін заңнаманы жүйелеу, әкімшілік жазаларды даралау, цифрлық әкімшілік іс жүргізу кезінде адамның құқықтарын қорғаудың қосымша кепілдіктерін енгізу және құқық қолдану практикасының біркелкілігін қамтамасыз ету жөнінде ұсыныстар беріледі.

Түйінді сөздер: әкімшілік құқық, әкімшілік жауаптылық, әкімшілік құқық бұзушылық, әкімшілік жаза, әкімшілік іс жүргізу, әкімшілік сот ісін жүргізу, құқық қорғау, заңдылық, пропорционалдық, цифрландыру.

Жазира ИСКАКОВА *- магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых и специальных дисциплин, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, улица Академическая, дом 9. email: jazira_14@mail.ru*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается современное правовое состояние института административной ответственности в Республике Казахстан, его место в системе административного права и актуальные проблемы правоприменительной практики. Административная ответственность является одной из важных форм государственного принуждения, обеспечивающей защиту общественного порядка, прав и свобод граждан, законных интересов физических и юридических лиц. В ходе исследования проанализированы Конституция Республики Казахстан, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, а также нормативные правовые акты, регулирующие судебную практику. В целях совершенствования института административной ответственности предлагаются меры по систематизации законодательства, индивидуализации административных взысканий, введению дополнительных гарантий защиты прав человека при осуществлении цифрового административного производства, а также обеспечению единообразия правоприменительной практики.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, административное правонарушение, административное взыскание, административное производство, административное судопроизводство, защита прав, законность, пропорциональность, цифровизация.

Zhazyra ISKAKOVA *- Master of Laws, Senior Lecturer at the Department of General Legal and Special Disciplines, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 9 Akademicheskaya Street, Karaganda, 100009, Republic of Kazakhstan.email: jazira_14@mail.ru*

CURRENT STATE AND PROBLEMS OF IMPROVING THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines the current legal status of the institution of administrative liability in the Republic of Kazakhstan, its place within the system of administrative law, and current problems of law enforcement practice. Administrative liability is one of the important forms of state coercion aimed at ensuring the protection of public order, the rights and freedoms of citizens, and the legitimate interests of individuals and legal entities. The study analyzes the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses, the Administrative Procedural and Process-Related Code of the Republic of Kazakhstan, as well as regulatory legal acts governing judicial practice. In order to improve the institution of administrative liability, measures are proposed to systematize legislation, individualize administrative penalties, introduce additional guarantees for the protection of human rights in digital administrative proceedings, and ensure uniformity in law enforcement practice.

Keywords: administrative law, administrative liability, administrative offense, administrative penalty, administrative proceedings, administrative justice, protection of rights, legality, proportionality, digitalization.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Искакова Ж. Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтының қазіргі жағдайы және оны жетілдіру мәселелері // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 118–125.

APA

Iskakova, Zh. (2026). Current state and problems of improving the institution of administrative liability in the Republic of Kazakhstan [in Kazakh]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 118–125.

Кіріспе

Құқықтық мемлекет жағдайында мемлекеттік биліктің маңызды міндеттерінің бірі – қоғамдық қатынастардың тұрақтылығын қамтамасыз ету және құқық бұзушылықтардың алдын алу. Осы міндетті жүзеге асыруда әкімшілік құқықтың орны ерекше. Әкімшілік құқық мемлекеттік басқару саласындағы қоғамдық қатынастарды реттеумен қатар, азаматтар мен заңды тұлғалардың заң талаптарын сақтауын қамтамасыз ететін құқықтық тетіктерді қалыптастырады.

Әкімшілік жауаптылық осы тетіктердің негізгі элементтерінің бірі болып саналады. Ол құқық бұзушылық жасаған тұлғаға мемлекет атынан белгілі бір құқықтық салдардың қолданылуын көздейді және құқықтық тәртіпті қамтамасыз етуге бағытталады.

Қазақстан Республикасының қолданыстағы конституциялық жүйесінде адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғау мемлекеттің негізгі міндеттерінің бірі ретінде бекітілген. 2026 жылғы 15 наурызда республикалық референдумда қабылданған жаңа Конституция 2026 жылғы 1 шілдеден бастап күшіне енді. Конституция Қазақстан Республикасын демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекет ретінде айқындап, адамды, оның өмірін, құқықтары мен бостандықтарын жоғары құндылық ретінде бекітеді[1].

Конституция Қазақстан Республикасы қызметінің негізгі қағидаттарын едәуір жаңартып, кеңейтті. Бұлардың қатарына Егемендік пен Тәуелсіздікті қорғау, адам құқықтары мен бостандықтарын сақтау, заң мен тәртіп үстемдігін қамтамасыз ету, жалпыұлттық бірлікті нығайту, халықтың әл-ауқатын арттыру, жауапты әрі жасампаз отаншылдық идеясын ілгерілету, қоғамдық диалогты дамыту, еңбексүйгіштік, прогресс және білім құндылықтарын бекіту, жоғары экологиялық мәдениетті қалыптастыру, тарихи-мәдени мұраны сақтау және төл мәдениетті қолдау алғаш рет енгізіліп отыр.

Бұл конституциялық қағидаттар әкімшілік жауаптылық саласында да толық сақталуға тиіс. Себебі әкімшілік жауаптылықты қолдану барысында мемлекеттің мәжбүрлеу өкілеттіктері мен жеке тұлғаның құқықтары тікелей тоғысады. Сондықтан әкімшілік жазаның заңдылығы ғана емес, оның негізділігі, әділеттілігі және жасалған құқық бұзушылыққа сәйкестігі де маңызды.

Материалдар мен әдістер

Қазақстанда әкімшілік құқық бұзушылық туралы негізгі нормативтік акт – 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі. Кодекс әкімшілік құқық бұзушылық туралы заңнаманың негізгі қайнар көзі болып табылады[2].

Сонымен қатар әкімшілік құқықтың қазіргі дамуында әкімшілік рәсімдер мен әкімшілік сот ісін жүргізудің маңызы артып келеді. Бұл сала Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 29 маусымдағы Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексімен реттеледі. Кодекс әкімшілік рәсімдерді жүзеге асыруға және жария-құқықтық дауларды сотта қарауға байланысты қатынастарды реттейді.

Осыған байланысты әкімшілік жауаптылық институтын зерттеу тек әкімшілік жаза мәселесімен шектелмей, азаматтардың мемлекеттік органдармен өзара қарым-қатынасындағы құқықтық кепілдіктерді де қамтуы қажет. ӘРПК-нің 1-бабының 3-бөлігіне сәйкес, егер осы Кодексте өзгеше тәртіп көзделмесе, әкімшілік сот ісін жүргізуде Қазақстан Республикасы Азаматтық процестік кодексінің ережелері қолданылады[3].

Зерттеудің мақсаты – Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтының қазіргі құқықтық жағдайын талдау және оны жетілдірудің негізгі бағыттарын айқындау.

Зерттеу міндеттері:

1. әкімшілік жауаптылықтың құқықтық табиғатын анықтау;
2. әкімшілік жауаптылықтың негізгі қағидаттарын талдау;
3. әкімшілік құқық бұзушылық құрамының ерекшеліктерін қарастыру;

4. әкімшілік жазалардың құқықтық табиғатын зерттеу;
5. әкімшілік жауаптылықты қолданудың қазіргі мәселелерін анықтау;

Зерттеу әдістері ретінде нормативтік-құқықтық актілерді талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс, жүйелік талдау, формальды-заңдық әдіс және құқық қолдану практикасын зерделеу әдістері қолданылды.

Әкімшілік жауаптылық – әкімшілік құқық бұзушылық жасаған тұлғаға уәкілетті мемлекеттік органның немесе лауазымды адамның заңда белгіленген тәртіппен әкімшілік жаза қолдануынан көрінетін заңдық жауаптылықтың ерекше түрі. Әкімшілік жауаптылықтың басты ерекшелігі оның қылмыстық жауаптылықпен салыстырғанда қоғамдық қауіптілігі төмен құқық бұзушылықтарға қолданылуымен байланысты. Алайда бұл оның құқықтық маңызын төмендетпейді. Керісінше, әкімшілік құқық бұзушылықтардың санының көп болуы әкімшілік жауаптылықты мемлекеттік құқықтық тәртіпті қамтамасыз етудің күнделікті әрі кең тараған құралына айналдырады.

Әкімшілік жауаптылықтың негізгі мақсаты тек құқық бұзушыны жазалау емес. Оның құрамында: құқық бұзушылықтың алдын алу; құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету; азаматтар мен ұйымдардың құқықтарын қорғау; құқық бұзушының жаңа құқық бұзушылық жасауына жол бермеу; қоғамдағы құқықтық тәртіпті нығайту сияқты міндеттер бар. Осы тұрғыдан әкімшілік жауаптылықты тек жазалау механизмі ретінде қарастыру жеткіліксіз. Ол профилактикалық және тәрбиелік функцияларды да атқарады.

Қазақстан Республикасының ӘҚБтК-нің жүйесі әкімшілік құқық бұзушылықтардың көптеген түрін қамтиды. ӘҚБтК-нің 6-бабын негізге алатын болсақ, олар қоғамдық тәртіп, меншік, кәсіпкерлік қызмет, қоршаған орта, салық, көлік, еңбек, санитариялық-эпидемиологиялық қауіпсіздік және басқа да салалардағы қатынастарды қорғауға бағытталған[1].

Бұл ретте әкімшілік жауаптылықтың тиімділігі құқық бұзушылықтың көп болуына байланысты жаза санын көбейтумен ғана өлшенбеуі керек. Тиімді әкімшілік саясаттың негізгі көрсеткіші – құқық бұзушылықтардың алдын алу және заң талаптарының сақталуын қамтамасыз ету.

Әкімшілік жауаптылықты қолдану заңдылық, әділеттілік, кінәлілік, даралау және құқықтық кепілдіктер сияқты негізгі қағидаттарға сүйенуге тиіс.

Заңдылық әкімшілік жауаптылықтың негізгі іргелі қағидаты болып табылады. Тұлғаны әкімшілік жауаптылыққа тарту үшін оның әрекеті заңда әкімшілік құқық бұзушылық ретінде нақты көзделуге тиіс. Мемлекеттік орган немесе лауазымды адам заңда көзделмеген негіз бойынша әкімшілік жауаптылық қолдана алмайды. Бұл қағидат құқықтық айқындықты қамтамасыз етеді. Азамат өзінің қандай әрекеті құқық бұзушылық болып саналатынын және ол үшін қандай жауаптылық көзделетінін алдын ала түсіну мүмкіндігіне ие болуы керек.

Әкімшілік жауаптылықтың маңызды элементі – тұлғаның кінәсінің болуы. Құқық бұзушылық үшін жауаптылық қолдану кезінде адамның әрекеті мен оның психикалық қатынасы ескерілуге тиіс. Бұл ретте құқық бұзушылықтың объективтік белгілерін ғана емес, тұлғаның кінәсін де анықтау қажет. Кінәсіз тұлғаны жауаптылыққа тарту құқықтық мемлекет қағидаттарына қайшы келеді.

Әкімшілік жаза жасалған құқық бұзушылықтың сипатына, ауырлығына, келтірілген зиянға және құқық бұзушының жағдайына сәйкес болуы тиіс. Әкімшілік жаза институтында пропорционалдық қағидаты ерекше маңызға ие. Бірдей санкцияны барлық жағдайға механикалық түрде қолдану әрқашан әділетті нәтиже бере бермейді.

Мысалы, формальды түрде бір бапқа жататын құқық бұзушылықтардың нақты қоғамдық зияны әртүрлі болуы мүмкін. Бір жағдайда құқық бұзушылық кездейсоқ сипатта болса, екінші жағдайда қасақана және қайталанып жасалуы мүмкін. Сондықтан санкцияны қолдану кезінде құқық бұзушылықтың нақты мән-жайларын ескеру қажет.

Әкімшілік жауаптылық мәселесін зерттеуде әкімшілік құқық бұзушылық құрамының элементтерін анықтау маңызды. Әкімшілік құқық теориясында құқық бұзушылық құрамы әдетте төрт элементтен тұрады: объект; объективтік жағы; субъект; субъективтік жағы.

Объект – әкімшілік құқық бұзушылық нәтижесінде қол сұғылатын қоғамдық қатынас. Мысалы, жол қозғалысы ережелерін бұзу кезінде көлік қозғалысының қауіпсіздігіне байланысты қоғамдық қатынастар объект ретінде қарастырылады.

Объективтік жағы – құқыққа қайшы әрекет немесе әрекетсіздік, оның салдары, сондай-ақ әрекет пен салдар арасындағы себепті байланыс.

Субъект – әкімшілік құқық бұзушылық жасаған жеке немесе заңда көзделген жағдайда заңды тұлға.

Субъективтік жағы тұлғаның өз әрекетіне

және оның салдарына психикалық қатынасын сипаттайды. Мұнда кінә, сондай-ақ құқық бұзушылықтың жасалу мақсаты мен себептері ескерілуі мүмкін.

Әкімшілік жауаптылықты заңды және негізді қолдану үшін осы элементтердің әрқайсысы тиісті түрде анықталуы қажет. Практикада құқық бұзушылық құрамының жекелеген элементтерін формальды түрде анықтау тұлғаның негізсіз жауаптылыққа тартылуына алып келуі мүмкін. Сондықтан әкімшілік іс бойынша дәлелдемелерді жан-жақты зерттеу ерекше маңызды.

Әкімшілік жазаның түрлері және оларды қолдану мәселелерін қарастырсақ. Әкімшілік жаза – әкімшілік құқық бұзушылық жасаған тұлғаға мемлекет атынан қолданылатын мәжбүрлеу шарасы. Оның мақсаты– құқық бұзушыны жазалау ғана емес, оның жаңа құқық бұзушылықтар жасауына жол бермеу және құқықтық тәртіпті қорғау. Әкімшілік жазалардың ішінде ескерту, айыппұл және заңнамада көзделген өзге де ықпал ету шаралары маңызды орын алады.

Қазақстан Республикасының әкімшілік заңнамасында айыппұл кеңінен қолданылатын санкциялардың бірі болып табылады. Оның басты артықшылығы – құқық бұзушылықтың көптеген түріне қолдануға болатындығы. Сонымен бірге айыппұлдың шамадан тыс жоғары болуы кейбір тұлғалар үшін әлеуметтік және экономикалық тұрғыдан ауыр салдарға әкелуі мүмкін. Сондықтан әкімшілік айыппұл белгілеу кезінде пропорционалдық мәселесі ерекше маңызға ие.

Әкімшілік жазаның әділеттілігі үш деңгейде бағалануы мүмкін: біріншіден, санкцияның заңда белгіленуі; екіншіден, нақты құқық бұзушылыққа сәйкес келуі; үшіншіден, нақты тұлғаның жағдайына қарай дараланууы. Осы үш элементтің сақталуы әкімшілік жауаптылықтың заңдылығын арттырады.

Қазақстандағы әкімшілік құқықтың қазіргі дамуындағы маңызды өзгерістердің бірі – әкімшілік рәсімдерді құқықтық реттеудің күшеюі. 2020 жылы қабылданған Әкімшілік рәсімдік-процестік кодекс әкімшілік рәсімдер мен әкімшілік сот ісін жүргізудің құқықтық негізін қалыптастырды. Кодекс мемлекеттік органдардың әкімшілік шешімдер қабылдау процесін және жария-құқықтық дауларды сотта қараудың тәртібін реттейді. Бұл жерде әкімшілік жауаптылық пен әкімшілік рәсімді бір-бірінен ажырату қажет[3].

Әкімшілік жауаптылық – құқық бұзушылық жасау фактісіне байланысты қолданылатын мемлекеттік мәжбүрлеу шарасы.

Ал әкімшілік рәсім – мемлекеттік орган мен жеке немесе заңды тұлғаның жария-құқықтық қатынастардағы өзара іс-қимыл тәртібі. Олардың айырмашылығына қарамастан, екеуінің арасында ортақ мақсат бар – заңдылықты қамтамасыз ету және тұлғалардың құқықтарын қорғау.

Әкімшілік сот ісін жүргізудің дамуы мемлекеттік органдардың шешімдеріне азаматтар тарапынан сот арқылы бақылау жасау мүмкіндігін күшейтті.

2026 жылғы 9 сәуірде Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының №2 нормативтік қаулысы қабылданып, әкімшілік істер бойынша процестік заңнаманы қолданудың жекелеген мәселелері нақтыланды[4]. Бұл әкімшілік сот практикасының біркелкілігін қамтамасыз ету тұрғысынан маңызды.

Нәтижелер және талқылаулар

Қазақстан Республикасының ӘҚБтК көптеген қоғамдық қатынастар саласындағы құқық бұзушылықтарды қамтиды. Әкімшілік жауаптылықтың кең таралғанын құқық қолдану практикасының статистикалық көрсеткіштері де дәлелдейді. Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің ресми мәліметіне сәйкес, 2025 жылдың басынан бастап республика бойынша 3,7 млн-нан астам әкімшілік құқық бұзушылық анықталған, оның 3,2 млн-нан астамы жол жүрісі қағидаларын бұзуға байланысты болған. Сонымен қатар осы кезеңде 116 004 жаяу жүргіншіге әкімшілік сипаттағы шаралар қолданылған[5].

Аталған көрсеткіштер әкімшілік құқық бұзушылықтардың қоғамдағы кең таралған құқықтық құбылыс екенін көрсетеді. Әкімшілік жауаптылықтың көлік қауіпсіздігі, қоғамдық тәртіп, кәсіпкерлік, салық, экологиялық қауіпсіздік және басқа да көптеген салаларды қамтуы азаматтардың әкімшілік заңнаманы түсінуі мен оны дұрыс қолданудың маңызын арттырады. Қазақстанның әкімшілік заңнамасы тұрақты түрде жаңартылып келеді. 2025–2026 жылдары ӘҚБтК-ге бірқатар өзгерістер мен толықтырулар енгізілді. Атап айтқанда, 2026 жылғы 9 қаңтардағы №257-VIII және 2026 жылғы 10 маусымдағы №302-VIII заңдарымен ӘҚБтК-ге өзгерістер енгізілді[6].

Заңнаманың үнемі өзгеруі қоғамдық қатынастардың дамуына бейімделуге мүмкіндік береді. Алайда нормативтік базаның жиі өзгеруі құқық қолданушылар үшін белгілі бір қиындықтар да туындатуы мүмкін. Осыған байланысты бірнеше негізгі проблеманы атап көрсетуге болады. ӘҚБтК көптеген құқық бұзушылық түрін қамтиды. Кейбір салаларда арнайы нормалар санының көп болуы қарапайым

азаматтың өз құқықтары мен міндеттерін түсінуін қиындатады. Заңнаманың көлемі ұлғайған сайын құқықтық айқындықты қамтамасыз ету мәселесі де өзекті бола түседі.

Әкімшілік жауаптылық саласындағы маңызды мәселелердің бірі – әкімшілік жазаның жасалған құқық бұзушылықтың сипаты мен ауырлығына сәйкестігін қамтамасыз ету. Әкімшілік жаза құқық бұзушыны жазалаудың ғана құралы емес, сонымен қатар құқық бұзушылықтардың алдын алуға және заңдылықты қамтамасыз етуге бағытталған мемлекеттік мәжбүрлеу шарасы болып табылады. Сондықтан жаза тағайындау кезінде оның құқық бұзушылықтың нақты мән-жайларына сай болуы және шамадан тыс болмауы маңызды.

Қазақстан Республикасының Жоғарғы Соты әкімшілік жаза тағайындау кезінде жазаны дараландыру қағидатын қатаң сақтау қажеттігін атап көрсетеді. Соттардың әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша қаулы шығаруына қатысты нормативтік қаулыда санкцияда жазаның баламалы түрлері көзделген жағдайда, сот құқық бұзушылықтың сипаты мен қоғамдық қауіптілік дәрежесін, сондай-ақ кінәлінің жеке басына қатысты нақты мән-жайларды ескеруге тиіс екендігі көрсетілген. Сонымен қатар соттың тек «кінәлінің жеке басын ескере отырып» деген жалпы тұжырыммен шектелуі жеткіліксіз екені белгіленген.

Пропорционалдылық мәселесі әкімшілік айыппұл тағайындау кезінде де ерекше маңызға ие. Қолданыстағы құқықтық реттеу белгілі бір жағдайларда әкімшілік айыппұл мөлшерін қысқартуға мүмкіндік береді. Жоғарғы Соттың түсіндірулеріне сәйкес, ӘҚБтК-нің 829-11-бабы негізінде айыппұл мөлшерін қысқарту кезінде қысқартудың жоғарғы шегі әкімшілік айыппұлдың жалпы сомасының 30 пайызынан аспауға тиіс. Бұл механизм жаза тағайындау кезінде нақты істің мән-жайларын ескеруге мүмкіндік беретін құқықтық кепілдіктердің бірі болып табылады.

Құқық қолдану практикасында жаза мөлшерінің құқық бұзушылықтың нақты сипатына сәйкес келмеуі немесе құқық бұзушының жеке басына қатысты мән-жайлардың ескерілмеуі жоғары тұрған сот сатысында сот актісінің өзгертілуіне немесе күшін жоюына әкелуі мүмкін. Мысалы, 2026 жылғы 5 наурыздағы әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша кассациялық сот бірінші және апелляциялық сатылардың құқық бұзушылықты дұрыс саралағанын мойындай отырып, жаза тағайындау кезінде істің мән-жайлары мен құқық бұзушының жеке басына қажетті назар аударылмағанын атап өткен[7].

Осыған байланысты әкімшілік жазаның пропорционалдылығын қамтамасыз ету үшін жаза тағайындау кезінде кемінде төрт факторды кешенді түрде бағалау қажет: құқық бұзушылықтың сипаты, оның қоғамдық қауіптілік дәрежесі, келтірілген зиянның мөлшері және құқық бұзушының жеке басына қатысты мән-жайлар**.**

Әкімшілік жазаның шамадан тыс қатаң болуы азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделеріне негізсіз шектеу қою тәуекелін арттыруы мүмкін. Керісінше, тым жеңіл жаза құқық бұзушылықтың алдын алу және құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету мақсаттарына толық сәйкес келмеуі ықтимал. Сондықтан әкімшілік жауаптылық жүйесінде жазаның заңдылығы мен бұлтартпастығын оның әділеттілігі және пропорционалдылығымен ұштастыру қажет.

Кейбір құқық бұзушылықтар бойынша белгіленген айыппұл мөлшері тұлғаның нақты жағдайына сәйкес келе бермеуі мүмкін.

Сондықтан заң шығарушы санкцияларды қайта қарау кезінде құқық бұзушылықтың қоғамдық қауіптілігімен қатар, құқық бұзушының экономикалық және әлеуметтік жағдайын ескеруге мүмкіндік беретін механизмдерді дамытуы қажет.

Қазіргі уақытта көптеген әкімшілік құқық бұзушылықтар цифрлық жүйелер арқылы анықталуы мүмкін. Цифрлық технологиялар әкімшілік құқық қолданудың тиімділігін арттырады. Сонымен бірге автоматтандырылған жүйелердің шешімдері адамның құқықтары мен заңды мүдделеріне әсер етуі мүмкін.

2025 жылғы 11 қарашадан бастап мемлекеттік кірістер органдары әкімшілік істерді ӘІБТ-де электрондық форматта толық жүргізуге көшті. Ал жол қозғалысы саласында құқық бұзушылықтарды автоматты тіркеу кеңінен қолданылады[8].

Әкімшілік істерді электрондық форматта жүргізу, құқық бұзушылықтарды автоматты түрде тіркеу және мемлекеттік ақпараттық жүйелерді өзара интеграциялау әкімшілік өндірістің жеделдігі мен тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Сонымен бірге цифрландыру адамның құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудың жаңа тетіктерін қалыптастырумен қатар, оларды қамтамасыз етудің қосымша кепілдіктерін талап етеді.

Қазақстан Республикасында әкімшілік құқық бұзушылық туралы істерді цифрландырудың негізгі құралдарының бірі – Әкімшілік іс жүргізудің бірыңғай тізілімі (ӘІБТ)**.** Қолданыстағы қағидаларға сәйкес, ӘІБТ әкімшілік құқық бұзушылықтар, оларды жасаған

адамдар және қабылданған шешімдер туралы мәліметтерді қамтитын, сондай-ақ әкімшілік құқық бұзушылық туралы істерді электрондық нысанда жүргізуге мүмкіндік беретін ақпараттық жүйе болып табылады. 2026 жылғы өзгерістермен электрондық іс материалдарымен танысу және оларды электрондық көшірме түрінде алу мүмкіндіктері де нақтыланған.

Цифрландырудың тағы бір маңызды бағыты – мемлекеттік органдардың ақпараттық жүйелерін интеграциялау. Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитет әкімшілік процесті цифрландыру шеңберінде ӘІБТ-ні көліктік деректер базаларымен интеграциялау жұмыстарын жүргізіп жатқанын хабарлаған. Мұндай интеграция болашақта адамның тікелей қатысуынсыз әкімшілік құқық бұзушылықтарды автоматты түрде анықтау және тиісті процестік шешімдерді шығару мүмкіндігін кеңейтеді.

Осыған байланысты цифрлық әкімшілік өндірістің тиімділігі тек құқық бұзушылықтарды жылдам анықтаумен өлшенбеуі тиіс. Оның маңызды көрсеткіші – адамның құқықтарын қорғау кепілдіктерінің сақталуы**.** Автоматтандырылған жүйе техникалық құрал ретінде қолданылғанымен, оның нәтижесінде қабылданған шешімнің заңдылығы мен негізділігіне адам тарапынан бақылау жасау мүмкіндігі сақталуы қажет.

Жүргізілген талдау негізінде Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтын жетілдірудің бірнеше бағытын ұсынуға болады.

Бірінші бағыт – әкімшілік заңнаманы жүйелеу. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы нормалардың жүйелілігі мен өзара сәйкестігін тұрақты түрде талдау қажет. Әртүрлі кезеңдерде қабылданған өзгерістердің жинақталуы құқықтық қайшылықтарға немесе бір-бірін қайталайтын нормалардың пайда болуына әкелуі мүмкін. Сондықтан ӘҚБтК-не жүйелі түрде құқықтық мониторингтен өткізу қажет.

Екінші бағыт – санкциялардың пропорционалдылығын қамтамасыз ету. Әкімшілік жаза құқық бұзушылықтың нақты сипатына сәйкес болуы керек. Заңнамада мүмкіндік болған жағдайда: ескерту; төмендетілген айыппұл; айыппұлды төлеудің икемді тәртібі; қайталанған құқық бұзушылық үшін қатаңдатылған жауаптылық сияқты сараланған тәсілдерді қолдану тиімді.

Үшінші бағыт – әкімшілік жауаптылықтың профилактикалық функциясын күшейту. Құқық бұзушылықпен күресте тек жаза қолдануға сүйену жеткіліксіз. Мемлекеттік органдар құқық бұзушылықтардың себептері мен жағдайларын зерттеп, профилактикалық шараларды күшейтуі керек. Мысалы, жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтар бойынша тек айыппұл салу емес, құқықтық түсіндіру, жол инфрақұрылымын жақсарту және цифрлық ескерту жүйелерін дамыту да маңызды.

Төртінші бағыт – цифрлық әкімшілік іс жүргізудің кепілдіктерін дамыту. Әкімшілік құқық қолдануда цифрлық технологияларды пайдалану кезінде адамның құқықтарын қорғауға бағытталған арнайы рәсімдік кепілдіктер қажет. Атап айтқанда, автоматтандырылған жүйе негізінде қабылданған шешімнің заңдылығын адам тарапынан қайта тексеру мүмкіндігі болуы тиіс.

Бесінші бағыт – сот практикасының біркелкілігін қамтамасыз ету. Әкімшілік істер бойынша сот практикасын тұрақты талдау, қорытындылау және құқық қолданушыларға түсіндіру құқықтық айқындықты арттырады. 2026 жылғы Жоғарғы Соттың әкімшілік істер бойынша процестік заңнаманы қолдануға қатысты нормативтік қаулысы осы бағыттағы құқықтық түсіндірудің маңызын көрсетеді.

Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасының әкімшілік жауаптылық институтын жетілдіру үшін төмендегі ұсыныстарды ұсынамыз:

1. ӘҚБтК нормаларына тұрақты құқықтық мониторинг жүргізу. Осы мақсатта ӘҚБтК нормалары бойынша тұрақты мониторинг жүргізудің бірыңғай тетігін қалыптастырып, оның нәтижелері бойынша проблемалық нормалардың тізбесін жасау және оларды жетілдіру жөнінде заңнамалық ұсыныстар әзірлеу ұсынылады. Бұл әкімшілік заңнаманың тұрақтылығын, жүйелілігін және құқықтық айқындығын арттырып, құқық қолдану практикасындағы қайшылықтарды уақтылы анықтауға және жоюға мүмкіндік береді. Бұл ұсыныс қолданыстағы құқықтық мониторинг жүйесіне толық сәйкес келеді: 2026 жылдан қолданыстағы Қағидалар мониторинг барысында қайшылықтарды, қайталануларды, олқылықтарды, ескірген және тиімсіз нормаларды анықтауды, сондай-ақ нормативтік реттеуді жетілдіру жөнінде ұсынымдар әзірлеуді тікелей көздейді.

2. Әкімшілік жазаларды даралау механизмдерін күшейту. Мұнда басты назар — жазаны автоматты түрде емес, нақты құқық бұзушылықтың мән-жайларына қарай таңдауға аударылады. әкімшілік жазаны даралау кезінде ескерілетін мән-жайларды заңнамада неғұрлым нақтылау және оларды бағалаудың бірыңғай өлшемдерін қалыптастыру орынды. Әсіресе әкімшілік құқық бұзушылықтың алғаш рет

жасалуы, келтірілген зияннның мөлшері, құқық бұзушылықтың салдарын ерікті түрде жою, келтірілген залалды өтеу, кінәні мойындау және құқық бұзушылықтың ауыр зардаптарға әкеп соқпауы сияқты мән-жайларды жазаны таңдауда нақты ескерудің маңызы жоғары. Қолданыстағы заңнамада әкімшілік айыппұл мөлшерін белгілі бір жағдайларда қысқарту мүмкіндігі де көзделген. ӘҚБтК-нің 829-11-бабы бойынша сот анықталған мән-жайларды ескере отырып, әкімшілік айыппұл мөлшерін қысқартуға құқылы, бұл ретте қысқарту айыппұлдың жалпы сомасының отыз пайызынан аспауға тиіс[2].

Алайда әкімшілік жазаларды даралау тек айыппұл мөлшерін азайтумен шектелмеуі қажет. Санкцияларда жазаның баламалы түрлері көзделген жағдайларда құқық бұзушылықтың нақты сипатына сәйкес келетін неғұрлым әділ және пропорционалды жазаны таңдаудың өлшемдерін жетілдіру маңызды. Бұл ретте жазаның құқық бұзушыға келтіретін ауыртпалығы мен құқық бұзушылықтың қоғамдық қауіптілік деңгейінің арақатынасы ескерілуі тиіс.

Осыған байланысты әкімшілік жазаларды даралау механизмдерін күшейту үшін, біріншіден, жеңілдететін және ауырлататын мән-жайларды бағалаудың нақты өлшемдерін жетілдіру; екіншіден, баламалы әкімшілік жазаларды таңдаудың бірыңғай ұсынымдарын әзірлеу; үшіншіден, әкімшілік жаза тағайындау туралы шешімдерде оны таңдаудың нақты уәждерін көрсету талабын күшейту ұсынылады. Мұндай шаралар әкімшілік жауаптылықтың жазалаушылық сипатын сақтай отырып, оның әділеттілік, пропорционалдылық және дараландыру қағидаттарына сәйкес қолданылуын қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

3. Цифрлық әкімшілік өндірісте адам бақылауын сақтау. Мұнда цифрландыруды жоққа шығару емес, автоматтандырылған шешімнің үстінен адам тарапынан құқықтық бақылау болуы негізгі идея болуы керек.

Автоматтандырылған жүйенің құқық бұзушылықты тіркеуі мен адамның әкімшілік жауаптылыққа тартылуы арасында құқықтық бақылау тетігі болуы қажет. Техникалық құралдың қателігі, көлік құралын нақты басқарған тұлға мен оның меншік иесінің сәйкес келмеуі, деректердің дұрыс сәйкестендірілмеуі немесе цифрлық дәлелдемелердің толық болмауы сияқты жағдайлар әкімшілік жауаптылық мәселесіне тікелей әсер етуі мүмкін. Осыған байланысты автоматты түрде қалыптастырылған деректерді заңдылық, дұрыстық және жеткіліктілік тұрғысынан тексеру мүмкіндігі қамтамасыз етілуі тиіс. ӘҚБтК-нің қолданыстағы нормаларының өзінде көлік құралының меншік иесін белгілі бір жағдайларда әкімшілік жауаптылықтан босату мүмкіндігі көзделген, бұл автоматты фиксация кезінде адамның нақты мән-жайларын ескерудің маңызын көрсетеді. Осыған байланысты цифрлық әкімшілік өндірісті одан әрі жетілдіру кезінде «автоматтандыру – адам бақылауын алмастырмауы тиіс» деген қағидатты басшылыққа алу ұсынылады.

Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институты қоғамдық тәртіпті, азаматтардың құқықтарын және мемлекеттің заңмен қорғалатын мүдделерін қорғаудың маңызды құқықтық құралдарының бірі болып табылады. Әкімшілік жауаптылықтың тиімділігі тек құқық бұзушыларға жаза қолданумен өлшенбеуі керек. Оның негізгі мақсаты – құқық бұзушылықтардың алдын алу, құқықтық тәртіпті нығайту және қоғамдағы заңдылықты қамтамасыз ету.

Осы ұсыныстарды іске асыру әкімшілік заңнаманың жүйелілігі мен тұрақтылығын арттыруға, әкімшілік жазалардың әділдігі мен пропорционалдылығын қамтамасыз етуге, құқық қолдану практикасындағы қайшылықтарды азайтуға және цифрлық әкімшілік өндіріс жағдайында адамның құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.

Қорыта келе, Қазақстан Республикасындағы әкімшілік жауаптылық институтын жетілдіру тек жекелеген құқықтық нормаларды өзгерту арқылы емес, заңнаманы жүйелеу, құқық қолдану практикасының біркелкілігін қамтамасыз ету, әкімшілік жазаларды даралау және цифрландыру жағдайында адам құқықтарын қорғау кепілдіктерін күшейтуді қамтитын кешенді тәсіл негізінде жүзеге асырылуы тиіс. Мұндай тәсіл әкімшілік жауаптылықтың жазалаушылық сипаты мен оның құқық қорғаушылық және профилактикалық функциялары арасындағы теңгерімді қамтамасыз етіп, Қазақстан Республикасында заңдылық пен құқықтық тәртіпті одан әрі нығайтуға ықпал етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 2026 жылғы 15 наурызда республикалық референдумда қабылданған. [Электронды ресурс] Кіру режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

2. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 5 шілдедегі №235-V ҚРЗ Кодексі. [Электронды ресурс] Кіру режимі:https://adilet.zan.kz/

3. Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі. Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 29 маусымдағы №350-VI Кодексі.

4. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2026 жылғы 9 сәуірдегі №2 нормативтік қаулысы «Әкімшілік істер бойынша процестік заңнаманы қолданудың кейбір мәселелері туралы».

5. Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі. Құқық бұзушылықтардың алдын алу жылы: азаматтардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету бойынша ІІМ шаралары. – 2025. – [Электронды ресурс] Кіру режимі: https://www.gov.kz сайтындағы ІІМ-нің ресми материалы

6. «Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексіне өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының 2026 жылғы 9 қаңтардағы №257-VIII ҚРЗ Заңы. [Электронды ресурс] Кіру режимі: https://pavlodar.com/zakon/sot/1f03484a5c4fef384b8e03e4558d83be?utm_source=chatgpt.com

7. Қазақстан Республикасының нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». – Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі. [Электронды ресурс] Кіру режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P180000005S?utm_source=chatgpt.com

8. Құқықтық мониторинг жүргізу қағидалары — «Әділет» [Электронды ресурс] Кіру режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2300033069?utm_source=chatgpt.com

References:

1. Qazaqstan Respublikasynyń Konstïtýtsïyasy. 2026 jylǵy 15 nauryzda respýblïkalyq referendýmda qabyldanǵan. [Electronic resource] Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

2. Qazaqstan Respublikasynyń Äkimşilik quqyq buzuşylyq týraly kodeksi. Qazaqstan Respublikasynyń 2014 jylǵy 5 şildedegi №235-V QRZ Kodeksi. [Electronic resource] Access mode: https://adilet.zan.kz/

3. Qazaqstan Respublikasynyń Äkimşilik räsimdik-protsestik kodeksi. Qazaqstan Respublikasynyń 2020 jylǵy 29 maýsımdaǵy №350-VI Kodeksi.

4. Qazaqstan Respublikasy Joǵarǵy Sotynyń 2026 jylǵy 9 säýirdegi №2 normatïvtik qaýlysysy «Äkimşilik ister boiynşa protsestik zańnamany qoldanýdyń keibir mäseleleri týraly».

5. Qazaqstan Respublikasy İşki ister mïnïstrligi. Qūqyq buzuşylyqtardyń aldyn alý jyly: azamattardyń qaýipsizdigin qamtamasyz etý boiynşa İİM şaralary. – 2025. – [Electronic resource] Access mode: https://www.gov.kz saityndaǵy İİM-niń resmï materïaly.

6. «Qazaqstan Respublikasynyń Äkimşilik quqyq buzuşylyq týraly kodeksine özgertýler men tolyqtyrýlar engizý týraly» Qazaqstan Respublikasynyń 2026 jylǵy 9 qańtardaǵy №257-VIII QRZ Zańy. [Electronic resource] Access mode: https://pavlodar.com/zakon/sot/1f03484a5c4fef384b8e03e4558d83be

7. Qazaqstan Respublikasynyń normatïvtik quqyqtyq aktileriniń aqparattyq-quqyqtyq jüiesi «Ädilet». – Qazaqstan Respublikasy Ädilet mïnïstrligi. [Electronic resource] Access mode: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P180000005S

9. Qūqyqtyq monïtorïng jürgizý qaǧïdalary — «Ädilet» [Electronic resource] Access mode: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2300033069

УДК: 343.14:343.575
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.013

Жанатбек ҚАНАТБЕКҰЛЫ *– философия докторы (PhD), Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы, Қосымша білім беру факультеті, Есірткі қылмыстарына қарсы іс-қимыл бойынша мамандарды даярлау жөніндегі ведомствоаралық орталықтың бастығы, 050060, Қазақстан, Алматы қаласы, Бостандық ауданы, Өтепов көшесі, 29, e-mail: jako11111@mail.ru;*

ЕСІРТКІ ҚЫЛМЫСТЫЛЫҒЫНЫҢ ТЕТІГІНДЕГІ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ: ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА АНЫҚТАУ, ДӘЛЕЛДЕУ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ВЕРИФИКАЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Түйін. Мақалада есірткі құралдары мен психотроптық заттардың заңсыз айналымы тетігінде жасанды интеллект жүйелерін қолдануға байланысты қылмыстық-құқықтық, қылмыстық-процестік және криминалистикалық мәселелер зерттеледі. Зерттеудің өзектілігі байланыссыз есірткі өткізу тәсілдерінің, есірткі бизнесінің цифрлық инфрақұрылымының және генеративтік әрі талдамалық жасанды интеллект жүйелерінің бір мезгілде дамуымен айқындалады. Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасы, 2026–2028 жылдарға арналған нашақорлыққа және есірткі бизнесіне қарсы күрес жөніндегі кешенді жоспар, отандық ғалымдардың еңбектері және құқық қорғау органдарының ресми материалдары негізінде кәдімгі цифрлық технологияны, алгоритмдік автоматтандыруды және жасанды интеллект жүйесін ажырату қажеттілігі негізделеді. Мәтіннің, кескіннің немесе чат-бот әрекетінің сыртқы ерекшелігі ЖИ қолданылды деген түпкілікті қорытынды үшін жеткіліксіз екені көрсетіледі. Ғылыми жаңалық ЖИ рөлін қылмыстық-процестік верификациялаудың функционалдық моделін ұсынудан көрінеді: жүйе немесе сервис, нақты пайдаланушы, орындалған функция, алынған нәтиже және оның нақты қылмыстық эпизодпен байланысы дәйекті түрде анықталуға тиіс. Материалдық, цифрлық және қаржылық іздерді біріктіретін үш контурлы дәлелдеу моделі ұсынылады. ЖИ пайдалану есірткі қылмысының дербес саралаушы белгісіне автоматты түрде айналмауға тиіс,

құқықтық баға нақты қылмыс құрамының белгілеріне сүйенуі қажет деген қорытынды жасалады. Цифрлық іздерді тіркеудің ведомстволық стандарттарын біріздендіру, «ЖИ белгісі / ЖИ қолданылуы расталды» мәртебелерін енгізу, қызметкерлердің арнайы даярлығын дамыту және құқық қорғау органдары қолданатын ЖИ нәтижелерін міндетті процестік тексеру жөнінде ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, есірткі қылмыстылығы, есірткінің заңсыз айналымы, цифрлық дәлелдемелер, қылмыстық сот ісін жүргізу, цифрлық іздер, интернет арқылы есірткі өткізу, дәлелдеу, сот сараптамасы, Қазақстан Республикасы.

Жанатбек ҚАНАТБЕКҰЛЫ *– доктор философии (PhD), Начальник Межведомственного центра по подготовке специалистов по противодействию наркопреступности, Факультет дополнительного образования, Алматинская академия МВД РК имени М.Есбулатова, 050060, Казахстан, Алматы, Бостандыкский район ул. Утепова 29, e-mail: jako11111@mail.ru;*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕХАНИЗМЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ДОКАЗЫВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ВЕРИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы, возникающие при использовании систем искусственного интеллекта в механизме незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Актуальность исследования определяется одновременным развитием бесконтактного наркосбыта, цифровой инфраструктуры наркобизнеса и доступности генеративных и аналитических систем искусственного интеллекта. На основе действующего законодательства Республики Казахстан, Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом на 2026–2028 годы, отечественных научных исследований и официальных материалов правоохранительных органов обосновывается необходимость разграничения обычной цифровой технологии, алгоритмической автоматизации и собственно системы искусственного интеллекта. Показано, что внешняя необычность текста, изображения или поведения чат-бота не образует достаточного основания для вывода об использовании ИИ. Научная новизна состоит в разработке функциональной модели уголовно-процессуальной верификации роли ИИ, включающей последовательное установление системы, фактического пользователя, выполняемой функции, полученного результата и его связи с конкретным эпизодом преступной деятельности. Предлагается трехконтурная модель доказывания, объединяющая материальные, цифровые и финансовые следы. Обосновывается, что использование ИИ не должно механически превращаться в самостоятельный квалифицирующий признак наркопреступления, уголовно-правовая оценка определяется признаками конкретного состава, а технология получает доказательственное значение через установленную связь с подготовкой, совершением или сокрытием деяния. Сформулированы предложения по унификации ведомственных стандартов фиксации цифровых следов, введению статуса «признак ИИ / подтвержденное использование ИИ», развитию специальной подготовки сотрудников и процессуальной верификации результатов применения ИИ правоохранительными органами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, цифровые доказательства, уголовное судопроизводство, цифровые следы, интернет-наркосбыт, доказывание, судебная экспертиза, Республика Казахстан.

Zhanatbek KANATBEKULY – *Doctor of Philosophy (PhD), Head of the Interdepartmental Center for Training Specialists in Combating Drug-Related Crime, Faculty of Additional Education, M. Esbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 050060, Kazakhstan, Almaty, Bostandyk District, 29 Utepov Street, e-mail: jako11111@mail.ru;*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MECHANISM OF DRUG CRIME: PROBLEMS OF DETECTION, PROOF AND CRIMINAL-PROCEDURAL VERIFICATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines criminal-law, criminal-procedural and forensic problems arising from the use of artificial intelligence systems within mechanisms of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The relevance of the study is determined by the simultaneous expansion of contactless drug distribution, the digital infrastructure of illicit drug markets and the accessibility of generative and analytical AI systems. Drawing on the current legislation of the Republic of Kazakhstan, the Comprehensive Plan on Combating Drug Addiction and Drug Trafficking for 2026–2028, Kazakhstani scholarship and official law-enforcement materials, the article substantiates the need to distinguish ordinary digital technologies, algorithmic automation and AI proper. It is argued that unusual text, images or chatbot behaviour cannot by themselves establish the use of AI. The scientific novelty lies in a functional model for criminal-procedural verification of the role of AI, requiring proof of the system or service, the actual user, the function performed, the result produced and its connection with a specific criminal episode. A three-contour evidentiary model combining material, digital and financial traces is proposed. The article further argues that the use of AI should not mechanically become an autonomous qualifying circumstance of a drug offence; criminal-law assessment must remain based on the elements of the specific offence, while the technology acquires evidentiary significance only

through a proven functional link with preparation, commission or concealment. Proposals are formulated on unified departmental standards for documenting digital traces, differentiated procedural statuses of an “AI indicator” and “confirmed AI use”, specialised training of law-enforcement personnel and mandatory procedural verification of outputs generated by AI tools used by public authorities.

Keywords: artificial intelligence, drug crime, illicit drug trafficking, digital evidence, criminal proceedings, digital traces, online drug distribution, proof, forensic examination, Republic of Kazakhstan.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Қанатбекұлы Ж., Есірткі қылмыстылығының тетігіндегі жасанды интеллект: Қазақстан Республикасында анықтау, дәлелдеу және қылмыстық-процестік верификация мәселелері // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 125–142.

APA

Kanatbekuly, Zh. (2026). Artificial intelligence in the mechanism of drug crime: problems of detection, proof and criminal-procedural verification in the Republic of Kazakhstan [in Kazakh]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 125–142.

Кіріспе

Есірткінің заңсыз айналымының цифрлық трансформациясы қатысушылар арасындағы коммуникация арналарына ғана емес, дәлелдемелік ақпараттың құрылымына да өзгеріс енгізді. Дәстүрлі модельде негізгі мәнге есірткі құралы, оның анықталған жері, қатысушылардың айғақтары, жедел-іздестіру қызметінің және тергеу әрекеттерінің нәтижелері ие. Заманауи модельде бұларға аккаунттар, хат-хабарлар, цифрлық файлдар, бұлтты сервистер, төлем құралдары, криптоактивтер, желілік идентификаторлар және уақыт белгілері қосылды. Жасанды интеллект жүйелерінің таралуына қарай күрделіліктің тағы бір деңгейі пайда болады, яғни тергеу үшін цифрлық ортаның пайдаланылған фактісін ғана емес, нақты технологияның қылмыстық құқық бұзушылықты дайындауда, жасауда немесе жасыруда атқарған функционалдық рөлін анықтау қажет.

Қазақстан үшін бұл тек болжамдық сипаттағы мәселе ғана емес. 2026–2028 жылдарға арналған нашақорлық пен есірткі бизнесіне қарсы іс-қимыл жөніндегі кешенді жоспар есірткі қылмысының киберкеңістікке ауысуын, криптовалюталарды және есірткіні өткізудің байланыссыз тәсілдерін пайдалануды атап көрсетеді. Сонымен қатар онда құқыққа қайшы контентті мониторингтеу және бұғаттау үшін жасанды интеллект пен машиналық оқыту элементтері бар бағдарламалық кешендерді енгізу, сондай-ақ қатарлас қаржылық тергеп-тексерулер жүргізу және электрондық транзакцияларды қадағалау көзделген [1]. Осылайша, мемлекеттік саясат бір технологияның екі қырымен қатар бетпе-бет келеді, жасанды интеллект құқық қорғау органдарының талдау құралына айналуда, сонымен бірге қылмыстық құрылымдар оны цифрлық операцияларды генерациялау, бейімдеу және ауқымын кеңейту үшін пайдалануы мүмкін.

Мәселенің өзектілігі қазіргі заманғы есірткі нарығының ерекшеліктерімен күшейе түседі. Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің 2026 жылғы ресми материалдарында есірткінің заңсыз айналымына тартылған интернет-контенттің, қаржылық операциялардың және цифрлық инфрақұрылымның елеулі көлемі көрсетілген [2]. Бұдан бөлек құқық қорғау органдары операторларды, курьерлерді, есірткі тасымалдаушыларды, логистерді және басқа да қатысушыларды цифрлық арналар арқылы қашықтан тарту схемаларын анықтауда [3]. Бұл деректердің негізінде әрбір осындай жағдайда жасанды интеллект қолданылды деп автоматты түрде тұжырым жасауға болмайды. Алайда олардың генеративтік және аналитикалық құралдардың қылмыстық инфрақұрылымның бір бөлігіне айналуы объективті түрде мүмкін болатын ортаны көрсетеді.

Қазақстанда құқықтану саласында жасанды интеллекттің қарқынды дамуына байланысты жаңа ғылыми бағыттар мен зерттеулер қалыптасуда. А.М. Майтанов пен Т.Н. Сулейменов есірткі қылмыстарын тергеп-тексеру кезінде технологияларды қолданудың даму мүмкіндіктерін талдап, технологиялық жетістіктерді тергеу қызметінің тиімділігін арттырумен байланыстырады [4, 116–124-бб.]. А.Б. Сакенова, Т.Н. Сулейменов және Д.А. Уакасов интернет желісінің көмегімен жасалатын есірткінің заңсыз айналымын ашу және тергеп-тексеру ерекшеліктерін зерттеп, қазіргі есірткі қылмысының цифрлық сипатына назар аударады [5, 122–127-бб.]. Б.Б. Сарсенбаева қылмыстық-процестік дәлелдеудегі жасанды интеллектті қарастырып, процестік қызметті технологиялық нәтижемен алмастыруға

жол бермеу қажеттігін айтады [6, 127–131-бб.]. Бұл ұстанымдар маңызды ғылыми негіз қалыптастырады, алайда олар негізінен жасанды интеллектті мемлекеттің құралы немесе тергеуді жалпы цифрландырудың элементі ретінде сипаттайды.

Әзірге жеткілікті деңгейде зерттелмеген мәселе— есірткі қылмысына қатысушының жасанды интеллектті пайдаланғанын қандай тәсілдермен дәлелдеуге болатыны және мұндай мән-жайға қандай құқықтық мағына берілуі тиіс екендігі. Практика деңгейінде шартты түрде «ЖИ-инфляциясы» деп атауға болатын әдіснамалық қате туындауы мүмкін: кез келген күрделі бағдарламалық шешім, чат-бот, автоматтандырылған тарату жүйесі, ерекше бейнематериал немесе біртекті жарияланымдардың үлкен көлемі жасанды интеллектті қолданудың көрінісі ретінде қате бағалануы ықтимал. Мұндай тәсіл технологиялық тұрғыдан дәл емес және процестік тұрғыдан қауіпті, өйткені ол болжамды анықталған факт ретінде көрсетіп, дәлелдеу нысанасына шын мәнінде кіретін мән-жайлардан назарды алшақтатады.

Қазақстан Республикасының «Жасанды интеллект туралы» заңы жасанды интеллект саласындағы дербес нормативтік-құқықтық контурды қалыптастырып, жасанды интеллект жүйелерін жасауға, ұсынуға және пайдалануға қатысты негізгі ұғымдар мен қағидаттарды белгіледі [7]. Алайда арнайы заңның болуы қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнамада автоматты түрде арнайы «ЖИ-құрамының» немесе дәлелдемелердің ерекше режимінің пайда болғанын білдірмейді. Есірткінің заңсыз айналымы саласында бастапқы негіз Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі бойынша нақты іс-әрекетті саралау болып қала береді [8], ал цифрлық технология туралы мәліметтер Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінде белгіленген дәлелдемелерді жинаудың, бекітудің, зерттеудің және бағалаудың жалпы қағидалары жүйесінде бағаланады [9]. Технологиялық ерекшелік пен дәстүрлі дәлелдемелік нысанның түйісу нүктесінде осы зерттеудің негізгі мәселесі туындайды.

Зерттеудің ғылыми гипотезасы цифрлық ортада жасанды интеллекттің абстрактілі түрде болғаны емес, жүйе, нақты пайдаланушы, орындалған операция, алынған нәтиже және есірткінің заңсыз айналымының жекелеген оқиға арасындағы дәлелденген функционалдық байланыс құқықтық маңызы бар мән-жай болып табылады деген тұжырымға негізделеді. Мұндай байланыс бір ғана сыртқы белгімен расталмауы тиіс. Ол заңды тәсілмен алынған және тәуелсіз тексеруге мүмкіндік беретін материалдық, цифрлық және қаржылық деректердің жиынтығы негізінде қалыптастырылуы қажет.

Зерттеудің мақсаты— Қазақстан Республикасындағы есірткі қылмысының механизмі шеңберінде жасанды интеллектті пайдалануды анықтау және оның қолданылуын қылмыстық-процестік тұрғыдан растаудың ғылыми негізделген моделін әзірлеу. Осы мақсатқа жету үшін мынадай міндеттер қойылады: жасанды интеллекттің өзге цифрлық технологиялар арасындағы орнын нақтылау; қолданыстағы қылмыстық, қылмыстық-процестік және арнайы заңнаманы талдау; цифрлық криминалистика және жасанды интеллект мәселелері бойынша қазақстандық ғалымдардың ұстанымдарын салыстыру; дәлелдемелік тәуекелдерді анықтау; дәлелдеудің үш контурлы моделін қалыптастыру; сараптамалық және аналитикалық мақсаттарда жасанды интеллектті пайдаланудың шектерін айқындау; ведомстволық және процестік практиканы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің нормативтік негізін 2026 жылғы 8 қыркүйектегі жағдай бойынша қолданыста болған Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі [8], Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі [9], Қазақстан Республикасының «Есірткі құралдары, психотроптық заттар, олардың аналогтары мен прекурсорлары және олардың заңсыз айналымы мен теріс пайдаланылуына қарсы іс-қимыл шаралары туралы» Заңы [10], «Жасанды интеллект туралы» Заңы [7], «Жедел-іздестіру қызметі туралы» Заңы [11], «Сот-сараптама қызметі туралы» Заңы [12], «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» Заңы [13], «Онлайн-платформалар және онлайн-жарнама туралы» Заңы [14], есірткі құралдарының заңсыз айналымына байланысты істер бойынша Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы [15], сондай-ақ сот сараптамаларының түрлері мен сараптамалық мамандықтарды айқындайтын ведомстволық актілер [16] құрады.

2026–2028 жылдарға арналған Қазақстан Республикасында нашақорлық пен есірткі бизнесіне қарсы күрес жөніндегі кешенді жоспар [1] ерекше маңызға ие болды. Бұл құжат декларативтік дереккөз ретінде емес, институционалдық дамудың индикаторы ретінде пайдаланылды. Мемлекет есірткі бизнесіне қарсы іс-қимыл тиімділігін арттыруды интернет-кеңістікті мониторингтеумен, жасанды

интеллект құралдарымен, цифрлық іздерді талдаумен, қаржылық тергеп-тексерулермен және электрондық транзакцияларды қадағалаумен тікелей байланыстырады. Осыған байланысты мақалада ұсынылатын модель тек қылмыстық-процестік кепілдіктермен ғана емес, құқық қорғау қызметін жаңғыртудың нақты бағытымен де үйлесімді болуы тиіс.

Доктриналық негізді соңғы жылдары жүргізілген қазақстандық зерттеулер құрады. Жасанды интеллект пен интернеттегі есірткі қылмыстарына тікелей арналған еңбектерден [4–6] бөлек, желілік трафикті цифрлық дәлелдемелердің көзі ретінде қарастыратын жарияланымдар [17], цифрлық трансформация жағдайындағы криминалист-маманның кәсіби қызметіне арналған зерттеулер [18], жасанды интеллектті криминалистикалық практикаға интеграциялау мәселелерін қарастыратын еңбектер [19], сот сараптамасын цифрландыру және соған байланысты процестік тәуекелдерге арналған зерттеулер [20], сондай-ақ жасанды интеллект пен блокчейннің дамуының құқықтық салдарына арналған еңбектер [21] пайдаланылды. Аталған еңбектерді салыстыру қалыптасқан доктриналық ережелерді жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдалануға қатысты дербес шешім қабылдауды талап ететін мәселелерден ажыратуға мүмкіндік берді.

Зерттеудің эмпирикалық және институционалдық негізін Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің, Бас прокуратураның және Бас прокуратура жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының ашық ресми материалдары құрады. Олар цифрлық есірткі бизнесінің іс жүзінде байқалатын сипаттамаларын интернет арқылы таратуды, қашықтықтан тартуды, қаржылық инфрақұрылымды және криптоактивтерді пайдалануды, OSINT-талдау жүргізу қажеттілігін, Telegram экожүйесін зерттеуді және қызметкерлердің цифрлық криминалистика саласындағы біліктілігін арттыруды растау үшін пайдаланылды [2; 3; 22; 23]. Бұл ретте мынадай әдіснамалық шектеу сақталды: мессенджерлерді, боттарды немесе криптовалюталарды пайдалану фактісінен жасанды интеллектті қолдану фактісі автоматты түрде туындамайды.

Зерттеу әдіснамасы формальды-заңдық, жүйелік-құрылымдық, функционалдық және криминалистикалық әдістерді ұштастырады. Формальды-заңдық әдіс жасанды интеллектті және өзге де цифрлық технологияларды қолданудың құқықтық салдарын ажырату үшін пайдаланылды. Жүйелік-құрылымдық әдіс дәлелдеуді материалдық, цифрлық және қаржылық контурлардың жиынтығы ретінде көрсетуге мүмкіндік берді. Функционалдық әдіс жасанды интеллектті бағдарламалық өнімнің атауына қарай емес, жүйенің қылмыс жасау механизмінде орындаған операциясына қарай талдау үшін қолданылды. Криминалистикалық әдіс цифрлық іздердің тұрақтылығын, объектілер арасындағы байланысты және оларды растау реттілігін бағалау үшін пайдаланылды.

Талдау бірлігі ретінде «жасанды интеллекттің болуы фактісі» емес, тексерілуі мүмкін функционалдық тізбек таңдалды: жүйе немесе қызмет → нақты пайдаланушы → функция немесе операция → цифрлық нәтиже → нақты қылмыстық-құқықтық маңызы бар оқиғамен уақыттық және мағыналық байланыс. Мұндай талдау бірлігі жасанды интеллектті технологиялық тұрғыдан асыра бағалауға жол бермеуге және зерттеудің дәлелдемелік бағытын сақтауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар ол бағдарлаушы ақпаратты, жұмыс нұсқасын және дәлелденген мән-жайды бір-бірінен ажырату өлшемшарты ретінде қолданылады.

Нәтижелер/Талқылау

Зерттеудің бірінші нәтижесі жасанды интеллектті технологиялық тұрғыдан кеңейтілген түсіндіруден бас тарту қажеттілігінен тұрады. Қылмыстық процесс үшін цифрландырудың кем дегенде үш деңгейін ажырату принципті маңызды. Бірінші деңгейге қарапайым ақпараттық-коммуникациялық технологиялар жатады: мессенджерлер, бұлтты сақтау қоймалары, онлайн-платформалар, банктік қосымшалар, іздеу жүйелері. Екінші деңгей — алдын ала белгіленген ережелерге негізделген алгоритмдік автоматтандыру кіреді: жарияланымдарды жоспарлау жүйесі, шаблондық тарату, командалардың бекітілген жиынтығы бар бот. Үшінші деңгей — модель мен келіп түсетін деректер негізінде нәтижені қалыптастыруға, түрлендіруге немесе жіктеуге қабілетті жасанды интеллекттің өз жүйесі. Осы үш деңгейдің араласуы құқықтық бағалаудың дәлдігін сөзсіз төмендетеді.

Цифрлық объектінің сыртқы мінез-құлқы мұндай ажыратуды әрдайым сенімді түрде жүргізуге мүмкіндік бере бермейді. Пайдаланушыға бірден жауап беретін чат-бот қатаң белгіленген алгоритм бойынша жұмыс істеуі және оның құрамында жасанды интеллект моделі болмауы мүмкін. Керісінше, жасанды интеллект процестің ішкі бөлігінде, мысалы, сұрау салуларды жіктеу, өзгермелі мәтін қалыптастыру немесе кескінді өңдеу үшін, сыртқы айқын белгілерсіз қолданылуы ықтимал. Сондықтан «жасанды интеллектке ұқсайды» деген санат бағдарлаушы ақпаратқа жатады,

бірақ дәлелденген факт болып табылмайды. Дәл осы қағида синтетикалық контентке де қатысты: визуалдық артефактілер, әдеттен тыс стилистика, типтік қателердің болмауы немесе материалды жасаудың жоғары жылдамдығы белгілі бір нұсқаны негіздеуі мүмкін, алайда файлдың шығу тегін және оны қалыптастыру технологиясын анықтауды алмастырмайды.

Мұндай ажырату цифрлық криминалистиканың жалпы логикасына сәйкес келеді. Д.Б. Кайназарова мен А.А. Калиев желілік трафикті цифрлық дәлелдемелердің көзі ретінде талдай отырып, цифрлық белсенділік туралы субъективті әсерден гөрі техникалық тұрғыдан сәйкестендірілетін деректердің басымдығына негіздеген [17, 108–113-бб.]. Н.М. Муратова мен Б.Б. Сарсенбаева криминалист-маманның қазіргі қызметін цифрлық объектілермен, деректердің үлкен массивтерімен және жаңа технологиялармен кәсіби жұмыс істеу қажеттілігімен байланыстырады [18]. Қарастырылып отырған мәселе үшін бұдан мынадай әдіснамалық қорытынды туындайды: жасанды интеллект қызметкердің лингвистикалық немесе визуалдық интуициясы арқылы емес, цифрлық артефактілер мен қайта жаңғыртуға болатын белгілер арқылы анықталуы тиіс.

Екінші нәтиже жасанды интеллекттің есірткі қылмысының механизміндегі орнын нақтылаудан тұрады. Технология әртүрлі функцияларды орындай алады: мәтіндік контентті генерациялау және бейімдеу; бейнелерді, аудио және видеоны жасау немесе түрлендіру; пайдаланушылармен мазмұндық өзара іс-қимылды автоматтандыру; деректердің үлкен массивтерін сұрыптау және өңдеу; цифрлық сәйкестікті қолдау; коммуникацияның әртүрлі нұсқаларын қалыптастыру; қатысушылар арасындағы ақпаратты таратуды жеңілдету. Алайда техникалық мүмкіндіктерді тізбелеудің өзі қылмыстық-процестік тұрғыдан маңызға ие емес. Маңыз нақты функция нақты қылмыстық құқық бұзушылықты дайындауға, жасауға немесе жасыруға енгізілген кезде ғана пайда болады.

Дәл осы жерде ұсынылып отырған ұстаным технологиялық детерминизмнен ерекшеленеді. Адам есірткі өткізумен айналысқан кезеңде генеративтік сервисті пайдаланғаны үшін ғана қылмыс «ЖИ-қылмысына» айналмайды. Телефонда қосымшаның болуы, сервиске кіру тарихының сақталуы немесе тіпті жекелеген генерацияланған файлдардың болуы олардың іске қатыстылығын әрі қарай тексеруді талап етеді. Нәтиженің заңсыз жарнама жасау кезінде, коммуникацияны ұйымдастыруда, тұлғаны жасыруда, іс-әрекеттерді үйлестіруде немесе дәлелдеу нысанасына байланысты өзге де функцияда пайдаланылғанын анықтау қажет. Керісінше жағдайда әңгіме нақты айыптау үшін дәлелдемелік маңызы жоқ цифрлық факт туралы болады.

А.М. Майтанов пен Т.Н. Сулейменовтың пікірінше, жасанды интеллекттің есірткі қылмыстарын тергеп-тексерудегі әлеуеті туралы ұстанымы қағидаттық тұрғыдан маңызды болып табылады, өйткені ол құқық қорғау қызметінің технологиялық трансформациясын көрсетеді [4]. Бұл ойды одан әрі дамыту симметриялық талдауды талап етеді, яғни заңдылықтарды анықтауға көмектесетін технологиялардың сол сыныптары цифрлық операцияларды ауқымдандыру үшін қылмыстық тараппен де пайдаланылуы мүмкін. Бұл мемлекет пен қылмыскер арасында «технологиялық теңдік» бар дегенді білдірмейді, алайда қылмыстық процестен алгоритмнің болуын ғана тіркеуді емес, оның функциясын дәлелдемелік тұрғыдан сипаттау қабілетін талап етеді.

Осыған ұқсас, Б.Б. Сарсенбаеваның дәлелдеудегі жасанды интеллект туралы еңбегі [6] мәселенің екінші деңгейін тұжырымдауға мүмкіндік береді. Егер мемлекеттік орган пайдаланатын жасанды интеллекттің өзі процестік субъектті және дәлелдемелерді дербес бағалауды алмастыра алмайтын болса, онда жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдалану туралы қорытындыны басқа бағдарламалық құралдың автоматты қорытындысына негіздеуге одан бетер жол берілмейді. «ЖИ-мәтінін» онлайн анықтау құралы, синтетикалық кескінді тану жүйесі немесе ықтималдық классификаторы бағдарлау құралы ретінде пайдаланылуы мүмкін, алайда оның нәтижесі өздігінен объектінің шығу тегін растамайды және оның кім, қашан және қандай мақсатпен жасалғанын ашпайды.

Зерттеудің үшінші нәтижесі жасанды интеллект туралы ақпаратты бағалаудың екі деңгейлі режимін ұсынудан тұрады. Бірінші деңгейде «жасанды интеллекттің ықтимал пайдаланылғанының белгісі» тіркеледі. Бұл нақты сипатталған индикаторға негізделген жұмыс нұсқасы болып табылады, яғни жасанды интеллект сервисіне жүгіну тарихының болуы, синтетикалық контенттің таңбалануы, генерацияға тән техникалық белгілері бар файлдың болуы, мазмұндық автоматты жауаптар, жаппай жарияланымдардың әдеттен тыс көпнұсқалылығы және тағы басқалар. Екінші деңгейде жүйе, нақты пайдаланушы, функция, нәтиже және оның нақты эпизодпен байланысы

туралы объективті деректер анықталған кезде ғана «жасанды интеллектті пайдалану расталды» деген тұжырымды қолдануға жол беріледі. Мұндай режим процестік құжаттардың тілін тәртіпке келтіреді және болжамның айыптау құрылымына ауысуына жол бермейді.

Мұндай ажыратудың маңызы тек терминологияның дәлдігімен шектелмейді. Қылмыстық сот ісін жүргізуде лауазымды тұлғаның тұжырымы кейінгі тергеудің бағытын айқындап, жаңа деректерді түсіндіруге ықпал етеді. Егер бастапқы кезеңде баянатта жеткілікті негізсіз «жасанды интеллект пайдаланылды» деп көрсетілсе, кейінгі іс-шаралар қалыптасқан тұжырымды растауға бейсаналы түрде бағытталады. Ғылыми тұрғыдан дұрыс тәсіл — бәсекелес нұсқаларды сақтау: қарапайым автоматтандыру, бірнеше адамның қолмен орындаған жұмысы, шаблондарды көшіру, жасанды интеллектті пайдалану немесе осы тәсілдердің үйлесімі. Технологиялық тұрғыдан неғұрлым тартымды нұсқа ғана емес, әрбір нұсқа тексерілуі тиіс.

Төртінші нәтиже «жүйе — пайдаланушы — функция — нәтиже — эпизод» түріндегі ұсынылған функционалдық растау тізбегіне байланысты. Бірінші элемент жүйені немесе сервисті анықтауды талап етеді, ал оның нақты атауы белгісіз болған жағдайда объективті түрде расталған механизм анықталуы тиіс. Екінші элемент құрылғының немесе аккаунттың формальды иесін емес, нақты пайдаланушыны анықтауды көздейді. Үшінші элемент технологияның көмегімен орындалған нақты операцияны белгілеуді талап етеді. Төртінші элемент сәйкестендірілетін нәтижені, яғни файлды, мәтінді, бейнені, жауапты, жіктеу нәтижесін, өзге де цифрлық объектіні немесе әрекетті анықтауды қамтиды. Бесінші элемент нәтиженің есірткінің заңсыз айналымының нақты эпизодымен уақыттық, мағыналық және себептік байланысын анықтауды көздейді.

Мүмкіндік болған жағдайда тізбекке бастапқы деректер мен уақыттық сипаттамалар да қосылады. Бастапқы сұрау, бастапқы бейне, файлдар жиынтығы немесе генерация параметрлері дәлелдемелік құндылықты едәуір арттырады, өйткені олар жүйені пайдалану логикасын қайта жаңғыртуға мүмкіндік береді. Алайда қолжетімді промпттың болмауы дәлелдемелік базаны автоматты түрде теріске шығармауға тиіс, өйткені қалыптасқан мән-жайға байланысты бұл өзара байланыс өзге де деректер жиынтығымен расталады. Керісінше, алынған нәтижені нақты пайдаланғанын дәлелдемей тұрып сұраудың болуы жасанды интеллекттің қылмыс механизміндегі рөлін анықтамайды.

Бесінші нәтиже дәлелдеудің үш контурлы моделін негіздеуден тұрады. Оның бірінші контуры — материалдық контур: есірткі құралы немесе психотроптық зат, оның түрі, мөлшері, қаптамасы, анықталған жері, орын ауыстыруы және өзге де материалдық іздер. Екінші контур — цифрлық контур: құрылғылар, аккаунттар, хат-хабарлар, жарияланымдар, файлдар, желілік мәліметтер, уақыт белгілері, сервистермен жұмыс істеу тарихы және өзге де цифрлық артефактілер. Үшінші контур — қаржылық контур: банктік операциялар, төлем құралдары, цифрлық активтер, реквизиттерді бақылау, аударымдардың реттілігі және қаржылық оқиғалардың нақты эпизодтармен байланысы. Дәлелдемелік тұрақтылық бір контурдың ішінде емес, олардың өзара қиылысу нүктесінде қалыптасады.

Материалдық контур базалық маңызын сақтайды, өйткені цифрландыру қылмыстың нысанасын жоймайды. Есірткінің заңсыз айналымына қатысты істерде заттың анықталуы, оның бақылауға алынатын объектілерге жататыны, мөлшері, сатып алу, сақтау, тасымалдау, жөнелту, дайындау немесе өткізу мән-жайларын белгілеу шешуші мәнге ие болып қала береді. Жасанды интеллект заттың табиғатын сараптамалық жолмен анықтауды алмастыра алмайды және қылмыс нысанасын қылмыстық-құқықтық бағалау қағидаларын өзгертпейді. Сондықтан технологиялық жаңашылдық тергеуді қылмыс құрамының міндетті белгілерінен қылмыстың цифрлық қабатына қарай бұрмауы тиіс [8; 10; 15].

Цифрлық контур жоғары өзгермелілігімен және деректерді алу тәсіліне тәуелділігімен ерекшеленеді. Бір скриншот жарияланымның мазмұнын көрнекі түрде көрсете алады, алайда ол әрдайым толық мекенжайды, аккаунт идентификаторын, бастапқы файлды, метадеректерді және контексті сақтай бермейді. Құрылғыдан алынған хат-хабар оның шығу тегін, тұтастығын және нақты пайдаланушысын анықтауды талап етеді. Аккаунт туралы мәліметтер тұлғаның өзімен теңдестірілмейді, оның тіркелген иесі, құрылғының иесі және іс жүзінде коммуникацияны жүзеге асырған тұлға бір адам болмауы мүмкін. Сондықтан цифрлық объект тек оқылатын мәтін арқылы емес, оның шығу тегі, тіркеу тәсілі, техникалық параметрлері және басқа деректермен байланысы арқылы сипатталуы тиіс.

Қаржылық контур байланыссыз өткізу жағдайында ерекше маңызға ие болады. Кешенді жоспар құқық қорғау органдарының назарын

есірткі бизнесінің қаржылық құрамдас бөлігін әлсіретуге, қатарлас қаржылық тергеп-тексерулер жүргізуге және криптовалюталардың қозғалысын қоса алғанда, электрондық транзакцияларды қадағалауға тікелей бағыттайды [1]. Цифрлық активтер туралы заң тиісті қатынастардың арнайы құқықтық режимін қалыптастырады [13]. Алайда хат-хабарда әмиян мекенжайының немесе банктік реквизиттің болуы нақты бақылау кімде екенін анықтамайды. Дәлелдеу үшін құрылғыны, қолжетімділікті, операцияларды, коммуникацияларды, уақытты және өзге де мән-жайларды өзара салыстыру қажет.

Үш контурлы модель әдеттегі фрагментарлық тәсілді еңсеруге мүмкіндік береді. Мысалы, цифрлық хат-хабардан төлем реквизиті анықталды, ал қаражаттың есепке түсу уақыты бойынша жасырын орынның орналастырылуымен сәйкес келу байқалды делік. Алайда мұндай сәйкестіктің өзі себептік байланысты дәлелдемейді. Егер нақты пайдаланушының құрылғысында тиісті коммуникация анықталса, қаржылық операцияның сомасы мен уақыты сәйкес келсе, геолокациялық немесе өзге де деректер физикалық оқиғамен үйлессе, ал алынған зат сараптамамен расталса, дәлелдемелік конструкция сапалық тұрғыдан өзгеше деңгейде қалыптасады. Егер жасанды интеллект пайдаланылған болса, ол дәл осы жүйеге кіруі тиіс, ал жеке дара «технологиялық қондырма» ретінде қарастырылмауы керек.

Алтыншы нәтиже цифрлық оқиғаларды уақыт бойынша растауға қатысты. Бірнеше эпизодтан тұратын қызметті тергеп-тексеру кезінде цифрлық объектінің жасалған, жіберілген, алынған, синхрондалған және сақталған уақытының арасындағы айырмашылықты ескеру қажет. Уақыт белдеуі, құрылғының баптаулары, сервистің жүйелік уақыты, төлем жүйесінің ықтимал кідірістері маңызды мәнге ие. Уақытты қалыпқа келтіру контурларды өзара салыстыру тәсіліне айналады: жарияланым немесе хабарлама → төлем → физикалық әрекет → кейінгі байланыс. Уақытты белгілеудегі қателік жалған себептік реттіліктің қалыптасуына әкелуі мүмкін, әсіресе тергеу көптеген аккаунттар мен құрылғыларға қатысты деректермен жұмыс істеген жағдайда.

Зерттеудің жетінші нәтижесі қылмыстық-құқықтық саралауға байланысты. Қазақстан Республикасының қолданыстағы Қылмыстық кодексінде «жасанды интеллектті пайдалана отырып жасалған есірткі қылмысы» деген дербес қылмыс құрамы көзделмеген. Демек, жасанды интеллекттің болуы әрекеттің құқықтық бағасын автоматты түрде өзгерте алмайды. Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 297-бабы бойынша қолданыстағы редакцияда интернетті немесе жасанды интеллектті пайдалану есірткіні өткізуге қатысты дербес саралаушы белгі болып табылмайды, саралау нақты әрекеттің заңда көзделген белгілеріне байланысты жүзеге асырылады [8]. Бұл құқық қолданушы үшін өте маңызды, технологиялық тәсіл қылмыстың нақты механизмін сипаттап, дәлелдемелік мәнге ие болуы мүмкін, алайда заңда көзделмеген саралаушы белгіні қалыптастырмауы тиіс.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 299-1-бабына қатысты жағдай өзгеше қалыптасады. Есірткі құралдарын, психотроптық заттарды, олардың аналогтарын, прекурсорларды насихаттау немесе заңсыз жарнамалау туралы норма бұқаралық ақпарат құралдарын, телекоммуникациялар желілерін немесе онлайн-платформаларды саралаушы мән-жай ретінде пайдалануды тікелей ескереді [8]. Алайда бұл жағдайда да жасанды интеллект заңда белгіленген тәсілді алмастырмайды. Егер генеративтік жүйе жарнамалық бейнені жасау үшін пайдаланылса, құқықтық баға заңсыз жарнаманың мазмұны мен оны тарату тәсіліне негізделуі тиіс және жасанды интеллект арқылы генерациялау фактісі материалды дайындау механизмін сипаттауы мүмкін, бірақ заңда аталмаған қосымша ауырлататын белгі болып табылмайды.

Теориялық тұрғыдан алғанда, бұл «технологиялық маңызы бар мән-жай» мен «қылмыс құрамының қылмыстық-құқықтық белгісі» арасындағы шекті айқындауға мүмкіндік береді. Біріншісі криминалистикалық, дәлелдемелік немесе ұйымдастырушылық маңызға ие болады. Екіншісі қылмыстық заңның диспозициясы мен саралаушы конструкцияларынан тікелей туындаған жағдайда ғана болады. Бұл деңгейлерді алмастыру заңдылық қағидасына қайшы келер еді. Осыған байланысты технологиялық дамудың өзіне ғана сүйене отырып, 297-бапқа «жасанды интеллектті пайдалана отырып» деген дербес саралаушы белгіні дереу енгізуді ұсыну әзірге ерте деп есептеледі.

Мұндай заңнамалық шешімді қабылдау үшін жасанды интеллектті қолдану дәл есірткіні өткізудің қоғамдық қауіптілігін тұрақты түрде арттыратынын көрсететін эмпирикалық база қажет. Мысалы, ол сатып алушыларды қамту ауқымын бірнеше есеге кеңейтуге, ұйымдастыру шығындарын азайтуға, қатысушыларды сәйкестендіруді қиындатуға немесе қолданыстағы белгілермен қамтылмайтын өзге де сапалық тұрғыдан жаңа тәуекелдерді

туындатуға мүмкіндік береді. Әзірге Қазақстанның ашық ресми материалдары есірткі нарығының цифрлануын, интернет арқылы өткізуді, байланыссыз өткізу тәсілдерін, криптовалюталық және банктік операцияларды сенімді түрде растайды, алайда нақты жасанды интеллект жүйесін қылмыстық мақсатта пайдалануы объективті түрде дәлелденген істердің үлесін сандық тұрғыдан бағалауға мүмкіндік бермейді. Ғылыми тұрғыдан алғанда, алдымен осындай статистиканы қалыптастырып, содан кейін ғана қылмыстық-құқықтық саралау мәселесін талқылау неғұрлым орынды.

Сегізінші нәтиже цифрлық деректердің процестік мәртебесіне қатысты. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі оларды алу және бекіту тәртібі сақталған жағдайда құжаттарды және заңда көзделген өзге де дәлелдеме көздерін, оның ішінде компьютерлік ақпаратты қамтитын материалдарды пайдалануға мүмкіндік береді [9]. Демек, жасанды интеллект мәселесі «ЖИ-дәлелдемелерінің» дербес түрін қалыптастыруды талап етпейді. Жүйе жұмысының нәтижесі файл, хабарлама, бейне, аудио, бейнематериал, оқиғалар журналы, аккаунт туралы мәліметтер немесе өзге де цифрлық объект түрінде болуы ықтимал, алайда оның дәлелдемелік маңызы басқа материалдардың жиынтығымен бірге оның іске қатыстылығы, жол берілетіндігі, анықтығы және жеткіліктілігі сияқты жалпы критерийлер арқылы айқындалады.

Ұсынылып отырған тәсіл жаңа процестік дәлелдеме көзін енгізу қажеттілігі туралы жасанды дилемманы жояды. Құқықтық мәселе объектінің жасанды интеллект арқылы жасалғанында емес, оның шығу тегін, авторын немесе пайдаланушысын, жасалған уақытын, тұтастығын, алыну тәсілін және істің мән-жайларымен байланысын анықтауға болатынында болып табылады. Мысалы, синтетикалық бейне жасанды жолмен жасалғаны үшін «дәлелдемелік маңызы жоқ объектіге» айналмайды; керісінше, егер ол тұлғаның жеке басын жасыру немесе заңсыз жарнама жасау үшін пайдаланылса, оның жасанды жолмен жасалғанының өзі дәлелдемелік маңызға ие болады. Алайда мұндай қорытынды техникалық және процестік тексеруді талап етеді.

Тоғызыншы нәтиже құқық қорғау органдарының жасанды интеллектті пайдалануы кезінде бағдарлаушы талдау мен процестік дәлелдемені ажыратуға қатысты. Қазақстандық доктрина жасанды интеллектті үлкен деректерді талдаудың, заңдылықтарды анықтаудың және тергеу қызметін қолдаудың перспективалық құралы ретінде орынды қарастырады [4;6;19]. Мемлекеттік есірткіге қарсы саясат та интернет-кеңістікті мониторингтеу кезінде жасанды интеллектті қолдануды көздейді [1]. Бұл ретте алгоритмдік қорытынды көмекші функция атқаруы тиіс: ол қызметкерге кейіннен заңда көзделген тәсілдермен тексерілетін объектіні, байланысты немесе ауытқуды көрсетуі керек.

Егер бағдарламалық жүйе бірнеше аккаунт арасында болжамды байланысты анықтаса, бұл олардың бір тұлғаға тиесілі екендігі дәлелденді дегенді білдірмейді. Егер жасанды интеллект бейнені есірткіге қатысты деп жіктесе, оның мазмұны мен шығу тегі адам тарапынан тексеріліп, процестік тәртіппен бекітілуі тиіс. Егер жүйе күмәнді транзакциялық заңдылықты анықтаса, қаржылық деректер заңды түрде алынғаннан және өзге де мән-жайлармен салыстырылғаннан кейін ғана дәлелдемелік мәнге ие болады. Мұндай тәсіл Б.Б. Сарсенбаеваның дәлелдемелік қызметті техникалық құралмен алмастыруға жол берілмейтіндігі туралы тұжырымына сәйкес келеді [6].

Оныншы нәтиже арнайы білімді пайдалануға қатысты. Практикалық және ғылыми пікірталастарда дербес «жасанды интеллект сараптамасы» туралы айтуға деген ұмтылыс жиі туындайды. Егер тиісті дербес сот сараптамасының түрі сараптамалық мамандықтардың қолданыстағы жүйесінде бекітілмеген болса, мұндай атау әдіснамалық тұрғыдан дәл емес. Қазақстан Республикасының „Сот-сараптама қызметі туралы“ заңы [12] және қолданыстағы сараптамалық мамандықтар тізбесі [16] нақты объектіні және шешілуі тиіс міндетті — компьютерлік технология құралдарын, аудиовизуалды материалдарды және сарапшының құзыретіне кіретін өзге де объектілерді зерттеуге бағыттайды. Демек, мәселе «қылмыс жасау кезінде жасанды интеллект пайдаланылды ма?» деген құқықтық қорытынды түрінде емес, техникалық тұрғыдан шешілуі мүмкін нақты мән-жайлар арқылы қойылуы тиіс.

Мысалы, цифрлық құрылғыға қатысты белгілі бір бағдарламалық қамтамасыз етудің болуы, оны пайдалану тарихы, файлдар туралы техникалық мәліметтер, уақыттық деректер, сервисті пайдалану іздері зерттеледі. Бейне немесе аудиоға қатысты тиісті сараптамалық мамандық шеңберінде монтаждау, синтездеу немесе түрлендіру белгілері қарастырылады. Жүйеге қатысты қолжетімді техникалық сипаттамалар, журналдар және оның жұмысының нәтижелері де талданады. Анықталған технологияның қылмыс құрамына қандай мәні бар екендігі туралы түпкілікті

қорытынды сарапшының емес, қылмыстық процесті жүргізетін органның құзыретінде қалады.

Мұндай ажырату сот сараптамасын жедел цифрландыру жағдайында ерекше маңызды. С.Б. Бакыт, Г.Т. Алаева, А.К. Жанибеков, Э.Э. Юхневич және Б.С. Рахметулина технологиялық жаңғырту сараптамалық қызметтің сапасын арттырумен қатар жаңа процестік тәуекелдерді де туындатуы мүмкін екеніне назар аударады [20, 191–202-бб.]. Жасанды интеллект мәселесіне қатысты бұл екі жақты сақтық қажеттілігін білдіред. Біріншіден, даулы цифрлық объектінің шығу тегі мен қасиеттерін зерттеу, екіншіден, оны талдау үшін қолданылатын құралдың шектеулерін түсіну қажет.

Зерттеудің он бірінші нәтижесі маманның рөліне байланысты. Көптеген цифрлық құрылғылар, динамикалық қосымшалар немесе бұлтты деректер тәркіленетін істерде маманның қатысуы бастапқы кезеңнің өзінде шешуші мәнге ие. Н.М. Муратова мен Б.Б. Сарсенбаева криминалист-маманның кәсіби қызметін технологиялық құзыреттілікпен және цифрлық трансформация жағдайында жұмыс істей білу қабілетімен негізді түрде байланыстырады [18]. Бұл ұстанымның практикалық мәні маманның өкілеттіктерін кеңейтуде емес, құрылғымен біліктіліксіз жұмыс істеу салдарынан деректердің қайтымсыз өзгеру тәуекелін азайтуда болып табылады.

Қосымшаларды әдеттегідей ашу, қосылымдарды қосу немесе өшіру, құрылғының құлпын ашуға әрекет жасау, үйлестіруді іске қосу жүйелік мәліметтерді, соңғы қолжетімділік уақытын, файлдардың жай-күйін және өзге де параметрлерді өзгертеді. Сондықтан цифрлық объектінің бастапқы жай-күйін сақтау дәлелдемелік сенімділіктің бір бөлігі ретінде қарастырылуы тиіс. Бұл әсіресе жасанды интеллект іздерін анықтау үшін маңызды: сұраулар тарихы, кэш, жергілікті файлдар, өзара әрекеттесу журналдары және қолжетімділік токендері динамикалық сипатта болуы әрі желілік синхрондауға тәуелді. Олармен жасалатын кез келген әрекет құжатталуға, қайта жаңғыртылуға және процестік міндетпен негізделуге тиіс.

Он екінші нәтиже тергеуді ішкі ұйымдастырудың міндетті элементі ретінде «цифрлық дәлелдемелік объектінің шығу тегі» санатын енгізу қажеттілігімен байланысты. Әрбір маңызды файл, хабарлама, бейне немесе цифрлық деректер жиынтығы бойынша мынадай мәселелер түсінікті болуы тиіс: ол қайдан алынған; қандай құрылғыда немесе ресурста болған; оны кім және қандай тәсілмен бекіткен; бұл қашан жүзеге асырылған; бастапқы объект сақталған ба; қандай түрлендірулер жүргізілген; жұмыс және бақылау көшірмелері қайда сақталады. Бұл жаңа формальды дәлелдеме түрін құруды білдірмейді, керісінше цифрлық дәлелдемелік тізбектің тексерілу мүмкіндігін арттыруға бағытталған.

Цифрлық ортада «жетім файлдардың» пайда болу қаупі ерекше жоғары. Материал іс ішінде басып шығарылған құжат немесе экран суреті түрінде болуы мүмкін, алайда белгілі бір уақыт өткеннен кейін оның қай аккаунттан алынғанын, қандай тәсілмен жүктелгенін, толық нұсқа болып табылатынын және бастапқы файлдың сақталған-сақталмағанын анықтау қиынға соғады. Жасанды интеллекттің пайдаланылғанын тексеру кезінде контенттің шығу тегін техникалық талдау көбінесе визуалды көшірмені емес, дәл бастапқы объектіні талап етеді сияқты қосымша проблема туындатады. Демек, шығу тегін анықтаудың ең төменгі стандарты басқа маман немесе сарапшы тарапынан қайта тексеру мүмкіндігін қамтамасыз етуі қажет.

Он үшінші нәтиже нақты пайдаланушыны сәйкестендірумен байланысты. Цифрлық есірткі қылмысы жағдайында телефон иесін, SIM-картаның тіркелген иесін, банк шотының иесін немесе аккаунт әкімшісін нақты әрекеттерді іс жүзінде жасаған адаммен теңестіру құқықтық тұрғыдан қауіпті. Мысалы, номиналды реквизиттер үшінші тұлғаға тиесілі болуы мүмкін, құрылғыны бірнеше адам пайдалануы ықтимал, аккаунт басқа тұлғаға берілуі немесе бірнеше адам тарапынан басқарылуы мүмкін. Сондықтан цифрлық атрибуция мынадай белгілердің жиынтығына негізделуі қажет: қолжетімділік, коммуникациялардың сипаты, құрылғылардың өзара байланысы, уақыттық деректер, қаржылық операциялар, айғақтар және өзге де объективті мәліметтер.

Жасанды интеллект контексінде бұл мәселе айрықша айқын көрінеді. Құрылғыдан генеративтік сервиске жіберілген сұраныстар тарихын анықтау бұл сұранысты нақты кімнің қалыптастырғанын автоматты түрде дәлелдей алмайды. Сервистегі аккаунтты да бірнеше адам пайдалануы мүмкін. Сондықтан ұсынылған функционалдық тізбектегі «пайдаланушы» элементі дербес дәлелдемелер жиынтығымен расталуы тиіс. Әйтпесе логикалық алмастыру пайда болады: құрылғыны иеленуден сервисті пайдалану туралы, ал сервисті пайдаланудан қылмыс жасау туралы қорытынды шығарылады. Әрбір осындай ауысу жеке растауды талап етеді.

Он төртінші нәтиже цифрлық есірткі бизнесіндегі қатысушылардың функционалдық

рөлдерін талдау қажеттілігіне қатысты және тек физикалық орындаушымен шектелмеуді көздейді. Ішкі істер министрлігінің ресми материалдары қашықтан ұйымдастырылатын инфрақұрылымға операторлар, персоналды іріктеуге жауапты тұлғалар, курьерлер, жасырын орындарға салушы тұлғалар, логистер, қойма қызметкерлері және басқа да рөлдер кіретінін көрсетеді [3]. Қылмыстық-процестік модель үшін цифрлық ресурсты кім бақылағанын, коммуникация мазмұнын кім айқындағанын, төлем деректемелерін кім ұсынғанын, жасырын орындар туралы ақпаратты кім алғанын және кірістерге кім билік жүргізгенін анықтау принципті маңызға ие.

Жасанды интеллектті пайдалану әртүрлі рөлдер арасында бөлінуі мүмкін. Мысалы, бір қатысушы генеративтік сервис көмегімен ақпараттық материал жасайды, екіншісі оны орналастырады, үшіншісі арнаны басқарады, төртіншісі қаржылық бөлігін қамтамасыз етеді. Мұндай жағдайда жасанды интеллектті бір адамның пайдаланған фактісі автоматты түрде барлық қатысушыларға қатысты деп есептелмеуі тиіс. Жалпы қылмыстық-құқықтық ережелерге сәйкес әрбір сыбайлас қатысушының қосқан үлесі мен қылмыстық ниетін жеке даралау қажет. Инфрақұрылымның технологиялық тұрғыдан өзара байланыстылығы қылмыстық жауаптылықтың даралану қағидасын жоймайды.

Зерттеудің он бесінші нәтижесі типтік тергеу жағдайларына қатысты. Бірінші жағдай төменгі буындағы қатысушы белгілі болған кезде туындайды — мысалы, есірткіні физикалық тасымалдауға немесе жасырын орынға салуға байланысты тұлға анықталған, бірақ жоғары деңгейдегі цифрлық инфрақұрылым белгісіз. Мұндай жағдайда талдау бағыты физикалық тұлғадан құрылғыларға, аккаунттарға, коммуникацияларға, қаржылық байланыстарға және ықтимал цифрлық сервистерге қарай жүруі тиіс. Екінші жағдай керісінше қалыптасады: онлайн-ресурс, жарияланым немесе бот анықталған, бірақ нақты тұлғалар белгісіз. Бұл жағдайда міндет цифрлық объектіні қолжетімді идентификаторлар, байланыстар, қаржылық деректер және заңда көзделген жабық ақпаратты алу тәсілдері арқылы біртіндеп атрибуциялаудан тұрады.

Үшінші жағдай ықтимал синтетикалық контенттің анықталуымен байланысты. Бастапқы әрекет материалды бірден «дипфейк» деп жариялауға емес, қолжетімді бастапқы файл мен оның таралу контекстін сақтауға бағытталуы тиіс. Төртінші жағдай заңды түрде алынған құрылғыдан қосымшаның немесе жасанды интеллект сервисімен жұмыс істеу тарихының анықталуына байланысты. Бұл жағдайда алдымен құрылғының жай-күйі сақталып, деректердің іске қатыстылығы анықталады, содан кейін нақты операциялар және олардың тиісті эпизодтармен байланысы белгіленеді. Бесінші жағдай құқық қорғау органының күмәнді байланысты анықтау үшін жасанды интеллект негізіндегі талдауды қолдануынан туындайды. Мұндай жағдайда жүйенің нәтижесі тексеру жүргізуге негіз болады, бірақ кейіннен растайтын мәліметтерді процестік тәртіппен алуды алмастырмайды.

Он алтыншы нәтиже көп эпизодты өндірістерде ішкі ұйымдастырушылық-талдамалық құрал ретінде «цифрлық эпизод карточкасын» пайдалануды ұсынудан тұрады. Мұндай карточка жаңа процестік құжат болып табылмайды және хаттамалар мен қаулыларды алмастырмауы тиіс. Оның міндеті — бір құрылымның ішінде қылмыс нысанасын, цифрлық дереккөзді, нақты пайдаланушыны, коммуникациялық байланысты, қаржылық реквизитті, жасанды интеллекттің болжамды немесе расталған рөлін, әрбір мәліметтің процестік көзін және анықталған олқылықты өзара байланыстыру. Күрделі өндірістерде мұндай нысан топқа қатысты жалпы күшті нұсқаның жекелеген эпизод бойынша дәлелдемелердің жеткіліксіздігін жасырып қалу қаупін азайтады.

Төлем картасы сондай-ақ «жекелеген байланыстарды» бақылау құралы ретінде пайдалы. Егер нақты төлем эпизодпен тек уақыттың сәйкес келуі арқылы байланыстырылса, алайда коммуникациялық немесе өзге де контекст болмаса, дәлелдемелік әлсіздік бірден көрінеді. Егер аккаунт тұлғамен тек тіркеу деректері арқылы байланыстырылса, нақты бақылауды тексеру қажет. Егер жасанды интеллект қылмыстық әрекетпен тек құрылғыда қосымшаның болуына байланысты байланыстырылса, бірақ алынған нәтиже мен оны пайдалану фактісі анықталмаса, тиісті баған жұмыс нұсқасы ретінде қалуы тиіс. Осылайша, ұйымдастырушылық құрал бір мезгілде дәлелдемелік конструкцияға логикалық аудит жүргізу функциясын да атқарады.

Он жетінші нәтиже жалпыға қолжетімді цифрлық ортаға бақылау жүргізу мен жабық ақпаратты алу арасындағы құқықтық шекараға қатысты. Контенттің жария түрде орналастырылуының өзі оның қолжетімді мазмұнын бекітуге және оны заңда көзделген шараларды қолдануға негіз ретінде пайдалануға мүмкіндік береді. Алайда бір жарияланымның ашық болуы бөтен аккаунтқа кіруге, қорғау құралдарын айналып өтуге, байланыс құпиясын

немесе өзге де қорғалатын деректерді белгіленген рәсімнен тыс алуға құқық бермейді. Бұл шекара жасанды интеллекттің пайдаланылғанына немесе пайдаланылмағанына қарамастан сақталады. Объектінің технологиялық күрделілігі тергеу органының құзыретін кеңейтпейді.

Жабық цифрлық ақпаратты алу қажет болған жағдайда Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінде және жедел-іздестіру қызметі туралы заңнамада көзделген рәсімдер қолданылуы қажет [9; 11]. Бұл жерде процестік перспектива қағидасы маңызды, өйткені жедел тексеру кезеңінің өзінде айыптау үшін ықтимал маңызы бар мәліметтердің кейіннен қылмыстық процеске қандай жолмен енгізіліп, тексерілуі мүмкін екенін түсіну қажет. Жедел ақпараттандырылу факті туралы мәлімет пен сол фактіні дәлелдеу әртүрлі құқықтық табиғатқа ие. Бұл жасанды интеллектіге қатысты эпизодтар үшін ерекше маңызды, өйткені техникалық ақпараттың бір бөлігі тек сервис, провайдер немесе деректердің өзге де иесі арқылы қолжетімді болуы мүмкін.

Зерттеудің он сегізінші нәтижесі онлайн-платформалардың құқықтық режиміне байланысты. Қазақстан Республикасының «Онлайн-платформалар және онлайн-жарнама туралы» Заңы цифрлық коммуникация үшін қосымша нормативтік негіз қалыптастырады [14]. Алайда қылмыстық сот ісін жүргізу үшін платформалық құқық терминологиясын механикалық түрде қолдану емес, ақпараттың таралған орнын, ресурс идентификаторларын және оған қол жеткізу тәсілін дәл тіркеу маңызды. Бұл әсіресе Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 299-1-бабы бойынша саралау кезінде маңызды, өйткені заң шығарушы жоғары жауаптылықты белгілі бір тарату арналарының пайдаланылуымен тікелей байланыстырады [8].

Он тоғызыншы нәтиже мемлекеттік органдардың жасанды интеллектті пайдалануы кезінде «Жасанды интеллект туралы» Заңның қағидаттарын ескеру қажеттілігі туралы қорытындыға қатысты [7]. Қылмыстық процесс үшін заңдылық, жауапкершілік, қауіпсіздік, деректерді қорғау, ашықтық және шешім қабылдауда адамның басымдығы қағидаттары аса маңызды. Бұл қағидаттар Қылмыстық-процестік кодекстің нормаларын алмастырмайды, алайда түсіндіру шеңберін қалыптастырады: процестік шешім алгоритмдік қорытындының түсініксіз жалғасына айналмауы тиіс. Тергеуші бастапқы деректердің қайнар көзін, жүйенің мақсатын, нәтиженің шектеулерін түсініп, дәлелдемелерді дербес бағалауға міндетті.

Бұл жерде ерекше мәселе түсіндірмелілікке байланысты туындайды. Қазіргі заманғы кейбір модельдерде пайдаланушы қорытындыны оның қалыптасуына әсер еткен ішкі параметрлерге толық қол жеткізбей-ақ алады. Талдамалық қолдау үшін мұндай тәсіл нәтиже бағдар ретінде пайдаланылған жағдайда белгілі бір дәрежеде қолайлы. Алайда алгоритмдік қорытынды адамның құқықтарын процестік тұрғыдан шектеудің негізіне неғұрлым жақын болған сайын, оның тәуелсіз деректер арқылы тексерілуіне қойылатын талаптар соғұрлым жоғары болуы тиіс. Қылмыстық сот ісін жүргізу «жүйе тәуекелді жоғары деп бағалады» деген формулаға ғана негізделмеуі керек, оның орнына кейіннен белгіленген тәртіппен тексерілетін нақты фактілік мән-жайлар ашылуы тиіс.

Жиырмасыншы нәтиже жасанды интеллект арқылы жасалған синтетикалық нәтижелерге қатысты. Синтетикалық контентті заңнамалық реттеу оның цифрлық табиғатын түсіну үшін маңызды [7], алайда қылмыстық іс бойынша оның нақты атрибуция мәселесін шешпейді. Таңбалау бағдар ретінде қызмет етуі мүмкін, таңбалаудың болмауы контенттің табиғи жолмен жасалғанын дәлелдемейді, ал таңбалаудың болуы нақты авторды анықтамайды. Техникалық тексеру аккаунтқа, құрылғыға, жасау тарихына және тарату тарихына қатысты деректермен ұштастырылуы тиіс. Сондықтан синтетикалық нәтиже шығу тегі бойынша ерекше, бірақ процестік мәртебесі бойынша ерекше емес цифрлық объект ретінде қарастырылуы қажет.

Жиырма бірінші нәтиже жасанды интеллектті пайдалану болжанатын объектіні растаудың ең төменгі стандартын ұсынудан тұрады. Ол цифрлық дереккөзді дәл сәйкестендіруді, қолжетімді бастапқы файлды сақтауды, уақыт пен контексті тіркеуді, оны алудың заңды тәсілін белгілеуді, жасанды интеллектті пайдалану туралы нұсқаның туындауына негіз болған белгіні сипаттауды, одан әрі қойылатын техникалық мәселені айқындауды, фактілерді болжамдардан ажыратуды, кейіннен оны пайдаланушымен және нақты эпизодпен салыстыруды қамтиды. Мұндай стандарт жаңа процестік бланкті дереу енгізуді талап етпейді және ведомстволық әдістемелік ұсынымдар немесе электрондық чек-парақ арқылы іске асырылуы мүмкін.

Зерттеудің жиырма екінші нәтижесі жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдалану туралы эмпирикалық деректерді институционалдық деңгейде жинақтау қажеттілігімен байланысты. Қазіргі уақытта

мемлекеттік статистика мен ресми хабарламалар цифрлық есірткі бизнесті, ресурстарды бұғаттауды, қаржылық операцияларды, интернет-дүкендердің қызметін және басқа да бағыттарды жеткілікті түрде егжей-тегжейлі көрсетеді [2; 23], алайда «жасанды интеллектті қылмыскер пайдаланды және бұл қылмыстық іс бойынша дәлелденді» деген жеке әрі тұрақты санатты қамтымайды. Мұндай деректер жиынтығы қалыптастырылмайынша, ғылыми пікірталас тексерілген құқық қолдану практикасына емес, технологиялық сценарийлерге сүйену қаупіне ұшырайды.

Ведомстволық деңгейде расталған жағдайлардың дербестендірілмеген талдамалық есебін жүргізу орынды деп саналады. Онда жүйенің түрі немесе технологияның функционалдық класы, орындалған операция, қылмыс құрамы, растау тәсілі, цифрлық объектінің түрі, маманның немесе сарапшының қатысуы, процестік нәтиже көрсетілуі мүмкін. Мұндай есеп тергеушіге тергеу мүдделеріне зиян келтіретін қосымша есептілік жүктемесін қалыптастырмауы тиіс. Оның мақсаты — кейінгі әдістемені, оқытуды және ықтимал заңнамалық шешімдерді әзірлеу үшін эмпирикалық негіз қалыптастыру.

Жиырма үшінші нәтиже кадрларды даярлауға қатысты. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы 2026 жылы цифрлық технологияларды пайдалана отырып, есірткі қылмысын тергеп-тексеру бойынша, оның ішінде Telegram, OSINT, блокчейн және цифрлық активтерді талдауды қамтитын оқыту жүргізді [22]. Бұл бағытты жасанды интеллект криминалистикасына арналған жеке модуль арқылы дамыту қажет, алайда оны танымал нейрожелілермен жалпы таныстыру түрінде жүргізуге болмайды. Модульдің мазмұны автоматтандыру мен жасанды интеллектті ажыратуды, цифрлық объектілердің шығу тегін, синтетикалық медианы, уақыттық корреляцияны, маманға техникалық мәселелерді қоюды және ықтималдық детекторларының шектеулерін қамтуы тиіс.

Мұндай оқыту пәнаралық сипатта болуы керек. Заңгер техникалық қорытындының шектерін түсінуі қажет, маман дәлелдеу пәні мен процестік талаптарды білуі тиіс, жедел қызметкер мәліметтерді кейіннен бекіту перспективасын ескеруі керек, сарапшы өзінің құзыретінің шекараларын түсінуі қажет, ал талдау бөлімшесі нәтиженің қайта жаңғыртылуы мен тексерілу қажеттігін басшылыққа алуы тиіс. Қызметкерлердің тек бір санатын оқшаулап даярлау мәселені шешпейді, өйткені цифрлық объект бірнеше кезеңнен өтеді: анықтау, сақтау, зерттеу, түсіндіру және бағалау.

Жиырма төртінші нәтиже криминалистикалық «жаңалық әсеріне» жол беруге болмайтындығы туралы қорытындыдан тұрады, яғни күрделі технология неғұрлым тұрақты дәлелдемелермен салыстырғанда шамадан тыс назарға ие болмауы тиіс. Нақты іс бойынша жасанды интеллект қосалқы мән-жай болып шығуы мүмкін, ал шешуші мәнге зат, ақша, хабарламалар, физикалық әрекеттер және айғақтар ие болады. Сондықтан тергеу нұсқасы ең заманауи объектінің айналасында емес, қылмыс құрамының белгілері мен әрбір элементтің дәлелдемелік функциясының айналасында құрылуы тиіс. Технология оқиғаны, тұлғаны, қасақаналықты, рөлді және өзге де заңдық маңызы бар мән-жайларды анықтауға қаншалықты көмектессе, дәл сол шамада маңызды.

Бұдан бөлек, жасанды интеллектті тиісті деңгейде бағаламау да қауіпті. Егер жүйе тұрақты цифрлық инфрақұрылым құру, контент генерациялау, тұлғаны жасыру немесе коммуникацияларды автоматтандырылған түрде өңдеу үшін пайдаланылса, оның рөлін елемеу қылмысты ұйымдастыру механизмін толық түсінбеуге алып келуі мүмкін. Мұндай жағдайда тергеу цифрлық ресурсты кім бақылайтынын және оның жұмыс істеу қағидаларын кім айқындайтынын анықтамай, төменгі буындағы орындаушымен шектеліп қалу қаупіне ұшырайды. Тепе-теңдік технологияны символдық емес, функционалдық тұрғыдан бағалау арқылы қамтамасыз етіледі.

Жалпылама түрде ұсынылып отырған модельді былайша тұжырымдауға болады. Алдымен қылмыс құрамын құрайтын әрекет пен оның нысанасы белгіленеді, содан кейін материалдық, цифрлық және қаржылық іздер сәйкестендіріледі. Одан әрі, нақты индикаторлар болған жағдайда, жасанды интеллектті пайдалану туралы сараптамалық болжам (нұсқа) қалыптастырылады. Бұл болжам жүйе, пайдаланушы, функция, нәтиже және эпизод деңгейінде тексеріліп, алынған деректер заңда көзделген нысанда бекітіледі және олардың жиынтығы бағаланады. Мұндай тәртіп жасанды интеллектті ерекше жасанды режим қалыптастырмай-ақ, қылмыстық-процестік дәлелдеудің қалыпты логикасына енгізуге мүмкіндік береді.

Цифрлық объектінің шығу тегі мен оның мазмұнының арақатынасы жеке талқылауды қажет етеді. Дәстүрлі дәлелдемелік логикада назар көбінесе құжаттың семантикалық мазмұнына аударылады: онда нақты не

жазылғаны, не бейнеленгені немесе не хабарланғаны қарастырылады. Цифрлық объект үшін бұл жеткіліксіз. Көрнекі түрде бірдей екі файлдың шығу тегі әртүрлі, түрлену тарихы бөлек және дәлелдемелік сенімділігі бірдей болмауы мүмкін. Сондықтан жасанды интеллект арқылы жасалған немесе өзгертілген болуы мүмкін материалдарға қатысты кемінде екі қабатты зерттеу қажет: мазмұндық қабат — объектінің факт туралы не хабарлайтыны және техникалық қабат — объектінің қайдан пайда болғаны, қалай алынғаны және қандай өзгерістерге ұшырауы мүмкін болғаны. Тек осы екі қабаттың үйлесуі оның процестік мағынадағы анықтығын бағалауға мүмкіндік береді.

Мұндай тәсіл синтетикалық бейнелер, аудио және бейнематериалдар үшін ерекше маңызды. Есірткі қылмысында олар тек жарнама ретінде ғана емес, сонымен қатар жалған цифрлық тұлғаны қалыптастыру, нақты қатысушыны жасыру немесе болмаған фактіні растау құралы ретінде де пайдаланылуы ықтимал. Алайда мұндай пайдалану мүмкіндігінің өзі барлық цифрлық медиаконтенттің анық еместігі туралы презумпцияға айналмауы тиіс. Әйтпесе жасанды интеллекттің дамуы кез келген бейнеге немесе жазбаға жүйелі түрде сенімсіздік танытудың қарама-қарсы шегіне алып келеді. Процестік тұрғыдан негізделген өзге қағида ұсынылады: күмән нақты объективті индикатор арқылы нақтылануы тиіс, содан кейін абстрактілі «дипфейк ықтималдығы» емес, объектінің шығу тегі тексеріледі.

Осыған байланысты жалпыға қолжетімді «ЖИ детекторын» арнайы зерттеудің орнына пайдалану практикасын әдіснамалық тұрғыдан қате деп бағалауға болады. Мұндай құралдардың көпшілігі ықтималдық қағидасы бойынша жұмыс істейді, ал олардың нәтижесі модельге, шекті мәндерге және енгізілетін деректерге тәуелді болады. Құқықтық қорытынды үшін сервистің интерфейсінде көрсетілген пайыздық көрсеткіш емес, түсіндірілуі және тексерілуі мүмкін, қайта жаңғыртылатын техникалық белгілер жиынтығы маңызды. Ықтималдық сипаттағы қорытынды қосымша тексеру жүргізуге негіз бола алады, бірақ мәтіннің, бейненің немесе аудиоматериалдың шығу тегі туралы қорытындыны өздігінен негіздемеуге тиіс. Көрсетілген талапты ведомстволық талдамалық жүйелерге де қолдану қажет: олардың қорытындысы тексеруге болатын бастапқы деректерге алып келуі тиіс.

Қаржылық және оқиғалық корреляция мәселесі де өте маңызды. Қазіргі цифрлық есірткі бизнесіндегі төлем операциясы есірткі затын физикалық беру әрекетінен уақыт, орын және қатысушылар бойынша алшақ болуы мүмкіндей етіп ұйымдастырылады. Сондықтан қаржылық тергеу банк картасының иесін немесе цифрлық әмиян мекенжайын анықтаумен ғана шектелмеуі тиіс. Тиісті кезеңде төлем құралын кім нақты бақылағанын реконструкциялау және транзакцияны коммуникациямен әрі физикалық оқиғамен салыстыру қажет. Жасанды интеллект қолданылған жағдайда алгоритмдік нәтиженің қаржылық әрекетпен функционалдық байланысын анықтау қосымша мәселе ретінде туындайды, бұған нақты жасалған цифрлық материалдың іс жүзінде орналастырылуы және оның кейінгі коммуникациялық әрі төлемдік жүйелілікке алып келу фактісі мысал бола алады. Контентті жасаудың өзі оны пайдаланбай, мұндай байланысты белгілемейді.

Практикалық тұрғыдан «қосарлы корреляция» моделін қолдану пайдалы. Бірінші корреляция цифрлық контурдың ішінде жүргізіледі: аккаунт — құрылғы — пайдаланушы — файл — уақыт белгісі — сервис. Екінші корреляция контурлар арасында жүзеге асырылады: цифрлық коммуникация — қаржылық операция — есірткі затымен жасалған физикалық әрекет. Егер іс бойынша жасанды интеллект қолданылса, ол бірінші тізбекте орналасып, кейін екінші тізбекпен байланыстырылуы тиіс. Мұндай құрылым заманауи технологияны пайдаланудың егжей-тегжейлі дәлелденгеніне қарамастан, оның нақты өткізу әрекетіне қатыстылығы болжамды күйде қалатын жағдайды болдырмауға мүмкіндік береді. Дәлелдемелік маңыз объектінің технологиялық күрделілігінен емес, оның нақты байланысынан туындайды.

Сондай-ақ қасақаналықты қате атрибуциялау тәуекелін ескеру қажет. Генеративтік жүйе пайдаланушыға нәтиженің бірнеше нұсқасын ұсынуы мүмкін, олардың бір бөлігін пайдаланушы таңдамауы және қолданбауы ықтимал. Құрылғыда автоматты түрде жасалған мәтіннің сақталуы өздігінен пайдаланушының оның мазмұнын қабылдағанын растамайды. Сол сияқты сервистің автоматты ұсынысын, ұсынымдық блогын немесе адамның одан әрі әрекетінсіз қалыптасқан нәтижені қосымша тексерусіз қасақаналықтың сипаттамасына енгізуге болмайды. Субъективтік тарап үшін тұлғаның саналы әрекеттері маңызды: міндет қоюы, нәтижені таңдауы, оны редакциялауы, орналастыруы, басқа қатысушыға беруі немесе қылмыстық қызметте өзге де түрде пайдалануы.

Бұл мәселе жасанды интеллект жағдайында қылмыстық жауаптылықты адамға

бағдарланған тұрғыдан түсінудің орындылығын растайды. Жүйе қылмыстық жауаптылық субъектісіне айналмайды және жеке тұлғаның әрекетін дараландыру қажеттілігін жоймайды. Автоматтандыру деңгейі жоғары болған жағдайда да адам тарапынан бақылау жүзеге асырылған нақты нүктені (кезеңді) анықтау қажет. Бұған мақсат қою, процесті баптау, бастапқы деректерді іріктеу, нәтижені қабылдау, тарату процесін іске қосу, аккаунтты басқару немесе пайда алу секілді әрекеттер жатады. Технология неғұрлым автономды жұмыс істеген сайын, адамның нақты үлесін соғұрлым мұқият талдау қажет, әйтпесе жүйенің техникалық сипаттамасы әрекеттің объективтік және субъективтік жақтарын дәлелдеудің орнын басуы ықтимал.

Ақырында, алынған нәтижелер заңнамалық ұстамдылық қағидасын тұжырымдауға мүмкіндік береді. Жаңа технологиялардың жылдам пайда болуы көбіне олардың атауларын қылмыстық заңға жедел енгізуге деген ұмтылысты туындатады. Алайда қылмыс құрамының технологиялық тұрғыдан бейтарап конструкциясы нақты құралдарды тізіп көрсетуден анағұрлым тұрақты болуы мүмкін. Есірткі қылмысы үшін бірінші кезектегі маңызға зат, мақсат, әрекет, мөлшер, сыбайлас қатысу нысаны және заңда белгіленген өзге де белгілер ие. Жасанды интеллектті қылмыстық заң деңгейінде көрсету оның қоғамдық қауіптіліктің дербес әрі тұрақты түрде жоғарылауына әкелетіні және бұл жағдайдың қолданыстағы нормалармен қамтылмайтыны эмпирикалық түрде дәлелденген кезде ғана мәнге ие болады. Мұндай база қалыптасқанға дейін криминалистикалық әдістемені және процестік верификацияны дамыту технологиялық тәсілді дереу қылмыстандырудан гөрі негізді болып табылады.

Зерттеудің объективті шектеулері де бар. Қазақстанның ашық ресми дереккөздері есірткі бизнесінің цифрлануын, байланыссыз схемалардың таралуын, мессенджерлерді, банктік реквизиттерді және криптовалюталарды пайдалануды сенімді түрде сипаттауға мүмкіндік береді, алайда қазіргі уақытта сот арқылы расталған жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдалану бойынша репрезентативті статистика бермейді. Сондықтан ұсынылып отырған модель нормативтік-криминалистикалық сипатқа ие және алдағы уақытта қылмыстық істер массиві мен сараптамалық практика негізінде тексерілуі тиіс. Дәл осындай реттілік — алдымен бірыңғай тіркеу критерийлерін қалыптастыру, содан кейін эмпирикалық деректерді жинақтау және тек содан кейін заңнамалық өзгерістердің қажеттілігін бағалау — ғылыми тұрғыдан анағұрлым сенімді болып көрінеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу есірткінің заңсыз айналымына және цифрлық технологияларға байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтардың негізгі күрделілігі жасанды интеллектті қолдану фактісінің өзінде емес, оны процестік тұрғыдан атрибуциялауда екенін көрсетеді. Қылмыстық сот ісін жүргізу үшін белгілі бір мәтіннің, бейненің, боттың немесе қосымшаның қазіргі заманғы алгоритмдік құралдың белгілеріне ие екенін анықтау жеткіліксіз. Қандай жүйенің пайдаланылғанын, оны кім пайдаланғанын, қандай функцияны орындау үшін қолданғанын, қандай нәтиже алынғанын және оның қылмыстық қызметтің нақты эпизодымен қандай жолмен байланысты екенін дәлелдеу қажет.

Технологияның үш деңгейін: кәдімгі цифрлық технологияны, алгоритмдік автоматтандыруды және жасанды интеллектті ажырату ғылыми тұрғыдан негізделген тәсіл болып табылады. Мұндай ажырату құқықтық бағалауға дейін жүргізіліп, ведомстволық әдістемеде қолданылуы тиіс. Объективті растау алынғанға дейін «жасанды интеллекттің ықтимал қолданылғанының белгілері» деген тұжырым дұрыс болып табылады, ал «жасанды интеллектті қолдану расталды» деген тұжырымды «жүйе — нақты пайдаланушы — функция — нәтиже — эпизод» функционалдық тізбегі верификацияланғаннан кейін ғана қолдануға жол беріледі.

Ұсынылған дәлелдеудің үш контурлы моделі материалдық, цифрлық және қаржылық іздерді бір мезгілде зерттеу қажеттілігіне негізделеді. Контурлардың ешқайсысы екіншісін алмастырмауы тиіс. Цифрлық хат-хабар заттай дәлелдемені және нақты әрекетті дәлелдеу қажеттілігін жоймайды, заттың анықталуы қашықтан өткізудің құрылымы туралы сұраққа жауап бермейді, төлемнің жасалуының өзі реквизитті нақты пайдаланушыны анықтамайды. Дәлелдемелік тұрақтылықтың ең жоғары деңгейі бір-біріне тәуелсіз іздердің өзара расталуы кезінде қалыптасады.

Қылмыстық-құқықтық тұрғыдан алғанда, жасанды интеллектті пайдалану автоматты түрде дербес саралаушы мән-жай ретінде танылмауы тиіс. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің қолданыстағы 297-бабында мұндай белгі көзделмеген және оны кеңейтілген түсіндіру арқылы енгізуге болмайды. 299-1-бапта насихатты немесе заңсыз жарнаманы бұқаралық ақпарат құралдары, телекоммуникациялар

желілері немесе онлайн-платформалар арқылы таратудың заңда көзделген тәсілі маңызды болып табылады, бұл ретте жасанды интеллект контентті жасау тетігін сипаттауы мүмкін, алайда қылмыстық құқық бұзушылық құрамының белгілерін алмастырмайды. Қылмыстық-құқықтық арнайы саралаудың қажеттілігі туралы мәселені жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдаланудың нақты дәлелденген жағдайлары туралы эмпирикалық деректер жинақталғаннан кейін ғана талқылау орынды.

Зерттеу нәтижелері бойынша өзара байланысты кешенді шараларды іске асыру ұсынылады. Біріншіден, Қазақстан Республикасының Ішкі істер министрлігі мүдделі құқық қорғау және сараптамалық органдармен бірлесіп цифрлық есірткі қылмысында жасанды интеллекттің болжамды түрде пайдаланылғанын тіркеудің бірыңғай ведомстволық стандартын әзірлегені орынды. Стандарттың ең төменгі деректері мыналарды қамтуы тиіс: цифрлық дереккөз, жүйе немесе сервис, жасанды интеллект туралы нұсқаның негіздемесі, нақты пайдаланушы, уақыт, функция, заңды түрде қолжетімді болған жағдайда бастапқы деректер, нәтиже, эпизодпен байланыс және растаудың процестік көзі.

Екіншіден, тергеу органдарының талдамалық және ақпараттық жүйелерінде екі мәртебені: «ЖИ-индикаторы (тексеруді қажет етеді)» және «жасанды интеллектті пайдалану расталды» деген мәртебелерді ажыратқан жөн. Мұндай шешім Қылмыстық-процестік кодекске өзгеріс енгізбейді және жаңа дәлелдеме түрін қалыптастырмайды, алайда нұсқа мен анықталған фактінің араласуына жол бермейді, сондай-ақ болашақта құқық қолдану практикасының сенімді статистикасын қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Үшіншіден, бірнеше эпизодтан тұратын қылмыстық істер бойынша заттай объектіні, цифрлық дереккөзді, нақты пайдаланушыны, коммуникациялық байланысты, қаржылық деректерді, жасанды интеллекттің рөлін, процестік нысанды және анықталған олқылықтарды біріктіретін ішкі «цифрлық эпизод картасын» енгізу қажет. Карточка тек ұйымдастырушылық-талдамалық сипатта болуы және заңда көзделген процестік құжаттарды алмастырмауы тиіс.

Төртіншіден, жасанды интеллектті құқық қорғау органы қолдану нәтижесі тек оның алгоритмдік жолмен алынуына байланысты дербес дәлелдемелік күшке ие болмайды деген ережені нормативтік-әдістемелік тұрғыдан бекіту ұсынылады. Ол іздеу және талдау мақсатында пайдаланылуы тиіс, ал заңдық маңызы бар фактілер қылмыстық-процестік заңнамада белгіленген тәртіппен алынған және бекітілген бастапқы деректермен расталуы қажет. Мұндай ереже байланыстарды анықтау, контентті тану, тәуекелдерді бағалау және өзге де ықтималдық модельдері қолданылатын жүйелер үшін ерекше маңызды.

Бесіншіден, цифрлық объектінің шығу тегіне қойылатын ең төменгі талаптарды біріздендіру қажет: алынған дереккөз, уақыт, тіркеу тәсілі, қолжетімді болған жағдайда бастапқы файл, жүргізілген өзгерістер туралы мәліметтер, жұмыс және бақылау көшірмелерін сәйкестендіру. Жасанды интеллект арқылы жасалған немесе өзгертілген деп болжанатын объектілер үшін бастапқы файлды сақтау басымдық ретінде қарастырылуы тиіс, өйткені дәл осы файл кейінгі техникалық зерттеу үшін неғұрлым ақпараттық болып табылады.

Алтыншыдан, есірткі қылмысына қарсы іс-қимыл бөлімшелерінің қызметкерлерін, тергеушілерді, жедел қызметкерлерді, криминалист-мамандарды және сарапшыларды біліктілігін арттыру бағдарламаларына жасанды интеллектті қылмыстық-процестік верификациялау бойынша бірыңғай модуль енгізу қажет. Оның мазмұны жасанды интеллект пен автоматтандыруды ажыратуды, синтетикалық контентті, цифрлық шығу тегін, уақыт белгілерін, детекторлардың шектеулерін, қаржылық және оқиғалық корреляцияны, сондай-ақ сараптамалық сұрақтарды қою қағидаларын қамтуы тиіс.

Жетіншіден, жасанды интеллектті қылмыстық мақсатта пайдаланудың расталған жағдайларына ведомствоаралық анонимдендірілген мониторинг жүргізу орынды. Онда технологияның функционалдық класы, қылмыстық құқық бұзушылықтың құрамы, қолдану тәсілі, дәлелдемелік растаудың түрі және қорытынды процестік шешім көрсетілуі тиіс. Репрезентативтік практика қалыптасқаннан кейін ғана қылмыстық заңнамаға өзгерістер енгізу қажеттілігін ғылыми тұрғыдан негізді бағалауға болады, бұл ретте технологиялық дамуға қатысты жалпы алаңдаушылықтарға сүйенуге болмайды.

Сегізіншіден, Бас прокуратураға, Ішкі істер министрлігіне және сот сараптамасы органдарына синтетикалық материалдарды тіркеудің жол берілетін тәсілдері, бағдарлаушы ЖИ-индикаторын расталған техникалық фактіден ажырату критерийлері, сондай-ақ маман мен сарапшыға қойылуы мүмкін сұрақтардың шектері туралы бірлескен әдістемелік түсіндірмелер әзірлеу орынды.

Мұндай біріздендіру практикадағы өңірлік әркелкілікті азайтуға және псевдосараптамалық қорытындылардың пайда болуының алдын алуға мүмкіндік береді.

Тоғызыншыдан, қылмыстық сот ісін жүргізудің цифрлық платформаларын жетілдіру кезінде цифрлық объектінің шығу тегін, оның нақты эпизодпен байланысын, жасанды интеллект туралы нұсқаны тексеру мәртебесін және қаржылық корреляцияны көрсетуге мүмкіндік беретін құрылымдалған өрістерді қарастырған жөн. Бұл кінәлілік туралы қорытындыны автоматтандыруды емес, дәлелдемелік ақпараттың үлкен көлемін басқару мүмкіндігін жақсартуды және жетіспейтін байланыстарды анықтауды көздейді.

Осылайша, жасанды интеллектті пайдалану жағдайындағы есірткі қылмысына қарсы іс-қимылдың перспективалық моделі «ЖИ үшін ерекше құқық» қалыптастыру жолымен емес, қылмыстық процестің дәстүрлі қағидаттарын технологиялық тұрғыдан сауатты түрде күшейту жолымен дамуы тиіс. Оларға заңдылық, тексерілу мүмкіндігі, жауаптылықты даралау, дәлелдемелердің жол берілетіндігі және олардың жиынтығын бағалау жатады. Алгоритмдік орта неғұрлым күрделене түскен сайын, сот пен процеске қатысушыларға тек түпкілікті қорытындыны ғана емес, сонымен бірге оның қандай нақты негізге сүйеніп жасалғанын түсінуге мүмкіндік беретін ашық әрі айқын дәлелдемелік тізбектің маңызы арта түседі.

Әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2025 жылғы 19 желтоқсандағы №1117 қаулысы «Қазақстан Республикасында 2026–2028 жылдарға арналған нашақорлық пен есірткі бизнесіне қарсы күрес жөніндегі кешенді жоспарды бекіту туралы». [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001117

2. Қазақстан Республикасының Ішкі істер министрлігі. 2026 жылдың жеті айындағы есірткі қылмысына қарсы іс-қимылдың ресми қорытындылары [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1279636?lang=ru

3. Қазақстан Республикасының Ішкі істер министрлігі. 2026 жылғы есірткі желілеріне қатысушыларды цифрлық жолмен тартудың халықаралық арнасының жолын кесу туралы ресми материалдар // gov.kz. 2026 [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/1?body=%D0%A7%D0%BF&lang=ru

4. Майтанов А.М., Сулейменов Т.Н. Применение искусственного интеллекта в борьбе с наркопреступлениями в Казахстане: новые горизонты и возможности // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2025. - № 2 (118). - С. 116-124. DOI: 10.31489/2025L2/116-124.

5. Сакенова А.Б., Сулейменов Т.Н., Уакасов Д.А. Особенности раскрытия и расследования уголовных правонарушений в сфере нелегального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, совершенных посредством сети Интернет // Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. - 2024. - № 1 (83). - С. 122-127.

6. Сарсенбаева Б.Б. Искусственный интеллект в доказывании по уголовному делу // Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. - 2024. - № 1 (83). - С. 127-131.

7. Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 17 қарашадағы №230-VIII ҚРЗ «Жасанды интеллект туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

8. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі №226-V ҚРЗ Қылмыстық кодексі [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

9. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 4 шілдедегі №231-V ҚРЗ Қылмыстық-процестік кодексі [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

10. Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 10 шілдедегі №279-I «Есірткі құралдары, психотроптық заттар, олардың аналогтары мен прекурсорлары туралы және олардың заңсыз айналымы мен теріс пайдаланылуына қарсы іс-қимыл шаралары туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279_

11. Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 15 қыркүйектегі №154-XIII «Жедел-іздестіру қызметі туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_

12. Қазақстан Республикасының 2017 жылғы 10 ақпандағы №44-VI ҚРЗ «Сот-сараптама қызметі туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044

13. Қазақстан Республикасының 2023 жылғы 6 ақпандағы №193-VII ҚРЗ «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193

14. Қазақстан Республикасының 2023 жылғы 10 шілдедегі №18-VIII ҚРЗ «Онлайн-платформалар және онлайн-жарнама туралы» Заңы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018

15. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 1998 жылғы 14 мамырдағы №3 «Есірткі құралдарының, психотроптық заттардың, олардың аналогтары мен прекурсорларының заңсыз айналымына байланысты істер бойынша заңнаманы қолдану туралы» нормативтік қаулысы [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P98000003S_

16. Қазақстан Республикасы Әділет министрінің 2017 жылғы 27 наурыздағы №306 «Сот сараптамасы органдары жүргізетін сот сараптамалары түрлерінің және біліктілігі Қазақстан Республикасының Әділет министрлігі беретін сарапшылық мамандықтардың тізбесін бекіту туралы» бұйрығы (қолданыстағы редакцияда). [Электрондық ресурс] Қол жеткізу режимі: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700014992

17. Кайназарова Д.Б., Калиев А.А. Анализ сетевого трафика как источник цифровых доказательств // Хабаршы — Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова. - 2025. - № 3 (89). - С. 108-114.

18. Муратова Н.М., Сарсенбаева Б.Б. Профессиональная деятельность специалиста-криминалиста в условиях цифровой трансформации правоохранительных служб: развитие компетенций // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2025. - Т. 115. - № 3. - С. 128-139.

19. Сарсенбаева Б.Б., Шаркемелов А.К., Бегимбаев С.А. Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику: от анализа данных к принятию решений // Eurasian Scientific Journal of Law. - 2025. - № 4 (13). - С. 206-216. DOI: 10.46914/2959-4197-2025-1-4-206-216.

20. Бакыт С.Б., Алаева Г.Т., Жанибеков А.К., Юхневич Э.Э., Рахметулина Б.С. Цифровизация судебной экспертизы: влияние на качество доказательств и процессуальные риски // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2026. - Т. 117. - № 1. - С. 191-202. DOI: 10.26577/JAPJ1171202616.

21. Усеинова К.Р., Токтыбаев А.А., Жапарбек А.М. Влияние технологий искусственного интеллекта и блокчейна на современную юриспруденцию: правоприменение и нормативное регулирование // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2026. - Т. 117. - № 1. - С. 21-32. DOI: 10.26577/JAPJ117120262.

22. Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Цифровые технологии на страже закона: современные методы расследования наркопреступлений. 3 июля 2026 года [Электронный ресурс] Режим доступа: https://academy-gp.kz/?lang=ru&p=29990

23. Генеральная прокуратура Республики Казахстан. О результатах противодействия наркопреступности и финансовой инфраструктуре наркобизнеса в первом полугодии 2026 года // gov.kz. 2026 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1246961?lang=ru

References

1. Qazaqstan Respýblıkasy Úkimetiniń 2025 jylǵy 19 jeltoqsandaǵy №1117 qaýlysy "Qazaqstan Respýblıkasynda 2026-2028 jyldarǵa arnalǵan nashaqorlyq pen esirtki bıznesine qarsy kúres jónindegi keshendi jospardy bekitý týraly". [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001117

2. Qazaqstan Respýblıkasynyń Ishki ister mınıstrligi. 2026 jyldyń jeti aıyndaǵy esirtki qylmysyna qarsy is-qımyldyń resmı qorytyndylary [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1279636?lang=ru

3. Qazaqstan Respýblıkasynyń Ishki ister mınıstrligi. 2026 jylǵy esirtki jelilerine qatysýshylardy sıfrlyq jolmen tartýdyń halyqaralyq arnasynyń jolyn kesý týraly resmı materıaldar // gov.kz. 2026 [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/1?body=%D0%A7%D0%BF&lang=ru

4. Majtanov A.M., Sulejmenov T.N. Primenenie iskusstvennogo intellekta v bor'be s narkoprestupleniyami v Kazahstane: novye gorizonty i vozmozhnosti // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Pravo». - 2025. - № 2 (118). - S. 116-124. DOI: 10.31489/2025L2/116-124.

5. Sakenova A.B., Sulejmenov T.N., Uakasov D.A. Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya ugolovnyh pravonarushenij v sfere nelegal'nogo oborota narkoticheskih sredstv, psihotropnyh veshchestv, ih analogov, sovershennyh posredstvom seti Internet // Habarshy — Vestnik Karagandinskoj akademii MVD Respubliki Kazahstan im. B. Bejsenova. - 2024. - № 1 (83). - S. 122-127.

6. Sarsenbaeva B.B. Iskusstvennyj intellekt v dokazyvanii po ugolovnomu delu // Habarshy — Vestnik Karagandinskoj akademii MVD Respubliki Kazahstan im. B. Bejsenova. - 2024. - № 1 (83). - S. 127-131.

7. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2025 jylǵy 17 qarashadaǵy №230-VIII QRZ "Jasandy ıntellekt týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

8. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2014 jylǵy 3 shildedegi №226-V QRZ Qylmystyq kodeksi [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

9. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2014 jylǵy 4 shildedegi №231-V QRZ Qylmystyq-prosestik kodeksi [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

10. Qazaqstan Respýblıkasynyń 1998 jylǵy 10 shildedegi №279-I "Esirtki quraldary, psıhotroptyq zattar, olardyń analogtary men prekýrsorlary týraly jáne olardyń zańsyz aınalymy men teris paıdalanylýyna qarsy is-qımyl sharalary týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279_

11. Qazaqstan Respýblıkasynyń 1994 jylǵy 15 qyrkúıektegi №154-XIII "Jedel-izdestirý qyzmeti týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_

12. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2017 jylǵy 10 aqpandaǵy №44-VI QRZ "Sot-saraptama qyzmeti týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044

13. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2023 jylǵy 6 aqpandaǵy №193-VII QRZ "Qazaqstan Respýblıkasyndaǵy sıfrlyq aktıvter týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193

14. Qazaqstan Respýblıkasynyń 2023 jylǵy 10 shildedegi №18-VIII QRZ "Onlaın-platformalar jáne onlaın-jarnama týraly" Zańy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018

15. Qazaqstan Respýblıkasy Joǵarǵy Sotynyń 1998 jylǵy 14 mamyrdaǵy №3 "Esirtki quraldarynyń, psıhotroptyq zattardyń, olardyń analogtary men prekýrsorlarynyń zańsyz aınalymyna baılanysty ister boıynsha zańnamany qoldaný týraly" normatıvtik qaýlysy [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P98000003S_

16. Qazaqstan Respýblıkasy Ádilet mınıstriniń 2017 jylǵy 27 naýryzdaǵy №306 "Sot saraptamasy organdary júrgizetin sot saraptamalary túrleriniń jáne biliktiligi Qazaqstan Respýblıkasynyń Ádilet mınıstrligi beretin sarapshylyq mamandyqtardyń tizbesin bekitý týraly" buıryǵy (qoldanystaǵy redaksıada). [Elektrondyq resýrs] Qol jetkizý rejımi: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700014992

17. Kajnazarova D.B., Kaliev A.A. Analiz setevogo trafika kak istochnik cifrovyh dokazatel'stv // Habarshy — Vestnik Karagandinskoj akademii MVD Respubliki Kazahstan im. B. Bejsenova. - 2025. - № 3 (89). - S. 108-114.

18. Muratova N.M., Sarsenbaeva B.B. Professional'naya deyatel'nost' specialista-kriminalista v usloviyah cifrovoj transformacii pravoohranitel'nyh sluzhb: razvitie kompetencij // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2025. - T. 115. - № 3. - S. 128-139.

19. Sarsenbaeva B.B., Sharkemelov A.K., Begimbaev S.A. Integraciya iskusstvennogo intellekta v kriminalisticheskuyu praktiku: ot analiza dannyh k prinyatiyu reshenij // Eurasian Scientific Journal of Law. - 2025. - № 4 (13). - S. 206-216. DOI: 10.46914/2959-4197-2025-1-4-206-216.

20. Bakyt S.B., Alaeva G.T., Zhanibekov A.K., Yuhnevich E.E., Rahmetulina B.S. Cifrovizaciya sudebnoj ekspertizy: vliyanie na kachestvo dokazatel'stv i processual'nye riski // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2026. - T. 117. - № 1. - S. 191-202. DOI: 10.26577/JAPJ1171202616.

21. Useinova K.R., Toktybaev A.A., Zhaparbek A.M. Vliyanie tehnologij iskusstvennogo intellekta i blokchejna na sovremennuyu yurisprudenciyu: pravoprimenenie i normativnoe regulirovanie // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2026. - T. 117. - № 1. - S. 21-32. DOI: 10.26577/JAPJ117120262.

22. Akademiya pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan. Cifrovye tehnologii na strazhe zakona: sovremennye metody rassledovaniya narkoprestuplenij. 3 iyulya 2026 goda [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://academy-gp.kz/?lang=ru&p=29990

23. General'naya prokuratura Respubliki Kazahstan. O rezul'tatah protivodejstviya narkoprestupnosti i finansovoj infrastrukture narkobiznesa v pervom polugodii 2026 goda // gov.kz. 2026 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1246961?lang=ru

УДК: 343.77
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.014

Адель САДВАКАСОВА *– доктор философии (phD), старший научный сотрудник Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, Караганда, ул. Академическая 9, e-mail: adel_sadvakasova@mail.ru*

Азат ТҰРАПБАЕВ *– руководитель отдела ветеринарии и фитосанитарии Управления охраны окружающей среды и природопользования города Астаны, 010000, Республика Казахстан, Астана, пр. Сарыарка 13, e-mail:azatturapbaev@gmail.com*

МЕЖДУ СПАСЕНИЕМ И ДОКАЗЫВАНИЕМ: ПРАВОВОЙ АЛГОРИТМ ОБРАЩЕНИЯ С ОБНАРУЖЕННЫМИ И ИЗЪЯТЫМИ ДИКИМИ ЖИВОТНЫМИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БРАКОНЬЕРСТВУ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследована малоразработанная организационно-правовая проблема, возникающая на стыке охраны животного мира, уголовного преследования и спасения диких животных: отсутствие единого и понятного алгоритма действий при обнаружении живого, раненого, изъятого либо предположительно незаконно добытого дикого животного. Эмпирическую основу составили предварительные результаты экспертных интервью с лицами, работающими в сфере охраны животного мира, в том числе в Астане, Павлодаре и Петропавловске, материалы открытых источников и нормативные правовые акты Республики Казахстан. Установлено, что нормативного вакуума как такового нет: приказом от 23 мая 2022 года № 176 предусмотрена передача конфискованных, найденных и травмированных диких животных в реабилитационный центр в определенных случаях. Вместе с тем действующее регулирование преимущественно охватывает стадию после официального изъятия и не формирует сквозную маршрутизацию от первичного сообщения до определения вида, правового статуса, ветеринарной помощи, процессуальной фиксации и последующей передачи животного. Особое внимание уделено статьям 335, 337 и 339 УК Республики Казахстан, полномочиям природоохранной полиции и проблеме актуальности Красной книги. Показано, что четвертое иллюстрированное издание тома по позвоночным животным было подготовлено в 2008 году и отпечатано для публичного использования в 2010 году, тогда как нормативный перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения животных был изложен в новой редакции только 17 августа 2026 года.

Обоснована модель «двухконтурного реагирования», при которой спасение животного и сохранение доказательственной информации осуществляются параллельно. Предлагается принять совместные межведомственные правила, создать цифровой идентификатор охраняемых видов и региональные карты маршрутизации, формализовать участие ветеринаров, зоологов и аккредитованных волонтерских организаций. Данное исследование было профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №AP27510473).

Ключевые слова: браконьерство, незаконная охота, незаконная добыча рыбных ресурсов, редкие и исчезающие виды, Красная книга Республики Казахстан, дикое животное, природоохранная полиция, межведомственное взаимодействие, вещественные доказательства, реабилитационный центр.

Адель САДВАКАСОВА *- философия докторы (phD), экономикалық және құқықтық зерттеулер ғылыми-зерттеу институтының аға ғылыми қызметкері, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая к-сі, 9, e-mail: adel_sadvakasova@mail.ru;*

Азат ТҰРАПБАЕВ *– Астана қаласы Қоршаған ортаны қорғау және табиғат пайдалану басқармасының ветеринария және фитосанитария бөлімінің басшысы, 010000, Қазақстан Республикасы, Астана, Сарыарқа даңғылы 13, e-mail:azatturapbaev@gmail.com*

ҚҰТҚАРУ МЕН ДӘЛЕЛДЕУ АРАСЫНДА: АНЫҚТАЛҒАН ЖӘНЕ АЛЫП ҚОЙЫЛҒАН ЖАБАЙЫ ЖАНУАРЛАРМЕН ЖҰМЫС ІСТЕУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АЛГОРИТМІ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА БРАКОНЬЕРЛІККЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ ЭЛЕМЕНТІ РЕТІНДЕ

Түйін. Мақалада жануарлар дүниесін қорғау, қылмыстық қудалау және жабайы жануарларды құтқару салаларының түйісуінде туындайтын, ғылыми әдебиетте жеткілікті зерттелмеген ұйымдастырушылық-құқықтық мәселе қарастырылады: тірі, жараланған, алып қойылған немесе заңсыз ауланuы ықтимал жабайы жануар табылған кездегі бірыңғай әрі түсінікті іс-қимыл алгоритмінің болмауы. Эмпирикалық негізді жануарлар дүниесін қорғау саласында жұмыс істейтін тұлғалармен, оның ішінде Астана, Павлодар және Петропавл қалаларындағы мамандармен жүргізілген сараптамалық сұхбаттардың алдын ала нәтижелері, ашық дереккөз материалдары және Қазақстан Республикасының нормативтік құқықтық актілері құрады. Зерттеу толық құқықтық вакуумның жоқ екенін көрсетті: 2022 жылғы 23 мамырдағы № 176 бұйрықта белгілі жағдайларда тәркіленген, табылған және жараланған жабайы жануарларды оңалту орталығына беру көзделген. Алайда қолданыстағы реттеу негізінен ресми алып қоюдан кейінгі кезеңді қамтиды және алғашқы хабарламадан бастап жануардың түрін және құқықтық мәртебесін анықтауға, ветеринариялық көмекке, процестік бекітуге және кейінгі орналастыруға дейінгі бірыңғай маршрутты қалыптастырмайды. ҚР ҚК-нің 335, 337 және 339-баптарына, табиғатты қорғау полициясының өкілеттіктеріне және Қызыл кітаптың өзектілігіне ерекше назар аударылды. Омыртқалы жануарлар жөніндегі төртінші басылым 2008 жылы дайындалып, 2010 жылы көпшілік пайдалануы үшін басылып шыққаны, ал сирек және жойылып кету қаупі төнген жануарлардың нормативтік тізбесі тек 2026 жылғы 17 тамызда жаңа редакцияда бекітілгені көрсетілді. Жануарды құтқару мен дәлелдемелік ақпаратты сақтауды қатар қамтамасыз ететін «екі контурлы әрекет ету» моделі ұсынылды. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті тарапынан қаржыландырылды (грант № AP27510473).

Түйінді сөздер: браконьерлік, заңсыз аң аулау, балық ресурстарын заңсыз алу, сирек және жойылып кету қаупі төнген түрлер, Қазақстан Республикасының Қызыл кітабы, жабайы жануар, табиғатты қорғау полициясы, ведомствоаралық өзара іс-қимыл, заттай дәлелдемелер, оңалту орталығы.

Adel SADVAKASOVA *- PhD, Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Economic and Legal Research, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya St. 9, e-mail: adel_sadvakasova@mail.ru;*

Azat TURAPBAYEV *– Head of the Department of Veterinary and Phytosanitary of the Department of Environmental Protection and Nature Management of Astana, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 13 Saryarka ave., e-mail:azatturapbaev@gmail.com*

BETWEEN RESCUE AND EVIDENCE: A LEGAL PROTOCOL FOR HANDLING FOUND AND SEIZED WILD ANIMALS AS AN ELEMENT OF ANTI-POACHING POLICY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article examines an underexplored organisational and legal problem at the intersection of wildlife protection, criminal enforcement and wildlife rescue: the absence of a single, clear response protocol when a live, injured, seized or allegedly illegally taken wild animal is found. The empirical basis includes preliminary expert interviews with persons working in wildlife protection, including respondents in Astana, Pavlodar and Petropavlovsk, open-source case materials and current legislation of the Republic of Kazakhstan. The study finds that Kazakhstan does not face a complete regulatory vacuum. Order No. 176 of 23 May 2022 provides, in certain circumstances, for the transfer of confiscated, found and injured wild animals to a rehabilitation centre. However, the existing framework mainly addresses the stage after official seizure and does not create an end-to-end route from the initial report to species and legal-status identification, emergency veterinary care, procedural documentation and final placement.

Particular attention is paid to Articles 335, 337 and 339 of the Criminal Code, the mandate of the environmental police and the currency of the Red Data Book. The fourth illustrated edition on vertebrates was prepared in 2008 and printed for public use in 2010, whereas the legally binding list of rare and endangered animals was revised only on 17 August 2026. The article develops a dual-track response model in which animal rescue and preservation of evidentiary information proceed in parallel. It proposes joint interagency rules, a digital protected-species identifier, regional routing maps and formal participation of veterinarians, zoologists and accredited volunteer organisations. This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No.AP27510473).

Keywords: poaching, illegal hunting, illegal extraction of fish resources, rare and endangered species, Red Data Book of Kazakhstan, wild animal, environmental police, interagency cooperation, material evidence, rehabilitation centre.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ

Садвакасова А., Тұрапбаев А. Между спасением и доказыванием: правовой алгоритм обращения с обнаруженными и изъятыми дикими животными как элемент противодействия браконьерству в Республике Казахстан // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 143–158.

APA

Sadvakasova, A., Turapbayev, A. (2026). Between rescue and evidence: a legal protocol for handling found and seized wild animals as an element of anti-poaching policy in the Republic of Kazakhstan [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 143–158.

Введение

Уголовно-правовая охрана животного мира традиционно рассматривается через установление запретов на незаконную добычу, охоту и оборот отдельных видов. Между тем правоприменительная практика начинается значительно раньше квалификации деяния: с момента, когда гражданин, инспектор, работник природоохранной организации, ветеринар, сотрудник полиции или волонтер фактически обнаруживает животное. Именно на этой первичной стадии решается, будет ли животное спасено, будет ли установлен его вид, сохранится ли информация о месте обнаружения, травмах, орудиях добывания и иных следах, а также будет ли сообщение своевременно передано компетентному органу. Закон Республики Казахстан «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» относит к охране животного мира не только сохранение видов и среды обитания, но и комплекс мер по профилактике и борьбе с правонарушениями в данной области [1]. Тем самым спасение дикого животного и противодействие браконьерству не должны восприниматься как два изолированных направления государственной деятельности.

Вторая нормативная линия сформирована Законом Республики Казахстан «Об ответственном обращении с животными». Закон исходит из признания животных живыми существами, способными испытывать боль и физические страдания, а статья 16 прямо отсылает вопросы обращения с дикими животными одновременно к указанному Закону и законодательству об охране, воспроизводстве и использовании животного мира [2]. Для исследуемой темы принципиально, что правовой режим найденного дикого животного не сводится к режиму природного ресурса. Пока животное живо, государство должно совместить требования экологического законодательства, гуманного обращения, ветеринарной безопасности и, при наличии признаков преступления, уголовно-процессуального доказывания.

Казахстанская правовая доктрина давно обращает внимание на необходимость четкой организации государственного управления в экологической сфере. С.Д. Бекишева связывала обеспечение экологической безопасности с содержанием и качеством государственного управления, то есть не только с наличием материальных запретов, но и с распределением компетенции между государственными институтами [3, с. 43-48]. В коллективной монографии под общей редакцией Р.К. Сарпекова и С.М. Рахметова совершенствование ответственности за экологические уголовные правонарушения рассматривается через анализ законодательства и практики его применения [4]. К.А. Бакишев, исследуя экологические правонарушения в УК Республики Казахстан, критически оценивал конструкцию отдельных составов и необходимость юридической определенности уголовно-правового регулирования [5, с. 133-140]. Р.Т. Нуртаев, в свою очередь, показывал сложность квалификационных вопросов экологических уголовных правонарушений и необходимость дальнейшего развития соответствующих норм [6, с. 54-63]. Указанные подходы объединяет важная для настоящей статьи идея: эффективность

экологической уголовно-правовой охраны зависит не только от санкции, но и от способности институциональной системы правильно распознать юридически значимую ситуацию и обеспечить ее документирование.

Предварительный этап проводимого прикладного исследования выявил практическую проблему, которая в действующей модели остается на периферии правового регулирования. В ходе экспертных интервью с лицами, профессионально связанными с охраной животного мира, в том числе в Астане, Павлодаре и Петропавловске, неоднократно воспроизводилась сходная ситуация: при обнаружении дикого животного сотрудники и граждане не имеют перед собой единого алгоритма, позволяющего быстро определить, кому сообщить о находке, кто обязан выехать, кто идентифицирует вид, где проверить его охранный статус, кто обеспечивает безопасную транспортировку и в какое учреждение животное должно быть передано. Отдельно респонденты указывали на отсутствие понятных методических рекомендаций именно по первичному обращению с обнаруженными животными и на недостаточную практическую связанность с природоохранной полицией.

Данный эмпирический вывод нельзя трактовать как утверждение о полном отсутствии нормативного регулирования. Напротив, в Казахстане существует несколько правовых актов, регулирующих отдельные фрагменты рассматриваемой ситуации. Научная проблема состоит в другом: каждый из них отвечает на собственный ведомственный вопрос, но ни один не формирует сквозной межведомственный маршрут живого дикого животного от момента обнаружения до его выпуска, реабилитации, передачи либо использования сведений о нем в уголовном производстве. Следовательно, исследованию подлежит не столько наличие или отсутствие отдельных норм, сколько их функциональная связность.

Связь рассматриваемого пробела с браконьерством особенно отчетливо проявляется при обращении к статьям 335, 337 и 339 Уголовного кодекса Республики Казахстан [7]. Статья 335 охраняет рыбные ресурсы, других водных животных и растения от незаконной добычи при наличии предусмотренных законом признаков уголовной наказуемости; статья 337 устанавливает ответственность за незаконную охоту; статья 339 - за незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения, а также запрещенными к пользованию видами растений или животных. При обнаружении живого животного правовая квалификация не всегда очевидна: найденная птица может оказаться законно содержащейся в неволе, объектом незаконной охоты, предметом незаконного оборота редкого вида либо животным, пострадавшим от иных антропогенных факторов. Ошибка на первичной стадии способна привести либо к необоснованной криминализации, либо, напротив, к утрате следов уголовного правонарушения.

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении судами законодательства об ответственности за некоторые экологические уголовные правонарушения» имеет здесь принципиальное значение. Верховный Суд разъясняет, что незаконная охота охватывает не только фактическое добывание животного, но при определенных условиях также поиск, выслеживание, преследование и попытку добывания; одновременно незаконное добывание редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, видов, регулируемых международными договорами, животных, на которых введен запрет, подлежит квалификации по соответствующей части статьи 339 УК [8]. Следовательно, вопрос о точной видовой идентификации найденного животного может непосредственно определять уголовно-правовую квалификацию.

Цель данной научной статьи состоит в выявлении организационно-правового разрыва между режимом охраны дикого животного и механизмом уголовно-правового реагирования на браконьерство, а также в разработке модели межведомственной маршрутизации обнаруженных, изъятых и травмированных диких животных. Для достижения цели решаются четыре взаимосвязанные задачи: анализируется действующее законодательство об охране животного мира и ответственном обращении с животными; оценивается актуальность механизма определения редкого и исчезающего вида; исследуются полномочия природоохранной полиции и отраслевых органов; формулируется алгоритм, позволяющий одновременно обеспечить благополучие животного и сохранность доказательственной информации.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили действующие по состоянию на 8 сентября 2026 года Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан, законы «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира», «Об ответственном обращении с животными», «Об

особо охраняемых природных территориях», подзаконные акты Министерства экологии и природных ресурсов и Министерства внутренних дел, а также постановления Правительства, регулирующие перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных. При оценке уголовно-правовой квалификации учитывались разъяснения Верховного Суда Республики Казахстан.

Эмпирическую часть образуют предварительные результаты полуструктурированных экспертных интервью, проводимых в рамках проекта «Защита животного и растительного мира Казахстана: проблемы борьбы с браконьерством и их решение». В настоящей публикации результаты интервью используются как качественный материал: не приводятся проценты и не делаются статистические выводы о распространенности конкретной практики по всей стране, поскольку соответствующий массив продолжает формироваться. Анализируется устойчиво повторяющийся содержательный мотив ответов: отсутствие у специалистов единого понятного алгоритма действий при обнаружении дикого животного и слабая институциональная связность с природоохранной полицией и организациями, способными принять животное.

Для внешней проверки реалистичности выявленной проблемы применен кейс-метод. Из открытых источников отобраны случаи, в которых можно проследить реальную цепочку действий после обнаружения или использования дикого животного: спасение косуль в Павлодаре, использование страуса в рекламных целях в Астане, изъятие редких хищных птиц из незаконного питомника в Караганде и их временное размещение в зоопарке. Данные примеры не используются для количественной оценки работы государственных органов. Их функция - показать разные варианты маршрутизации и точки, в которых государственная, общественная и ветеринарная инфраструктура фактически соединяются либо заменяют друг друга.

Методологически исследование сочетает формально-юридический, системно-структурный, функциональный и социологический методы. Формально-юридический метод позволил определить объем полномочий конкретных субъектов; системно-структурный - выявить разрыв между отдельными нормативными блоками; функциональный - оценить, кто фактически должен выполнить каждую стадию реагирования; качественный социологический анализ - сопоставить нормативную модель с практическим восприятием ее адресатами.

В качестве центральной аналитической категории предлагается понятие «двухконтурное реагирование». Первый контур является биологическим и гуманитарным: безопасность людей, минимизация страданий животного, экстренная ветеринарная помощь, транспортировка, реабилитация и, по возможности, возврат в среду обитания. Второй контур - правоохранительный и доказательственный: фиксация места и времени обнаружения, сохранение следов, определение вида и охранного статуса, регистрация сообщения, участие специалиста, отбор образцов, документирование передачи и дальнейшее процессуальное решение. Научная гипотеза состоит в том, что эти контуры должны запускаться параллельно, а не последовательно и не взаимоисключающе.

Результаты/Обсуждение

1. Дикое животное как объект охраны и потенциальный носитель доказательственной информации

Действующее законодательство позволяет сформулировать исходное положение: обнаруженное дикое животное не имеет единственного правового статуса. Закон «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» определяет животных как диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы, а редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды выделяет в самостоятельную категорию животного мира [1]. Закон «Об ответственном обращении с животными», напротив, фокусируется на гуманном обращении, включая специальные требования к диким животным [2]. В ситуации предполагаемого уголовного правонарушения к этим режимам добавляется уголовно-процессуальный статус источника доказательственной информации.

УПК Республики Казахстан относит к вещественным доказательствам предметы, сохранившие или способные сохранить следы уголовного правонарушения, а также предметы, являвшиеся объектами общественно опасного посягательства. Статья 219 УПК предусматривает возможность осмотра животных, а статьи 220 и 221 устанавливают безотлагательность осмотра и правила обращения с объектами, которые могут быть признаны вещественными доказательствами [18]. В отношении живого животного буквальное перенесение обычного режима хранения вещественных доказательств невозможно. Живой организм требует лечения, кормления,

специальных условий и иногда немедленного хирургического вмешательства. Следовательно, процессуальная форма должна адаптироваться к биологической природе объекта, а не пытаться подчинить ее режиму хранения неодушевленной вещи.

Практический конфликт проявляется в простом примере. Если раненная хищная птица обнаружена с повреждением крыла и предполагаемым огнестрельным ранением, промедление ради ожидания следственно-оперативной группы может ухудшить ее состояние. Но если птицу сразу увезти, не зафиксировав точное место, положение тела, окружающие предметы, возможные гильзы, капканы, следы транспорта и характер загрязнения оперения, часть доказательственной информации будет утрачена. Медицинское вмешательство способно изменить раневой канал, удалить инородное тело или смыть следы. Отсюда следует необходимость протокола, который не противопоставляет ветеринарную помощь доказыванию, а устанавливает минимальный обязательный набор фиксации до начала манипуляций, не терпящих отлагательства.

Для статей 335, 337 и 339 УК значение имеют разные фактические обстоятельства [7]. По статье 335 важно установить объект водной фауны, место, способ и последствия добычи. Для статьи 337 - отнесение животного к объектам охоты, наличие разрешительных документов, место, время, орудия и способ охоты. Для статьи 339 определяющее значение может приобрести принадлежность к редкому, находящемуся под угрозой исчезновения или запрещенному к пользованию виду. Поэтому идентификация животного не является факультативной биологической консультацией: в ряде случаев она составляет исходное условие правильной квалификации. Разъяснение Верховного Суда о квалификации незаконной добычи редких видов по статье 339 лишь усиливает данный вывод [8].

Именно здесь проявляется слабость существующей практики, на которую указывали респонденты: человек, первым столкнувшийся с животным, часто должен самостоятельно решить, кому звонить и насколько ситуация относится к полиции. Если вид не распознан, он не может знать, имеет ли место потенциальное преступление по статье 339; если животное не относится к объектам охоты, ссылка только на незаконную охоту по статье 337 также будет ошибочной. Следовательно, первичный алгоритм должен строиться не от заранее известной квалификации, а от факта обнаружения дикого животного при наличии признаков травмы, незаконного удержания, добывания, перевозки либо иной необычной ситуации.

2. Существует ли в Казахстане нормативный алгоритм передачи найденного дикого животного?

Ответ на данный вопрос требует разграничить наличие отдельных правил и наличие единого алгоритма. Приказом Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 23 мая 2022 года № 176 утверждены Правила обращения с дикими животными в неволе и (или) полувольных условиях, возврат которых в среду их обитания невозможен [14]. Правила содержат важный механизм: конфискованные, найденные, травмированные дикие животные, а также животные, у которых отсутствует владелец, если их возврат в среду обитания невозможен, передаются должностным лицом, осуществившим изъятие, в реабилитационный центр на временное содержание по акту приема-передачи до решения комиссии. Комиссия включает представителей уполномоченного органа, научных организаций, ветеринарных служб, общественных инспекторов и некоммерческих организаций.

Данная норма опровергает тезис о полном правовом вакууме. Государство предусмотрело и реабилитационный центр как специальный тип учреждения, и документальную форму передачи, и междисциплинарный состав комиссии. Дополнительно приказом № 175 от той же даты утверждены правила содержания животных в приютах, пунктах временного содержания, реабилитационных центрах, зоологических питомниках и других специализированных объектах [15]. Следовательно, правовые предпосылки для организованного обращения с пострадавшими дикими животными существуют.

Однако предмет регулирования приказа № 176 значительно уже проблемы, выявленной интервьюированием. Во-первых, ключевая формула пункта 9 привязана к должностному лицу, «осуществившему изъятие». Норма не объясняет гражданину или работнику природоохранной организации, который первым нашел животное, какой орган обязан принять сообщение и организовать первичный выезд. Во-вторых, передача в реабилитационный центр сформулирована применительно к животным, возврат которых в среду обитания невозможен, но на первой стадии именно вопрос о возможности возврата часто еще не решен. В-третьих, Правила не устанавливают 24-часовой межведомственный канал связи, порядок видовой идентификации, сроки прибытия специалиста, экстренную ветеринарную

сортировку, процессуальную фиксацию признаков возможного преступления и перечень резервных учреждений в регионе при отсутствии специализированного реабилитационного центра.

Таким образом, в Казахстане имеется нормативный фрагмент маршрута, но отсутствует нормативно выраженная «входная дверь» системы. Приказ № 176 отвечает преимущественно на вопрос «куда может быть передано уже изъятое животное при невозможности возврата», тогда как респонденты фактически задают более ранние вопросы: «кому сообщить», «кто должен приехать», «кто определяет вид», «можно ли животное перевозить самим», «как не утратить следы», «кто оплатит срочное лечение», «куда везти ночью либо в регионе без профильного центра». Данные вопросы нельзя считать бытовыми, поскольку от их разрешения зависит как жизнь животного, так и возможность последующего уголовного преследования.

Особого внимания заслуживает доступность самих правил для практических адресатов. Наличие НПА в информационной системе «Әділет» не тождественно наличию оперативной методики. В экстремальной ситуации специалисту нужен не поиск по юридической базе, а короткая контактная карта: единый номер, ответственный дежурный орган, перечень действий до прибытия специалистов, запреты на самостоятельные манипуляции, ближайшая организация приема и форма первичной фиксации. Именно отсутствие такого прикладного слоя респонденты воспринимают как отсутствие методических рекомендаций. С научной точки зрения это не противоречие, а различие между нормативным регулированием и его операционализацией.

3. Красная книга: длительный информационный разрыв и новое нормативное обновление 2026 года

Вопрос «краснокнижное животное или нет» оказался одним из наиболее часто называемых практических затруднений. Правовая сторона вопроса формально определена. Статья 78 Закона Республики Казахстан «Об особо охраняемых природных территориях» предусматривает, что перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и животных утверждается Правительством Республики Казахстан [9]. Закон «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» устанавливает государственную охрану таких видов и особые условия их изъятия [1]. Следовательно, юридически значимым ориентиром является не субъективное знание гражданина о «Красной книге», а действующий нормативный перечень.

При этом пользовательская проблема действительно имеет объективную основу. Институт зоологии Республики Казахстан указывает, что четвертое издание Красной книги по позвоночным животным было подготовлено в 2008 году, а переработанное и дополненное издание было отпечатано для публичного использования в Алматы в 2010 году [11]. Сам Институт позднее прямо отмечал необходимость переиздания: накопились новые данные, изменились таксономические подходы и условия обитания, а с момента предыдущего выпуска прошел длительный период [12]. В 2023 году Институт начал подготовку пятого обновления, одновременно с электронной базой данных по редким и исчезающим животным.

Поэтому ранее утверждение о том, что «Красная книга Казахстана давно не обновлялась», по состоянию на сентябрь 2026 года требует юридически точной формулировки. Оно справедливо применительно к широко доступному иллюстрированному изданию по позвоночным: публично представленным последним изданием остается четвертое, подготовленное в 2008 году и тиражированное в 2010 году [11]. Однако нормативный перечень нельзя считать неизменным с 2006 года. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2026 года № 726 перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, утвержденный постановлением № 1034, изложен в новой редакции [10].

Одновременно августовское обновление 2026 года не устраняет практический дефицит идентификации. Нормативный перечень - это юридический список названий; он не заменяет полевой определитель с фотографиями, признаками вида, вариантами возрастной и сезонной окраски, географией распространения, синонимикой и автоматической связью с правовым режимом. Для сотрудника полиции, волонтера или ветеринара, не являющегося зоологом, различение близких видов по одному наименованию может быть невозможно. Более того, ошибка между обычным и охраняемым видом способна изменить не только меру ответственности, но и саму квалификацию.

Показательно, что Концепция сохранения и устойчивого использования биоразнообразия в Республике Казахстан на 2026-2035 годы предусматривает начало ведения Красного списка с оценкой природоохранного статуса видов по критериям МСОП и обновление Красной книги с установленной периодичностью

[13]. Тем самым государственная политика фактически признает необходимость более динамичной и информационно насыщенной модели. На наш взгляд, следующий шаг должен состоять в превращении научного обновления в оперативный цифровой инструмент правоприменения.

Предлагается создать государственный цифровой модуль «Определить вид», синхронизированный с действующим перечнем Правительства, Красной книгой, сведениями о видах, на которые введен запрет на пользование, и международными обязательствами Казахстана. Модуль должен содержать фотографии и диагностические признаки, но не подменять специалиста: при недостаточной уверенности система должна автоматически направлять запрос дежурному зоологу либо аккредитованной научной организации. Для уголовного процесса юридически значимым остается заключение или участие специалиста, а цифровой модуль выполняет функцию быстрого первичного ориентирования.

4. Природоохранная полиция: нормативная компетенция и пределы ответственности

Вопрос о том, должна ли именно природоохранная полиция организовывать помощь найденному дикому животному, требует осторожного ответа. С 2026 года действует приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 4 марта 2026 года № 160, утвердивший новые Правила организации работы органов внутренних дел по участию в природоохранных мероприятиях [16]. Документ формирует единую систему координации и контроля подразделений природоохранной полиции в структуре Комитета административной полиции МВД, департаментов полиции и территориальных органов.

Полномочия природоохранной полиции достаточно широки в правоохранительном сегменте. Органы внутренних дел участвуют совместно с уполномоченными государственными органами в природоохранных мероприятиях, содействуют органам государственного контроля, организуют профилактику, выявление, пресечение и раскрытие нарушений, обеспечивают взаимодействие по профилактике и досудебному расследованию экологических правонарушений. В их компетенцию входят производство по административным делам в пределах подведомственности, раскрытие и расследование экологических уголовных правонарушений, оперативно-розыскная и рейдовая деятельность [16]. Правила отдельно предусматривают разработку проектов приказов и методических рекомендаций, взаимодействие со следствием, дознанием и криминальной полицией, а также участие в межведомственных планах.

Из этого следует, что сообщения респондентов об отсутствии взаимодействия с природоохранной полицией нельзя объяснить отсутствием у нее какой-либо компетенции. Напротив, взаимодействие с уполномоченными органами прямо включено в функции полиции. Но столь же неправильно делать обратный вывод и возлагать на природоохранную полицию всю обязанность по спасению и реабилитации животных. Приказ № 160 является правоохранительным актом; он не превращает сотрудника полиции в ветеринарную или реабилитационную службу и не устанавливает детального клинического протокола обращения с животным.

Дополнительный институциональный фактор содержится в пункте 8 Правил: если штатная единица природоохранной полиции отсутствует либо имеется вакансия, соответствующие задачи могут быть возложены на иного сотрудника подразделения общественной безопасности путем изменения должностной инструкции [16]. Данная конструкция обеспечивает непрерывность функции, но потенциально создает различия региональной специализации. Там, где нет отдельного подготовленного сотрудника, компетенция сохраняется юридически, однако практический опыт обращения с редкими видами, контактами зоологов и алгоритмом передачи животных может быть неодинаковым. Предварительные интервью согласуются с этой институциональной возможностью, но сами по себе не доказывают причинную связь.

Отраслевой контрольно-надзорный контур принадлежит Комитету лесного хозяйства и животного мира Министерства экологии и природных ресурсов. Действующее Положение относит к его задачам регулятивные, реализационные и контрольно-надзорные функции в области животного мира и ответственного обращения с животными [17]. В результате обнаруженное животное оказывается в зоне пересечения по меньшей мере трех компетенций: отраслевого органа, полиции и ветеринарной/реабилитационной инфраструктуры. При угрозе людям или необходимости физического спасения может подключаться система гражданской защиты; при наличии уголовных признаков - следственно-оперативная группа. Без заранее установленного координатора такая многосубъектность

закономерно превращается в «перенаправление звонка» между ведомствами.

Поэтому нельзя указывать на тот факт, что природоохранная полиция работает плохо. Для такого вывода требуются показатели нагрузки, штатной численности, времени реагирования, результатов расследований и проверка конкретных бездействий. Имеющийся материал обосновывает более точный вывод: нормативная компетенция по экологическим правонарушениям существует, но процедура маршрутизации живого дикого животного между полицией, отраслевым инспектором, специалистом и учреждением приема детально не прописана. Следовательно, выявлен не доказанный дефект добросовестности конкретных сотрудников, а организационно-процедурный риск, который может проявляться даже при формальном исполнении каждым органом собственной функции.

5. Методические рекомендации существуют, но не закрывают «первую милю» реагирования

Результаты интервью, в которых респонденты говорят об отсутствии методических рекомендаций, также требуют научной конкретизации. В Казахстане имеются специализированные методические материалы по расследованию незаконной охоты. Так, С.Д. Бекишева, С.Т. Жумакаев и А.Б. Имангалиев подготовили методические рекомендации по расследованию экологических уголовных правонарушений, предусмотренных статьей 337 «Незаконная охота» УК Республики Казахстан [19]. Работа предназначена для правоохранительных органов и содержит алгоритмы отдельных следственных действий.

Наличие данного издания важно по двум причинам. Во-первых, оно подтверждает, что научно-методическое обеспечение расследования браконьерства в Казахстане развивалось и не начинается с настоящего исследования. Во-вторых, оно позволяет точнее сформулировать новый пробел: существующие рекомендации ориентированы на расследование уже выявленного уголовного правонарушения, тогда как описываемая респондентами проблема возникает до либо на границе регистрации сообщения. Человек еще не знает, имеется ли событие преступления и какая статья применима, но уже должен обеспечить безопасность, помощь животному и сохранность следов.

Именно данную стадию предлагается обозначить как «первую милю природоохранного реагирования». Она включает промежуток от фактического обнаружения животного до передачи ситуации компетентному государственному субъекту с оформлением минимального пакета данных. Содержание этой стадии должно быть одинаково понятным не только следователю, но и инспектору, работнику заповедника, ветеринару, сотруднику ДЧС, участковому, волонтеру и гражданину. Методика, предназначенная исключительно для следователя, объективно не может выполнять такую функцию.

Примечательно, что новые Правила МВД 2026 года прямо предусматривают разработку природоохранной полицией совместно с другими подразделениями проектов приказов и методических рекомендаций [16]. Следовательно, предлагаемая межведомственная методика не требует создания принципиально чуждого системе института. Она соответствует уже закрепленному направлению деятельности, но должна выходить за внутриведомственный формат и быть согласована с Министерством экологии и природных ресурсов, ветеринарными органами и местными исполнительными органами.

6. Открытые казахстанские кейсы: волонтерский ресурс, полиция и учреждения временного содержания

Качественные интервью показали, что при обнаружении травмированных животных практическая помощь нередко начинается с инициативы волонтеров. Открытые источники подтверждают существование подобных сценариев. В апреле 2023 года сотрудники ДЧС Павлодарской области спасли тонувшую в реке Усолка косулю, после чего животное было передано представителям общественного фонда «Сердца Павлодара» [20]. В августе того же года под Павлодаром была обнаружена тяжело травмированная косуля; волонтеры организовывали ее перевозку в Караганду для хирургического лечения [21]. Такие эпизоды не являются доказательством того, что государственные органы системно уклоняются от помощи: в первом случае спасение непосредственно выполнили сотрудники ДЧС. Однако они хорошо демонстрируют, что дальнейшая реабилитация и логистика могут фактически опираться на общественный сектор.

С точки зрения государственной политики роль волонтеров следует оценивать положительно, но она не должна подменять публичную обязанность по организации системы. Волонтерская помощь зависит от наличия активной организации, транспорта, средств и личных связей с ветеринарными клиниками. Такая модель не гарантирует равного стандарта в разных регионах и не создает автоматически процессуальную цепочку

хранения доказательственной информации. Рациональным решением представляется не вытеснение волонтеров, а их формальная интеграция: реестр организаций-партнеров, требования к обучению, стандарт приема-передачи, возможность возмещения экстренных расходов и правила взаимодействия с полицией.

Другой тип ситуации показывает случай использования живого страуса в рекламе донерной в Астане в августе 2025 года. По сообщению Kazinform, птицу привезли к заведению для рекламы; полиция не установила факта жестокого обращения, с владельцем провели профилактическую беседу, а страус впоследствии был перевезен на ферму в селе Коянды [22]. Данный случай нельзя квалифицировать как браконьерство и тем более как обращение с краснокнижным видом без специальных доказательств. Его значение иное. Статья 18 Закона «Об ответственном обращении с животными» прямо относит производство рекламы к культурно-зрелищному использованию животных [2]. Поэтому кейс показывает пересечение полицейской проверки, правил содержания, транспортировки и использования животного вне традиционной охоты.

Еще более непосредственно с исследуемой уголовно-правовой проблематикой связан кейс 2026 года о редких хищных птицах. По данным Kazinform со ссылкой на Агентство по финансовому мониторингу, в ходе расследования были обнаружены и изъяты 35 хищных птиц, включая соколов-балобанов, беркутов и сапсана; птицы были переданы на временное содержание в Карагандинский зоопарк [23]. Здесь животные одновременно выступили предметом предполагаемого незаконного обращения, объектом специальной государственной охраны и живыми существами, требующими длительного содержания. Подобные дела наглядно подтверждают необходимость процессуально корректной передачи животного учреждению без утраты связи между конкретной особью и уголовным производством.

В августе 2026 года Kazinform сообщал, что государственные зоопарки имеются в Алматы, Караганде и Шымкенте; директор Карагандинского зоопарка отмечала регулярный прием спасенных птиц и до десяти краснокнижных животных в год [24]. С одной стороны, это свидетельствует о наличии практической инфраструктуры и профессионального опыта. С другой - географическая концентрация всего нескольких государственных зоопарков подтверждает, что ответ на вопрос «куда везти найденное животное» не может сводиться к универсальной фразе «в зоопарк». Региональная модель должна заранее определять ближайший реабилитационный центр, ветеринарную организацию, зоопарк либо иное место временного содержания, способное принять конкретный вид.

Совокупность кейсов позволяет сформулировать более широкий вывод. В Казахстане уже существует фактическая сеть помощи, но она складывается из разных институтов - полиции, ДЧС, зоопарков, ветеринаров, научных специалистов и волонтеров - и зачастую активируется ситуативно. Научная задача состоит не в создании всех институтов заново, а в нормативной «сшивке» уже имеющихся ресурсов.

7. Предлагаемая модель двухконтурного межведомственного реагирования

Наиболее рациональной формой устранения выявленного разрыва представляется совместный нормативный акт Министерства экологии и природных ресурсов и Министерства внутренних дел с согласованием компетенций ветеринарной службы, местных исполнительных органов и при необходимости органов гражданской защиты. Рабочее наименование - «Правила межведомственного реагирования при обнаружении, изъятии, травмировании и гибели диких животных». Альтернативой может быть синхронное внесение дополнений в приказ № 176 и приказ № 160, однако раздельная ведомственная правка хуже решает исходную проблему именно потому, что ее природа межведомственна.

Предлагаемый порядок должен исходить из принципа единого входа. Гражданин или специалист не обязан заранее определять подследственность или охранный статус вида. Сообщение о найденном травмированном, незаконно удерживаемом, перевозимом либо предположительно добытом диком животном должно приниматься через общеизвестный канал 112 или 102 и автоматически маршрутизироваться одновременно дежурному природоохранной полиции и территориальному подразделению органа по охране животного мира. Для специализированных организаций может действовать цифровой профессиональный канал, но он не должен заменять универсальный номер для населения.

До прибытия уполномоченных лиц заявителю через оператора или цифровой сервис должны предоставляться минимальные инструкции: не приближаться к опасному

животному; без необходимости не перемещать его; зафиксировать безопасным способом общий вид места, положение животного, время и геолокацию; не извлекать из тела пули, крючки, капканы и иные предметы; не мыть и не очищать животное от загрязнений, если это не требуется для немедленного спасения; исключить контакт посторонних лиц. При явной угрозе жизни животного допустимые срочные действия должны согласовываться с ветеринаром дистанционно.

Следующая стадия - одновременная биологическая и юридическая сортировка. Дежурный специалист определяет либо предварительно устанавливает вид, сверяет его с действующим перечнем редких и находящихся под угрозой исчезновения животных и оценивает необходимость привлечения научного специалиста. Параллельно полиция решает вопрос о наличии признаков административного или уголовного правонарушения. Такая схема исключает ситуацию, при которой уголовно-правовой маршрут запускается только после случайного распознавания «краснокнижности» животного очевидцем.

При наличии признаков преступления должен применяться минимальный обязательный стандарт доказательственной фиксации: фото- и видеосъемка животного до перемещения; точные координаты; описание положения, внешних травм и видимых следов; отдельная фиксация орудий, транспортных средств и окружающей обстановки; присвоение индивидуального номера случаю и конкретной особи; отражение всех последующих ветеринарных манипуляций; сохранение извлеченных инородных объектов и биологических образцов. Если состояние животного не позволяет ждать завершения полного осмотра, протокол должен допускать «экстренную фиксацию» до лечения и последующее дополнение медицинскими документами, фото- и видеоматериалами.

Передача животного должна осуществляться не по неформальной договоренности, а по унифицированному акту, связанному с номером зарегистрированного сообщения либо уголовного производства. Действующая форма акта приема-передачи из приказа № 176 может быть использована как основа [14], но ее целесообразно дополнить полями о координатах обнаружения, номере сообщения, предполагаемом правовом статусе, травмах, выполненных процедурах, отобранных образцах, идентификационных фото и ответственном специалисте. Это позволит сохранить «цепочку прослеживаемости» живого объекта.

Наконец, каждый регион должен иметь утверждаемую и ежеквартально актуализируемую карту маршрутизации: контакты территориальной инспекции, природоохранной полиции, дежурных ветеринаров, научных консультантов, реабилитационных центров, зоопарков и иных организаций временного содержания с указанием видов, которые они способны принимать. В отсутствие учреждения в области должен быть заранее определен межрегиональный маршрут и источник финансирования перевозки.

В прикладном виде алгоритм может включать десять последовательных решений:

1) принять сообщение независимо от того, известен ли вид животного и предполагаемая статья закона;

2) оценить угрозу жизни и здоровью людей и необходимость немедленного спасения;

3) обеспечить дистанционную первичную инструкцию заявителю и фиксацию геолокации;

4) уведомить природоохранную полицию и территориальный орган охраны животного мира;

5) провести предварительную идентификацию вида и определить необходимость зоолога/ветеринара;

6) при признаках правонарушения обеспечить процессуальную фиксацию и регистрацию сообщения;

7) оказать неотложную ветеринарную помощь с документированием всех вмешательств;

8) оформить передачу животного по унифицированному акту в заранее определенное место содержания;

9) после стабилизации решить вопрос о выпуске, реабилитации, длительном содержании или иной законной форме обращения;

10) закрыть цифровую карточку случая только после фиксации окончательного результата и обратной связи между ведомствами.

Отдельное место в предлагаемой модели занимает специалист. УПК уже позволяет привлекать специалистов при осмотре и исследовании объектов [18], однако для дел по статьям 335, 337 и 339 в ситуациях, когда вид животного, причина травмы или способ добывания имеют значение для квалификации, участие зоолога, ихтиолога, орнитолога, ветеринара либо иного профильного специалиста должно быть не случайной практикой, а методическим стандартом. Это может быть закреплено не через безусловное законодательное требование по каждому делу, что способно избыточно формализовать процесс,

а через критерии обязательного привлечения специалиста в совместных правилах и ведомственных методиках.

Предлагаемая модель также меняет роль волонтерских организаций. Они не должны оставаться «последней надеждой», к которой обращаются по личным контактам, и одновременно не должны исключаться из системы. Приказ № 176 уже предусматривает участие представителей некоммерческих организаций в комиссии [14]. Логичным развитием является аккредитация или договорное партнерство с организациями, имеющими опыт транспортировки и временного содержания животных, обучение их правилам сохранения следов и включение контактов в официальные региональные карты. Государство при этом сохраняет координирующую ответственность.

Для оценки эффективности предлагаемого механизма необходимы показатели результата, а не только количества рейдов и выявленных нарушений. Целесообразно учитывать среднее время от сообщения до установления ответственного органа; долю случаев, в которых вид идентифицирован в течение установленного срока; долю передач, оформленных унифицированным актом; сохранность животных после экстренной помощи; долю случаев с полной фотофиксацией и координатами; количество регионов с актуальной картой маршрутизации; долю сотрудников природоохранной полиции и партнерских организаций, прошедших обучение. Такие показатели позволяют измерять именно качество межведомственного реагирования.

8. Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики

Результаты исследования позволяют предложить несколько взаимосвязанных изменений. На уровне Закона «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» целесообразно закрепить компетенцию уполномоченного органа совместно с органами внутренних дел определять порядок реагирования при обнаружении травмированных, найденных, изъятых и предположительно незаконно добытых диких животных. Законодательная делегация необходима для устойчивости последующего межведомственного акта и исключения споров о ведомственной компетенции.

Приказ № 176 следует дополнить нормами о стадии до формального изъятия. В частности, необходимо определить, какой орган инициирует передачу при сообщении гражданина; каким образом устанавливается невозможность немедленного возврата; допускается ли временное помещение в ближайшую ветеринарную организацию до решения комиссии; кто несет расходы; какой порядок действует в отсутствие реабилитационного центра. Формула «должностное лицо, осуществившее изъятие» должна быть дополнена механизмом приема животного от граждан и организаций по поручению компетентного органа [14].

В Правилах МВД № 160 целесообразно закрепить обязательность регионального межведомственного плана не только для рейдовых мероприятий, но и для реагирования на сообщения о найденных и травмированных диких животных, если имеются признаки природоохранного правонарушения. Информационно-аналитическая папка подразделения природоохранной полиции может дополнительно содержать актуальные контакты территориальной инспекции, научных специалистов и мест содержания животных, что непосредственно согласуется с уже закрепленной функцией межведомственного взаимодействия [16].

В цифровой части предлагается сформировать единый официальный справочник охраняемых видов. Обновление перечня 17 августа 2026 года [10] создало удачный момент для перехода от статического перечня к цифровой правоприменительной инфраструктуре. Каждая карточка вида должна связывать научное и русское/казахское наименование, изображения, отличительные признаки, охранный статус, географию, действующие запреты, компетентный орган и контакт специалиста. Изменение нормативного перечня должно автоматически обновлять пользовательскую часть.

Наконец, в системе подготовки кадров МВД, территориальных инспекций и природоохранных организаций целесообразно ввести короткий модуль совместных учений. Сценарии должны включать не только классическое задержание браконьера, но и обнаружение живого животного без очевидного правонарушителя, редкой птицы в частном содержании, травмированного животного на трассе, массовое изъятие животных при обыске и пограничную ситуацию культурно-зрелищного использования. Практика должна формировать навык не «перенаправить обращение», а довести случай до конкретного следующего ответственного субъекта.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что проблема обращения с найденными и изъятыми дикими животными в Казахстане не сводится к отсутствию одного конкретного НПА. Нормативный массив достаточно развит: действует законодательство об охране животного мира и ответственном обращении с животными, предусмотрены реабилитационные центры и акт передачи, урегулированы полномочия природоохранной полиции, существует специальный государственный перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов. Однако эти элементы сформированы для разных юридических задач и пока не соединены в единый сквозной алгоритм.

Предварительные экспертные интервью с лицами, работающими в сфере охраны животного мира, выявили устойчивый практический запрос именно на такую связность. Респонденты из разных регионов, включая Астану, Павлодар и Петропавловск, описывают отсутствие понятного ответа на базовые вопросы: кому сообщать о найденном животном, кто определяет вид и его охранный статус, кто транспортирует животное и какое учреждение обязано его принять. Сообщения об отсутствии взаимодействия с природоохранной полицией не дают оснований обвинять данный институт в ненадлежащей работе в целом. Действующие Правила МВД прямо закрепляют природоохранную компетенцию и межведомственное взаимодействие. Проблема заключается в отсутствии детализированной процедуры, которая соединяла бы правоохранительное реагирование с отраслевым контролем и реабилитацией живого животного.

Для браконьерства этот пробел имеет самостоятельное уголовно-правовое и криминалистическое значение. Животное, найденное после незаконной охоты, добычи или оборота, одновременно нуждается в защите и может содержать сведения, важные для квалификации по статьям 335, 337 или 339 УК Республики Казахстан. Потеря места обнаружения, следов на теле, данных о травме либо самого животного снижает доказательственный потенциал дела; задержка ветеринарной помощи противоречит задачам гуманного обращения. Поэтому спасение и доказывание должны быть организованы как параллельные процессы.

Отдельного уточнения требует проблема Красной книги. Действительно, широко доступное четвертое издание тома о позвоночных было подготовлено в 2008 году и тиражировано в 2010 году, что создало длительный информационный разрыв [11; 12]. Но на 8 сентября 2026 года уже нельзя утверждать, что нормативный перечень редких животных не обновлялся: постановлением Правительства № 726 от 17 августа 2026 года он изложен в новой редакции [10]. Именно это различие между печатной научно-информационной книгой и юридически обязательным перечнем демонстрирует необходимость официального цифрового идентификатора видов.

Ключевое предложение состоит в формировании двухконтурной модели реагирования, в которой биологический контур - безопасность, ветеринарная помощь, транспортировка и реабилитация - и правоохранительный контур - фиксация, идентификация, регистрация, участие специалиста и сохранение доказательственной информации - запускаются одновременно. Организационной формой должен стать совместный межведомственный нормативный акт, дополненный региональными картами маршрутизации, цифровым реестром охраняемых видов и стандартом документирования передачи животных.

Общественные и волонтерские организации при такой модели не исключаются, а переходят из неформального резервного ресурса в статус подготовленных партнеров. Открытые кейсы Павлодара показывают реальную значимость волонтерской помощи [20; 21], а практика Карагандинского зоопарка подтверждает востребованность профессиональных мест временного содержания [23; 24]. Однако устойчивость системы не должна зависеть от случайного наличия активистов или личных контактов. Ответственность за создание понятного маршрута принадлежит государству.

В более широком плане рассматриваемая проблема показывает пределы традиционного понимания противодействия браконьерству как совокупности рейдов, задержаний и последующего расследования. Эффективная охрана животного мира начинается с способности государства правильно отреагировать на первый сигнал. Если человек, обнаруживший дикое животное, не знает, куда обратиться, государственная система теряет одновременно возможность помочь живому объекту, сведения о возможном преступлении и доверие граждан. Поэтому единый алгоритм обращения с дикими животными следует рассматривать не как вспомогательную ветеринарную инструкцию, а как самостоятельный элемент предупреждения,

выявления и расследования браконьерства в Республике Казахстан.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 года № 593 «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000593_

2. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года № 97-VII ЗРК «Об ответственном обращении с животными» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000097

3. Бекишева С.Д. К вопросу о государственном управлении в области обеспечения экологической безопасности в Республике Казахстан // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2010. - № 3(59). - С. 43-48. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rmebrk.kz/journals/1661/56094.pdf

4. Сарпеков Р.К., Рахметов С.М.. Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан об ответственности за экологические уголовные правонарушения: монография / под общ. ред. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан». - 2018. - 170 с.

5. Бакишев К.А. Экологические правонарушения в новом УК Республики Казахстан // Lex Russica. - 2016. - № 12 (121). - С. 133-140. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.121.12.133-140.

6. Нуртаев Р.Т. Проблемы совершенствования норм Уголовного кодекса Республики Казахстан, регулирующих субъективные признаки составов экологических уголовных правонарушений // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2018. - № 3 (52). - С. 54-63.

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

8. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 1 «О применении судами законодательства об ответственности за некоторые экологические уголовные правонарушения» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P04000001S_

9. Закон Республики Казахстан от 7 июля 2006 года № 175-III «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000175_

10. Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2026 года № 726 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2006 года № 1034 “Об утверждении Перечней редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и животных”» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000726

11. Красная книга Республики Казахстан. Т. I: Животные. Ч. 1: Позвоночные. 4-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. А.М. Мелдебеков // Институт зоологии Республики Казахстан. Красная книга Казахстана. Алматы. - 2010. - 324 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://zool.kz/krasnaya-kniga-respubliki-kazahstan/

12. Институт зоологии Республики Казахстан. Красная книга - необходимо переиздание. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://zool.kz/novosti/krasnaya-kniga-neobhodimo-pereizdanie/

13. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2025 года № 1206 «Об утверждении Концепции сохранения и устойчивого использования биоразнообразия в Республике Казахстан на 2026-2035 годы». [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001206

14. Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 23 мая 2022 года № 176 «Об утверждении Правил обращения с дикими животными в неволе и (или) полувольных условиях, возврат которых в среду их обитания невозможен» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028195

15. Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 23 мая 2022 года № 175 «Об утверждении Правил содержания животных в приютах для животных, зоологических гостиницах, пунктах временного содержания животных, реабилитационных центрах для животных, зоологических питомниках, контактных зоопарках, передвижных зверинцах» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028206

16. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 4 марта 2026 года № 160 «Об утверждении Правил организации работы органов внутренних дел по участию в природоохранных мероприятиях» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G26C0000160

17. Приказ и.о. Министра экологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 3 февраля 2023 года № 32-Ө «Об утверждении Положения о РГУ “Комитет лесного хозяйства и животного мира Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан”» (с изм. и доп.). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23NP000032

18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК (ст. 118, 219-221) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

19. Бекишева С.Д., Жумакаев С.Т., Имангалиев А.Б. Методические рекомендации по расследованию экологических уголовных правонарушений, предусмотренных статьей 337 «Незаконная охота» Уголовного кодекса Республики Казахстан. Нур-Султан: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. - 2020. - 37 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://academy-rep.kz/uploads/2cd1c6c6fcade377ef56852c06cc40f2.pdf

20. Тонувшую косулю спасли в Павлодаре // Казахстанская правда (18.04.2023) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://kazpravda.kz/n/tonuvshuyu-kosulyu-spasli-v-pavlodare-video/

21. Раненую косулю спасли волонтеры на трассе у Павлодара // Liter.kz (10.08.2023) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://liter.kz/ranenuiu-kosuliu-spasli-volontery-na-trasse-u-pavlodara-video-1691666411/

22. Страус в рекламе донерной в Астане: полиция прокомментировала ситуацию // Kazinform. (06.08.2025) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/straus-v-reklame-donernoy-v-astane-politsiya-prokommentirovala-situatsiyu-ed28e6

23. Член сборной РК по нацохоте организовал нелегальный питомник с краснокнижными птицами // Kazinform (22.07.2026) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/chlen-sbornoy-kazahstana-ponatsohote-organizoval-nelegalniy-pitomnik-skrasnokniz-754470e1

24. От -35 до +40: как три зоопарка Казахстана заботятся о своих обитателях // Kazinform (30.08.2026) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/ot-35-do-40-kak-tri-zooparka-kazahstana-zabotyatsya-o-svoih-obitatelyah-9999c941

References

1. Zakon Respubliki Kazahstan ot 9 iyulya 2004 goda № 593 «Ob ohrane, vosproizvodstve i ispol'zovanii zhivotnogo mira» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000593_

2. Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrya 2021 goda № 97-VII ZRK «Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000097

3. Bekisheva S.D. K voprosu o gosudarstvennom upravlenii v oblasti obespecheniya ekologicheskoj bezopasnosti v Respublike Kazahstan // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Pravo». - 2010. - № 3(59). - S. 43-48. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://rmebrk.kz/journals/1661/56094.pdf

4. Sarpekov R.K., Rahmetov S.M.. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan ob otvetstvennosti za ekologicheskie ugolovnye pravonarusheniya: monografiya / pod obshch. red. Astana: GU «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan». - 2018. - 170 s.

5. Bakishev K.A. Ekologicheskie pravonarusheniya v novom UK Respubliki Kazahstan // Lex Russica. - 2016. - № 12 (121). - S. 133-140. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.121.12.133-140.

6. Nurtaev R.T. Problemy sovershenstvovaniya norm Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan, reguliruyushchih sub"ektivnye priznaki sostavov ekologicheskih ugolovnyh pravonarushenij // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. - 2018. - № 3 (52). - S. 54-63.

7. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

8. Normativnoe postanovlenie Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan ot 18 iyunya 2004 goda № 1 «O primenenii sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nekotorye ekologicheskie ugolovnye pravonarusheniya» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P04000001S_

9. Zakon Respubliki Kazahstan ot 7 iyulya 2006 goda № 175-III «Ob osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000175_

10. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 17 avgusta 2026 goda № 726 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 oktyabrya 2006 goda № 1034 “Ob utverzhdenii Perechnej redkih i nahodyashchihsya pod ugrozoj ischeznoveniya vidov rastenij i zhivotnyh”» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2600000726

11. Krasnaya kniga Respubliki Kazahstan. T. I: Zhivotnye. Ch. 1: Pozvonochnye. 4-e izd., pererab. i dop. / gl. red. A.M. Meldebekov // Institut zoologii Respubliki Kazahstan. Krasnaya kniga Kazahstana. Almaty. - 2010. - 324 s. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://zool.kz/krasnaya-kniga-respubliki-kazahstan/

12. Institut zoologii Respubliki Kazahstan. Krasnaya kniga - neobhodimo pereizdanie. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://zool.kz/novosti/krasnaya-kniga-neobhodimo-pereizdanie/

13. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 31 dekabrya 2025 goda № 1206 «Ob utverzhdenii Koncepcii sohraneniya i ustojchivogo ispol'zovaniya bioraznoobraziya v Respublike Kazahstan na 2026-2035 gody». [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001206

14. Prikaz Ministra ekologii, geologii i prirodnyh resursov Respubliki Kazahstan ot 23 maya 2022 goda № 176 «Ob utverzhdenii Pravil obrashcheniya s dikimi zhivotnymi v nevole i (ili) poluvol'nyh usloviyah, vozvrat kotoryh v sredu ih obitaniya nevozmozhen» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028195

15. Prikaz Ministra ekologii, geologii i prirodnyh resursov Respubliki Kazahstan ot 23 maya 2022 goda № 175 «Ob utverzhdenii Pravil soderzhaniya zhivotnyh v priyutah dlya zhivotnyh, zoologicheskih gostinicah, punktah vremennogo soderzhaniya zhivotnyh, reabilitacionnyh centrah dlya zhivotnyh, zoologicheskih pitomnikah, kontaktnyh zooparkah, peredvizhnyh zverincah» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028206

16. Prikaz Ministra vnutrennih del Respubliki Kazahstan ot 4 marta 2026 goda № 160 «Ob utverzhdenii Pravil organizacii raboty organov vnutrennih del po uchastiyu v prirodoohrannyh meropriyatiyah» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G26C0000160

17. Prikaz i.o. Ministra ekologii i prirodnyh resursov Respubliki Kazahstan ot 3 fevralya 2023 goda № 32-Ө «Ob utverzhdenii Polozheniya o RGU “Komitet lesnogo hozyajstva i zhivotnogo mira Ministerstva ekologii i prirodnyh resursov Respubliki Kazahstan”» (s izm. i dop.). [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23NP000032

18. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK (st. 118, 219-221) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

19. Bekisheva S.D., Zhumakaev S.T., Imangaliev A.B. Metodicheskie rekomendacii po rassledovaniyu ekologicheskih ugolovnyh pravonarushenij, predusmotrennyh stat'ej 337 «Nezakonnaya ohota» Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan. Nur-Sultan: Akademiya pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan. - 2020. - 37 s. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://academy-rep.kz/uploads/2cd1c6c6fcade377ef56852c06cc40f2.pdf

20. Tonuvshuyu kosulyu spasli v Pavlodare // Kazahstanskaya pravda (18.04.2023) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://kazpravda.kz/n/tonuvshuyu-kosulyu-spasli-v-pavlodare-video/

21. Ranenuyu kosulyu spasli volontery na trasse u Pavlodara // Liter.kz (10.08.2023) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://liter.kz/ranenuiu-kosuliu-spasli-volontery-na-trasse-u-pavlodara-video-1691666411/

22. Straus v reklame donernoj v Astane: policiya prokommentirovala situaciyu // Kazinform. (06.08.2025) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.inform.kz/ru/straus-v-reklame-donernoy-v-astane-politsiya-prokommentirovala-situatsiyu-ed28e6

23. Chlen sbornoj RK po nacohote organizoval nelegal'nyj pitomnik s krasnoknizhnymi pticami // Kazinform (22.07.2026) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.inform.kz/ru/chlen-sbornoy-kazahstana-ponatsohote-organizoval-nelegalniy-pitomnik-skrasnokniz-754470e1

24. Ot -35 do +40: kak tri zooparka Kazahstana zabotyatsya o svoih obitatelyah // Kazinform (30.08.2026) [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.inform.kz/ru/ot-35-do-40-kak-tri-zooparka-kazahstana-zabotyatsya-o-svoih-obitatelyah-9999c941

УДК: 343.3/.7:004.8
DOI https://www.doi.org/10.52445/BKEU.2026.82.3.015

Татьяна ВОЛЧЕЦКАЯ *- д.ю.н., профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236014, г. Калининград, ул. А. Невского, 14. e-mail: larty777@gmail.com*
Сергей КАДАЦКИЙ *- кандидат юридических наук, доцент кафедры Общеюридических и специальных дисциплин, Карагандинский университет Казпотребсоюза, 100009, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Академическая, 9, e-mail: kadatskiy.s@mail.ru.*

ДИПФЕЙКИ И СИНТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы использования дипфейков и иных синтетических результатов деятельности систем искусственного интеллекта при совершении и сокрытии уголовных правонарушений. Цель исследования состоит в формировании научно обоснованного подхода к квалификации деяний, основанных на имитации внешности, голоса, поведения конкретного лица либо событий, фактически не происходивших, а также к проверке и оценке соответствующих цифровых материалов в доказывании. Проанализированы положения Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», уголовного, уголовно-процессуального, административного и цифрового законодательства, нормы о защите персональных данных, а также труды ученых Казахстана и государств СНГ. Разграничены случаи правомерного создания синтетического контента и общественно опасного применения технологии для мошенничества, вымогательства, посягательств на частную жизнь, распространения заведомо ложной информации, фальсификации цифрового следа и формирования ложного алиби. Обосновано, что дипфейк чаще выступает способом преступного обмана, средством воздействия на потерпевшего либо инструментом сокрытия, вследствие чего введение универсального самостоятельного состава преступления способно привести к избыточной криминализации. Предложены критерии уголовно-правовой оценки, требования к фиксации происхождения, целостности и преобразований медиофайла, а также изменения в Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, законодательство об искусственном интеллекте и административных правонарушениях.

Ключевые слова: дипфейк, синтетический контент, искусственный интеллект, уголовное правонарушение, преступный обман, цифровые доказательства, допустимость доказательств, судебная экспертиза, маркировка, сокрытие преступления.

Татьяна ВОЛЧЕЦКАЯ *- заң ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Федерациясының жоғары білім берудің еңбек сіңірген қызметкері, Иммануил Кант атындағы Балтық федералды университеті, 236014 Ресей, Калининград қ., А. Невский көшесі, 14. e-mail: larty777@gmail.com*
Сергей КАДАЦКИЙ *- заң ғылымдарының кандидаты, жалпы заң және арнайы пәндер кафедрасының доценті, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 100009, Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ., Академическая к-сі, 9, e-mail: kadatskiy.s@mail.ru.*

ДИПФЕЙКТЕР МЕН СИНТЕТИКАЛЫҚ КОНТЕНТ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАРДЫ ЖАСАУ ЖӘНЕ ЖАСЫРУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Түйін. Мақалада дипфейктер мен жасанды интеллект жүйелері қызметінің өзге де синтетикалық нәтижелерін қылмыстық құқық бұзушылықтарды жасау және жасыру кезінде пайдаланудың қылмыстық-құқықтық және қылмыстық-процестік мәселелері зерттеледі. Зерттеудің мақсаты нақты адамның сыртқы келбетін, дауысын, мінез-құлқын не шын мәнінде болмаған оқиғаларды имитациялауға негізделген әрекеттерді саралау, сондай-ақ тиісті цифрлық материалдарды дәлелдеу барысында тексеру мен бағалау жөніндегі ғылыми негізделген тәсілді қалыптастыру болып табылады. Қазақстан Республикасының «Жасанды интеллект туралы» Заңының, қылмыстық, қылмыстық-процестік, әкімшілік және цифрлық заңнаманың, дербес деректерді қорғау нормаларының ережелері, Қазақстан мен ТМД мемлекеттері ғалымдарының еңбектері талданды. Синтетикалық контентті заңды түрде жасау жағдайлары мен технологияны алаяқтық, қорқытып алушылық, жеке өмірге қол сұғу, көрінеу жалған ақпарат тарату, жалған цифрлық із және жалған алиби қалыптастыру үшін қоғамға қауіпті пайдалану жағдайлары ажыратылды. Дипфейк көбіне қылмыстық алдаудың тәсілі, жәбірленушіге ықпал ету немесе қылмысты жасыру құралы ретінде көрінетіні негізделді. Осыған байланысты әмбебап дербес қылмыс құрамын енгізу шамадан тыс криминализацияға әкелуі мүмкін. Қылмыстық-құқықтық бағалау өлшемдері, медиафайлдың шығу тегін, тұтастығын және өзгертілу тарихын бекіту талаптары, сондай-ақ қылмыстық, қылмыстық-процестік және әкімшілік заңнаманы жетілдіру жөніндегі ұсыныстар әзірленді.

Түйінді сөздер: дипфейк, синтетикалық контент, жасанды интеллект, қылмыстық құқық бұзушылық, қылмыстық алдау, цифрлық дәлелдемелер, дәлелдемелердің жол берілетіндігі, сот сараптамасы, таңбалау, қылмысты жасыру.

Tatyana VOLCHETSKAYA *- Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian*

Federation, Immanuel Kant Baltic University, 236014 Russia, A. Nevskogo St. 14, Kaliningrad, e-mail: larty777@gmail.com
***Sergey KADATSKIY** - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of General Legal and Special Disciplines, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 100009, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Akademicheskaya Street, 9, e-mail: kadatskiy.s@mail.ru*

DEEPFAKES AND SYNTHETIC CONTENT AS MEANS OF COMMITTING AND CONCEALING CRIMINAL OFFENSES

Abstract. The article examines criminal-law and criminal-procedural issues arising from the use of deepfakes and other synthetic outputs of artificial intelligence systems to commit and conceal criminal offenses. The purpose of the study is to develop a scientifically grounded approach to the legal qualification of conduct based on imitation of a person's appearance, voice or behavior, or the simulation of events that never occurred, and to the verification and assessment of such digital materials in criminal proceedings. The analysis covers the Law of the Republic of Kazakhstan on Artificial Intelligence, criminal, criminal-procedural, administrative and digital legislation, personal-data protection rules, and relevant scholarship from Kazakhstan and other CIS states. The article distinguishes legitimate creation of synthetic media from socially dangerous uses in fraud, extortion, privacy violations, dissemination of knowingly false information, fabrication of a digital trail and construction of a false alibi. It is argued that a deepfake normally functions as a method of deception, a means of influencing a victim or an instrument of concealment; therefore, a universal autonomous offense could produce excessive criminalization. The author proposes criteria for criminal-law assessment, minimum procedural requirements for documenting origin, integrity and transformations of media files, and targeted amendments to the Criminal Code, the Criminal Procedure Code, artificial-intelligence legislation and administrative-offense legislation.

Keywords: deepfake, synthetic content, artificial intelligence, criminal offense, criminal deception, digital evidence, admissibility of evidence, forensic examination, labeling, concealment of crime.

Дәйексөз үшін • Для цитирования • For citation

ГОСТ
Волчецкая Т., Кадацкий С. Дипфейки и синтетический контент как средство совершения и сокрытия уголовных правонарушений // Вестник КЭУ. – 2026. – № 3 (82). – С. 159–171.

APA
Volchetskaya, T., Kadatskiy, S. (2026). Deepfakes and synthetic content as means of committing and concealing criminal offenses [in Russian]. Bulletin of KEU, 3 (82), p. 159–171.

Введение

Генеративные технологии изменили не только способы производства информации, но и структуру преступного обмана. Современные программные средства позволяют синтезировать изображение, видеоряд и голос, воспроизводящие индивидуальные признаки конкретного человека, а также создавать убедительную модель события, которого в действительности не было. Правовое значение подобного материала определяется не фактом применения искусственного интеллекта как таковым, а целью, способом распространения, характером введения адресата в заблуждение и наступившими последствиями. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» закрепил легальное понятие синтетических результатов деятельности систем искусственного интеллекта, включив в него изображения, видео, аудио, тексты и их комбинации, созданные либо измененные системой искусственного интеллекта и имитирующие внешность, голос, поведение физического лица или события, которые фактически не происходили [1]. Данная дефиниция формирует основу для межотраслевого регулирования, однако сама по себе не разрешает вопросов уголовной ответственности и доказательственного режима.

Государственная политика Казахстана исходит из необходимости одновременного развития технологий искусственного интеллекта и управления возникающими рисками. Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы определила нормативное регулирование, безопасность, данные, инфраструктуру и человеческий капитал в качестве взаимосвязанных направлений цифровой трансформации [2]. В казахстанской юридической литературе подчеркивается, что новое законодательство должно обеспечивать не только технологическое развитие, но и прозрачность, подотчетность, защиту прав человека и понятность правил для населения [3]. Для уголовно-правовой науки данная установка означает необходимость отказаться как от недооценки общественной опасности синтетического контента, так и от автоматического объявления преступным любого создания или распространения искусственно сформированного материала.

В научной дискуссии дипфейк рассматривается как качественно новая форма фальсификации медиареальности. М.А. Ефремова и Е.А. Русскевич отмечают, что правовая проблема выходит за пределы обычного ложного сообщения, поскольку правдоподобное аудиовизуальное представление способно заместить непосредственное восприятие события и использовать доверие к голосу и изображению как самостоятельный ресурс преступного воздействия [4]. Н.Ф. Бодров и А.К. Лебедева связывают риски дипфейков с доступностью генеративных инструментов, сложностью обнаружения вмешательства и возможностью массового распространения результата через цифровые платформы [5]. Сравнительно-правовое исследование Р.И. Дремлюги и А.И. Коробеева показывает, что зарубежные модели регулирования развиваются по нескольким направлениям: защита выборов и публичной безопасности, пресечение подмены личности, охрана частной жизни, маркировка синтетического материала и специальная ответственность за отдельные наиболее опасные формы распространения [6].

Практическая актуальность проблемы проявляется в двух самостоятельных плоскостях. Первая связана с использованием дипфейка для непосредственного совершения посягательства: получения имущества путем имитации голоса руководителя или родственника, вымогательства под угрозой публикации синтетического компрометирующего материала, дискредитации лица, создания фиктивного обращения должностного лица, манипулирования потерпевшим либо распространения заведомо ложных сведений. Вторая плоскость охватывает сокрытие уже совершенного уголовного правонарушения: конструирование ложного алиби, подмена записи камер наблюдения, создание фиктивной переписки, искусственное формирование голосового сообщения, дискредитация подлинного доказательства утверждением о его синтетическом происхождении, а также направление расследования по ложному следу.

Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит нормы, позволяющие квалифицировать значительную часть таких деяний по их направленности и последствиям. Мошенничество, совершенное путем обмана либо злоупотребления доверием пользователя информационной системы или сети Интернет, предусмотрено пунктом 4) части второй статьи 190 УК РК; в зависимости от обстоятельств могут применяться нормы о вымогательстве, нарушении неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных, неправомерном доступе к информации, ее модификации, а также распространении заведомо ложной информации [7]. Вместе с тем отсутствие общей уголовно-правовой характеристики синтетического контента порождает неодинаковую оценку роли технологии: в одних случаях она составляет способ обмана, в других – орудие либо средство посягательства, в третьих – самостоятельный объект исследования, а при сокрытии выступает элементом посткриминального поведения.

Научная проблема заключается не в поиске единственной нормы, способной охватить все разновидности дипфейков. Универсальная криминализация создания синтетического материала игнорировала бы правомерное применение технологии в искусстве, образовании, кинопроизводстве, рекламе, переводе, восстановлении архивных материалов и обеспечении доступности информации. Н.А. Грешнова и В.Н. Ситник справедливо связывают пределы уголовно-правового вмешательства с общественной опасностью конкретного использования технологии, а не с ее технической природой [8]. М.Б. Добробаба обращает внимание на комплексный характер угрозы правам человека: синтетическое воспроизведение внешности и голоса затрагивает автономию личности, частную жизнь, достоинство, персональные данные и способность контролировать собственный цифровой образ [9]. Следовательно, правовая оценка должна объединять уголовно-правовой, процессуальный, криминалистический и информационно-правовой подходы.

Цель исследования состоит в обосновании системы критериев, позволяющих разграничивать правомерное создание синтетического контента, административно наказуемое нарушение правил его маркировки и уголовно противоправное использование дипфейка при совершении либо сокрытии уголовного правонарушения. Для достижения цели решаются задачи по определению места дипфейка в механизме преступления, анализу возможной квалификации по действующему законодательству Республики Казахстан, выявлению процессуальных рисков проверки синтетических медиофайлов, формулированию требований к их обнаружению и закреплению, а также разработке предложений по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и специального цифрового законодательства.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Казахстан, Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите», Цифровой кодекс Республики Казахстан, законодательство об административных правонарушениях и подзаконные правила маркировки синтетических результатов. Законодательство о персональных данных имеет самостоятельное значение для рассматриваемой темы, поскольку голос, изображение лица и иные физиологические либо биологические характеристики могут использоваться для установления личности и при наличии установленных законом признаков относятся к биометрическим и иным персональным данным [10]. Создание дипфейка нередко предполагает предварительный сбор образцов речи, фотографий, видеозаписей и иных цифровых следов, поэтому правовая оценка не должна ограничиваться конечным файлом и обязана охватывать законность получения исходного материала.

Научная база представлена работами ученых Казахстана, России и других государств СНГ, посвященными уголовно-правовой оценке дипфейков, защите прав личности, маркировке генеративного контента, расследованию цифровых преступлений, допустимости доказательств и цифровизации судебной экспертизы. Т.С. Алексеева исследует общественно опасные формы создания синтетических материалов против личности и показывает, что действующие составы не всегда охватывают случаи причинения вреда посредством правдоподобной имитации частного образа [11]. Работы казахстанских процессуалистов использованы для определения требований допустимости, достоверности и достаточности цифровых сведений, а исследования по судебной экспертологии – для оценки возможностей и пределов алгоритмического обнаружения вмешательства.

Методологическую основу образовали формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и логический методы. Формально-юридический метод применялся при анализе признаков составов уголовных правонарушений и норм о доказывании. Системный метод позволил связать требования уголовного закона с нормами об искусственном интеллекте, персональных данных и цифровой безопасности. Сравнительно-правовой подход использовался не для механического переноса зарубежных запретов, а для выявления моделей, совместимых с принципами казахстанского уголовного права. Структурно-функциональный анализ обеспечил разграничение нескольких ролей синтетического файла: средства преступного воздействия, предмета распространения, носителя следовой информации, объекта экспертного исследования и инструмента сокрытия.

Исследование построено по последовательности «технологическая операция – юридически значимое действие – охраняемый объект – способ причинения вреда – последствия – доказательственный источник». Такая схема исключает подмену правовой квалификации техническим описанием. Само наличие нейросетевой обработки не свидетельствует о преступлении, как и отсутствие обязательной маркировки не во всех случаях достигает уровня уголовной противоправности. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 232-VIII ЗРК ввел административную ответственность за отдельные нарушения законодательства в сфере искусственного интеллекта, включая необеспечение информирования пользователей о синтетических результатах, способных ввести их в заблуждение, и ненадлежащее управление рисками систем высокой степени риска при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния [12]. Поэтому граница между административным проступком и уголовным правонарушением определяется не только фактом отсутствия предупреждения, но также направленностью умысла, объектом посягательства, характером обмана и причиненным вредом.

При разработке предложений учитывался принцип правовой определенности. Предлагаемая норма должна позволять заранее установить запрещенное поведение и не создавать неоправданного риска привлечения к ответственности разработчиков, журналистов, исследователей, художников или пользователей, распространяющих очевидно сатирический либо учебный материал. Вместе с тем предупреждение о синтетической природе не может автоматически исключать уголовную ответственность: маркированный файл способен использоваться для вымогательства, нарушения частной жизни, травли или иного умышленного причинения вреда. Следовательно, маркировка представляет элемент прозрачности и доказательственный ориентир, но не универсальное обстоятельство правомерности.

Результаты/Обсуждение

Легальное понятие синтетического результата деятельности системы

искусственного интеллекта шире бытового термина «дипфейк». Оно охватывает не только замену лица в видеозаписи или клонирование голоса, но и синтетические тексты, комбинированные материалы, имитацию поведения человека и моделирование событий, которые не происходили [1]. Для уголовного права подобная широта полезна, поскольку преступный обман может строиться на совокупности элементов: видеосообщении, голосовом подтверждении, переписке, поддельном документе и цифровом профиле. Одновременно термин «дипфейк» целесообразно использовать как доктринальное обозначение высокореалистичной имитации личности либо события, тогда как в законодательных предложениях предпочтительна уже закрепленная формула «синтетический результат деятельности системы искусственного интеллекта».

Первой юридически значимой характеристикой является функциональная роль материала. При мошенничестве синтетический голос или видео используются для создания ложного представления о личности отправителя, его полномочиях, намерениях либо наличии чрезвычайной ситуации. Обман направлен на волевое решение потерпевшего о передаче имущества, сообщении кода, предоставлении доступа или совершении платежа. В подобных случаях дипфейк не образует самостоятельного объекта посягательства, а повышает убедительность способа, предусмотренного статьей 190 УК РК [7]. Квалификация должна отражать конечное хищение и информационный способ его совершения, а применение искусственного интеллекта подлежит фиксации в описательной части процессуального решения как фактический механизм введения в заблуждение.

Специфика синтетического обмана состоит в использовании доверия к сенсорной достоверности. Потерпевший воспринимает знакомый голос, мимику или манеру речи не как абстрактное сообщение, а как подтверждение личности. Ефремова и Русскевич рассматривают подобную подмену как развитие преступного обмана, при котором цифровая форма позволяет воспроизводить признаки субъекта, традиционно служившие основанием идентификации [4]. Данная особенность повышает общественную опасность в ситуациях, когда преступник имитирует руководителя, представителя банка, сотрудника государственного органа, родственника либо иное лицо, отношения с которым объективно предполагают доверие. Однако усиленная убедительность еще не требует создания отдельного состава мошенничества: существующая норма охватывает хищение путем обмана пользователя информационной системы или сети Интернет.

Потребность в специальном квалифицирующем признаке может возникнуть, когда применение синтетической имитации существенно облегчает совершение деяния, затрудняет его обнаружение и создает возможность одновременного воздействия на большое число потерпевших. В отличие от обычного текстового сообщения, один достоверно выглядящий ролик способен многократно воспроизводиться, адаптироваться к различным адресатам и поддерживаться голосовыми ответами в режиме реального времени. Поэтому для статьи 190 УК РК оправдано обсуждение самостоятельного квалифицирующего признака, связанного не с любым использованием искусственного интеллекта, а с умышленной имитацией личности в целях завладения имуществом или правом на имущество. Такая конструкция будет отражать повышенную опасность подмены субъекта общения и одновременно не затронет нейтральные цифровые инструменты, применяемые при подготовке обычного мошеннического сообщения.

При вымогательстве синтетический материал выполняет иную функцию. Виновный может создать фиктивный компрометирующий файл и потребовать имущество под угрозой его распространения. Для потерпевшего вред связан не с истинностью содержания, а с вероятностью восприятия материала третьими лицами как достоверного и наступлением репутационных, семейных, профессиональных либо иных последствий. Уголовно-правовая оценка должна исходить из направленности требования и характера угрозы, предусмотренных статьей 194 УК РК [7]. Искусственное происхождение компрометирующего материала не устраняет реальность угрозы: публичное распространение правдоподобной подделки способно причинить существенный вред независимо от последующего опровержения.

В научной литературе особое внимание уделяется синтетическим материалам, вторгающимся в интимную и частную сферу. Добробаба связывает дипфейки с утратой человеком контроля над цифровым воспроизведением собственной личности [9], а Алексеева указывает на пробелы, возникающие при создании материалов, которые внешне представляют конкретное лицо в ситуациях, не имевших места [11]. Для Казахстана соответствующая оценка должна проводиться с

учетом статьи 147 УК РК и Закона «О персональных данных и их защите». При этом нельзя автоматически приравнивать каждое использование общедоступной фотографии к уголовно наказуемому нарушению. Необходимо установить предмет охраны, незаконность сбора или обработки данных, умысел, способ распространения, причиненный вред и иные признаки конкретного состава.

Голос и изображение лица в механизме дипфейка обладают двойственной природой. С одной стороны, они являются информационным материалом, на основе которого обучается либо настраивается генеративная модель. С другой стороны, синтетический результат воспроизводит индивидуализирующие признаки и может использоваться для идентификационной подмены. Закон о персональных данных требует законности, конфиденциальности и безопасности обработки, а также ограничивает нецелевое извлечение персональных данных из общедоступных источников [10]. Следовательно, расследование должно устанавливать не только лицо, распространившее готовый ролик, но и происхождение обучающих образцов, наличие согласия, способ их получения, передачу третьим лицам и связь с последующим преступным использованием.

Распространение заведомо ложной информации с использованием синтетического контента подлежит оценке по статье 274 УК РК лишь при наличии всех признаков, установленных уголовным законом. Реалистичный видеоряд сам по себе не заменяет доказывание заведомости, способа распространения и предусмотренных законом последствий. Привлекательность специальной «антидипфейковой» нормы не должна приводить к упрощению состава и переносу ответственности на технический формат. Грешнова и Ситник обоснованно указывают, что уголовно-правовой запрет нуждается в связи с конкретным общественным вредом, иначе правовое регулирование начинает ограничивать технологию независимо от содержания поведения [8]. В казахстанской модели специальная ответственность целесообразна лишь для строго определенных случаев, где существующая норма не позволяет адекватно отразить опасность.

Отдельную группу образуют посягательства на информационные системы. Создание дипфейка может сопровождаться неправомерным доступом к учетной записи, похищением исходных файлов, изменением передаваемой информации, внедрением синтетического сообщения в корпоративный канал или подменой содержимого цифрового ресурса. В таком случае квалификация не ограничивается преступлением против собственности или личности и может включать совокупность с уголовными правонарушениями в сфере информатизации и связи. Принципиально важно установить самостоятельность действий: генерация файла, получение доступа, размещение, изменение данных и последующее использование могут совершаться разными участниками, а распределение ролей влияет на вывод о соучастии.

При сокрытии уголовного правонарушения синтетический контент не всегда образует самостоятельный состав. Лицо способно создать запись, подтверждающую ложное местонахождение, заменить фрагмент видеонаблюдения, сформировать фиктивное голосовое сообщение либо сгенерировать переписку, призванную объяснить происхождение денег, предметов или контактов. Подобные действия оцениваются в связи с основным правонарушением, стадией их совершения, процессуальным статусом лица и наличием специальных норм об ответственности за фальсификацию, заведомо ложные показания, воспрепятствование расследованию или укрывательство. Нельзя автоматически признавать последующее создание ложного материала частью первоначального умысла; требуется доказать, что способ сокрытия охватывался планом либо образует самостоятельное деяние.

Особенно сложен феномен, получивший в зарубежной литературе обозначение «дивиденд лжеца»: существование технологии дипфейков позволяет отрицать подлинность настоящей записи без представления убедительных оснований. В уголовном процессе подобное заявление должно рассматриваться как версия, подлежащая проверке, но не как достаточная причина для исключения доказательства. Иначе сама доступность генеративных технологий разрушит доверие к любому аудиовизуальному материалу. Проверка должна включать анализ источника, условий получения, непрерывности хранения, метаданных, сопоставление с иными доказательствами и экспертное исследование. Бремя доказывания обвинения сохраняется за стороной обвинения, однако сторона, оспаривающая подлинность, вправе указывать конкретные признаки вмешательства и заявлять ходатайства о дополнительной проверке.

Закон «Об искусственном интеллекте» устанавливает обязательное информирование и допускает распространение синтетических

результатов только при наличии машиночитаемой маркировки и визуального либо иного предупреждения, доступного для восприятия пользователем [1]. Подзаконные Правила разработки, применения и распространения машиночитаемых форм конкретизируют технологический механизм прозрачности [13]. Маркировка имеет предупредительную и доказательственную функции: снижает вероятность ошибочного восприятия файла и создает дополнительный цифровой признак его происхождения. Вместе с тем она не гарантирует неизменность контента, поскольку может быть удалена при перекодировании, обрезке, записи экрана или целенаправленной модификации.

Бодров и Лебедева предлагают рассматривать маркировку генеративного контента как многоуровневую систему, соединяющую видимое уведомление и технически распознаваемые данные [14]. Для уголовного судопроизводства существенна не только отметка «создано искусственным интеллектом», но и происхождение конкретной маркировки, ее связь с системой, дата генерации, история изменений и возможность проверки подписи. Простая надпись на изображении может быть добавлена либо удалена вручную и не подтверждает фактический способ создания. Поэтому отсутствие маркировки повышает риск введения в заблуждение, но не доказывает преступный умысел, а ее наличие не исключает незаконную цель распространения.

Административная ответственность по статье 641-1 КоАП РК ориентирована преимущественно на собственников и владельцев систем искусственного интеллекта, не обеспечивших информирование пользователей или управление рисками [12]. Преступное распространение дипфейка нередко осуществляется конечным пользователем, который сознательно удаляет предупреждение, изменяет метаданные или повторно загружает материал на платформу. Возникает нормативный разрыв: специальное требование маркировки действует, но прямое последствие намеренного удаления технической отметки распространителем выражено недостаточно ясно. Устранение пробела возможно путем дополнения административной нормы ответственностью за умышленное удаление или искажение обязательной маркировки при отсутствии признаков уголовного правонарушения.

Уголовно-процессуальный аспект начинается с определения источника доказательственной информации. Статья 120 УПК РК относит к документам материалы, содержащие компьютерную информацию, фотографии, киносъемку, звуко- и видеозаписи, полученные, истребованные или представленные в установленном порядке [15]. Если файл служил средством совершения правонарушения, сохранил его следы или позволяет установить обстоятельства дела, он может обладать признаками вещественного доказательства. Синтетическая природа не лишает материал доказательственного значения: поддельная запись подтверждает способ обмана, содержание угрозы, направленность умысла, примененное программное средство и связь между участниками.

Недопустимо смешивать истинность изображенного события и достоверность файла как следа преступной деятельности. Дипфейк ложен по содержанию, если демонстрирует событие, не происходившее в действительности, но одновременно может достоверно подтверждать факт его создания и направления потерпевшему. Аналогично поддельный документ не подтверждает изложенное в нем правоотношение, однако доказывает механизм подлога. Орган расследования должен четко формулировать, для установления какого обстоятельства используется синтетический материал. Подмена предмета доказывания приводит либо к необоснованному доверию к изображенному, либо к ошибочному исключению ценного цифрового следа.

Статья 112 УПК РК требует признания недопустимыми фактических данных, полученных с нарушениями, повлиявшими или способными повлиять на их достоверность, а также с применением методов, противоречащих современным научным знаниям [15]. Казахстанские процессуалисты рассматривают допустимость как системное свойство доказательства, связанное с надлежащим источником, способом получения, закреплением и возможностью проверки [16]. В отношении дипфейков особое значение приобретают происхождение файла и документирование каждого преобразования. Пересланная через мессенджер копия, повторно сохраненная запись или фрагмент, извлеченный из социальной сети, могут сохранять доказательственную ценность, но степень их пригодности зависит от наличия исходного носителя, серверных данных, сведений о загрузке и объяснимой цепочки копирования.

Оценка доказательств включает относимость, допустимость, достоверность и достаточность. А.Б. Шарипова, Г. Мухамадиева и А.К. Аманкулов подчеркивают взаимосвязь

названных свойств и необходимость оценки доказательства как в отдельности, так и в совокупности [17]. Алгоритмический отчет о вероятности синтетического вмешательства не может автоматически подменять такую оценку. Детекторы дипфейков строятся на конкретных наборах данных и признаках, чувствительны к сжатию, формату, разрешению, повторной обработке и новым способам генерации. Результат должен рассматриваться вместе с методикой, версией программного обеспечения, условиями тестирования, известной частотой ошибок и возможностью независимого воспроизведения.

Гаврицкий и Рогава связывают расследование преступлений с дипфейками с необходимостью раннего сохранения цифровых следов, привлечения специалистов и проведения комплексных исследований [18]. Промедление ведет к утрате метаданных, удалению аккаунтов, обновлению облачных записей и исчезновению временных журналов. Первоначальные действия должны быть направлены на сохранение не только видимого ролика, но и страницы размещения, идентификаторов учетной записи, сетевых адресов при наличии законных оснований, переписки, данных о времени публикации, сведений о платежах, исходных образцов и устройств, на которых выполнялась генерация либо монтаж.

Фиксация цифрового материала должна обеспечивать проверяемость. Минимальный набор включает точное описание источника, дату и время получения, сведения о лице, предоставившем файл, способ копирования, контрольную хеш-сумму, формат, размер, метаданные, используемое программное и аппаратное средство, а также перечень произведенных преобразований. При извлечении с интернет-ресурса необходимо документировать адрес, структуру страницы, доступные идентификаторы и контекст публикации. Снимок экрана полезен для визуального отображения, но не заменяет сохранение исходного файла и технических данных. Если оригинал недоступен, причина должна быть отражена, а достоверность проверяется через альтернативные источники.

Судебная экспертиза синтетического контента по своему предмету может быть комплексной. В зависимости от вопросов требуются компьютерно-технические, видеотехнические, фоноскопические, портретные, лингвистические и иные специальные знания. Эксперт устанавливает признаки монтажа, генерации, клонирования голоса, несогласованность аудио- и видеоряда, структуру кодирования, происхождение метаданных и возможную последовательность изменений. Однако формулировка вопроса «является ли видео дипфейком» нередко чрезмерно общая. Следователю следует разграничивать технический факт изменения, способ создания, идентификацию воспроизведенного лица, содержание высказывания и оценку правового значения, которая относится к компетенции органа, ведущего процесс.

Исследования казахстанских ученых в области цифровизации судебной экспертизы показывают, что алгоритмизация способна повысить скорость и повторяемость анализа, но одновременно создает процессуальные риски, связанные с непрозрачностью метода, качеством обучающих данных и подменой экспертного вывода машинным результатом [19]. В заключении должны быть раскрыты исходные материалы, последовательность действий, примененные методики, программные версии, ограничения и основания вывода. Ссылка на коммерческий сервис без описания принципа работы и верификации не соответствует требованию проверяемости научно-технического средства.

Цепочка сохранности цифрового доказательства имеет не формальное, а содержательное значение. Ашимова и соавторы, анализируя цифровое досудебное расследование, подчеркивают роль интегрированных систем и прослеживаемости действий с электронными материалами [20]. Для синтетического контента журналирование особенно важно, поскольку любое копирование, перекодирование или конвертация способны изменить технические признаки, по которым эксперт определяет вмешательство. Оригинал или наиболее ранняя доступная копия должны сохраняться в неизменном виде, а исследования проводиться на рабочей копии. Электронная система уголовного дела должна фиксировать загрузку, контрольную сумму, пользователя, время доступа и версию файла.

Криминалистическая версия о применении дипфейка не может основываться только на визуальных дефектах. Современные генераторы устраняют традиционные признаки, а подлинная запись может содержать артефакты из-за плохого освещения, нестабильной связи, сжатия или автоматической обработки камерой. Надежная проверка соединяет технологический и обстоятельственный анализ: устанавливаются источник сообщения, поведение учетной записи, способ связи, история платежей, содержание диалога, необычные речевые конструкции, несоответствие известному распорядку лица,

данные оператора связи и показания участников. Чем больше независимых линий подтверждения, тем меньше риск ошибочного вывода.

Цифровой кодекс Республики Казахстан формирует общую правовую среду управления цифровыми данными, объектами и инфраструктурой [21]. Взаимодействие его положений с Законом «Об искусственном интеллекте» и УПК РК позволяет развивать механизм происхождения контента. Перспективным является использование криптографически проверяемых сведений о создании и изменении медиофайла, совместимых с машиночитаемыми формами. Для правоохранительной деятельности подобные данные не должны восприниматься как неопровержимая истина, но способны существенно облегчить установление источника и выявление вмешательства.

Сравнительный анализ научных подходов показывает две крайние позиции. Первая предполагает создание самостоятельного состава за изготовление или распространение дипфейка. Вторая исходит из достаточности традиционных норм, поскольку технология остается лишь способом. Каждая позиция отражает часть проблемы. Самостоятельный состав оправдан для узко очерченной формы, когда вред не охватывается иными нормами и связан с заведомой идентификационной подменой, существенным нарушением прав личности либо угрозой публичной безопасности. Универсальный запрет на любой неразмеченный синтетический материал чрезмерен. Одновременно ссылка исключительно на общие составы может недооценивать масштабируемость, правдоподобие и трудность опровержения цифровой имитации.

Оптимальной для Казахстана представляется дифференцированная модель. На первом уровне действуют требования прозрачности и маркировки, а нарушение при отсутствии общественно опасных последствий влечет административную ответственность. На втором уровне синтетический контент учитывается как способ или средство конкретного уголовного правонарушения: мошенничества, вымогательства, нарушения частной жизни, распространения ложной информации либо посягательства на информационную систему. На третьем уровне применение идентификационной имитации признается обстоятельством, повышающим ответственность, если оно существенно облегчило посягательство, увеличило число потерпевших или было направлено на сокрытие. Специальный самостоятельный состав может обсуждаться только после накопления практики, подтверждающей устойчивый массив общественно опасных деяний, не охватываемых существующими нормами.

Первое законодательное предложение касается понятийного аппарата. Статью 3 УК РК целесообразно дополнить положением, согласно которому для целей Кодекса синтетический результат деятельности системы искусственного интеллекта понимается в значении, установленном законодательством Республики Казахстан об искусственном интеллекте. Отсылочная конструкция обеспечит единство терминологии и исключит конкурирующие определения. В уголовном законе не следует вводить разговорный термин «дипфейк» без необходимости, поскольку он уже легального понятия и преимущественно ассоциируется с аудиовизуальной имитацией.

Второе предложение относится к статье 54 УК РК. Часть первую можно дополнить обстоятельством, отягчающим ответственность и наказание: «совершение уголовного правонарушения с использованием синтетического результата деятельности системы искусственного интеллекта, имитирующего конкретное физическое лицо или событие, в целях введения потерпевшего, государственного органа либо иных лиц в заблуждение, причинения вреда или сокрытия уголовного правонарушения». Применение данного обстоятельства должно исключаться, когда соответствующий признак предусмотрен статьей Особенной части. Такая формулировка охватывает не любое использование ИИ, а направленную идентификационную либо событийную подмену.

Третье предложение связано с мошенничеством. Пункт 4) части второй статьи 190 УК РК уже охватывает обман пользователя информационной системы или сети Интернет. Поэтому немедленное введение отдельного состава не требуется. Вместе с тем после анализа судебно-следственной практики возможно дополнение части второй квалифицирующим признаком «с использованием синтетического результата деятельности системы искусственного интеллекта, имитирующего личность другого лица». Норма должна применяться при доказанном умысле на подмену идентичности и причинной связи между имитацией и передачей имущества, а не при любом применении генеративного текста.

Четвертое предложение направлено на сохранение маркировки. Статью 21 Закона «Об искусственном интеллекте» следует дополнить обязанностью лица, намеренно

распространяющего синтетический результат, не удалять и не искажать машиночитаемую и визуальную маркировку, а при техническом преобразовании, которое объективно ее утрачивает, повторно информировать пользователя доступным способом. Параллельно статью 641-1 КоАП РК целесообразно дополнить ответственностью за умышленное удаление, подмену или сокрытие обязательной маркировки, если деяние не содержит признаков уголовного правонарушения. Данное решение заполнит разрыв между обязанностью владельца системы и поведением конечного распространителя.

Пятое предложение касается закрепления цифровых доказательств. Статью 123 УПК РК целесообразно дополнить частью следующего содержания: «При закреплении компьютерной информации, фото-, аудио- и видеозаписей в протоколе указываются источник их получения, формат, размер, контрольное значение целостности, доступные метаданные, способ копирования, примененные программно-технические средства и сведения о произведенных преобразованиях. Исходный экземпляр либо наиболее ранняя доступная копия сохраняется в неизменном виде». Такая норма будет применима не только к дипфейкам, но и ко всем цифровым материалам, повышая качество доказывания.

Шестое предложение связано с научно-техническими средствами. Статью 126 УПК РК следует дополнить правилом, согласно которому программные средства автоматизированного выявления синтетического или измененного контента применяются при наличии проверяемой методики, документирования версии, условий исследования и известных ограничений; их результат не может быть единственным основанием вывода о подлинности или искусственном происхождении материала. Норма не препятствует технологическому развитию, но закрепляет процессуальный минимум воспроизводимости и согласуется с запретом методов, противоречащих современным научным знаниям.

Седьмое предложение имеет организационно-методический характер. Уполномоченным органам в сфере судебно-экспертной деятельности и досудебного расследования необходимо разработать межведомственную методику работы с синтетическими медиоматериалами. Она должна включать алгоритм первичного сохранения, перечень обязательных реквизитов протокола, правила обращения с облачными данными, формирование сравнительных образцов голоса и изображения, критерии назначения комплексной экспертизы, требования к валидации детекторов и порядок представления результатов в суде. Методика не заменит закон, но обеспечит единообразное применение предлагаемых норм.

Восьмое предложение относится к профилактике. Банки, операторы связи, государственные органы и организации, использующие дистанционное подтверждение распоряжений, должны внедрять многофакторную проверку, не основанную исключительно на голосе или изображении. Правовое значение подобной меры состоит не в возложении вины на потерпевшего, а в снижении уязвимости процессов, где синтетическая имитация способна заменить личность. Для критически значимых операций необходимы независимый канал подтверждения, ограничение полномочий, журналирование и возможность оперативной блокировки. Профилактическая архитектура дополняет уголовно-правовой запрет и уменьшает последствия уже начатой атаки.

Предложенная модель сохраняет технологическую нейтральность уголовного права. Ответственность связывается с обманом, нарушением охраняемого права, причиненным вредом, незаконным доступом или сокрытием, а не с конкретным видом нейросети. Одновременно легальное понятие синтетического результата и специальное отягчающее обстоятельство позволяют учитывать качественно новую способность имитировать личность и событие. Подобное сочетание создает резерв для будущих технологий, не требуя постоянного изменения Особенной части при появлении нового формата генерации.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что дипфейки и иные синтетические результаты деятельности систем искусственного интеллекта формируют не отдельный однородный вид преступности, а универсальный технологический ресурс, который способен включаться в различные механизмы уголовно противоправного поведения. Юридическое значение синтетического контента зависит от выполняемой функции. При мошенничестве он усиливает обман и подменяет личность участника коммуникации; при вымогательстве создает правдоподобную угрозу распространения компрометирующего материала; при нарушении частной жизни воспроизводит цифровой образ лица вопреки его воле; при посягательствах на информационные системы соединяется с неправомерным доступом

и изменением данных; при сокрытии преступления используется для создания ложного алиби, фиктивной переписки, подмены видеозаписи или дискредитации подлинного доказательства.

Во-первых, действующее законодательство Республики Казахстан уже содержит значительную часть необходимых правовых инструментов. Закон «Об искусственном интеллекте» закрепляет понятие синтетического результата и устанавливает обязательность машиночитаемой и воспринимаемой пользователем маркировки. Уголовный кодекс позволяет квалифицировать имущественные, информационные и личные посягательства по их объекту, способу и последствиям. Административное законодательство охватывает отдельные нарушения требований прозрачности. Поэтому введение единого состава «создание или распространение дипфейка» без указания цели и вреда представляется преждевременным и способным повлечь избыточную криминализацию правомерной творческой, образовательной, исследовательской и коммерческой деятельности.

Во-вторых, существующая система нуждается в точечной адаптации. Уголовный кодекс целесообразно дополнить отсылочным определением синтетического результата деятельности системы искусственного интеллекта и обстоятельством, отягчающим ответственность за направленную имитацию конкретного лица или события в целях введения в заблуждение, причинения вреда либо сокрытия уголовного правонарушения. В отношении мошенничества возможно последующее введение специального квалифицирующего признака после накопления практики, подтверждающей самостоятельное повышение общественной опасности идентификационной подмены. Такой подход сохраняет связь ответственности с конкретным посягательством и не превращает технологию в самостоятельный объект уголовно-правового запрета.

В-третьих, маркировка синтетического контента должна охватывать всю цепочку распространения. Обязанность владельца системы информировать пользователя недостаточна, если конечный распространитель намеренно удаляет предупреждение или искажает машиночитаемую отметку. Законодательство об искусственном интеллекте следует дополнить запретом умышленного удаления и обязанностью повторного информирования после технического преобразования материала. Соответствующее нарушение при отсутствии признаков преступления должно влечь административную ответственность. Вместе с тем наличие маркировки не освобождает от уголовной ответственности за вымогательство, нарушение частной жизни или иное умышленное причинение вреда.

В-четвертых, синтетическое происхождение файла не исключает его доказательственного значения. Ложный по содержанию ролик способен достоверно подтверждать способ обмана, содержание угрозы, намерение виновного и используемое программное средство. Ключевое значение приобретают правильное определение доказываемого обстоятельства, сохранение наиболее ранней доступной версии, фиксация источника, хеш-суммы, метаданных, способа копирования и истории преобразований. Оценка не может основываться только на визуальном впечатлении или результате одного автоматического детектора.

В-пятых, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан нуждается в специальных минимальных требованиях к закреплению цифровой информации и использованию алгоритмических средств проверки. Предлагаемое дополнение статей 123 и 126 позволит обеспечить воспроизводимость исследования, прослеживаемость цепочки сохранности и раскрытие ограничений программного метода. Для сложных материалов необходимо назначение комплексной экспертизы, объединяющей компьютерно-технические, видеотехнические, фоноскопические, портретные и лингвистические знания. Экспертный вывод должен объяснять примененную методику и не сводиться к сообщению вероятностного показателя закрытого сервиса.

В-шестых, эффективное противодействие требует соединения уголовной политики, процессуальных гарантий и профилактической инженерии. Многофакторная идентификация, независимое подтверждение значимых распоряжений, журналирование операций, сохранение происхождения цифрового контента и обучение сотрудников позволяют уменьшить вероятность успешной подмены личности. Уголовное право реагирует на уже совершенное общественно опасное деяние, тогда как организационные и технические меры снижают уязвимость до наступления вреда.

В результате предлагается дифференцированная правовая модель: прозрачность и маркировка для законного оборота синтетических материалов; административная ответственность за нарушения

требований информирования и намеренное удаление маркировки при отсутствии преступления; квалификация общественно опасного использования по соответствующей статье Особенной части УК; учет идентификационной подмены как отягчающего обстоятельства; усиленный процессуальный режим фиксации, проверки и экспертного исследования цифровых файлов. Такая модель соответствует принципам законности и правовой определенности, позволяет учитывать повышенную опасность дипфейков и одновременно сохраняет пространство для правомерного развития искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592

3. Салимгерей А.А., Дуйсенов Е.Э., Байдаулетова А.И., Жумадилова Н.С. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»: проблемы реализации и образованности населения // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2025. - Т. 115. - № 3. - С. 43-52. DOI: 10.26577/JAPJ202511535.

4. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2024. - Т. 15. - № 2 (56). - С. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13.

5. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2023. - № 4. - С. 42-55.

6. Дремлюга Р.И., Коробеев А.И. Борьба с распространением реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов за рубежом (deepfake): уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. - 2021. - Т. 15. - № 3. - С. 372-379. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).372-379.

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

8. Грешнова Н.А., Ситник В.Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2022. - № 5 (148). - С. 182-189. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-5-182-189.

9. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. - 2022. - Т. 75. - № 11 (192). - С. 112-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119.

10. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094

11. Алексеева Т.С. Создание дипфейков как преступление против личности // Цифровые технологии и право. - 2025. - Т. 1. - № 3. - С. 11-14. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.digteclaw.127947.

12. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 232-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000232

13. Приказ Заместителя Премьер-Министра – Министра искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан от 15 апреля 2026 года № 202/НҚ «Об утверждении Правил разработки, применения и распространения машиночитаемых форм». Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 16 апреля 2026 года № 38444 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2600038444

14. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента // Пенитенциарная наука. - 2024. - Т. 18. - № 4 (68). - С. 348-357. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

16. Бершугурова Л.Ш., Дюсембаева А.С. Проблемы допустимости доказательств по уголовному процессу Республики Казахстан // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2019. - Т. 90. - № 2. - С. 86-96. DOI: 10.26577/JAPJ.2019.v90.i2.010.

17. Шарипова А.Б., Мухамадиева Г., Аманкулов А.К. О свойствах доказательств в уголовном процессе // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2020. - Т. 93. - № 1. - С. 128-138. DOI: 10.26577/JAPJ.2020.v93.i1.14.

18. Гаврицкий А.В., Рогава И.Г. Проблемы расследования преступлений, связанных с созданием и распространением дипфейков // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 7. - С. 319-322. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_7_319.

19. Бакыт С.Б., Алаева Г.Т., Жанибеков А.К., Юхневич Э.Э., Рахметулина Б.С. Цифровизация судебной экспертизы: влияние на качество доказательств и процессуальные риски // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2026. - Т. 117. - № 1. - С. 191-202. DOI: 10.26577/JAPJ1171202616.

20. Толыбаева А.А., Исаева А.Ж., Жумагулова Ш.Р., Ашимова Е., Байтукаева Д.У. Проблемы электронного уголовного судопроизводства в Республике Казахстан и сравнительный анализ

зарубежных моделей цифрового досудебного расследования // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2025. - Т. 116. - № 4. - С. 125-140. DOI: 10.26577/JAPJ2025116411.

21. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК [Электронный ресурс] Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255

References

1. Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 noyabrya 2025 goda № 230-VIII ZRK «Ob iskusstvennom intellekte» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230

2. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 24 iyulya 2024 goda № 592 «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitiya iskusstvennogo intellekta na 2024-2029 gody» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592

3. Salimgerej A.A., Dujsenov E.E., Bajdauletova A.I., Zhumadilova N.S. Zakon Respubliki Kazahstan «Ob iskusstvennom intellekte»: problemy realizacii i obrazovannosti naseleniya // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2025. - T. 115. - № 3. - S. 43-52. DOI: 10.26577/JAPJ202511535.

4. Efremova M.A., Russkevich E.A. Dipfejk (deepfake) i ugolovnyj zakon // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. - 2024. - T. 15. - № 2 (56). - S. 97-105. DOI: 10.37973/Vestnikkui-2024-56-13.

5. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty protivodejstviya rasprostraneniyu i ispol'zovaniyu dipfejkov v Rossijskoj Federacii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. - 2023. - № 4. - S. 42-55.

6. Dremlyuga R.I., Korobeev A.I. Bor'ba s rasprostraneniem realistichnyh audiovizual'nyh poddel'nyh materialov za rubezhom (deepfake): ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. - 2021. - T. 15. - № 3. - S. 372-379. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(3).372-379.

7. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

8. Greshnova N.A., Sitnik V.N. Obespechenie obshchestvennogo interesa v usloviyah cifrovizacii: problemy ugolovnogo zakonodatel'stva v Rossii (na primere tehnologii dipfejk (deepfake)) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. - 2022. - № 5 (148). - S. 182-189. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-5-182-189.

9. Dobrobaba M.B. Dipfejki kak ugroza pravam cheloveka // Lex russica. - 2022. - T. 75. - № 11 (192). - S. 112-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119.

10. Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 maya 2013 goda № 94-V «O personal'nyh dannyh i ih zashchite» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094

11. Alekseeva T.S. Sozdanie dipfejkov kak prestuplenie protiv lichnosti // Cifrovye tehnologii i pravo. - 2025. - T. 1. - № 3. - S. 11-14. DOI: 10.71337/inlibrary.uz.digteclaw.127947.

12. Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 noyabrya 2025 goda № 232-VIII ZRK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000232

13. Prikaz Zamestitelya Prem'er-Ministra – Ministra iskusstvennogo intellekta i cifrovogo razvitiya Respubliki Kazahstan ot 15 aprelya 2026 goda № 202/NQ «Ob utverzhdenii Pravil razrabotki, primeneniya i rasprostraneniya mashinochitaemyh form». Zaregistrirovan v Ministerstve yusticii Respubliki Kazahstan 16 aprelya 2026 goda № 38444 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2600038444

14. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Perspektivy pravovogo regulirovaniya i algoritm markirovki generativnogo kontenta // Penitenciarnaya nauka. - 2024. - T. 18. - № 4 (68). - S. 348-357. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001.

15. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

16. Bershugurova L.Sh., Dyusembaeva A.S. Problemy dopustimosti dokazatel'stv po ugolovnomu processu Respubliki Kazahstan // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2019. - T. 90. - № 2. - S. 86-96. DOI: 10.26577/JAPJ.2019.v90.i2.010.

17. Sharipova A.B., Muhamadieva G., Amankulov A.K. O svojstvah dokazatel'stv v ugolovnom processe // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2020. - T. 93. - № 1. - S. 128-138. DOI: 10.26577/JAPJ.2020.v93.i1.14.

18. Gavrickij A.V., Rogava I.G. Problemy rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s sozdaniem i rasprostraneniem dipfejkov // Agrarnoe i zemel'noe pravo. - 2025. - № 7. - S. 319-322. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_7_319.

19. Bakyt S.B., Alaeva G.T., Zhanibekov A.K., Yuhnevich E.E., Rahmetulina B.S. Cifrovizaciya sudebnoj ekspertizy: vliyanie na kachestvo dokazatel'stv i processual'nye riski // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2026. - T. 117. - № 1. - S. 191-202. DOI: 10.26577/JAPJ1171202616.

20. Tolybaeva A.A., Isaeva A.Zh., Zhumagulova Sh.R., Ashimova E., Bajtukaeva D.U. Problemy elektronnogo ugolovnogo sudoproizvodstva v Respublike Kazahstan i sravnitel'nyj analiz zarubezhnyh modelej cifrovogo dosudebnogo rassledovaniya // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. - 2025. - T. 116. - № 4. - S. 125-140. DOI: 10.26577/JAPJ2025116411.

21. Cifrovoj kodeks Respubliki Kazahstan ot 9 yanvarya 2026 goda № 255-VIII ZRK [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255

АВТОРЛАРҒА АҚПАРАТ

«Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті Хабаршысы» журналы (бұдан әрі – «ҚЭУ Хабаршысы») келесі бағыттар бойынша мақалалар жариялайды: Экономика, Философия, Педагогика, Құқықтану.

Журнал беттері пікірталас материалдарына ашық, сондықтан оның мазмұны құрылтайшылар мен редакциялық алқаның көзқарасын міндетті түрде білдірмейді.

«ҚЭУ Хабаршысы» журналы тоқсан сайын (жылына төрт рет) шығады. Қайта басып шығару кезінде журналға сілтеме жасау міндетті.

Қарауға қабылданған мақалалар бойынша екі апта ішінде оларды жариялау мүмкіндігі туралы мәселе шешіледі. Соңғы шешім редакциялық алқа отырысында талқылау нәтижесінде қабылданады. Мақаланың өту барысы туралы барлық ақпаратты авторлар **+7 (7212) 44-16-24 (6564)** телефоны арқылы ала алады.

Автор «ҚЭУ Хабаршысы» журналында жарияланған өз мақаласының электрондық нұсқасын Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті сайтының «КЭУ Хабаршысы» бөлімінде интернет желісінде өтеусіз негізде жариялауға келісім береді. Автор сайтқа қолжетімділік шектелмейтінін түсінеді.

Қабылданбаған мақалалар авторларға қайтарылмайды.

Жарияланымдар үшін қаламақы төлеу қарастырылмаған.

Қолжазбаларды жариялау ақысы 8 000 теңгені құрайды (шығындардың өсуіне байланысты өзгеруі мүмкін).

Назар аударыңыз: автордың мақаланы «КЭУ Хабаршысы» журналына жариялауға ұсынуы ғылыми жарияланым этикасының талаптары мен қағидаларымен келісім білдіруі ретінде қабылданады.

Редакциялық алқаның мекенжайы: Қарағанды қаласы, Академиялық көшесі, 9, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, 303 кабинет, т. +7 (7212) 44-16-24 (6500). email: vestnik_keu@mail.ru

Жариялауға ұсынылатын мақалалар ғылыми жарияланымдар этикасына сәйкес болуы тиіс:

• Авторлар келтірілген деректердің, дәйексөздердің, экономикалық-статистикалық мәліметтердің, жалқы есімдердің, географиялық атаулардың және басқа да ақпараттардың дұрыстығы мен нақтылығы үшін, сондай-ақ ашық жариялауға арналмаған мәліметтерді пайдаланғаны үшін жауапкершілік көтереді.

• Нақты деректер, әдеби және басқа да дереккөздерден алынған барлық мәліметтер, сондай-ақ мақалада келтірілген дәйексөздер тиісті сілтемелермен расталуы тиіс.

• Авторлар жарияланымдарға қойылатын талаптарды және мақалалар мәтінінің рәсімделу форматын сақтауы қажет.

• Плагиатты түпнұсқа жұмыс ретінде ұсынуға және бұрын жарияланған мақаланы қайта жариялауға жол берілмейді. Мәтіннің бірегейлігі кемінде – 70%.

• Жариялауға ұсынылған ғылыми мақалалар (соның ішінде шолу мақалалары) журналдың жарияланған мақсаты мен тақырыптық бағытына сәйкес келуі және келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

Мақала мәтінінің форматына қойылатын талаптар:

• мәтіндік редактор – Microsoft Word;
• қаріп – Times New Roman, 11 кегль (мақаланың негізгі мәтіні үшін);
• жоларалық интервал – бірлік;
• жиектері: жоғарғы, төменгі, оң, сол – 2 см;
• абзацтық шегініс – 1 см.

Көрсетілген форматтағы мақаланың көлемі кемінде 5 бет, 10 беттен аспауы тиіс.

Мақаланың құрылымына қойылатын талаптар:

1.Мақаланың атауы
2.Аннотация
3.Түйінді сөздер (кемінде 7 сөз)
4.Кіріспе
5.Материалдар мен әдістер
6.Нәтижелер / Талқылау
7.Қорытынды
8.Қаржыландыру туралы ақпарат (бар болған жағдайда)
9.Пайдаланылған әдебиеттер тізімі
10. References (әдебиеттер тізімін латын қарпіне транслитерациялау: https://translitonline.com/)

Аннотацияға қойылатын талаптар:

1.Мәселенің мәні
2.Зерттеу мақсаты
3.Қолданылған зерттеу әдістері
4.Нәтижелер және олардың маңыздылығы
5.Аннотация көлемі кемінде 50, ең көбі 300 сөз

Жарияланымның міндетті элементтері:

• мақала тақырыбын барынша нақты ашып көрсететін УДК индексі, қаріп Times New Roman 11 кегль, одан кейін абзацтық шегініс;

• автордың (қосалқы авторлардың) аты (бас әріппен) және тегі (толық бас әріптермен) орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде, қаріп Times New Roman 10 кегль, курсив;

• авторлар туралы мәліметтер: ғылыми дәрежелері, жұмыс орындары (бөлімше, қызметі), байланыс ақпараты (орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде) және e-mail, қаріп Times New Roman 10 кегль, курсив, одан кейін абзацтық шегініс;

• мақаланың атауы бас әріптермен, қалың қаріппен (орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде), қаріп Times New Roman 11 кегль, одан кейін абзацтық шегініс;

• мақала аннотациясы мен түйінді сөздері орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде, қаріп Times New Roman 10 кегль (алдымен жарияланым ұсынылған тілдегі аннотация беріледі);

• Назар аударыңыз: кез келген қысқартулар, соның ішінде аббревиатуралар тек түпнұсқа тілде ғана

қолданылады (басқа тілдерде толық жазылуы қажет);

• мақала мәтіні құрылымға сәйкес екі абзацтық шегіністен кейін беріледі, қаріп Times New Roman 11 кегль;

• пайдаланылған әдебиеттер тізімі және references, абзацтық шегініс, қаріп Times New Roman 10 кегль.

Сілтемелерді рәсімдеуге қойылатын талаптар:

Әдебиетке сілтеме төртбұрышты жақшада көрсетіледі, одан кейін үтір арқылы кіші әріппен «с.» (бет) белгісі және бет нөмірі жазылады.

Сілтемені рәсімдеу үлгісін қараңыз:

«Әрі қарай тақырыптық бағыттар бойынша жоспарларды және факультеттер жоспарларын талдау нәтижелері негізінде келесі жоспарлы кезеңге арналған жоспар жобалары құрастырылады» [22, б.34].

Иллюстрациялар, сызбалар және суреттерді рәсімдеуге қойылатын талаптар:

Барлық иллюстрациялардың атауы болуы тиіс және қажет болған жағдайда түсіндірме деректер (сурет астындағы мәтін Times New Roman 10 кегль) беріледі; барлық иллюстрацияларға мақала мәтінінде сілтемелер жасалуы қажет. «Сурет» сөзі, оның реттік нөмірі, атауы және түсіндірме деректері суреттің тікелей астына орналастырылады. Иллюстрациялар араб цифрларымен тұтас нөмірлеу арқылы белгіленеді, қаріп Times New Roman 10 кегль. Егер сурет біреу ғана болса, ол нөмірленбейді.

Жарияланымға енгізілетін сызбалар, графиктер, диаграммалар, схемалар мен иллюстрациялар мемлекеттік стандарттар талаптарына сәйкес болуы тиіс.

Барлық иллюстрациялар, схемалар және суреттер тек қара-ақ түсте және мәтінге тіркелген түрде ұсынылуы қажет.

Кестелерді рәсімдеуге қойылатын талаптар:

Барлық кестелердің атауы болуы тиіс (Times New Roman 10 кегль) және мәтінде оларға сілтеме жасалуы қажет. Кестенің атауы оның мазмұнын нақты, қысқа әрі дәл көрсетуі керек және кестенің үстіне орналастырылады.

Кесте мәтінде алғаш рет аталған абзацтан кейін тікелей орналастырылады. Жолдары көп кестені келесі бетке көшіруге рұқсат етіледі.

Бағаналардың тақырыптары, әдетте, кесте жолдарына параллель түрде жазылады, қажет болған жағдайда баған тақырыптарын перпендикуляр түрде орналастыруға болады. Кесте ішіндегі мәліметтер: Times New Roman 10 кегль.

Барлық кестелер мәтінге тіркелген болуы тиіс.

Әдебиеттер тізімін және References рәсімдеуге қойылатын талаптар:

Әдебиеттерді рәсімдеу кезінде төмендегілер көрсетіледі:

• Автор (тегі мен инициалдары курсивпен) – (Бендина Н.В.)

• Дереккөз атауы, тырнақшасыз, бас әріппен жазылады – (Маркетинг (дәрістер конспектісі): Емтиханға дайындыққа арналған құрал.-), нүкте және сызықша қойылады. Сызықшадан кейін қала, қос нүкте «:», баспа, үтірден кейін шыққан жылы жазылады – (- М: Приор, 2000.)

• Соңында нүкте қойылады, бет саны көрсетіліп, «с» әрпі жазылады – (123 б.)

Периодикалық басылымдарды рәсімдеу кезінде:

• Автор (тегі және инициалдары)

• Мақала атауы, тырнақшасыз, бас әріппен, екі қиғаш сызықпен //

• Дереккөз атауы (журнал, газет), бас әріппен, кейін нүкте және сызықша

• Шығарылған жылы (нүкте, сызықша), № (нүкте, сызықша), кейін ақпарат орналасқан беттер – (С.1–127.)

• Интернет деректерін пайдалану кезінде: [Электрондық ресурс] деп көрсетіледі және қол жеткізу режимі: (сілтеме) жазылады.

Әдебиеттер тізімі мақалада сілтеме жасалу реті бойынша беріледі, Times New Roman 10 кегль қаріпімен рәсімделеді.

Әдебиеттер тізімін рәсімдеу үлгісі:

1. *Татаркин А.И.* Экономика региона на пути стабилизации / под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭУрО РАН, 2002. – 444 с.

2. *Пузанков Д.В., Рябов В.Ф., Мамонтов А.Н.* Система стратегического планирования развития университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 2(21). – С. 27-36.

3. Закон Республики Казахстан от 19 января 2011 года № 395-IV ЗРК «О статусе «Назарбаев Университет», «Назарбаев Интеллектуальные Школы» и «Назарбаев Фонд» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/_pdf/jan11/260111.

References рәсімдеу үлгісін қараңыз:

1. Tatarkin A.I. Ekonomika regiona na puti stabilizatsii / pod red. A.I. Tatarkina. – Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk (Russian), 2002. – 444 c.

2. Puzankov D.V., Ryabov V.F., Mamontov A.N. Sistema strategicheskogo planirovaniya razvitiya universiteta // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz (Russian). – 2002. – № 2(21). – C. 27-36.

Мақалаларды ұсыну формасына қойылатын талаптар:

Мәтін электрондық түрде арқылы ұсынылады (https://dorm.keu.kz/nii/)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Карагандинского университета Казпотребсоюза» (далее «Вестник КЭУ») публикует статьи по следующим направлениям: Экономика, Философия, Педагогика, Юриспруденция.

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения учредителей и редакционной коллегии.

Журнал «Вестник КЭУ» выходит один раз в квартал (четыре раза в год). При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

По принятым к рассмотрению статьям в течение двух недель решается вопрос о потенциальной возможности их публикации. Окончательное решение принимается по результатам обсуждения на Редколлегии. Всю информацию о прохождении статьи авторы могут получить по телефону: **+7 (7212) 44-16-24 (6564)**.

Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет на сайте Карагандинского университета Казпотребсоюза в разделе «Вестник КЭУ» электронной версии своей статьи, опубликованной в журнале «Вестник КЭУ». Автор исходит из понимания, что доступ к сайту не регламентирован.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей составляет 8 000 тенге (может быть изменена при увеличении расходов).

Внимание: Передача автором статьи для публикации в «Вестник КЭУ» автоматически воспринимается как согласие с положениями и требованиями этики научных публикаций.

Адрес редколлегии: Караганда, ул. Академическая, 9, Карагандинский университет Казпотребсоюза, каб. 303, т. +7 (7212) 44-16-24 (6500). email: vestnik_keu@mail.ru

Передаваемые для публикации статьи должны соответствовать этике научных публикаций:

- Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.
- Фактические данные, все сведения, заимствованные из литературных и иных источников, а также цитаты, приводимые в статье, необходимо подтверждать соответствующими ссылками.
- Авторы должны соблюдать требования к публикациям и к формату текста статей.
- Не допустимым является представление плагиата в качестве оригинальной работы и публикация ранее опубликованной статьи. Оригинальность текста не менее – 70%.
- Поданные на публикацию научные статьи (в том числе обзоры) должны соответствовать заявленной цели и тематическому направлению журнала и отвечать следующим требованиям:

Требования к формату текста статей:

- текстовой редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman 11 кегль (для основного текста статьи);
- одинарный междустрочный интервал;
- поля: верхнее, нижнее, правое, левое – по 2 см;
- абзацный отступ – 1см.

Объем статьи в указанном формате не менее 5 страниц и не должен превышать 10 страниц.

Требования к структуре статьи:

1. Название статьи
2. Аннотация
3. Ключевые слова (не менее 7 слов)
4. Введение
5. Материалы и методы
6. Результаты/Обсуждение
7. Заключение
8. Информацию о финансировании (при наличии)
9. Список использованной литературы
10. References (транслитерация списка литературы на латиницу: https://translitonline.com/)

Требования к Аннотации:

1. Суть проблемы
2. Цель исследования
5. Использованные методы исследования
6. Результаты и их значимость
7. Объем аннотации не менее 50 и не более 300 слов

Обязательными элементами публикации являются:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи, шрифт Times New Roman 11 кегль, далее абзацный отступ;
- имя (с прописной буквы) и фамилия автора (соавторов) (все буквы прописные) на русском, казахском и английском языках, шрифт Times New Roman 10 кегль, курсив;
- сведения об авторах: регалии, места работы авторов (подразделение, должность), контактная информация (на русском, казахском и английском языках) и e-mail, шрифт Times New Roman 10 кегль, курсив, далее абзацный отступ;
- название статьи прописными буквами, жирным шрифтом (на русском, казахском и английском языках), шрифт Times New Roman 11 кегль, далее абзацный отступ;
- аннотация статьи и ключевые слова на русском, казахском и английском языках, шрифт Times New Roman 10 кегль (первой идет аннотация на языке представляемой публикации);

- **Обратите внимание**: любые сокращения, в том числе аббревиатура, допускаются только на языке оригинала (в других языковых форматах должна быть приведена полная расшифровка);
- текст статьи согласно структуре через два абзацных отступа, шрифт Times New Roman 11 кегль;
- список использованной литературы и references, абзацный отступ, шрифт Times New Roman 10 кегль

Требования к оформлению ссылок:

Ссылка на литературу указывается в квадратных скобка, затем через запятую, не прописная «с» точка и номер страницы.

См. Пример оформления ссылок

«Далее по результатам анализа планов по тематическим направлениям и планов факультетов составляются проекты плана на следующий планируемый период» [22, с.34].

Требования к оформлению иллюстраций, схем и рисунков:

Все иллюстрации должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисуночный текст Times New Roman 10 кегль); на все иллюстрации должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком. Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией, шрифт Times New Roman 10 кегль. Если рисунок один, он не нумеруется.

Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов.

Все иллюстрации, схемы и рисунки должны быть только черно-белыми и прикрепленными к тексту.

Требования к оформлению таблиц:

Все таблицы должны иметь наименование (Times New Roman 10 кегль) и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть точным, кратким, размещенным над таблицей.

Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу.

Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы, при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Данные внутри таблицы: шрифт Times New Roman 10 кегль.

Все таблицы должны быть прикреплены к тексту.

Требования к оформлению списка литературы и References:

При оформлении литературы указываются:

- Автор (фамилия и инициалы курсивом) – (*Бендина Н.В*)
- Название источника, без кавычек с прописной буквы - (Маркетинг (конспект лекций): Пособие для подготовки к экзаменам.-), ставится точка, дефис. После дефиса указываются город, ставится двоеточие «:», издательство, после запятой записывается год издания – (- М: Приор, 2000.)
- После точки и дефиса указывается количество страниц и ставится буква «с», после ставится точка (123 с.)

При оформлении периодических изданий указываются

- Автор (фамилия и инициалы)
- Название статьи, без кавычек с прописной буквы, две косые линии //
- Название источника (журнал, газета) с прописной буквы, после точка и тире
- Год выпуска (точка, тире), № (точка, тире), затем страницы, на которых содержится информация (С.1-127.)
- При использовании информации из Интернета указывается: [Электронный ресурс] и Режим доступа:

Список литературы приводится по мере цитирования в статье шрифт Times New Roman 10 кегль.

См. Пример оформления Списка литературы

1. *Татаркин А.И.* Экономика региона на пути стабилизации / под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭУрО РАН, 2002. – 444 с.

2. *Пузанков Д.В., Рябов В.Ф., Мамонтов А.Н.* Система стратегического планирования развития университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 2(21). – С. 27-36.

3. Закон Республики Казахстан от 19 января 2011 года № 395-IV ЗРК «О статусе «Назарбаев Университет», «Назарбаев Интеллектуальные Школы» и «Назарбаев Фонд» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/_pdf/jan11/260111.

См. Пример оформления References

1. Tatarkin A.I. Ekonomika regiona na puti stabilizatsii / pod red. A.I. Tatarkina. – Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk (Russian), 2002. – 444 c.

2. Puzankov D.V., Ryabov V.F., Mamontov A.N. Sistema strategicheskogo planirovaniya razvitiya universiteta // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz (Russian). – 2002. – № 2(21). – C. 27-36.

Требования к форме предоставления статей:

Текст предоставляется в электронном виде через вкладку (https://dorm.keu.kz/nii/))

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of the Karaganda University of Kazpotrebsoyuz» (hereinafter «Bulletin of KEU») publishes articles in the following areas: Economics, Philosophy, Pedagogy, Law.

The pages of the journal are open to discussion materials, so its content does not necessarily reflect the point of view of the founders and the editorial board.

The journal «Bulletin of the KEU» is published once a quarter (four times a year). When reprinting, a link to the journal is required.

According to the articles accepted for consideration, the issue of the potential possibility of their publication is being resolved within two weeks. The final decision is made based on the results of the discussion on the Editorial Board. The authors can get all the information about the passage of the article by phone.: +7 (7212) 44-16-24 (6564).

The author agrees to reproduce, free of charge, on the Internet on the website of the Karaganda University of Kazpotrebsoyuz in the section «Bulletin of KEU» the electronic version of his article published in the journal «Bulletin of KEU». The author proceeds from the understanding that access to the site is not regulated.

Rejected articles are not returned to the authors.

There is no payment of royalties for publications.

The fee for the publication of manuscripts is 8,000 tenge (subject to change with increased costs).

Attention: The transfer of an article by the author for publication in the Bulletin of the KEU is automatically perceived as agreement with the provisions and requirements of the ethics of scientific publications.

Editorial board address: Karaganda, Akademicheskaya St., 9, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, office 303, t. +7 (7212) 44-16-24 (6500). E-mail**:** vestnik_keu@mail.ru

Articles submitted for publication must comply with the ethics of scientific publications:

• The authors are responsible for the selection and reliability of the facts, citations, economic and statistical data, proper names, geographical names and other information, as well as for the use of data not intended for the public press.

• Factual data, all information borrowed from literary and other sources, as well as quotations given in the article, must be confirmed by appropriate references.

• Authors must comply with the requirements for publications and the format of the text of articles.

• It is not acceptable to present plagiarism as an original work and publish a previously published article. The originality of the text is at least 70%.

• Scientific articles submitted for publication (including reviews) must meet the stated purpose and thematic focus of the journal and meet the following requirements:

Requirements for the text format of articles:

• Microsoft Word text editor;
• Times New Roman font 11 size (for the main text of the article);
• single line spacing;
• margins: top, bottom, right, left – 2 cm each;
• paragraph indentation – 1 cm.

The volume of the article in the specified format should not be less than 5 pages and should not exceed 10 pages.

Article structure requirements:

1. The title of the article
2. Abstract
3. Keywords (at least 7 words)
4. Introduction
5. Materials and methods
6. Results/Discussion
7. Conclusion
8. Information on financing (if available)
9. References
10. References (transliteration of the list of references into Latin: https://translitonline.com /)

Annotation Requirements:

1. The essence of the problem
2. The purpose of the study
5. Research methods used
6. Results and their significance
7. The volume of the abstract is not less than 50 and not more than 300 words.

The mandatory elements of the publication are:

• the UDC index, which should reflect the subject of the article in sufficient detail, Times New Roman font 11 size, followed by paragraph indentation;

• first name (with capital letters) and last name of the author (co-authors) (all letters are uppercase) in Russian, Kazakh and English, font Times New Roman 10 size, italics;

• information about the authors: regalia, place of work of the authors (department, position), contact information (in Russian, Kazakh and English) and e-mail, font Times New Roman 10 size, italics, then paragraph indentation;

• the title of the article in capital letters, bold (in Russian, Kazakh and English), Times New Roman font 11 size, followed by paragraph indentation;

• the abstract of the article and keywords in Russian, Kazakh and English, Times New Roman font 10 size (the first is the abstract in the language of the submitted publication);

• Please note: any abbreviations, including the abbreviation, are allowed only in the original language (full transcription must be provided in other language formats);

• the text of the article according to the structure in two paragraph indents, Times New Roman font 11 size;

• references and references, paragraph indentation, Times New Roman font size 10

Link design requirements:

A reference to literature is indicated in square brackets, followed by a comma, a non-uppercase «p» dot, and a page number.

See the link design example.

«Further, based on the results of the analysis of plans for thematic areas and plans of faculties, drafts of the plan for the next planned period are drawn up» [22, p.34].

Requirements for the design of illustrations, diagrams and drawings:

All illustrations must have a name and, if necessary, explanatory information (Times New Roman 10-point caption); all illustrations must be referenced in the text of the article. The word "Drawing", its serial number, name and explanatory data are located directly below the drawing. The illustrations should be numbered in Arabic numerals, end-to-end numbering, font Times New Roman 10 size. If there is only one drawing, it is not numbered.

Drawings, graphs, diagrams, diagrams, and illustrations published in publications must comply with the requirements of state standards.

All illustrations, diagrams, and drawings should only be in black and white and attached to the text.

Requirements for the design of tables:

All tables must have a name (Times New Roman 10 size) and links in the text. The name should reflect their content, be precise, concise, and placed above the table.

The table should be placed immediately after the paragraph in which it is mentioned for the first time. A table with a large number of rows can be moved to another page.

Graph headings are usually written parallel to the rows of the table, if necessary, the perpendicular arrangement of graph headings is allowed. Data inside the table: font Times **New Roman 10 size.**

All tables should be attached to the text.

Requirements for the design of the list of references and References:

When designing the literature, specify:

• Author (surname and initials in italics) – (Bendina N.V.)

• Name of the source, without quotation marks with capital letters - (Marketing (lecture notes): An exam preparation manual.-), put a period, a hyphen. The city is indicated after the hyphen, the colon ":" is placed, the publisher is written after the comma, the year of publication is written (– M: Prior, 2000.)

• After the dot and the hyphen, the number of pages is indicated and the letter "p" is placed, followed by a dot (123 p.)

When designing periodicals, the following are indicated

• Author (surname and initials)

• Title of the article, without quotation marks with capital letters, two slashes //

• The name of the source (magazine, newspaper) with a capital letter, followed by a dot and a dash

• Year of issue (dot, dash), no. (dot, dash), then the pages containing the information (P.1-127.)

• When using information from the Internet, it is indicated: [Electronic resource] and Access mode:

The list of references is given as cited in the article font Times New Roman 10 size.

See the example of the design of the List of references

1. *Татаркин А.И.* Экономика региона на пути стабилизации / под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: ИЭУрО РАН, 2002. – 444 с.

2. *Пузанков Д.В., Рябов В.Ф., Мамонтов А.Н.* Система стратегического планирования развития университета // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 2(21). – С. 27-36.

3. Закон Республики Казахстан от 19 января 2011 года № 395-IV ЗРК «О статусе «Назарбаев Университет», «Назарбаев Интеллектуальные Школы» и «Назарбаев Фонд» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/_pdf/jan11/260111.

See the design example References

1. Tatarkin A.I. Ekonomika regiona na puti stabilizatsii / pod red. A.I. Tatarkina. – Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk (Russian), 2002. – 444 c.

2. Puzankov D.V., Ryabov V.F., Mamontov A.N. Sistema strategicheskogo planirovaniya razvitiya universiteta // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz (Russian). – 2002. – № 2(21). – C. 27-36.

Requirements for the form of submission of articles:

The text is provided electronically via the tab (https://dorm.keu.kz/nii/))

www.vestnik.keu.kz

№ 3 (82) 2026

ISSN 1998-7862

DOI: 10.52445/BKEU.2026.55.23.001

ҚЭУ Жаршысы: экономика, философия, педагогика, юриспруденция ЖУРНАЛЫ

ЖУРНАЛ Вестник КЭУ: экономика, философия, педагогика, юриспруденция

JOURNAL Bulletin of KEU: economy, philosophy, pedagogics, jurisprudence

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции.
Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Басуға қол қойылды	28.09.2026	Подписано к печати
Пішімі	60 × 84 / 8	Формат
Көлемі, ес. б. т.	11,18	Объем, п. л.
Таралымы	30	Тираж
Тапсырыс	№ 1266	Заказ
Келісімді баға		Цена договорная

ТИПОГРАФИЯ КУ КАЗПОТРЕБСОЮЗА

Редакцияның мекен-жайы – Адрес редакции
Республика Казахстан, 100009, г. Караганды, ул. Ғкадемическая, 9.

Отпечатано в типографии Карагандинского университета Казпотребсоюза